МИЛЮКОВ
ИСТОРІЯ
ВТОРОЙ
РУССКОЙ
Революціи
т. 1 в. 1

П. Н. Милюковъ

Исторія второй русской революціи

Томъ 1. Выпускъ 1.

Кіевъ
1919

П. Милюковъ.

Исторія второй русской революціи.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Борьба буржуазной и соціалистической революціи.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ПРОТИВОРѢЧІЯ РЕВОЛЮЦІИ.

КІЕВЪ.
Книгоиздательство „ЛѢТОПИСЬ“.
1919.

П. Милюковъ.

КІЕВЪ.

Тип. „Культура и Знаніе", Александровская, 45.
1919.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Четвертая Г. Дума низлагаетъ монархію.
(27 февраля–3 марта).

I. Корни второй революціи.

Корни въ историческомъ прошломъ.—Слабость государственности.— Слабость соціальныхъ прослоекъ.—Максимализмъ интеллигенціи.—Незаконченность культурнаго типа.—Неподготовленность массъ.—Упорство стараго режима.—Неискренность его уступокъ.

Съ чего начинать исторію второй революціи? Тотъ, кто будетъ писать философію русской революціи, долженъ будетъ, конечно, искать ея корней глубоко въ прошломъ, въ исторіи русской культуры. Ибо, при всемъ ультра модерномъ содержаніи выставленныхъ въ этой революціи программъ, этикетокъ и лозунговъ, дѣйствительность русской революціи вскрыла ея тѣсную и неразрывную связь со всѣмъ русскимъ прошлымъ. Какъ могучій геологическій переворотъ шутя сбрасываетъ тонкій покровъ позднѣйшихъ культурныхъ наслоеній и выноситъ на поверхность давно покрытые ими пласты, напоминающіе о сѣдой старинѣ, о давно-минувшихъ эпохахъ исторіи земли, такъ русская революція обнажила передъ нами всю нашу историческую структуру, лишь слабо прикрытую поверхностнымъ слоемъ недавнихъ культурныхъ пріобрѣтеній. Изученіе русской исторіи пріобрѣтаетъ въ наши дни новый своеобразный интересъ, ибо по соціальнымъ и культурнымъ пластамъ, оказавшимся на поверхности русскаго переворота, внимательный наблюдатель можетъ наглядно прослѣдить исторію нашего прошлаго. То, что поражаетъ, въ современныхъ событіяхъ посторонняго зрителя, что впервые является для него разгадкой вѣкового молчанія „сфинкса", русскаго народа, то давно было извѣстно соціологу и изслѣдователю русской исторической эволюціи. Ленинъ и Троцкій для него возглавляютъ движеніе, гораздо болѣе близкое къ Пугачеву, къ Разину, къ Болотникову,—къ 18-му и 17-му вѣкамъ нашей исторіи,—чѣмъ къ послѣднимъ словамъ европейскаго анархо-синдикализма.

Въ самомъ дѣлѣ, основная черта, проявленная нашимъ революціоннымъ процессомъ, составляющая и основную причину его печальнаго исхода, есть слабость русской государственности и преобладаніе въ странѣ безгосударственныхъ и анархическихъ элементовъ. Но развѣ не является эта черта неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого хода историческаго процесса, въ которомъ пришедшая извнѣ государственность постоянно, при Рюрикѣ, какъ и при Петрѣ Великомъ, какъ и въ нашемъ „имперіализмѣ" XIX и XX вѣка,—опережала внутренній органическій ростъ государственности? А другая характерная черта,—слабость верхнихъ соціальныхъ слоевъ, такъ легко уступившихъ мѣсто, а потомъ и отброшенныхъ въ сторону народнымъ потокомъ? Развѣ не вытекаетъ эта слабость изъ всей исторіи нашего „первенствующаго сословія", созданнаго властью для государственныхъ нуждъ, какъ это практиковалось въ деспотіяхъ востока, и сохранившаго до самого послѣдняго момента черты стараго „служилаго" класса? Развѣ не связанъ съ этимъ прошлымъ, перешедшимъ въ настоящее, и традиціонный взглядъ русскаго крестьянства

на землю, сохранившую въ самомъ названіи „помѣщичьей“ память о своемъ историческомъ предназначеніи? А полное почти отсутствіе „буржуазіи“ въ истинномъ смыслѣ этого слова, ея политическое безсиліе, при всемъ широкомъ примѣненіи революціонной клички „буржуй“ ко всякому, кто носитъ крахмальный воротничекъ и ходитъ въ котелкѣ? Не напоминаетъ ли оно намъ о глубокой разницѣ въ исторіи всей борьбы за политическую свободу между нами и европейскимъ западомъ, о громадномъ хронологическомъ разстояніи между началомъ этой борьбы тамъ и у насъ, о неизбѣжномъ послѣдствіи этой разницы,—о сліяніи у насъ политическаго переворота съ соціальнымъ, а въ соціальномъ переворотѣ—о смѣшеніи борьбы противъ непрочно сложившагося и быстро разрушившагося крѣпостничества съ борьбой противъ совсѣмъ не успѣвшаго сложиться „капитализма“? Читайте исторію французской революціи Тэна,—и вы увидите, какъ до мелочей повторяется съ употребленіемъ лозунга „буржуазіи“ въ нашей революціи все то, что въ гражданской войнѣ великой революціи примѣнялось къ „дворянству“. Перемѣненъ у насъ, конечно, только лозунгъ; содержаніе гражданской войны осталось то же. Да и какъ могло быть иначе, когда и развитіе русской промышленности, и развитіе городовъ явилось, въ сколько-нибудь серьезныхъ размѣрахъ, плодомъ послѣднихъ десятилѣтій, и когда еще 30 лѣтъ назадъ серьезные писатели глубокомысленно обсуждали вопросъ о томъ, не можетъ-ли Россія вообще миновать „стадію капитализма“? Тѣсно связана съ двумя отмѣченными чертами, слабостью русской государственности и съ примитивностью русской соціальной структуры, и третья характерная черта нашего революціоннаго процесса, идейная безпомощность и утопичность стремленій, „максимализмъ“ русской интеллигенціи. Когда-то я взялъ эту интеллигенцію подъ защиту противъ П. Б. Струве и его „Вѣхъ“; но я защищалъ ее только въ одномъ смыслѣ: я защищалъ ея право не искать корней въ нашемъ прошломъ, гдѣ, какъ уже сказано, заложены лишь корни нашей слабости и нашего безсилія. Неорганичность нашего культурнаго развитія есть неизбѣжное послѣдствіе его запоздалости. Какъ можетъ быть иначе, когда вся наша новая культурная традиція (съ Петра) создана всего лишь восьмью поколѣніями нашихъ предшественниковъ, и когда эта работа рѣзко и безвозвратно отдѣлена отъ бытовой культуры длиннаго періода національной безсознательности: того періода, который у другихъ культурныхъ народовъ составляетъ его доисторическую эпоху? Стоя на плечахъ всего лишь восьми поколѣній, мы могли усвоить культурныя пріобрѣтенія запада—и усвоили ихъ съ гибкостью и тонкостью воспріимчивости, которая поражаетъ иностранцевъ. Мы обогатили эти заимствованія и нашими собственными національными чертами, тоже поражающими иностранцевъ, какъ странная прививка утонченности къ примитиву. Но мы не могли сдѣлать одного: мы не могли еще выработать что-либо подобное устойчивому западному культурному типу. Эту западную культурную устойчивость мы еще склонны называть „ограниченностью“, и мы продолжаемъ предпочитать ту безграничную свободу славянской натуры, „самой свободной въ мірѣ“, о которой не то съ умиленіемъ, не то съ сокрушеніемъ говорилъ геніальный наблюдатель Герценъ. Въ другихъ своихъ произведеніяхъ я прослѣдилъ, какъ на почвѣ этой незаконченности культурнаго типа у насъ легко прививался западный идеализмъ въ его наиболѣе крайнихъ и индивидуальныхъ проявленіяхъ и какъ туго и медленно выростала серьезная государственная мысль. Я пытался прослѣдить также и то, какіе успѣхи сдѣлали, въ направленіи взаимнаго сближенія и

постепеннаго освобожденія, съ одной стороны, отъ утопическихъ, съ другой, отъ классовыхъ элементовъ, два главныя теченія нашей общественной мысли: теченіе соціалистическое и теченіе либеральное при первыхъ столкновеніяхъ съ жизнью *). Мнѣ казалось (въ 1904), что дальнѣйшій ходъ политической борьбы долженъ привести къ устраненію цѣлаго ряда разногласій, называвшихся принципіальными, и установить возможность совмѣстныхъ дѣйствій обоихъ теченій въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, со старымъ режимомъ. Полтора десятка лѣтъ, прошедшіе съ тѣхъ поръ, показали мнѣ, что я оцѣнивалъ возможность этого сближенія слишкомъ оптимистически. Съ тѣхъ поръ сформировались дѣйствующія нынѣ политическія партіи и, вмѣсто сотрудничества, началась непримиримая взаимная борьба. Въ процессѣ этой борьбы воскресли многія изъ утопій, которыя я считалъ похороненными; и политическіе круги, которые, по моимъ предположеніямъ, должны были бы бороться съ этими утопіями, оказались нечуждыми имъ идейно и неспособными къ стойкому сопротивленію. За это неполное приспособленіе русскихъ политическихъ партій къ условіямъ и требованіямъ русской дѣйствительности Россія поплатилась неудачей двухъ своихъ революцій и безплодной растратой національныхъ цѣнностей, особенно дорогихъ въ небогатой такими цѣнностями странѣ.

Конечно, несовершенство и незрѣлость политической мысли, на почвѣ безгосударственности и слабости соціальныхъ прослоекъ, не могутъ явиться единственнымъ объясненіемъ неудачъ, постигавшихъ до сихъ поръ наше политическое движеніе. Другимъ факторомъ является безсознательность и темнота русской народной массы, которыя, собственно, и сдѣлали утопичнымъ примѣненіе къ нашей дѣйствительности даже такихъ идей, которыя являются вполнѣ своевременными, а частью даже и осуществленными среди народовъ, болѣе подготовленныхъ къ непосредственному участію въ государственной дѣятельности. Народныя массы,—„народная душа",—сами являлись объектомъ интеллигентскихъ утопій въ прошломъ—и едва-ли перестали имъ быть въ настоящемъ. Я лично былъ всегда далекъ отъ тѣхъ, которые готовы были возвеличивать русскій народъ, какъ народъ избранный, „народъ богоносецъ", и, преклоняясь передъ нимъ, всячески принижать русскую интеллигенцію и новую русскую культурную традицію. На борьбу съ этими тенденціями, въ разныхъ ихъ проявленіяхъ, я употребилъ немало усилій въ теченіе первой половины моей общественной дѣятельности, когда эти тенденціи выступали сильнѣй и казались болѣе опасными, чѣмъ теперь. Но я такъ же далекъ и отъ тѣхъ, кто теперь, подъ вліяніемъ пережитого ужаснаго опыта и тяжелыхъ переживаній послѣднихъ мѣсяцевъ, склоненъ говорить о „народѣ-звѣрѣ". Да, конечно, этотъ народъ, сохранившій міровоззрѣніе иныхъ столѣтій, чѣмъ наше, а въ послѣднее время стараго режима, умышленно удерживавшійся въ темнотѣ и невѣжествѣ сторонниками этого ре-

*) Изложенныя въ текстѣ идеи о связи нашего прошлаго съ настоящимъ развиты мной подробно какъ въ моихъ „Очеркахъ по исторіи русской культуры", такъ и въ изданной въ Чикаго и въ Парижѣ книгѣ моей The Russian Crisis (la crise Russe), написанной въ 1903—1904 г.г. и представляющей первую часть трилогіи, вторая часть которой не написана и сливается съ моей публицистической и парламентской дѣятельностью (1905—1916), а третья представляется здѣсь вниманію читателя. Моя полемика съ „Вѣхами" напечатана въ сборникѣ о „Русской интеллигенціи", а идея о восьми поколѣніяхъ подробно развита въ двухъ лекціяхъ, прочитанныхъ осенью 1916 года въ университетѣ въ Христіаніи, и напечатана въ норвежскомъ журналѣ „Samtiden".

жима,—этотъ народъ, дѣйствительно, предсталъ передъ наблюдателями его психоза, почти какъ какая-то другая низшая раса. Интернаціоналистическому соціализму было легко, на почвѣ культурной розни, провести глубокую соціальную грань и раздуть въ яркое пламя соціальную вражду народа къ „Варягамъ“, „земщины“ къ „дружинѣ“, выражаясь славянофильскими терминами. Но элементы истиннаго здороваго интернаціонализма при этомъ оказались не внизу, а наверху,—въ культурныхъ слояхъ, идеяхъ и учрежденіяхъ. И ростъ интернаціональной культуры съ разрушеніемъ этихъ верховъ оказался задержаннымъ—не будемъ утверждать, что надолго. Какъ бы то ни было, исправленіе послѣдствій нашей исторіи и ошибокъ переворота идетъ въ томъ же направленіи, какъ раньше: въ направленіи возстановленія нашего культурнаго слоя, такъ безжалостно уничтожавшагося революціей. Въ этомъ смыслѣ должны быть пересмотрѣны всѣ демократическія программы, которыя, ничего еще не давши народу, хотѣли „все“ создавать „через народъ“. Неосновательное разочарованіе въ народѣ, послѣ столь же неосновательнаго преклоненія передъ нимъ, не должно, конечно, возвращать насъ къ той системѣ „недовѣрія къ народу, ограниченнаго страхомъ“, которое, по мѣткому опредѣленію Гладстона, лежитъ въ основѣ реакціонной политики. Суть правильной политики, приспособленной къ дѣйствительному уровню массы, должна, пользуясь выраженіемъ того же Гладстона, заключаться въ „довѣріи къ народу, ограниченномъ благоразуміемъ“. Эта формула, разумѣется, не мирится съ формулой полнаго и неограниченнаго народовластія. Это надо ясно усвоить, опредѣленно сказать себѣ и сдѣлать отсюда надлежащіе политическіе выводы. Въ политикѣ не существуетъ абсолютныхъ рецептовъ, годныхъ для всѣхъ временъ и при всѣхъ обстоятельствахъ. Пора понять, что и демократическая политика не составляетъ исключенія изъ этого правила. Пора усвоить себѣ мысль, что и въ ея лозунгахъ не заключается панацей и лекарствъ отъ всѣхъ болѣзней.

Еще одна оговорка въ предѣлахъ того же вопроса о народныхъ массахъ, какъ политическомъ факторѣ. Есть люди, которые готовы были бы искать въ физіономіи этихъ массъ не только тѣхъ измѣняющихся чертъ, въ которыхъ отпечатлѣлся ходъ нашей исторической эволюціи, но и того неизмѣннаго мистическаго ядра, которое германскіе метафизики, такъ же, какъ и новѣйшіе соціологи типа „Gustave Lebon“, называли „душой народа“, l'âme ancestrale. Наблюдая французскую психику времени войны, Lebon искалъ въ этой „душѣ предковъ“ объясненія, почему недавняя „упадочная“ Франція вдругъ превратилась передъ лицомъ врага во Францію героическую. Увы, ходъ и исходъ русской революціи до сихъ поръ не уполномачиваетъ насъ искать подобныхъ параллелей. Традиціонное сравненіе 1613 и 1813 г.г. напоминаетъ, правда, о моментахъ просвѣтленія національнаго сознанія и о чрезвычайныхъ народныхъ усиліяхъ, на которыя способенъ былъ русскій народъ, когда въ его сознаніи отпечатлѣвалось представленіе объ опасности, грозившей самому его существованію. Быть можетъ, можно надѣяться, что въ 1919 году такое просвѣтленіе передъ лицомъ великой національной катастрофы приметъ болѣе культурную форму—чего либо вродѣ германскаго возрожденія начала XIX-го вѣка. Можетъ быть, эта катастрофа послужитъ толчкомъ, которымъ закончится доисторическое, подсознательное, такъ сказать, этнографическое существованіе народа, и начнется историческій періодъ связнаго самосознанія и непрерывной соціальной памяти. Съ очень большимъ опозданіемъ, мы и въ этомъ случаѣ пойдемъ по пути, давно уже пройденному культурными народами. Но, въ ожиданіи, пока всѣ эти надежды осуще-

ствятся, мы должны признать, что самыя надежды этого рода служатъ, такъ сказать, хронологической вѣхой. Наша русская âme ancestrale продолжаетъ, очевидно, представлять ту плазму, на которой лишь слабо и отрывочно запечатлѣлись отмѣтки исторіи. Основнымъ свойствомъ ея еще остается та всеобщая приспособляемость и пластичность, въ которой Достоевскій призналъ основное свойство русской души,—идеализировавъ его, какъ „всечеловѣчность". Въ политическомъ же примѣненіи, безформенность этой души проявляется какъ тотъ натуральный, догосударственный „анархизмъ", то „естественное состояніе человѣка", по выраженію старой политической доктрины, которое такъ ярко и сильно выразилъ „великій писатель земли русской", отразившій, какъ въ зеркалѣ, на удивленіе цивилизованному міру, это состояніе народной души.

Повторяемъ, философъ исторіи русской революціи не сможетъ обойти всѣхъ этихъ глубокихъ корней и нитей, связывающихъ вторую русскую революцію со всѣмъ ходомъ и результатомъ русскаго историческаго процесса. Но наша задача гораздо проще. Мы ставимъ себѣ цѣлью—возможно точное и подробное фактическое описаніе совершившагося на нашихъ глазахъ. Тѣ недостатки описанія, которые усмотритъ въ немъ послѣдующій историкъ, отчасти вознаградятся чертами, для будущаго историка этой революціи уже недоступными: элементомъ личнаго свидѣтельства очевидца-наблюдателя и отчасти близкаго участника совершившихся событій. Эта болѣе близкая къ наблюдаемымъ явленіямъ позиція обусловливаетъ, конечно, и иной характеръ объясненій причинъ и мотивовъ. Въ этомъ порядкѣ мыслей, прежде всего, мы должны коснуться тѣхъ, болѣе детальныхъ объясненій второй русской революціи, которыя, какъ они ни важны, сами по себѣ, тоже останутся за предѣлами настоящаго изложенія.

Мы разумѣемъ громадное вліяніе фактора, до сихъ поръ не упомянутаго, но имѣвшаго первостепенное отрицательное значеніе. Если общая физіономія русской революціи опредѣлилась, въ значительной степени, нашимъ прошлымъ, то ея характеръ именно, какъ революціи, какъ насильственнаго переворота, опредѣлился наличностью фактора, противодѣйствовавшаго мирному разрѣшенію конфликтовъ и внутреннихъ противорѣчій между старыми формами политической жизни и не вмѣщавшимся болѣе въ эти формы содержаніемъ. Инстинктъ самосохраненія стараго режима и его защитниковъ: таковъ этотъ отрицательный факторъ.

Въ упомянутой выше работѣ 1903—1904 года я объяснилъ подробно, какъ этотъ инстинктъ самосохраненія съ неизбѣжностью привелъ къ политикѣ все усиливавшихся репрессій и къ раздѣленію Россіи на два лагеря: Россію оффиціальную и всю остальную Россію, въ которой культурные и народные элементы были одинаково непримиримо настроены по отношенію къ дореформенной государственности. Не только въ эти годы, но уже гораздо раньше, съ шестидесятыхъ, съ сороковыхъ годовъ, съ конца XVIII столѣтія, было очевидно, что конфликтъ старой государственности съ новыми требованіями есть лишь вопросъ времени. Подъ угломъ этого грядущаго конфликта складывалось все міровоззрѣніе русской интеллигенціи, по крайней мѣрѣ, шести послѣднихъ поколѣній. Немудрено, что это міровоззрѣніе и вышло такимъ одностороннимъ. Описывать всю эту исторію борьбы—значило бы, въ сущности, пересказывать всю исторію русской культуры двухъ послѣднихъ столѣтій. Естественно, что эта задача не можетъ быть цѣлью настоящаго изложенія. Мнѣ достаточно сослаться на приведенныя уже мои прежнія

сочиненія, которыя, въ предвидѣніи грядущаго конфликта, посильно готовили къ его пониманію русское и иностранное общественное мнѣніе.

Можетъ быть, слѣдовало бы здѣсь остановиться лишь на послѣдней стадіи этого конфликта между старой государственностью и новой общественностью: на томъ послѣднемъ десятилѣтіи, когда хроническій конфликтъ перешелъ въ стадію неискреннихъ уступокъ власти общественнымъ теченіямъ. Это десятилѣтіе знаменуется открытымъ началомъ политической жизни въ Россіи, подъ знаменемъ перваго политическаго народнаго представительства. Германскіе публицисты придумали уже для этого періода мѣткое названіе: эпоха „мнимаго конституціонализма“ (Scheinkonstitutionalismus). Если можно въ одномъ словѣ формулировать причину того, почему съ первыми уступками власти конфликтъ не прекратился, а принялъ затяжной характеръ и, въ концѣ концовъ, привелъ къ настоящей катастрофѣ,—то это объясненіе дано въ этомъ словѣ: Scheinkonstitutionalismus. Уступки власти не только потому не могли удовлетворить общества и народа, что они были недостаточны и неполны. Они были неискренни и лживы, и давшая ихъ власть сама ни минуты не смотрѣла на нихъ, какъ на уступленныя навсегда и окончательно. Я помню моментъ, когда графъ Витте, въ ноябрѣ 1905 года, послѣ октябрьскаго манифеста, пригласилъ меня для политической бесѣды. Я сказалъ ему, что никакое общественное сотрудничество съ правительствомъ невозможно до тѣхъ поръ, пока власть не произнесетъ открыто слова: конституція. Пусть, говорилъ я, это будетъ конституція октроированная, но нужно, чтобы она была дана окончательно. Гр. Витте не скрылъ отъ меня, что онъ не можетъ исполнить этого условія, ибо этого „не хочетъ царь“. Довольно извѣстно, что даже манифестъ 17 октября императоръ Николай II й считалъ даннымъ „въ лихорадкѣ“ и никогда не мирился даже съ этими болѣе чѣмъ скромными уступками. Не хотѣлъ, конечно, конституціи и гр. Витте, исходя изъ своихъ старыхъ славянофильскихъ взглядовъ; не хотѣли конституціи даже такіе общественные дѣятели, какъ Дм. Ник. Шиповъ. Для защиты создавшейся, такимъ образомъ, двусмысленности была создана спеціальная партія, „союзъ 17 октября“, и все послѣдующее десятилѣтіе прошло подъ знакомъ политическаго лицемѣрія. Такъ какъ страна не могла этимъ удовлетвориться, то и самое существованіе представительныхъ учрежденій послужило лишь къ расширенію базиса для дальнѣйшей борьбы общественности съ защитниками стараго порядка. Если опорой для общественности служила при этомъ оппозиція Государственной Думы, не смолкавшая даже въ самыя трудныя минуты существованія этого учрежденія, то опорой для власти служилъ Государственный Совѣтъ, принявшій въ себя всѣ силы и сосредоточившій все усердіе сановниковъ стараго режима. Въ результатѣ борьбы этихъ двухъ центровъ въ Россіи, за десять лѣтъ, въ сущности, не было вовсе законодательства. Всѣ проекты реформъ, даже самыхъ умѣренныхъ, застревали подъ „пробкой“ Государственнаго Совѣта, превратившагося съ годами въ настоящее кладбище благихъ начинаній Государственной Думы. Проходили черезъ законодательныя учрежденія лишь тѣ мѣры, которыхъ хотѣла власть въ союзѣ съ правящимъ сословіемъ. Такъ прошла аграрная реформа Столыпина, такъ прошли постыдные для русскаго имени законы о Финляндіи. Гибкость и услужливость октябристовъ казались власти уже недостаточными. Курсъ политики поворачивался все болѣе вправо. „Конституціонализмъ“ становился все болѣе призрачнымъ, и на очередь дня становился самый беззастѣнчивый „націонализмъ“. Старая формула Уварова „православіе, самодержавіе и народность“ бы-

ла выкопана изъ архивовъ, слегка подновлена и серьезно пущена въ ходъ, какъ платформа для выборовъ и какъ программа очередного политическаго курса. Желаніе императора Николая II-го — сохранить самодержавіе такимъ, какимъ оно было „встарь", было принято не только „союзомъ русскаго народа", вызвавшимъ это заявленіе царя; оно было принято къ исполненію и политическими дѣятелями, выдававшими себя за государственныхъ мужей и, чѣмъ дальше, тѣмъ откровеннѣе, предлагавшими себя на перебой въ организаторы государственнаго переворота. Здѣсь нѣтъ надобности упоминать именъ. Имена всѣмъ памятны; многія изъ лицъ, ихъ носившія, заплатили трагической кончиной за свою вину передъ родиной и передъ русскимъ народомъ. Это—ихъ работа, въ связи съ все усиливавшимся вліяніемъ при дворѣ случайныхъ людей и проходимцевъ, создала въ странѣ то состояніе полнѣйшей неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, которое собственно и подготовило психологію переворота, изолировавъ дворъ и власть отъ всѣхъ слоевъ населенія и отъ всѣхъ народностей россійскаго государства.

Для самыхъ умныхъ изъ этихъ прислужниковъ стараго режима было ясно, что при подобной напряженности общаго настроенія, при такомъ состояніи неустойчиваго равновѣсія, съ трудомъ поддерживаемаго политикой репрессій и опирающагося на искусственно сорганизованное ничтожное меньшинство, Россія не выдержитъ никакого серьезнаго внѣшняго толчка или внутренняго потрясенія. Опытъ 1905 года, казалось, долженъ былъ служить урокомъ. Тогда съ большимъ трудомъ удалось ликвидировать послѣдствія неудачной войны и спасти власть отъ неизбѣжнаго ея результата: внутренней революціи. Гр. Витте былъ призванъ спеціально для выполненія этой миссіи. Ошибки первой русской революціи, поддержка Европы дали ему возможность выполнить ее блистательно. Но близорукая власть относилась съ подозрѣніемъ къ самымъ лучшимъ и вѣрнымъ своимъ защитникамъ. Гр. Витте едва выхлопоталъ себѣ право спасти эту власть, оставшись на своемъ посту до заключенія займа во Франціи и до возвращенія русскихъ войскъ изъ Манчжуріи. Далѣе его услуги были не нужны. Его соперникамъ поручили ликвидацію уступокъ, сдѣланныхъ „въ лихорадкѣ",—уступокъ, которыхъ никогда не могли простить графу Витте. И началась борьба съ молодымъ народнымъ представительствомъ, приведшая къ первому нарушенію „мнимой конституціи", къ изданію избирательнаго закона 3-го іюня 1906 года, окончательно изолировавшему власть отъ населенія и передавшему народное представительство въ руки случайныхъ людей и случайныхъ партій. Кое-какъ сколоченный государственный возъ скрипѣлъ—до перваго толчка.

Можно-ли было его предупредить? Сторонники стараго режима считали, что можно и нужно—въ союзѣ съ Германіей. А жизнь повела русскую политику по иному направленію, въ сторону державъ „согласія", и новорожденное русское представительство сыграло тутъ извѣстную роль. Такъ или иначе, при раздѣленіи Европы на два лагеря, Россія не могла не быть втянута въ международные конфликты. Она могла лишь избѣжать созданія конфликтовъ по собственной винѣ; но для этого ея балканская политика была недостаточно умна и проницательна. Общая безтолковость управленія привела къ тому, что, идя болѣе или менѣе сознательно на возможный конфликтъ, Россія оказалась къ нему не подготовленной въ военномъ смыслѣ. Какъ во внѣшней политикѣ, такъ и въ вопросѣ объ усиленіи военной мощи, Государственная Дума имѣла извѣстное вліяніе—и тѣмъ связала себя съ политическими кругами, патріотически настроенными. Этимъ она впервые пріобрѣла извѣстную независимость отъ вѣяній въ

„сферахъ“, и, на случай внѣшняго конфликта, приготовила себя къ роли серьезнаго политическаго фактора,—серьезнаго тѣмъ болѣе, чѣмъ слабѣе, растерявнѣе и неподготовленнѣе оказалось бы самое правительство. Къ Государственной Думѣ въ этомъ случаѣ неизбѣжно должна была перейти роль идейнаго руководительства націей.

И вотъ она наступила, эта война: наступила въ формѣ громаднаго мірового конфликта. Въ ряду факторовъ, опредѣлившихъ собой особую физіономію второй революціи, войнѣ 1914—1918 г.г. принадлежитъ, конечно, первое мѣсто. Многія и многія изъ явленій, которыя принято считать специфически-революціонными, фактически предшествовали революціи и созданы именно обстоятельствами военнаго времени. Въ виду этого, на вліяніи войны на революцію надо остановиться нѣсколько подробнѣе.

II. Война и революція.

Общее дѣйствіе войны на внутренній порядокъ.—1915 годъ.—Конфликтъ между законодательными учрежденіями и правительствомъ на почвѣ военной неподготовленности.—Уступки въ частностяхъ и расхожденіе въ главномъ.—„Мнимый конституціонализмъ“ распадается на свои противорѣчія: большинство Думы идетъ къ парламентаризму, власть идетъ къ возстановленію самодержавія.—1916 годъ.—Разрывъ и позиціонная война.—Накопленіе противорѣчій и взрывъ 1 ноября.—Начало открытой революціи.—Убійство Распутина и планы дворцоваго переворота.—Тайные источники рабочаго движенія.—Уличное движеніе переходитъ въ революцію.

Прежде всего, конечно, при этомъ напрашивается параллель между 1905 и 1917 годами. Тогда, какъ и теперь, война произвела всѣ тѣ разрушенія во внутренней жизни страны, въ строѣ чувствъ и мысли, которыя она всегда производитъ. Измѣненія народной психологіи въ моменты войны станутъ понятны, если принять во вниманіе, что война поощряетъ какъ разъ тѣ качества и создаетъ тѣ привычки, которыя во всемъ противоположны привычкамъ и качествамъ, одобряемымъ въ нормальной жизни. Всѣ обычныя понятія при этомъ оказываются перевернутыми. Нечего и говорить уже о сохраненіи политическихъ правъ и свободъ, которыя даже въ странахъ глубоко-демократическихъ, какъ Англія, въ значительной степени были принесены въ жертву сильной, почти диктаторской власти правительства военнаго времени. Но и элементарныя понятія—о собственности, даже о человѣческой жизни, оказываются затемненными. Военное законодательство воюющихъ странъ само идетъ навстрѣчу этимъ измѣненіямъ и помогаетъ создавать ихъ, вовлекая въ государственный оборотъ и подчиняя государственному руководству такія стороны жизни, которыя обычно остаются предоставленными свободной частной иниціативѣ. Въ условіяхъ русской жизни этотъ „военный соціализмъ“ сверху встрѣтилъ не менѣе препятствій и сопротивленія, чѣмъ на западѣ,—тѣмъ болѣе, что на ряду съ стѣсненіями для однѣхъ общественныхъ группъ, онъ сопровождался значительными матеріальными преимуществами для другихъ. Свободный торговый оборотъ былъ почти разрушенъ расширеніемъ сферы государственной монополіи; зато расцвѣла спекуляція и создались хищническія цѣны на предметы военнаго производства. Нормальное функціонированіе капиталовъ прекратилось, но рабочая плата росла безпредѣльно. При огромныхъ чрезвычайныхъ государственныхъ расходахъ на войну, обычный бюджетъ настолько отсталъ, что на него вообще перестали обращать вниманіе. Какъ неоплатный должникъ, который, все равно, не можетъ свести концовъ съ концами, государство стало расточительно на чужой счетъ. Неограниченный внѣшній кредитъ и печатный ста-

нокъ, выпускавшій каждый день бумажекъ на десятки милліоновъ, изъ которыхъ складывались милліарды, совершенно устранили всякое понятіе о необходимости быть бережливымъ. Одинъ за другимъ, широкіе общественные слои переходили на содержаніе государства. Деревня не платила налоговъ и получала пайки. Рабочіе не работали и получали быстро возроставшіе оклады заработной платы. Фабрикантамъ эта плата возмѣщалась въ столь же быстро возроставшей цѣнѣ казенныхъ заказовъ. Громадная армія тыла, содержавшаяся на казенный счетъ, пріучала народъ къ праздности и къ извлеченію чрезвычайныхъ доходовъ изъ народныхъ бѣдствій, растройства торговли и транспорта.

Среди этого показного благополучія страдали какъ разъ тѣ элементы, противъ которыхъ направлялась вся ненависть „революціонной демократіи“: служащая „буржуазная“ интеллигенція и чиновничество. Но и въ средѣ послѣдняго могущественные союзы, какъ желѣзнодорожный, почтово-телеграфный и т. д., умѣли извлекать изъ казначейства многія сотни милліоновъ добавочнаго вознагражденія.

Чтобы справиться со всѣми этими явленіями ненормальнаго времени, нужна была дѣйствительно военная диктатура, въ какую и превратилось мало-по-малу управленіе такихъ демократическихъ странъ, какъ Англія и Франція. У насъ, наоборотъ, эти же самыя явленія создали для власти и закона—обстановку полнаго безсилія. Это безсиліе власти чувствовалось уже при монархіи. Оно и было причиной того, что умѣренные элементы, понимавшіе значеніе усиленія власти для благополучнаго исхода войны, пошли на революціонный переворотъ. Переворотъ этотъ, въ сущности, былъ поставленъ на очередь тогда, когда, весной 1915 года, стало общеизвѣстно то, что уже съ первыхъ мѣсяцевъ войны русскія войска терпятъ неудачи—и обречены на нихъ впредь—вслѣдствіе полнѣйшей нашей неподготовленности, вслѣдствіе отсутствія въ арміи достаточнаго количества ружей, патроновъ, снарядовъ. Не одна Россія очутилась въ этомъ положеніи. Но въ другихъ странахъ, какъ ея союзниковъ, такъ и ея противниковъ, недостатки были скоро замѣчены, и, въ согласіи съ народнымъ представительствомъ, приняты были энергичныя мѣры къ усиленію военной производительности и къ поднятію военной техники. Въ то время, какъ тамъ, на западѣ, получались поистинѣ чудодѣйственные результаты этого дружнаго сотрудничества всей страны съ властью, у насъ весь пылъ и энтузіазмъ народнаго представительства, проявленный съ самаго начала войны, пропадалъ даромъ. Послѣ однодневной сессіи 26-го іюля 1914 года, обнаружившей общее патріотическое единодушіе партій въ дѣлѣ обороны страны, правительство рѣшило было не собирать Государственной Думы до ноября слѣдующаго года. И только настойчивыя заявленія депутатовъ привели къ тому, что правительство согласилось созвать Государственную Думу „не позже 1-го февраля“. Въ промежуткѣ разнеслись слухи о запискѣ правыхъ, которая настаивала на скорѣйшемъ заключеніи мира съ Германіей, для избѣжанія внутреннихъ осложненій. Правительство явно не хотѣло соблюдать условій молчаливаго „перемирія“, на которое шли партіи въ своемъ стремленіи къ единенію. При такомъ, уже испортившемся настроеніи состоялось закрытое совѣщаніе членовъ Государственной Думы съ правительствомъ (25-го января 1915 года), въ которомъ впервые народные представители отдали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что правительство или скрываетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ въ странѣ и арміи—и слѣдовательно, „обманываетъ Государственную Думу“, или само не понимаетъ серьезности этого положенія—и, слѣдовательно, органически неспособно его улучшить.

Съ этого дня начался конфликтъ между законодательными учрежденіями и правительствомъ. Въ засѣданіи 27 января Государственная Дума возобновила обѣтъ „свято хранить духовное единство, залогъ побѣды". Но, во-первыхъ, правительство само себя исключило изъ этого единства, а во-вторыхъ, въ рѣчахъ крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ, профессора Левашова и Керенскаго, уже появились ноты, существенно нарушавшія это духовное единство. Ораторъ лѣвыхъ уже сталъ на точку зрѣнія соціалистовъ-интернаціоналистовъ и требовалъ скораго мира.

Отступленіе русскихъ войскъ изъ Галиціи во второй половинѣ апрѣля 1915 года подтвердило худшія опасенія Государственной Думы и заставило правительство пойти на нѣкоторыя уступки. Члены Государственной Думы были введены въ особый правительственный комитетъ, которому были поручены дѣла по распредѣленію и выполненію военныхъ заказовъ. Общественные круги добивались большаго. Они требовали привлеченія общественныхъ силъ къ обслуживанію нуждъ войны и сосредоточенія этихъ дѣлъ въ особомъ министерствѣ „снабженія", съ извѣстнымъ и пользующимся довѣріемъ арміи дѣятелемъ во главѣ, по примѣру Англіи и Франціи. Они требовали далѣе созыва Государственной Думы не на короткую однодневную, а на длительную сессію и, наконецъ, созданія правительства, которое могло бы пользоваться общественнымъ довѣріемъ. 5-го іюня 1915 года эти пожеланія были высказаны княземъ Г. Е. Львовымъ въ совѣщаніи уполномоченныхъ отъ губернскихъ земствъ и Н. И. Астровымъ въ совѣщаніи городскихъ головъ, болѣе радикально настроенныхъ. Земскій и городской союзы выдѣлили изъ себя отдѣлы, преобразованные въ іюлѣ въ „главный комитетъ по снабженію арміи".

Послѣ упорныхъ настояній общественныхъ круговъ и столь же упорнаго сопротивленія правительства, Государственная Дума, наконецъ, была созвана 19 іюля на длительную сессію. Правительство понимало, что, послѣ всего случившагося, оно не можетъ встрѣтиться съ Государственной Думой въ прежнемъ составѣ. Правительство „почистилось". Ушелъ военный министръ, котораго вся страна обвиняла въ военныхъ неудачахъ; ушелъ министръ внутреннихъ дѣлъ, котораго обвиняли въ возбужденіи внутренней розни. Мѣсто Сухомлинова и Маклакова заняли выдвинутые думскими кругами А. А. Поливановъ и доброжелательный, но слабый князь Щербатовъ. Ушли передъ самымъ открытіемъ сессіи Щегловитовъ и Саблеръ, замѣненные кандидатами правыхъ А. А. Хвостовымъ и А. Д. Самаринымъ. Но Горемыкинъ остался въ качествѣ довѣреннаго лица государя,—а съ нимъ осталось и недовѣріе общества къ власти.

При открытіи Государственной Думы въ рѣчахъ ораторовъ послышались новые тона. Даже націоналистъ гр. В. А. Бобринскій требовалъ проявленія „патріотическаго скептицизма ко всему, что предъявитъ правительство". Внесенная имъ формула перехода требовала „единенія со всей страной правительства, пользующагося полнымъ ея довѣріемъ". То же требованіе варьировалось въ рѣчахъ В. Н. Львова и Н. В. Савича. А И. Н. Ефремовъ отъ имени прогрессистовъ уже выставилъ лозунгъ „отвѣтственнаго передъ народнымъ представительствомъ" министерства. Пишущій эти строки настоялъ на сохраненіи болѣе скромной, но зато объединявшей болѣе широкій фронтъ формулы: „министерства, пользующагося довѣріемъ страны", и перечислилъ тѣ реформы, которыя необходимо было ввести немедленно, вопреки заявленію И. Л. Горемыкина, желавшаго ограничить дѣятельность Государственной Думы „только законопроектами, вызванными потребностями войны", въ узкомъ смыслѣ.

Въ первой половинѣ августа всѣ эти стремленія, одновременно въ Москвѣ и въ Петроградѣ, приняли опредѣленную форму. Въ Петроградѣ высказанныя думскими ораторами мнѣнія легли въ основу платформы „прогрессивнаго блока“. Четвертая Дума,—Дума безъ опредѣленнаго большинства, была игралищемъ власти. Война дала Государственной Думѣ большинство,—и тѣмъ самымъ поставленъ былъ на твердую почву вопросъ объ „отвѣтственности“ правительства передъ этимъ большинствомъ. Вотъ почему когда программа „прогрессивнаго блока“ послѣ долгихъ обсужденій и споровъ, была, наконецъ, опубликована 21 августа, болѣе прогрессивные члены правительства сразу поняли, что самое меньшее, что нужно, это стать съ вновь образовавшимся большинствомъ въ опредѣленныя отношенія.

Моментъ былъ рѣшительный. Если бы власть сумѣла воспользоваться предоставленнымъ ей шансомъ, то дальнѣйшаго разъединенія между правительствомъ и обществомъ можно было бы надолго избѣгнуть. Понялъ это даже и И. Л. Горемыкинъ и поспѣшилъ забѣжать впередъ, пригласивъ къ себѣ 15 августа лидеровъ правой части блока, чтобы съ ихъ помощью перехватить идею созданія большинства и использовать эту идею для поддержки существующаго правительства.

Неловкій экспериментъ не удался. Послѣ этого въ засѣданіи совѣта министровъ мнѣнія раздѣлились. Правое меньшинство поддерживало Горемыкина въ мнѣніи, что Государственную Думу надо поскорѣе распустить. Большинство опасалось осложненій въ случаѣ роспуска и рѣшило войти въ сношенія съ представителями блока. Обсудивъ съ ними 27 августа программу прогрессивнаго блока, эти министры, во главѣ съ Харитоновымъ, пришли къ заключенію, что „программа не встрѣчаетъ возраженій, но совѣтъ министровъ въ нынѣшнемъ составѣ не можетъ ее проводить“. Намекъ былъ достаточно ясенъ. Черезъ день, 29 августа, И. Л. Горемыкинъ выѣхалъ въ ставку къ государю. Еще черезъ день (31 августа) онъ вернулся и... сообщилъ коллегамъ, что Государственная Дума 3-го сентября должна быть распущена...

Протянутую руку оттолкнули. Конфликтъ власти съ народнымъ представительствомъ и съ обществомъ превращался отнынѣ въ открытый разрывъ. Испытавъ безрезультатно всѣ мирные пути, общественная мысль получила толчокъ въ иномъ направленіи. Вначалѣ тайно, а потомъ все болѣе открыто начала обсуждаться мысль о необходимости и неизбѣжности революціоннаго исхода.

Съ своей стороны не молчали и противники „мнимаго конституціонализма“ съ правой стороны. Съ роспускомъ Думы они подняли голову и начали тоже дѣйствовать открыто. На засѣданіи совѣта министровъ въ ставкѣ, 17-го сентября, подъ предсѣдательствомъ государя были приняты рѣшенія въ духѣ праваго курса. Министра Щербатова смѣнилъ А. Н. Хвостовъ, кандидатъ крайнихъ правыхъ организацій. Въ тотъ же день былъ уволенъ въ очень рѣзкой формѣ оберъ-прокуроръ А. Д. Самаринъ, не поладившій съ придворными фаворитами изъ духовныхъ и не соглашавшійся, въ угоду имъ, нарушить церковные каноны. Черезъ мѣсяцъ ушелъ А. В. Кривошеинъ, противникъ спѣшнаго роспуска Государственной Думы. Намѣчены были къ отставкѣ и другіе сторонники сближенія съ прогрессивнымъ блокомъ. Напротивъ, снова выдвинулся Щегловитовъ, открыто заявившій на съѣздѣ крайнихъ правыхъ (21 ноября) о своихъ симпатіяхъ къ самодержавію и объявившій манифестъ 17 октября, „потерянной грамотой“. Обломки провинціальныхъ отдѣловъ „союза русскаго народа“ были возстановлены и

принялись за ту же работу, которой занимались въ 1905—1907 г.г.: они рѣзко нападали на прогрессивный блокъ, на городской и земскій союзы, видя въ оживившейся дѣятельности общественныхъ организацій—подготовку революціоннаго выступленія. Подъ ихъ вліяніемъ назначенная „не позднѣе 15 ноября“ сессія Государственной Думы была отсрочена безъ точнаго указанія срока созыва: первый случай за время существованія законодательныхъ учрежденій. Съѣзды городского и земскаго союзовъ, назначенные на 5-е декабря, были запрещены. Депутація этихъ союзовъ, съ жалобами на роспускъ Думы и съ требованіями „министерства довѣрія“, не была принята государемъ.

Настроеніе Николая Второго характеризуется тѣмъ, что еще 23-го августа онъ принялъ на себя командованіе всѣми сухопутными и морскими силами. Всѣ попытки (въ томъ числѣ письмо, подписанное восьмью министрами,) отговорить царя указаніемъ на опасность и рискъ занятія этой должности не помогли. Распутинъ убѣдилъ императрицу и императора, что принятіе командованія въ моментъ, „когда врагъ углубился въ предѣлы имперіи“, есть религіозный долгъ самодержца. Мистическій взглядъ на свое призваніе, поддерживаемый сплотившимся придворнымъ кружкомъ, окончательно парализовалъ всѣ другія вліянія. Отнынѣ всѣ попытки извнѣ указать царю на возростающую опасность народнаго недовольства наталкивались на пассивное сопротивленіе человѣка, подчинившагося чужой волѣ и потерявшаго способность и желаніе прислушиваться къ новымъ доводамъ. Ходили слухи, что это состояніе умственной и моральной апатіи поддерживается въ царѣ усиленнымъ употребленіемъ алкоголя. Отъѣздъ царя на жительство въ ставку выдвинулъ оставшуюся въ Петроградѣ императрицу, посредницу и средоточіе всѣхъ „безотвѣтственныхъ“ вліяній. Министры, желавшіе укрѣпить свое положеніе, начали ѣздить къ императрицѣ съ докладами. Шайка крупныхъ и мелкихъ мошенниковъ и аферистовъ окружила царицу и пользовалась своимъ вліяніемъ, чтобы за денежную мзду обходить законъ и доставлять частныя изъятія и льготы: назначеніе на должности, освобожденіе отъ суда, отъ воинской повинности и т. д. Слухи объ этихъ сдѣлкахъ распространились въ обществѣ и совершенно уронили уваженіе ко двору. Постоянно слышалось историческое сравненіе съ „ожерельемъ королевы Маріи Антуанеты“.

1916-й годъ, послѣдній передъ революціей, не представляетъ того драматизма политической борьбы, какъ 1915-й годъ. Но это только потому, что парламентская борьба уже использовала всѣ свои возможности и остановилась передъ тупикомъ, изъ котораго не было выхода. Позиціи были заняты окончательно, и для обѣихъ сторонъ стало ясно, что примиреніе невозможно. Общественные круги, которые сдерживались въ 1915 году, въ ожиданіи возможнаго компромисса, теперь окончательно потеряли надежду на мирный исходъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и основное требованіе „министерства довѣрія“ уступило мѣсто болѣе рѣшительному требованію „отвѣтственнаго министерства“, т. е. требованію парламентаризма. Мы видѣли, что въ это же время придворнымъ кругамъ даже „мнимый конституціонализмъ“ начиналъ казаться опаснымъ опытомъ, отъ котораго надо отказаться и вернуться къ самодержавію.

Кое у кого при дворѣ, однако, сохранились проблески пониманія, что съ Государственной Думой нельзя просто разстаться во время войны, безъ опасенія взрыва и ослабленія боеспособности арміи. Настроеніе высшаго командованія, несомнѣнно, склонялось въ пользу умѣренныхъ уступокъ, которыхъ требовало большинство Государственной Думы въ программѣ прогрессивнаго блока. И, подъ вліяніемъ этихъ фактовъ, въ теченіе

года было сдѣлано нѣсколько попытокъ какъ нибудь наладить хотя бы внѣшне-приличныя отношенія съ Государственной Думой. И. Л. Горемыкинъ, послѣ своего разрыва съ министрами, поддерживавшими блокъ, и послѣ небывалаго и противуконституціоннаго акта отсрочки сессіи Государственной Думы сталъ невозможенъ. Поэтому, когда вопросъ о созывѣ Государственной Думы былъ вновь поднятъ послѣ Рождественскихъ каникулъ— и когда Горемыкинъ вновь повелъ борьбу противъ ея созыва, на этомъ сыграли новые любимцы двора. Преемникомъ Горемыкина оказался... Б. В. Штюрмеръ. Одного этого назначенія было достаточно, чтобы охарактеризовать пропасть, существовавшую между дворомъ и общественными кругами. Для двора Штюрмеръ былъ пріемлемъ, потому что его лично знали и ему лично вѣрили; кромѣ того, онъ получилъ необходимую санкцію: поддержку Распутина и императрицы. Для общественныхъ круговъ Штюрмеръ былъ типомъ стараго губернатора, усмирителемъ Тверского земства. Его личной особенностью была его любовь къ деньгамъ, и изъ провинціи слѣдомъ за нимъ тащился длинный хвостъ пикантныхъ анекдотовъ о его темныхъ и скандальныхъ способахъ стяжанія. Но... Штюрмеръ явился въ неожиданной роли защитника законодательныхъ учрежденій. Черезъ А. Н. Хвостова, новаго министра внутреннихъ дѣлъ, онъ вошелъ въ переговоры съ отдѣльными членами Государственной Думы (въ томъ числѣ и съ пишущимъ эти строки). Въ переговорахъ этихъ для созыва Думы ставилось одно условіе: не говорить о Распутинѣ! Конечно, Штюрмеръ получилъ отвѣтъ, что Государственная Дума интересуется не придворными сплетнями, а политическимъ курсомъ правительства, что въ Государственной Думѣ есть хозяинъ—ея большинство, что у этого хозяина есть опредѣленное мнѣніе о томъ, что нужно дѣлать для пользы Россіи, и что, вмѣсто тайныхъ переговоровъ, которые ничего гарантировать не могутъ, нужно прежде всего опредѣлить свое отношеніе къ „прогрессивному блоку“ и къ его программѣ.

Но это какъ разъ и было то, чего правительство не хотѣло. Сессія Думы открылась безъ всякаго соглашенія между большинствомъ и правительствомъ. Первое выступленіе Штюрмера съ невнятной, никому неслышной и никого неинтересовавшей рѣчью было и его окончательнымъ политическимъ проваломъ. Единственный планъ примиренія съ Думой, выдвинутый бывшимъ церемоніймейстеромъ,—устройство раута у премьера—провалился еще раньше этого выступленія: Штюрмеру дали знать, что къ нему не пойдутъ. А другихъ политическихъ средствъ въ распоряженіи этихъ людей не имѣлось. Единственное, что могло подѣйствовать—ихъ уходъ—конечно, не входило въ ихъ виды. Штюрмеръ не ушелъ; онъ остался. Но онъ сократилъ до минимума свои отношенія съ Государственной Думой. Обѣ стороны засѣли въ своихъ окопахъ и перешли къ позиціонной войнѣ.

Въ роли политическаго протагониста фигурировалъ нѣкоторое время ставленникъ союза русскаго народа, А. Н. Хвостовъ, рѣчистый и шумный депутатъ, не лишенный житейской ловкости и проявившій вкусъ къ демагогіи. Но и эта политическая карьера скоро померкла; Хвостовъ сдѣлался жертвой не своего политическаго курса—за это не отставляли,—а той неловкости, съ которой онъ исполнялъ придворныя порученія. Посылка имъ извѣстнаго проходимца, Манасевича-Мануилова, въ Христіанію къ Иліодору для покупки рукописи его книги, содержавшей скандальныя разоблаченія объ отношеніи Распутина къ царской семьѣ, кончилась неудачей. Зато стала извѣстна посылка имъ туда же другого проходимца, нѣкоего газетнаго сотрудника Ржевскаго, предлагавшаго

Иліодору устроить убійство Распутина. Иліодоръ испугался появленія темныхъ людей въ своей близости и бѣжалъ отъ русскихъ агентовъ въ Америку, гдѣ и издалъ свою книгу. А о продѣлкѣ со Ржевскимъ стало извѣстно, когда министръ поссорился со своимъ товарищемъ, опытнымъ полицейскимъ Бѣлецкимъ, и когда оба стали наперерывъ обличать другъ друга печатно въ прикосновенности къ миссіи Ржевскаго. Вотъ та „политика“, которая теперь велась въ Россіи ея руководящими кругами, возбуждая негодованіе во всѣхъ остальныхъ.

Съ уходомъ Горемыкина и Хвостова министерскія назначенія все болѣе теряли политическое значеніе въ широкомъ смыслѣ. Началась, по мѣткому выраженію Пуришкевича, „политическая чехарда“. Одинъ за другимъ появлялись, пройдя черезъ переднюю Распутина, или „бывшіе“, или никому невѣдомые политически люди, проходили, какъ тѣни на своихъ постахъ... и уступали мѣсто такимъ же, какъ они, очереднымъ фаворитамъ придворной шайки. При этихъ смѣнахъ, прежде всего, конечно, были удалены послѣдніе министры, подписавшіе коллективное письмо государю о непринятіи имъ должности главнокомандующаго. Ушелъ (17 марта) А. А. Поливановъ, замѣненный честнымъ, но необразованнымъ и совершенно непригоднымъ для этого поста рамоликомъ Д. С. Шуваевымъ. А. Н. Хвостова замѣнилъ самъ Штюрмеръ; но 10 іюля, къ общему изумленію, Штюрмеръ замѣнилъ министра иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонова, къ великому ущербу для вліянія Россіи въ союзныхъ странахъ. Должность „церемоніймейстера“, которую онъ занималъ когда-то, при полномъ невѣжествѣ не только въ дипломатіи, но даже и въ географіи воюющихъ странъ, была его единственнымъ правомъ на занятіе этой должности. Не владѣя ни предметомъ, ни дипломатическимъ языкомъ, онъ ограничилъ свою дипломатическую роль молчаливымъ присутствіемъ при бесѣдахъ своего товарища Нератова съ иностранными послами. Послѣ такого назначенія—не оставалось ничего невозможнаго. Въ публикѣ вспоминали про назначеніе Калигулой своего любимаго коня—сенаторомъ.

Хуже было то, что, кромѣ смѣшной стороны, тутъ была и трагическая. Пишущему эти строки пришлось услышать осенью того же 1916 года отъ покойнаго гр. Бенкендорфа, нашего посла въ Лондонѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ Штюрмеръ сталъ во главѣ вѣдомства, англичане стали съ нами гораздо сдержаннѣе и перестали дѣлать его участникомъ своихъ секретовъ. Ходили слухи о германофильскихъ связяхъ Штюрмера, и какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ его агентовъ, помимо пословъ, за границей. Все это, при общеизвѣстной склонности правыхъ круговъ къ сближенію съ Германіей и къ возможно скорому выходу изъ войны, изъ страха передъ грядущей революціей, сообщало правдоподобіе слухамъ и вызывало усиленное вниманіе къ нимъ въ кругахъ общества, все болѣе широкихъ. Слово „измѣна“ стало передаваться изъ устъ въ уста,—и объ этомъ было громко заявлено съ каѳедры Г. Думы. Новую пищу эти слухи получили, когда возвращавшійся въ Россію предсѣдатель русской парламентской делегаціи, посѣтившей лѣтомъ этого года союзныя страны, октябристъ Протопоповъ, свидѣлся въ Стокгольмѣ съ представителемъ банкирскаго дома „Варбургъ и К-°“, обслуживавшаго германскіе интересы, велъ съ нимъ разговоры о мирѣ и завелъ потомъ черезъ Стокгольмъ шифрованную переписку. Какъ-то такъ случилось, что именно послѣ этого обстоятельства на Протопопова было обращено вниманіе двора. Черезъ тибетскаго знахаря Бадмаева онъ нашелъ путь къ Распутину и къ императрицѣ; въ то же время онъ основывалъ боль-

шую либерально-буржуазную газету „Русская Воля". Вотъ былъ самый желательный кандидатъ въ министры, аппробованный общественными кругами и Думой и въ то же время дававшій двору всяческія гарантіи вѣрности и благонадежности, „полюбившій государя", по его словамъ, съ перваго же свиданія. Онъ-то зналъ кулисы Гос. Думы и импонировалъ двору своими личными связями съ ея вліятельными членами. Дума была, такъ сказать, у него въ карманѣ. А что касается народнаго недовольства, его увѣрилъ Бѣлецкій, что оно не такъ страшно, какъ кажется, и что даже, въ случаѣ возстанія въ столицѣ, нетрудно будетъ съ нимъ справиться, раздѣливъ Петроградъ на кварталы, обучивъ полицію пулеметной стрѣльбѣ и разставивъ пулеметы на крышахъ зданій, расположенныхъ въ стратегически-важныхъ мѣстахъ.

Думскіе круги были поражены состоявшимся въ сентябрѣ назначеніемъ Протопопова на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Это былъ обходъ съ тыла и измѣна въ собственной средѣ. Конечно, вліянія въ этихъ кругахъ Протопоповъ никогда не имѣлъ и личнымъ довѣріемъ и уваженіемъ не пользовался. По-дворянски ласковый и обходительный, по-дворянски задолженный, потомъ получившій на руки большое промышленное дѣло, онъ привыкъ вести мелкую политику личныхъ услугъ и постоянно становился въ положенія, при которыхъ правдивость была бы серьезнымъ недостаткомъ и помѣхой. На вторыхъ роляхъ и при хорошемъ руководствѣ онъ могъ прилично играть роль внѣшняго представительства: такъ это и было въ заграничной парламентской делегаціи.

Предоставленный же самому себѣ и брошенный друзьями, которые отъ него отшатнулись, онъ скоро обнаружилъ всѣ свои отрицательныя стороны: свой карьеризмъ, свое легкомысліе, лживость и умственную ограниченность.

Назначеніе Протопопова имѣло, очевидно, цѣлью перебросить мостикъ между дворомъ и Г. Думой. На дѣлѣ оно лишь рѣзче подчеркнуло существовавшую между властью и обществомъ пропасть и еще болѣе обострило и отравило взаимныя отношенія. На мѣсто ничтожествъ и открытыхъ враговъ, говорившихъ на разныхъ языкахъ и совершенно чуждыхъ общественнымъ кругамъ по всему своему міровоззрѣнію, тутъ явился ренегатъ, понимавшій языкъ общественности, но готовый воспользоваться этимъ пониманіемъ во вредъ ей. Естественно, что пренебреженіе и презрѣніе къ бывшему товарищу быстро перешло въ ненависть, и то, къ чему уже привыкли отъ другихъ, возбуждало особое негодованіе, когда исходило отъ своего.

Всѣ элементы взрыва были теперь готовы. Общественное напряженіе и нервность достигли крайней степени, когда 1-го ноября собралась Госуд. Дума. Лѣтняя сессія Госуд. Думы носила дѣловой характеръ: Дума обсуждала въ комиссіяхъ и въ пленумѣ самые невинные изъ законопроектовъ, введенныхъ въ программу блока. Обществу эта „органическая работа" не безъ основанія казалась толченіемъ воды въ ступѣ. И было совершенно ясно, что зимняя сессія Г. Думы будетъ носить совершенно иной, интенсивно-политическій характеръ. Но Дума и правительство уже настолько разошлись, что на этотъ разъ не было сдѣлано никакихъ приготовленій, чтобы Дума и правительство могли встрѣтиться сколько-нибудь миролюбиво. Штюрмера не убрали до Думы, какъ въ январѣ убрали Горемыкина. Такимъ образомъ, Дума получила мишень, въ которую могла направлять свои удары.

Но теперь бить только по Штюрмеру представлялось уже совершенно недостаточнымъ. Штюрмеръ былъ лишь жалкій фигурантъ, приспособлявшійся, какъ и остальные

субъекты „министерской чехарды“, къ тому, что дѣлалось и диктовалось за кулисами. Туда, за эти кулисы, и долженъ былъ быть направленъ очередной ударъ. Это было то, чего не понимали ни императоръ, ни Протопоповъ.

Имена членовъ придворнаго кружка, съ именемъ императрицы во главѣ, были произнесены 1 ноября съ думской трибуны пишущимъ эти строки. Перечисляя, одинъ за другимъ, всѣ главнѣйшіе шаги правительства, возбуждавшіе общественное недовольство, ораторъ при каждомъ случаѣ спрашивалъ аудиторію: „глупость это или измѣна?“ И хотя ораторъ скорѣе склонялся къ первой альтернативѣ, аудиторія своими одобреніями поддерживала вторую. В. В. Шульгинъ, въ яркой и ядовитой, по обычаю, рѣчи, поддерживалъ П. Н. Милюкова и сдѣлалъ практическій выводъ изъ его обличеній. Рѣчи ораторовъ этого дня были запрещены для печати, и это устроило имъ самую широкую рекламу. Не было министерства и штаба въ тылу и на фронтѣ, въ которомъ не переписывались бы эти рѣчи, разлетѣвшіяся по странѣ въ милліонныхъ экземплярахъ. Этотъ громадный отзвукъ самъ по себѣ превращалъ парламентское слово въ штурмовой сигналъ и являлся краснорѣчивымъ показателемъ настроенія, охватившаго всю страну. Теперь у этого настроенія былъ лозунгъ, и общественное мнѣніе единодушно признало 1-е ноября 1916 г. началомъ русской революціи.

Какъ будто правительство начало, наконецъ, кое-что понимать. Штюрмеръ послѣ второго засѣданія Думы, въ которомъ окончились выступленія фракціонныхъ ораторовъ, былъ уволенъ послѣ назначенія ему преемника. Засѣданія Думы были пріостановлены на недѣлю, для того, чтобы новое правительство могло осмотрѣться и сдѣлать выводы изъ сложившагося положенія. Наученное опытомъ, общество уже ничего не ожидало,— и было право. Преемникомъ Штюрмера явился А. Ф. Треповъ, и этотъ выборъ подтверждалъ, что власть не хочетъ искать своихъ представителей внѣ тѣсной среды старыхъ сановниковъ, надежныхъ для нея, но неспособныхъ вызвать къ себѣ никакого общественнаго довѣрія. Вслѣдъ за другими, Треповъ дѣлалъ попытки найти себѣ поддержку въ Думѣ и въ печати. Но, не располагая, подобно другимъ, ничѣмъ, что могло бы гарантировать серьезную перемѣну курса, онъ скоро увидалъ, что не можетъ расчитывать на хорошій пріемъ. Его даже предостерегали вообще противъ появленія въ Думѣ при этихъ условіяхъ. Треповъ, все-таки, пришелъ. Онъ наткнулся со стороны соціалистическихъ депутатовъ на пріемъ, который вся Дума готовила Протопопову, въ случаѣ его появленія. Три раза онъ пытался начать свою рѣчь, и трижды она была заглушена криками со скамей соціалистовъ и трудовиковъ (19 ноября). Не помогъ Трепову даже и такой козырь, какъ оглашеніе факта, что союзники по договору обязались уступить Россіи Константинополь и проливы.

Правительство давно перестало внушать къ себѣ уваженіе. Но встрѣча Трепова показала всей странѣ, что оно перестало внушать и страхъ. Не могли внушить страха и новыя репрессіи Протопопова. Общество притаилось и чего то ждало. Въ день окончанія сессіи, 17 декабря, предостерегая въ послѣдній разъ правительство, пишущій эти строки говорилъ, что „атмосфера насыщена электричествомъ, всѣ чувствуютъ приближеніе грозы и никто не знаетъ, куда упадетъ ударъ“.

Въ тотъ же день, 17 декабря, ударъ разразился. Онъ упалъ на лицо, которое всѣ считали однимъ изъ главныхъ виновниковъ маразма, разъѣдавшаго дворъ. Страннымъ образомъ, когда это лицо было устранено, всѣ сразу почувствовали, что совсѣмъ

не въ этомъ дѣло, что устраненъ лишь яркій показатель положенія, тогда какъ зло вовсе не въ немъ,—и вообще не въ отдѣльныхъ лицахъ. Былъ убитъ Григорій Распутинъ. Это убійство, несомнѣнно, скорѣе смутило, чѣмъ удовлетворило общество. Публика не знала тогда во всѣхъ подробностяхъ кошмарной сцены въ особнякѣ кн. Юсупова, разсказанной потомъ Пуришкевичемъ, однимъ изъ непосредственныхъ участниковъ убійства. Но она какъ бы предчувствовала, что здѣсь случилось нѣчто принижающее, а не возвышающее,—нѣчто такое, что стояло внѣ всякой пропорціи съ величіемъ задачъ текущаго момента. И убійцы не принадлежали къ числу представителей русской общественности. Напротивъ, они вышли изъ среды, создавшей ту самую атмосферу, въ какой расцвѣтали Распутины. Это былъ скорѣй протестъ лучшей части этой среды противъ самихъ себя, выраженіе охватившаго эту среду страха, что вмѣстѣ съ собой Распутины погубятъ и ихъ. Вся царская семья давно уже порывалась объединиться и объяснить царю, что онъ ведетъ Россію и всѣхъ своихъ къ гибели. Увы, отдѣльныя объясненія и тутъ не привели ни къ чему, кромѣ личнаго разрыва. Тѣми же пустыми, ничего не говорящими глазами царь встрѣчалъ августѣйшихъ, какъ и простыхъ совѣтчиковъ...

По крайней мѣрѣ, этотъ ударъ разбудитъ ли спящихъ? Поймутъ ли они, что это, послѣ 1-го ноября, уже второе предостереженіе и что третьяго, быть можетъ, не будетъ? Общество задавало себѣ эти вопросы и, съ возраставшимъ нетерпѣніемъ, ждало. Оно ничего не дождалось. Рождественскіе праздники прошли, начался 1917 годъ, и всѣ съ недоумѣніемъ спрашивали себя: что же дальше? Неужели все этимъ и ограничится? И что же нужно более сильное, чѣмъ то, что уже было? Впечатлѣніе, что страна живетъ на вулканѣ, было у всѣхъ. Но кто же возьметъ на себя починъ, кто поднесетъ фитиль и взорветъ опасную мину?

Въ обществѣ широко распространилось убѣжденіе, что слѣдующимъ шагомъ, который предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ, будетъ дворцовый переворотъ при содѣйствіи офицеровъ и войска. Мало-по-малу сложилось представленіе и о томъ, въ чью пользу будетъ произведенъ этотъ переворотъ. Наслѣдникомъ Николая II называли его сына Алексѣя, а регентомъ на время его малолѣтства—в. к. Михаила Александровича. Изъ сообщенія М. И. Терещенко послѣ самоубійства ген. Крымова стало извѣстно, что этотъ „сподвижникъ Корнилова" былъ самоотверженнымъ патріотомъ, который въ началѣ 1917 г. обсуждалъ въ тѣсномъ кружкѣ подробности предстоявшаго переворота. Въ февралѣ уже намѣчалось его осуществленіе. Въ то же время другой кружокъ, ядро котораго составили нѣкоторые члены бюро прогрессивнаго блока съ участіемъ нѣкоторыхъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, въ виду очевидной возможности переворота, хотя и не будучи точно освѣдомленъ о приготовленіяхъ къ нему, обсуждалъ вопросъ о томъ, какую роль должна сыграть послѣ переворота Госуд. Дума. Обсудивъ различныя возможности, этотъ кружокъ также остановился на регентствѣ в. к. Михаила Александровича, какъ на лучшемъ способѣ осуществить въ Россіи конституціонную монархію. Значительная часть членовъ перваго состава временнаго правительства участвовала въ совѣщаніяхъ этого второго кружка; нѣкоторые, какъ сказано выше, знали и о существованіи перваго...

Однако, перевороту не суждено было совершиться такъ, какъ онъ ожидался довольно широкими кругами. Раньше, чѣмъ осуществился планъ кружка, въ которомъ участвовалъ ген. Крымовъ, переворотъ произошелъ не сверху, а снизу, не планомѣрно, а стихійно. Нѣкоторымъ предвѣстіемъ переворота было глухое броженіе въ рабочихъ

массахъ, источникъ котораго остается неясенъ, хотя этимъ источникомъ, навѣрное, не были вожди соціалистическихъ партій, представленныхъ въ Г. Думѣ. Здѣсь мы касаемся самаго темнаго момента въ исторіи русской революціи. Будущій историкъ, навѣрное, прольетъ свѣтъ и на эту сторону дѣла; но современнику, далекому отъ этого фокуса общественнаго движенія, остаются только догадки.

Мы видѣли, какими побужденіями руководились парламентскіе круги, дѣлавшіе оппозицію правительству. Ихъ главнымъ мотивомъ было желаніе довести войну до успѣшнаго конца въ согласіи съ союзниками, а причиной ихъ оппозиціи,—все возраставшая увѣренность, что съ даннымъ правительствомъ и при данномъ режимѣ эта цѣль достигнута быть не могла. Эти круги начали съ утвержденія, что „во время переправы не перепрягаютъ лошадей". Мало-по-малу, упираясь и сдерживая болѣе нетерпѣливыхъ, они пришли къ сознанію необходимости требовать введенія общественныхъ элементовъ въ правительство „общественнаго довѣрія". Неуступчивость власти дала перевѣсъ надъ ними тѣмъ теченіямъ въ обществѣ, которыя требовали формальной „отвѣтственности" правительства передъ народнымъ представительствомъ. Противъ идеи достигнуть этой цѣли революціоннымъ путемъ—парламентское большинство боролось до самаго конца. Но видя, что насильственный путь будетъ, все равно, избранъ и помимо Государственной Думы, оно стало готовиться къ тому, чтобы ввести въ спокойное русло переворотъ, который оно предпочитало получить не снизу, а сверху.

Но рядомъ съ перламентскимъ теченіемъ общественной мысли было и другое, соціалистическое. На соціалистическіе круги, уже съ самаго начала войны, воздѣйствовали извнѣ представители соціалистическаго интернаціонализма за границей. Уже съ ноября 1914 года жертвой этихъ воздѣйствій сдѣлалась соціалъ-демократическая фракція Гос. Думы, въ лицѣ своихъ членовъ—„большевиковъ", Петровскаго, Бадаева, Муранова, Самойлова и Шагова. Въ серединѣ февраля 1915 г. происходилъ открытый судъ надъ ними: въ числѣ матеріаловъ для обвиненія фигурировалъ присланный изъ за границы проектъ резолюціи, въ которомъ была формулирована „пораженческая" точка зрѣнія Ленина. Правда, Петровскій замѣнилъ рѣзкую фразу Ленинскаго проекта („съ точки зрѣнія рабочаго класса и трудовыхъ массъ всѣхъ народовъ Россіи, наименьшимъ зломъ было бы пораженіе царской монархіи и ея войскъ") болѣе мягкими выраженіями („съ точки зрѣнія" и т. д. „особенно опасно усиленіе побѣдоносной царской монархіи"). Затѣмъ Петровскій исключилъ изъ резолюціи центральную мысль всей большевистской тактики (о пропагандѣ въ войскахъ „соціалистической революціи" и о направленіи оружія „не противъ своихъ братьевъ, наемныхъ рабовъ другихъ странъ, а противъ реакціи буржуазныхъ правительствъ"). Для перваго года войны эти идеи были еще слишкомъ преждевременны. Они привились только значительно позже. Но, тѣмъ не менѣе, прививались среди русскихъ рабочихъ именно эти идеи. „Соціалъ-патріотическое" направленіе большинства европейскаго соціализма пользовалось симпатіей среди старшаго поколѣнія русскихъ эмигрантовъ,—такихъ, какъ Плехановъ, Дейчъ, Бурцевъ и другіе. Но среди рабочихъ массъ, а затѣмъ и среди войскъ несравненно больше успѣха имѣли сторонники Ленина.

Какъ проникали пораженческія вліянія на русскую фабрику и въ русскую армію? Для отвѣта на этотъ вопросъ весьма поучителенъ одинъ документъ отъ 23 февраля 1915 г., напечатанный въ началѣ 1918 г. въ русскихъ газетахъ и представляющій изъ себя

циркулярное обращеніе отдѣла печати при германскомъ министерствѣ иностр. дѣлъ всѣмъ посламъ, посланникамъ и консульскимъ чинамъ въ нейтральныхъ государствахъ. Вотъ текстъ этого документа: „Доводится до вашего свѣдѣнія, что на территоріи страны, въ которой вы акредитованы, основаны спеціальныя конторы для организаціи пропаганды въ государствахъ, воюющихъ съ германской коалиціей. Пропаганда коснется возбужденія соціальнаго движенія и связанныхъ съ послѣднимъ забастовокъ, революціонныхъ вспышекъ, сепаратизма составныхъ частей государства и гражданской войны, а также агитаціи въ пользу разоруженія и прекращенія кровавой бойни. Предлагаемъ вамъ оказывать всемѣрное покровительство и содѣйствіе руководителямъ означенныхъ пропагандистскихъ конторъ". Этотъ документъ—одинъ въ ряду многихъ подобныхъ—лишь подтверждаетъ тотъ германскій планъ воздѣйствія на общественныя движенія враждебныхъ странъ, который былъ составленъ еще до войны и опубликованъ во французской „Желтой Книгѣ".

Нужно, впрочемъ, сказать, что въ общественномъ мнѣніи болѣе распространено было другое объясненіе таинственнаго источника, изъ котораго шло руководство рабочимъ движеніемъ. Этимъ источникомъ считалась полиція — и притомъ, спеціально полиція А. Д. Протопопова. Общество было убѣждено, что, вмѣсто того, чтобы ожидать революціи, правительство предпочтетъ, какъ это сдѣлалъ министръ внутр. дѣлъ Дурново въ декабрѣ 1905 года въ Москвѣ, вызвать ее искусственно и разстрѣлять ее на улицѣ. Рука департамента полиціи несомнѣнно замѣчалась въ забастовкахъ, не прекращавшихся на петроградскихъ фабрикахъ, и даже въ студенческихъ волненіяхъ.)

Какъ бы то ни было, откуда бы ни шли директивы, извнѣ или извнутри,—изъ объективныхъ фактовъ съ безспорностью вытекаетъ, что подготовка къ революціонной вспышкѣ весьма дѣятельно велась—особенно съ начала 1917 года,—въ рабочей средѣ и въ казармахъ петроградскаго гарнизона. Застрѣльщиками должны были выступить рабочіе. Внѣшнимъ поводомъ для выступленія рабочихъ на улицу былъ намѣченъ день предполагавшагося открытія Гос. Думы, 14 февраля. Подойдя процессіей къ Государственной Думѣ, рабочіе должны были выставить опредѣленныя требованія, въ томъ числѣ и требованіе отвѣтственнаго министерства. Въ одномъ частномъ совѣщаніи общественныхъ дѣятелей этотъ проектъ обсуждался подробно, причемъ самымъ горячимъ его сторонникомъ оказался рабочій Абросимовъ, оказавшійся провокаторомъ на службѣ охраны. На провокацію указывалось и въ предостерегающемъ письмѣ къ рабочимъ П. Н. Милюкова.

Предостереженіе рабочихъ относительно возможной провокаціи на первый разъ достигло своей цѣли. Въ назначенный первоначально день (14 февраля) выступленіе рабочихъ не состоялось. Однако, оно оказалось отложеннымъ не надолго. Уже 23 февраля появились первые признаки народныхъ волненій. 24-го мирные митинги уступили мѣсто первымъ вооруженнымъ столкновеніямъ съ полиціей, сопровождавшимся и первыми жертвами. 25-го работа фабрикъ и занятія въ учебныхъ заведеніяхъ прекратились: весь Петроградъ вышелъ на улицу. У городской думы произошло крупное столкновеніе народа съ полиціей, а на Знаменской площади, при такомъ же столкновеніи, казаки приняли сторону народа, бросились на конную полицію и обратили ее въ бѣгство. Толпа привѣтствовала казаковъ; происходили трогательныя сцены братанья. 26 февраля, въ воскресенье, правительство приготовилось къ рѣшительному бою. Центръ столицы былъ оцѣпленъ патрулями, установлены были пулеметы, проведены провода военныхъ телефоновъ. Это, однако, не устрашило толпу. Въ громадномъ количествѣ, со знаменами, она ходила

по улицамъ, собиралась на митинги, вызывала столкновенія, при которыхъ правительствомъ были пущены въ ходъ пулеметы. Чтобы усилить полицію, часть солдатъ была переодѣта въ полицейскія шинели, что вызвало въ полкахъ гарнизона чрезвычайное негодованіе и дало толчокъ къ переходу ихъ на сторону народа. Но движеніе продолжало быть безформеннымъ и безпредметнымъ. Вмѣшательство Гос. Думы дало уличному и военному движенію центръ, дало ему знамя и лозунгъ, и тѣмъ превратило возстаніе въ революцію, которая кончилась сверженіемъ стараго режима и династіи.

III. Пять дней революціи (27 февраля—3 марта).

Роспускъ Г. Думы.—Возстаніе солдатъ и образованіе временнаго комитета членовъ Г. Думы.—Комитетъ беретъ въ руки власть.—Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и его лозунги.—Врем. комитетъ назначаетъ министерство.—Переговоры совѣта раб. депутатовъ съ врем. комитетомъ объ условіяхъ поддержки кабинета.—Деклараціи врем. правительства и совѣта.—Поѣздка Гучкова и Шульгина къ царю и его отреченіе отъ престола.—Рѣчь П. Н. Милюкова и агитація противъ монархіи.—Вліяніе назначенія Михаила вмѣсто Алексѣя.—Врем. правительство и комитетъ Думы за отреченіе Михаила.—Посѣщеніе в. к. Михаила Александровича.—Позиція П. Н. Милюкова.—Текстъ отреченія.—Первая капитуляція и дальнѣйшій ходъ революціи.

Сигналъ къ началу революціи дало, опять таки, само правительство. Вечеромъ, 26-го февраля, предсѣдатель Г. Думы получилъ указъ объ отсрочкѣ сессіи, которая должна была открыться 27-го. Члены Гос. Думы, собравшись утромъ этого дня на засѣданіе, узнали, что они распущены. Въ непосредственной близости отъ Таврическаго дворца въ то же время уже начиналось форменное возстаніе въ казармахъ Волынскаго и Литовскаго полковъ. Движеніе началось среди солдатъ и застало офицеровъ совершенно неподготовленными: одиночныя попытки ихъ воспротивиться движенію привели къ кровавымъ жертвамъ. Солдаты въ безпорядкѣ пошли къ Таврическому дворцу. Одновременно съ этимъ, смѣшанныя толпы отправились къ арсеналу, заняли его и захватили оружіе, бросились къ тюрьмамъ освобождать арестованныхъ—не только политическихъ, но и уголовныхъ, подожгли Литовскій замокъ, окружный судъ, охранное отдѣленіе на Тверской улицѣ и т. д. Правительство пыталось направить на возставшихъ войска, оставшіяся вѣрными ему, и на улицахъ столицы дѣло грозило дойти до настоящихъ сраженій. Таково было положеніе, когда, около полудня, сдѣлана была двоякая попытка ввести движеніе въ опредѣленное русло. Съ одной стороны, соціалистическія партіи, подготовлявшія революціонные кружки среди солдатъ, попытались взять на себя руководство движеніемъ. Съ другой стороны, рѣшились стать во главѣ движенія члены Гос. Думы. Гос. Дума, какъ таковая, какъ законодательное учрежденіе стараго порядка, координированная „основными законами" съ остатками самодержавной власти, явно обреченной теперь на сломъ, была этой старой властью распущена. Она и не пыталась, не смотря на требованіе М. А. Караулова, открыть формальное засѣданіе. Вмѣсто залы засѣданій Таврическаго дворца, члены Гос. Думы перешли въ сосѣднюю полуциркульную залу (за предсѣдательской трибуной) и тамъ обсудили создавшееся положеніе. Тамъ было вынесено, послѣ ряда горячихъ рѣчей, постановленіе не разъѣзжаться изъ Петрограда (а не постановленіе „не расходиться" Г. Думѣ, какъ учрежденію, какъ о томъ сложилась легенда). Частное совѣщаніе членовъ Думы поручило вмѣстѣ съ тѣмъ своему совѣту старѣйшинъ выбрать временный коми-

тетъ членовъ Думы и опредѣлить дальнѣйшую роль Гос. Думы въ начавшихся событіяхъ. Въ третьемъ часу дня совѣтъ старѣйшинъ выполнилъ это порученіе, выбравъ въ составъ Временнаго Комитета М. В. Родзянко, В. В. Шульгина (націоналиста), В. Н. Львова („центръ"), И. И. Дмитрюкова (октябристъ), С. И. Шидловскаго (Союзъ 17 окт.), М. А. Караулова, А. И. Коновалова (труд. гр.), В. А. Ржевскаго (прогр.), П. Н. Милюкова (к.-д.), Н. В. Некрасова (к.-д.), А. Ф. Керенскаго (труд.) и Н. С. Чхеидзе (с.-д.). Въ основу этого выбора, предопредѣлившаго отчасти и составъ будущаго министерства, положено было представительство партій, объединенныхъ въ прогрессивномъ блокѣ. Къ нему были прибавлены представители лѣвыхъ партій, частью вышедшихъ изъ блока (прогрессисты), частью вовсе въ немъ не участвовавшихъ (трудовики и с.-д.), а также президіумъ Гос. Думы. Ближайшей задачей комитета было поставлено „возстановленіе порядка и сношеніе съ учрежденіями и лицами", имѣвшими отношеніе къ движенію. Рѣшеніе совѣта старѣйшинъ было затѣмъ обсуждено по фракціямъ и утверждено новымъ совѣщаніемъ членовъ Думы въ полуциркульномъ залѣ. Предложенія, шедшія дальше этого,— какъ-то: немедленно взять всю власть въ свои руки и организовать министерство изъ членовъ Думы, или даже объявить Думу Учредительнымъ Собраніемъ,—были отвергнуты, отчасти какъ несвоевременныя, отчасти какъ принципіально неправильныя. Изъ намѣченнаго состава Временнаго Комитета отказался участвовать въ немъ Н. С. Чхеидзе и съ оговорками согласился А. Ф. Керенскій. Дѣло въ томъ, что параллельно съ рѣшеніями совѣта старѣйшинъ было рѣшено соціалистическими партіями немедленно возродить къ дѣятельности совѣтъ рабочихъ депутатовъ, памятный по событіямъ 1905 года. Первое засѣданіе совѣта было назначено въ тотъ же вечеръ, въ 7 часовъ, 27 февраля, причемъ помѣщеніемъ выбрана, безъ предварительныхъ сношеній съ президіумомъ Г. Думы, зала засѣданій Таврическаго дворца. Помѣщеніе Таврическаго дворца вообще послѣ полудня было уже занято солдатами, рабочими и случайной публикой, и въ воззваніи 27 февраля, приглашавшемъ на первое засѣданіе, „временный исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ депутатовъ" (анонимный) говорилъ отъ имени „засѣдающихъ въ Думѣ представителей рабочихъ, солдатъ и населенія Петрограда". Чтобы урегулировать свой составъ, то же воззваніе предлагало „всѣмъ перешедшимъ на сторону народа войскамъ немедленно избрать своихъ представителей, по одному на каждую роту; заводамъ избрать своихъ депутатовъ по одному на каждую тысячу".

Къ вечеру 27 февраля, когда выяснился весь размѣръ революціоннаго движенія, Временный Комитетъ Г. Думы рѣшилъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ и взять въ свои руки власть, выпадавшую изъ рукъ правительства. Рѣшеніе это было принято послѣ продолжительнаго обсужденія, въ полномъ сознаніи отвѣтственности, которую оно налагало на принявшихъ его. Всѣ ясно сознавали, что отъ участія или неучастія Думы въ руководствѣ движеніемъ зависитъ его успѣхъ или неудача. До успѣха было еще далеко: позиція войскъ не только внѣ Петрограда и на фронтѣ, но даже и внутри Петрограда и въ ближайшихъ его окрестностяхъ далеко еще не выяснилась. Но была уже ясна вся глубина и серьезность переворота, неизбѣжность котораго сознавалась, какъ мы видѣли, и ранѣе; и сознавалось, что для успѣха этого движенія Гос. Дума много уже сдѣлала своей дѣятельностью во время войны—и спеціально со времени образованія прогрессивнаго блока. Никто изъ руководителей Думы не думалъ отрицать большой доли ея участія въ подготовкѣ переворота. Выводъ отсюда былъ тѣмъ болѣе ясенъ, что, какъ упомянуто

выше, кружокъ руководителей уже заранѣе обсудилъ мѣры, которыя должны были быть приняты на случай переворота. Намѣченъ былъ даже и составъ будущаго правительства. Изъ этого намѣченнаго состава кн. Г. Е. Львовъ не находился въ Петроградѣ, и за нимъ было немедленно послано. Именно эта необходимость ввести въ составъ перваго революціоннаго правительства руководителя общественнаго движенія, происходившаго внѣ Думы, сдѣлала невозможнымъ образованіе министерства въ первый же день переворота. Въ ожиданіи, когда наступитъ моментъ образованія правительства, Временный Комитетъ ограничился лишь немедленнымъ назначеніемъ комиссаровъ изъ членовъ Г. Думы во всѣ высшія правительственныя учрежденія для того, чтобы немедленно возстановить правильный ходъ административнаго аппарата. Необходимыя мѣры по обезпеченію столицы продовольствіемъ были приняты особой комиссіей, организованной исполнительнымъ комитетомъ совѣта рабочихъ депутатовъ, но подъ предсѣдательствомъ приглашеннаго Врем. Комитетомъ Гос. Думы А. И. Шингарева. Руководство военнымъ отдѣломъ также взялъ на себя членъ Гос. Думы, введенный въ составъ Врем. Комитета ночью 27 февраля, при окончательномъ выясненіи его функцій, полк. Б. Энгельгардтъ. Личный составъ министровъ стараго порядка былъ ликвидированъ арестомъ ихъ, по мѣрѣ обнаруженія ихъ мѣстонахожденія. Собранные въ министерскомъ павильонѣ Гос. Думы, они были въ слѣдующіе дни перевезены въ Петропавловскую крѣпость.

Формальный переходъ власти къ Временному Комитету Г. Думы, съ ея предсѣдателемъ во главѣ, и ликвидація стараго правительства чрезвычайно ускорили и упростили дальнѣйшій ходъ переворота. Одна за другой, воинскія части, расположенныя въ Петроградѣ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, уже въ полномъ своемъ составѣ, съ офицерами, и въ полномъ порядкѣ переходили на сторону Гос. Думы. Члены Гос. Думы разъѣзжали по казармамъ, освѣдомляя гарнизонъ о совершившемся, и части войскъ въ теченіе слѣдующихъ дней безпрерывно подходили къ Гос. Думѣ, привѣтствуемыя предсѣдателемъ и членами Временнаго Комитета. Гос. Дума сдѣлалась центромъ паломничества. Она сохранила эту роль и послѣ того, какъ правительство, черезъ нѣсколько дней, перенесло свои засѣданія въ Маріинскій дворецъ, предоставивъ Таврическій дворецъ въ распоряженіе совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Первые четыре-пять дней работа вновь созданной власти велась день и ночь среди суматохи и толкотни Таврическаго дворца. Ближайшей задачей Временнаго Комитета и образуемаго имъ правительства было—выяснить свои отношенія къ образовавшемуся рядомъ съ нимъ представительству соціалистическихъ партій, заявившихъ съ самаго начала претензію представлять демократическіе классы населенія, рабочихъ, солдатъ, а затѣмъ и крестьянство. Съ самаго же начала „совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ" поставилъ и свои особыя задачи совершившемуся перевороту. Уже въ воззваніи 28 февраля онъ заявилъ, что „борьба еще продолжается; она должна быть доведена до конца; старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить мѣсто народному правленію"; „для успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать свою собственную властную организацію". Въ то-время, какъ Временный Комитетъ Г. Думы овладѣвалъ аппаратомъ высшаго управленія государствомъ, „совѣтъ раб. и солд. депутатовъ" болѣе интересовался тѣмъ, чтобы взять въ свои руки управленіе столицей. Тѣмъ же воззваніемъ назначались „районные комиссары для установленія народной власти въ районахъ Петрограда", и населеніе приглаша-

лось „немедленно сплотиться вокругъ совѣта, организовать мѣстные комитеты въ районахъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами". Такъ было положено начало осуществленію „основной задачи" совѣта: организаціи народныхъ силъ для борьбы „за окончательное упроченіе политической свободы и народнаго правленія въ Россіи". Воззваніе упоминало также о „созывѣ Учредительнаго Собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права".

Брошенные такимъ образомъ, независимо отъ Г. Думы, лозунги были быстро усвоены рабочими и солдатскими массами столицы. Только лѣвая часть Временнаго Комитета, начиная отъ к.-д., могла примкнуть къ нимъ, оставаясь вѣрной своимъ партійнымъ взглядамъ. Однако же, и со стороны представителей болѣе правыхъ партій возраженій не послѣдовало. Скоро оказалось, что они даже готовы были быстрѣе и дальше идти на уступки, требовавшіяся моментомъ, чѣмъ нѣкоторые представители к.-д. Какъ бы то ни было, нельзя было медлить съ выясненіемъ отношенія Временнаго Комитета къ демократическимъ лозунгамъ. Необходимо было ускорить и окончательное формированіе власти. Въ виду этого, уже 1 марта Временный Комитетъ намѣтилъ составъ министерства, которому долженъ былъ передать свою власть. Во главѣ перваго революціоннаго правительства, согласно состоявшемуся еще до переворота уговору, было поставлено лицо, выдвинутое на этотъ постъ своимъ положеніемъ въ россійскомъ земствѣ: кн. Г. Е. Львовъ, мало извѣстный лично большинству членовъ Временнаго Комитета. П. Н. Милюковъ и А. И. Гучковъ, въ соотвѣтствіи съ ихъ прежней дѣятельностью въ Г. Думѣ, были выдвинуты на посты министровъ иностранныхъ дѣлъ и военнаго (а также морского министерства, для котораго въ ту минуту не нашлось подходящаго кандидата). Два портфеля, министерства юстиціи и труда, были намѣчены для представителей соціалистическихъ партій. Но изъ нихъ лишь А. Ф. Керенскій далъ 2 марта свое согласіе на первый постъ. Н. С. Чхеидзе, предполагавшійся для министерства труда, предпочелъ остаться предсѣдателемъ совѣта раб. депутатовъ (онъ фактически не принималъ съ самаго начала участія и во Временномъ Комитетѣ). Н. В. Некрасовъ и М. И. Терещенко, два министра, которымъ суждено было потомъ играть особую роль въ революціонныхъ кабинетахъ, какъ по ихъ непосредственной личной близости съ А. Ф. Керенскимъ, такъ и по ихъ особой близости къ конспиративнымъ кружкамъ, готовившимъ революцію, получили министерства путей сообщенія и финансовъ. Выборъ этотъ остался непонятнымъ для широкихъ круговъ. А. И. Шингаревъ, только что облеченный тяжелой обязанностью обезпеченія столицы продовольствіемъ, получилъ министерство земледѣлія, а въ немъ не менѣе тяжелую задачу—столковаться съ лѣвыми теченіями въ аграрномъ вопросѣ. А. И. Коноваловъ и А. А. Мануиловъ получили посты, соотвѣтствующіе соціальному положенію перваго и профессіональнымъ знаніямъ второго—министерство торговли и министерство народнаго просвѣщенія. Наконецъ, участіе правыхъ фракцій прогрессивнаго блока въ правительствѣ было обезпечено введеніемъ И. В. Годнева и В. Н. Львова, думскія выступленія которыхъ сдѣлали ихъ безспорными кандидатами на посты государственнаго контролера и оберъ-прокурора синода. Самый правый изъ блока, В. В. Шульгинъ, могъ бы войти въ правительство, если бы захотѣлъ; но онъ отказался и предпочелъ остаться въ трудную для родины минуту при своей профессіи публициста.

Вечеромъ 1 марта въ соединенное засѣданіе Временнаго Комитета Думы и временнаго правительства явились представители исполнительнаго комитета совѣта раб. депу-

татовъ, Н. С. Чхеидзе, Ю. М. Стекловъ (Нахамкесъ), Н. Сухановъ (Гиммеръ), Н. Д. Соколовъ, Филипповскій и др., съ предложеніемъ обсудить тѣ условія, принятіе которыхъ могло бы обезпечить вновь образовавшемуся правительству поддержку демократическихъ организацій. Временное правительство охотно приняло это предложеніе и вошло въ обсужденіе прочтенныхъ делегатами пунктовъ. Пренія затянулись далеко за полночь. По настоянію П. Н. Милюкова, делегаты совѣта согласились отказаться отъ пункта, согласно которому „вопросъ о формѣ правленія оставался открытымъ" (въ ту минуту въ этой скромной формѣ обезпечивалась возможность разрѣшенія этого вопроса въ смыслѣ республики, тогда какъ временное правительство принимало мѣры къ обезпеченію регентства Михаила). По его же требованію, послѣ продолжительныхъ споровъ, они согласились вычеркнуть требованіе о выборности офицеровъ, т. е. отказались отъ введенія въ число условій своей поддержки того самаго принципа, который уже утромъ 2 марта они положили въ основу знаменитаго „приказа № 1". Послѣ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ измѣненій и дополненій, предложенный делегатами совѣта текстъ принялъ слѣдующую форму: „Въ своей дѣятельности кабинетъ будетъ руководиться слѣдующими основаніями: 1) Полная и немедленная амнистія по всѣмъ дѣламъ политическимъ и религіознымъ, въ томъ числѣ террористическимъ покушеніямъ, военнымъ возстаніямъ, аграрнымъ преступленіямъ и т. д. 2) Свобода слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ, съ распространеніемъ политическихъ свободъ на военнослужащихъ въ предѣлахъ, допускаемыхъ военно-техническими условіями. 3) Отмѣна всѣхъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій. 4) Немедленная подготовка къ созыву на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія Учредительнаго Собранія, которое установитъ форму правленія и конституцію страны. 5) Замѣна полиціи народной милиціей съ выборнымъ начальствомъ, подчиненнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія. 6) Выборы въ органы мѣстнаго самоуправленія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. 7) Неразоруженіе и невыводъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи. 8) При сохраненіи строгой воинской дисциплины въ строю и при несеніи военной службы—устраненіе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи общественными правами, предоставленными всѣмъ остальнымъ гражданамъ". За исключеніемъ п. 7, имѣвшаго, очевидно, временный характеръ, и примѣненія начала выбора къ начальству милиціи въ п. 5, все остальное въ этомъ проектѣ заявленія не только было вполнѣ пріемлемо или допускало пріемлемое толкованіе, но и прямо вытекало изъ собственныхъ взглядовъ вновь сформированнаго правительства на его задачи. Съ другой стороны, необходимо отмѣтить, что здѣсь не заключалось ничего такого, что впослѣдствіи было внесено соціалистическими партіями въ пониманіе задачъ революціонной власти—и что послужило предметомъ долгихъ преній и неоднократныхъ разрывовъ между соціалистической и не-соціалистической частью „коалиціонныхъ" кабинетовъ слѣдующихъ составовъ.

Съ своей стороны, П. Н. Милюковъ настоялъ, чтобы и делегаты совѣта приняли на себя извѣстныя обязательства, а именно, чтобы они осудили уже обнаружившееся тогда враждебное отношеніе солдатъ къ офицерству и всѣ виды саботажа революціи, вродѣ незаконныхъ обысковъ въ частныхъ квартирахъ, грабежа имущества и т. д., и чтобы это осужденіе было изложено въ деклараціи совѣта вмѣстѣ съ обѣщаніемъ поддержки правительству въ возстановленіи порядка и въ проведеніи началъ новаго строя.

Оба заявленія, правительства и совѣта, должны были быть напечатаны рядомъ, второе послѣ перваго, чтобы тѣмъ рельефнѣе подчеркнуть ихъ взаимную связь. Исполняя это желаніе Временнаго Комитета, Н. Д. Соколовъ написалъ проектъ заявленія. Этотъ проектъ, однако, могъ быть истолкованъ въ смыслѣ обратномъ условленному, и поэтому не удовлетворилъ комитета. П. Н. Милюковъ написалъ тогда другой проектъ, который, съ нѣкоторыми измѣненіями, и былъ принятъ въ слѣдующихъ словахъ окончательной декларации совѣта: „... Нельзя допускать разъединенія и анархіи. Нужно немедленно пресѣкать всѣ безчинства, грабежи, врываніе въ частныя квартиры, расхищеніе и порчу всякаго рода имущества, безцѣльные захваты общественныхъ учрежденій. Упадокъ дисциплины и анархія губятъ революцію и народную свободу. Не устранена еще опасность военнаго движенія противъ революціи. Чтобы предупредить ее, весьма важно обезпечить дружную согласованную работу солдатъ съ офицерами. Офицеры, которымъ дороги интересы свободы и прогрессивнаго развитія родины, должны употребить всѣ усилія, чтобы наладить совмѣстную дѣятельность съ солдатами. Они будутъ уважать въ солдатѣ его личное и гражданское достоинство, будутъ бережно обращаться съ чувствомъ чести солдата. Съ своей стороны, солдаты будутъ помнить, что армія сильна лишь союзомъ солдатъ и офицеровъ, что нельзя за дурное поведеніе отдѣльныхъ офицеровъ клеймить всю офицерскую корпорацію“.

Когда всѣ эти переговоры были уже закончены, поздно ночью на 2-е марта въ Комитетъ пріѣхалъ А. И. Гучковъ, проведшій весь день въ сношеніяхъ съ военными частями и въ подготовкѣ обороны столицы, на случай ожидавшагося еще прихода войскъ, посланныхъ въ Петроградъ по приказанію Николая II. Возраженія Гучкова по поводу уже состоявшагося соглашенія побудили оставить весь вопросъ открытымъ. Только утромъ слѣдующаго дня, по настоянію М. В. Родзянко, П. Н. Милюковъ возобновилъ переговоры. Въ теченіе дня соглашеніе было обсуждено и принято въ совѣтѣ, и вечеромъ 2-го марта делегація совѣта вновь явилась къ П. Н. Милюкову съ предложеніемъ выработать окончательный текстъ. Кромѣ уже принятыхъ пунктовъ, делегаты настояли на включеніи фразы: „Временное правительство считаетъ своимъ долгомъ присовокупить, что оно отнюдь не намѣрено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедленія по осуществленію вышеизложенныхъ реформъ и мѣропріятій“. Подозрительность, проявленная въ этихъ словахъ, сказалась также и въ тѣхъ болѣе чѣмъ сдержанныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ декларація совѣта давала правительству обѣщанную поддержку. Къ приведенной выше части декларации была съ этой цѣлью присоединена слѣдующая вступительная часть: „Товарищи и граждане, новая власть, создавшаяся изъ общественно-умѣренныхъ слоевъ общества, объявила сегодня о всѣхъ тѣхъ реформахъ, которыя она обязуется осуществить частью еще въ процессѣ борьбы со старымъ режимомъ, частью по окончаніи этой борьбы. Среди этихъ реформъ н ѣ к о т о р ы я должны привѣтствоваться широкими демократическими кругами: политическая амнистія, обязательство принять на себя подготовку Учредительнаго Собранія, осуществленіе гражданскихъ свободъ и устраненіе національныхъ ограниченій. И мы полагаемъ, что в ъ т о й м ѣ р ѣ, въ какой нарождающаяся власть будетъ дѣйствовать въ направленіи осуществленія этихъ обязательствъ и рѣшительной борьбы со старой властью,—демократія должна оказать ей свою поддержку“. Здѣсь, какъ видимъ, не только не отразился тотъ фактъ, что текстъ правительственныхъ „обязательствъ“ въ основѣ своей составленъ самими делегатами со-

вѣта, а текстъ ихъ декларацін—Временнымъ Комитетомъ Гос. Думы, но и принята впервые та знаменитая формула „постольку—поскольку", которая заранѣе ослабляла авторитетъ первой революціонной власти среди населенія. Хотя совѣтъ и санкціонировалъ, post factum, вступленіе А. Ф. Керенскаго въ правительство, но онъ и тутъ продолжалъ подчеркивать, что правительство принадлежитъ къ „общественно-умѣреннымъ" слоямъ, т. е. заранѣе набрасывалъ на него подозрѣніе въ классовой односторонности. Зародыши будущихъ затрудненій и осложненій уже сказались въ этой исходной формулировкѣ взаимныхъ отношеній правительства и первой изъ организацій „революціонной демократіи".

Еще не покончивъ съ этими переговорами, Временный Комитетъ принялся за свою главнѣйшую очередную задачу, ликвидацію старой власти. Ни у кого не было сомнѣнія, что Николай II болѣе царствовать не можетъ. Еще 26 февраля, въ своей телеграммѣ къ царю, М. В. Родзянко требовалъ только „немедленнаго порученія лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство", т. е. употреблялъ прежнюю формулу прогрессивнаго блока. Онъ прибавлялъ при этомъ, что „медлить нельзя", и что „всякое промедленіе смерти подобно", и „молилъ Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣнценосца". Но уже 27-го утромъ тонъ второй телеграммы былъ иной: „Положеніе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи". На просьбы, обращенныя къ главнокомандующимъ фронтами—поддержать передъ царемъ обращеніе предсѣдателя Думы—Родзянко получилъ отъ генераловъ Брусилова и Рузскаго отвѣтныя телеграммы, что его просьба исполнена. Генер. Алексѣевъ также настаивалъ, вмѣстѣ съ в. к. Николаемъ Николаевичемъ, на „принятіи рѣшенія, признаваемаго нами единственнымъ выходомъ при создавшихся роковыхъ условіяхъ", т. е. на составленіи отвѣтственнаго министерства. Въ томъ же смыслѣ составлено было заявленіе, подписанное великими князьями и доставленное во Временный Комитетъ Гос. Думы. Но, дѣйствительно, было уже поздно думать только объ отвѣтственномъ министерствѣ. Нужно было полное и немедленное отреченіе царя. Съ цѣлью настоять на немъ, Временный Комитетъ въ ту же ночь, съ 1 на 2-е марта, рѣшилъ отправить къ Николаю II делегацію изъ А. И. Гучкова и В. В. Шульгина. Царь, правда, вызывалъ М. В. Родзянко, но отъѣздъ изъ Петрограда предсѣдателя Думы въ то время, когда только что формировалась новая революціонная власть, признанъ былъ небезопаснымъ. По мысли Комитета, отказъ Николая II долженъ былъ послѣдовать въ пользу наслѣдника, при регентствѣ Михаила.

Выѣхавъ въ 3 часа днемъ 2 марта, А. И. Гучковъ и В. В. Шульгинъ въ 10 час. вечера были въ Псковѣ и немедленно были приглашены въ салонъ-вагонъ Николая II. Здѣсь, послѣ рѣчи А. И. Гучкова о необходимости отреченія въ пользу сына (сидѣвшій рядомъ съ Шульгинымъ ген. Рузскій сказалъ ему при этомъ: „это уже дѣло рѣшенное"), бывшій государь отвѣтилъ спокойно и не волнуясь, со своимъ обычнымъ видомъ вѣжливой непроницаемости: „Я вчера и сегодня цѣлый день обдумывалъ и принялъ рѣшеніе отречься отъ престола. До 3 час. дня я былъ готовъ пойти на отреченіе въ пользу моего сына. Но затѣмъ я понялъ, что разстаться съ моимъ сыномъ я неспособенъ. Вы это, я надѣюсь, поймете. Поэтому я рѣшилъ отречься въ пользу моего брата". Ссылка на отцовскія чувства закрыла уста делегатамъ, хотя позво-

лено думать, что въ рѣшеніи царя была и извѣстная политическая задняя мысль. Николай II не хотѣлъ рисковать сыномъ, предпочитая рисковать братомъ и Россіей, въ ожиданіи неизвѣстнаго будущаго. Думая, какъ всегда, прежде всего о себѣ и о своихъ, даже и въ эту критическую минуту, и отказываясь отъ рѣшенія, хотя и труднаго, но до извѣстной степени подготовленнаго, онъ вновь открывалъ весь вопросъ о монархіи въ такую минуту, когда этотъ вопросъ только и могъ быть рѣшенъ отрицательно. Такова была послѣдняя услуга Николая II родинѣ.

Спросивъ делегатовъ, думаютъ ли они, что актъ отреченія дѣйствительно успокоитъ страну и не вызоветъ осложненій,—и не получивъ утвердительнаго отвѣта, Николай II удалился и въ $11^1/_4$ вечера возвратился въ вагонъ съ готовымъ документомъ. В. В. Шульгинъ попросилъ царя внести въ текстъ фразу о „принесеніи всенародной присяги“ Михаиломъ Александровичемъ въ томъ, что онъ будетъ править „въ ненарушимомъ единеніи съ представителями народа“, какъ это было уже сказано въ документѣ. Царь тотчасъ же согласился, замѣнивъ лишь слово „всенародная“ словомъ „ненарушимая“. Безъ 10-ти минутъ въ полночь на 3-е марта отреченіе было подписано.

За этотъ день, 2 марта, однако же, политическое положеніе въ Петроградѣ еще разъ успѣло измѣниться. Измѣненіе это впервые сказалось, когда около 3-хъ часовъ дня П. Н. Милюковъ произносилъ свою рѣчь о вновь образовавшемся правительствѣ въ Екатерининской залѣ Таврическаго дворца. Рѣчь эта была встрѣчена многочисленными слушателями, переполнившими залъ, съ энтузіазмомъ, и ораторъ вынесенъ на рукахъ по ея окончаніи. Но среди шумныхъ криковъ одобренія слышались и ноты недовольства и даже протеста. „Кто васъ выбралъ?“—спрашивали оратора. Отвѣтъ былъ: „Насъ выбрала русская революція“; но „мы не сохранимъ этой власти ни минуты послѣ того, какъ свободно избранные народомъ представители скажутъ намъ, что они хотятъ на нашихъ мѣстахъ видѣть людей, болѣе заслуживающихъ ихъ довѣрія“. Такъ устанавливалась идея преемственности власти, созданной революціей, до Учредительнаго Собранія. При словахъ оратора: „во главѣ мы поставили человѣка, имя котораго означаетъ организованную русскую общественность, такъ непримиримо преслѣдовавшуюся старымъ правительствомъ“, тѣ же голоса дважды прерывали рѣчь криками: „цензовую“. П. Н. Милюковъ отвѣтилъ имъ: „да, но единственно-организованную, которая дастъ потомъ возможность организоваться и другимъ слоямъ русской общественности“. Наконецъ, на самый существенный вопросъ—о судьбѣ династіи—ораторъ отвѣтилъ: „я знаю напередъ, что мой отвѣтъ не всѣхъ васъ удовлетворитъ. Но я скажу его. Старый деспотъ, доведшій Россію до полной разрухи, добровольно откажется отъ престола или будетъ низложенъ. Власть перейдетъ къ регенту, в. к. Михаилу Александровичу. Наслѣдникомъ будетъ Алексѣй (шумъ и крики: „это старая династія“). Да, г. г., это старая династія, которую, можетъ быть, не любите вы, и, можетъ быть, не люблю и я. Но дѣло сейчасъ не въ томъ, кто что любитъ. Мы не можемъ оставить безъ отвѣта и безъ разрѣшенія вопросъ о формѣ государственнаго строя. Мы представляемъ его себѣ, какъ парламентарную и конституціонную монархію. Быть можетъ, другіе представляютъ иначе. Но если мы будемъ спорить объ этомъ сейчасъ, вмѣсто того, чтобы сразу рѣшить вопросъ, то Россія очутится въ состояніи гражданской войны и возродится только что разрушенный режимъ. Этого сдѣлать мы не имѣемъ права... Но, какъ только пройдетъ опасность и установится прочный миръ, мы приступимъ къ подготовкѣ созыва Учреди-

тельнаго Собранія, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Свободно избранное народное представительство рѣшитъ, кто вѣрнѣе выразилъ общее мнѣніе Россіи, мы или наши противники".

Къ концу дня волненіе, вызванное сообщеніемъ П. Н. Милюкова о регентствѣ в. к. Михаила Александровича, значительно усилилось. Поздно вечеромъ въ зданіе Таврическаго дворца проникла большая толпа, чрезвычайно возбужденныхъ офицеровъ, которые заявляли, что не могутъ вернуться къ своимъ частямъ, если П. Н. Милюковъ не откажется отъ своихъ словъ. Не желая связывать другихъ членовъ правительства, П. Н. Милюковъ далъ требуемое заявленіе въ той формѣ, что „его слова о временномъ регентствѣ в. к. Михаила Александровича и о наслѣдованіи Алексѣя являются его личнымъ мнѣніемъ". Это было, конечно, невѣрно, ибо во всѣхъ предшествовавшихъ обсужденіяхъ вопросъ этотъ считался рѣшеннымъ сообща въ томъ именно смыслѣ, какъ это излагалъ П. Н. Милюковъ. Но напуганный наросташей волной возбужденія, Временный Комитетъ молчаливо отрекся отъ прежняго мнѣнія.

Какъ разъ въ то время, когда происходилъ этотъ сдвигъ въ Петроградѣ, въ Псковѣ Николай II измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе отречься въ пользу сына и „рѣшилъ отречься въ пользу брата". Такая перемѣна дѣлала защиту конституціонной монархіи еще болѣе трудной, ибо отпадалъ расчетъ на малолѣтство новаго государя, составлявшее естественный переходъ къ укрѣпленію строго-конституціоннаго строя: Тѣ, кто уже согласился на Алексѣя, вовсе не были обязаны соглашаться на Михаила. И когда, около 3 часовъ ночи на 3-е марта, до членовъ правительства, остававшихся въ Таврическомъ дворцѣ, дошли первые слухи объ отреченіи Николая II въ пользу Михаила, всѣ почувствовали, что этимъ снова открытъ вопросъ о династіи. Немедленно были освѣдомлены М. В. Родзянко и кн. Г. Е. Львовъ. Оба они отправились къ прямому проводу въ военное министерство, чтобы узнать тотчасъ по расшифрованіи точный текстъ акта объ отреченіи и выяснить возможность его измѣненія. Въ то же время были приняты мѣры, чтобы до окончательнаго рѣшенія вопроса актъ объ отреченіи Николая II не былъ опубликованъ. На разсвѣтѣ министры увѣдомили в. к. Михаила Александровича, ничего не подозрѣвавшаго и крайне удивленнаго случившейся перемѣной, что черезъ нѣсколько часовъ они его посѣтятъ. Отсутствіе Родзянко и Львова, съ одной стороны, и ожиданіе возвращенія Гучкова и Шульгина, съ другой, задержали эту встрѣчу. Возвратившагося Шульгина пишущій эти строки успѣлъ на станціи увѣдомить по телефону о совершившейся въ Петроградѣ перемѣнѣ настроенія. Но А. И. Гучковъ уже сообщилъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ о назначеніи Михаила и лично сдѣлался свидѣтелемъ возбужденія, вызваннаго этимъ извѣстіемъ.

Подъ этими предразсвѣтными впечатлѣніями состоялось предварительное совѣщаніе членовъ правительства и Временнаго Комитета о томъ, что и какъ говорить великому князю. А. Ф. Керенскій еще наканунѣ вечеромъ въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ объявилъ себя республиканцемъ и сообщилъ о своемъ особомъ положеніи въ министерствѣ, какъ представителя демократіи, и объ особенномъ вѣсѣ своихъ мнѣній. Правда, принятая на конференціи петроградскихъ соціалистовъ-революціонеровъ 2 марта резолюція говорила еще только о „подготовкѣ Учредительнаго Собранія **пропагандой** республиканскаго образа правленія" и санкціонировала вступленіе Керенскаго, какъ способъ „необходимаго **контроля** надъ дѣятельностью временнаго правительства со стороны трудящихся

массъ". Но въ утреннемъ совѣщаніи 3 марта его мнѣніе о необходимости убѣдить в. к. отречься возымѣло рѣшающее вліяніе. Н. В. Некрасовъ уже успѣлъ набросать и проектъ отреченія. На сторонѣ обратнаго мнѣнія, что надо сохранить конституціонную монархію до Учредительнаго Собранія, оказался одинъ П. Н. Милюковъ. Послѣ страстныхъ споровъ было рѣшено, что обѣ стороны мотивируютъ передъ в. к. свои противоположныя мнѣнія и, не входя въ дальнѣйшія пренія, предоставятъ рѣшеніе самому в. князю. Около полудня у в. к. на Милліонной собрались члены правительства: кн. Г. Е. Львовъ, П. Н. Милюковъ, А. Ф. Керенскій, Н. В. Некрасовъ, М. И. Терещенко, И. В. Годневъ, В. Н. Львовъ и нѣсколько позже пріѣхавшій А. И. Гучковъ, а также члены Временнаго Комитета, М. В. Родзянко, В. В. Шульгинъ, И. Н. Ефремовъ и М. А. Карауловъ. Необходимость отказа пространно мотивировалъ М. В. Родзянко и, послѣ него, А. Ф. Керенскій. Послѣ нихъ П. Н. Милюковъ развилъ свое мнѣніе, что сильная власть, необходимая для укрѣпленія новаго порядка, нуждается въ опорѣ привычнаго для массъ символа власти. Временное правительство одно, безъ монарха, говорилъ онъ, является „утлой ладьей", которая можетъ потонуть въ океанѣ народныхъ волненій, странѣ при этихъ условіяхъ можетъ грозить потеря всякаго сознанія государственности и полная анархія, раньше, чѣмъ соберется Учредительное Собраніе; временное правительство одно до него не доживетъ, и т. д. За этой рѣчью, вопреки соглашенію, послѣдовалъ рядъ другихъ рѣчей въ полемическомъ тонѣ. Тогда П. Н. Милюковъ просилъ и получилъ, вопреки страстному противодѣйствію Керенскаго, слово для второй рѣчи. Въ ней онъ указывалъ, что хотя и правы утверждающіе, что принятіе власти грозитъ рискомъ для личной безопасности великаго князя и самихъ министровъ, но на рискъ этотъ надо идти въ интересахъ родины, ибо только такимъ образомъ можетъ быть снята съ даннаго состава лицъ отвѣтственность за будущее. Къ тому же внѣ Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для защиты в. князя. Поддержалъ П. Н. Милюкова одинъ А. И. Гучковъ. Обѣ стороны заявили, что въ случаѣ рѣшенія, несогласнаго съ ихъ мнѣніемъ, они не будутъ оказывать препятствія и поддержатъ правительство, хотя участвовать въ немъ не будутъ.

По окончаніи рѣчей великій князь, все время молчавшій, попросилъ себѣ нѣкоторое время для размышленія. Выйдя въ другую комнату, онъ пригласилъ къ себѣ М. В. Родзянко, чтобы побесѣдовать съ нимъ наединѣ. Выйдя послѣ этой бесѣды къ ожидавшимъ его депутатамъ, онъ сообщилъ имъ довольно твердо, что его окончательный выборъ склонился на сторону мнѣнія, защищавшагося предсѣдателемъ Гос. Думы. Тогда А. Ф. Керенскій патетически заявилъ: „Ваше Высочество, Вы—благородный человѣкъ!" Онъ прибавилъ, что отнынѣ будетъ всюду заявлять это. Паѳосъ Керенскаго плохо гармонировалъ съ прозой принятаго рѣшенія. За нимъ не чувствовалось любви и боли за Россію, а только страхъ за себя...

Проектъ отреченія, набросанный Н. В. Некрасовымъ, былъ очень слабъ и неудаченъ. Рѣшено было пригласить юристовъ-государствовѣдовъ, В. Д. Набокова и Б. Э. Нольде, которые и внесли въ текстъ отреченія измѣненія, возможныя въ рамкахъ состоявшагося рѣшенія. Главное мѣсто отреченія гласило: „принялъ я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому и надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ своимъ черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи установить образъ правленія и но-

вые основные законы государства россійскаго. Призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ державы россійской подчиниться временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа". Чтобы легче понять, что новаго внесено этимъ актомъ, приведемъ главное мѣсто отреченія имп. Николая. „Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ согласіи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принося въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины. Призывая всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній, и помочь ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести государство россійское на путь побѣды, благоденствія и славы".

Такъ совершилась первая капитуляція русской революціи. Представители Г. Думы, „Думы третьяго іюня", въ сущности, рѣшили вопросъ о судьбѣ монархіи. Они создали положеніе, дефектное въ самомъ источникѣ,—положеніе, изъ котораго должны были развиться всѣ послѣдующія ошибки революціи. Въ общемъ сознаніи современниковъ этого перваго момента новая власть, созданная революціей, вела свое преемство не отъ актовъ 2 и 3 марта, а отъ событій 27 февраля. Въ этомъ была ея сила, чувствовавшаяся тогда,—и ея слабость, обнаружившаяся впослѣдствіи.

Были ли тяжелыя послѣдствія революціи 27 февраля, развернувшіяся въ дальнѣйшемъ, неизбѣжны? Или, напротивъ, ихъ можно было бы избѣжать, если бы тактика новаго правительства оказалась иная? Будущему историку предстоитъ выяснить неизбѣжный характеръ послѣдовавшихъ событій, выведя его изъ трудностей войны и хозяйственной разрухи, изъ неподготовленности населенія къ практикѣ народовластія, изъ запоздалости соціальныхъ и національныхъ реформъ, изъ малокультурности и неорганизованности населенія и т. п. Ближайшій участникъ событій, развертывавшихся въ центрѣ, естественно будетъ смотрѣть на событія и оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія менѣе фаталистической. Въ рядъ факторовъ неизмѣнныхъ, дѣйствовавшихъ съ неизбѣжными послѣдствіями, онъ введетъ факторъ, измѣняющійся въ зависимости отъ степени сознательности и волевой силы непосредственныхъ руководителей. Ему трудно будетъ отказаться отъ убѣжденія, что все могло бы пойти иначе, если бы степень сознательности и степень волевого напряженія у руководителей были иныя. Русская революція была „мирной и безкровной" въ своемъ началѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе двухъ причинъ: безспорнаго для всѣхъ слоевъ и для всѣхъ политическихъ теченій отрицательнаго отношенія къ старой самодержавной власти, не нашедшей въ рѣшительную минуту ни одного защитника,—и столь же безспорнаго въ тѣ первыя минуты положительнаго отношенія къ Гос. Думѣ и къ ея дѣятелямъ, взявшимъ въ свои руки руководство переворотомъ. Но безсиліе старой власти передъ недисциплинированностью и отсталостью страны перешло по наслѣдству и къ новой власти. Данная этой властью свобода была использована крайними элементами для систематической организаціи острой классовой борьбы, перешедшей мало-по-малу въ открытую гражданскую войну подъ лозунгомъ немедленнаго мира и немедленнаго введенія соціализма. Въ результатѣ,

разрушительнымъ началамъ революціи легко было получить перевѣсъ надъ созидательными, стихіи—получить перевѣсъ надъ сознательностью, распаду—надъ единствомъ. Среди постепенно прогрессировавшаго хаоса и анархіи, два элемента сохранили и усилили свой характеръ планомѣрныхъ волевыхъ факторовъ: во-первыхъ, утопія всемірной соціалистической революціи, долженствовавшей изъ Петрограда перекинуться на Берлинъ, Парижъ, Лондонъ и т. д.,—утопія, уже погубившая нашу первую революцію 1905 г.—и отчасти при посредствѣ тѣхъ же самыхъ идеологовъ-фанатиковъ; во-вторыхъ, искусство германскаго генеральнаго штаба, сумѣвшаго организовать измѣну внутри непріятельской страны и заставить русскихъ сражаться за Германію въ Петроградѣ, Москвѣ и многочисленныхъ другихъ городахъ Россіи.

Стихійный ходъ русской революціи велъ ее отъ переворота къ перевороту, причемъ каждый новый переворотъ ослаблялъ революціонную власть и все шире открывалъ путь явленіямъ распада. Можно даже подмѣтить извѣстную ритмичность въ этомъ повтореніи новыхъ и новыхъ крушеній власти. Два мѣсяца—вотъ почти точно тотъ срокъ, на который каждому вновь организовавшемуся правительству удавалось удержать надъ страной власть, становившуюся все болѣе и болѣе номинальной и фиктивной. Самый переходъ отъ власти низвергаемой къ власти, ее замѣнявшей, становился съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе длительнымъ и болѣзненнымъ.

Сообразно этому общему ритму событій русской революціи, ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе четыре періода: 1) Первое революціонное правительство (2 марта—2 мая). 2) Первое правительство коалиціоннаго состава (2 мая—2 іюля). 3) Первый кризисъ власти и вторая коалиція (3 іюля—28 августа). 4) Второй кризисъ власти и третья коалиція (28 августа—25 октября). Таково дѣленіе по внѣшнему признаку—послѣдовательно мѣняющихся кабинетовъ. Но есть въ немъ и внутренній признакъ—постоянно прогрессирующаго распада власти. За первымъ внутреннимъ противорѣчіемъ революціи, которое мы уже отмѣтили, слѣдуетъ при первомъ революціонномъ правительствѣ второе. Г. Дума сдала революціи идею монархіи. Кабинетъ князя Г. Е. Львова сдалъ позицію буржуазной революціи, подчинившись требованіямъ и формуламъ соціалистическихъ партій. Третье противорѣчіе развернулось при слѣдующемъ кабинетѣ, первомъ коалиціонномъ. Выпущенный „буржуазіей" изъ рукъ принципъ буржуазной революціи приняли подъ свою защиту умѣренные соціалисты. Какъ и можно было ожидать, эта двусмысленная позиція погубила ихъ въ мнѣніи рабочаго класса и чрезвычайно усилила лѣвый флангъ русскаго соціализма, „большевизмъ". Второму коалиціонному кабинету уже пришлось стать передъ фактомъ безсилія соціалистическаго центра лицомъ къ лицу съ двумя боровшимися флангами: буржуазной диктатурой, стремившейся спасти, что можно, для достиженія внѣшней побѣды и для сохраненія внутренняго мира,—и соціалистической утопіей, увлекавшей массы чисто-демагогическими лозунгами. Двусмысленное положеніе, занятое Керенскимъ въ борьбѣ между этими двумя флангами—между Корниловымъ и Ленинымъ,—лишило его союзниковъ и выдало его противникамъ. Въ выясненіи этого послѣдняго обстоятельства—одиночества власти—и заключается политическій смыслъ періода третьей коалиціи: того, который мы назвали „агоніей буржуазной республики". Исходомъ агоніи явилась побѣда большевиковъ, составляющая хронологическую грань, на которой останавливается первый томъ исторіи второй революціи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Буржуазная власть подчиняется цѣлямъ соціализма. (2 марта—6 мая).

I. Мѣропріятія врем. правительства и намѣренія совѣта р. и с. д.

Первое временное правительство.—Его программа.—Первыя мѣропріятія.—Гражданское равноправіе.—Манифестъ о Финляндіи.—Воззваніе къ полякамъ.—Желанія другихъ національностей.—Взглядъ кн. Г. Е. Львова на управленіе Россіей.—Законопроекты по управленію.—Подготовка Учредительнаго Собранія.—„Демократическія" организаціи.—Совѣтъ р. и с. д.—„Контактная комиссія".—„Контроль" надъ правительствомъ—или участіе соціалистовъ во власти?

6 марта временное правительство опубликовало воззваніе къ гражданамъ, въ которомъ излагалась программа его дѣятельности. Необходимость государственнаго переворота объяснялась въ этомъ воззваніи не одними только обстоятельствами военнаго времени, но и всей той десятилѣтней борьбой противъ народныхъ правъ, которая систематически велась верховной властью со времени роспуска первыхъ Гос. Думъ и нарушенія конституціи положеніемъ о выборахъ 3 іюня 1907 г. Въ отличіе отъ послѣдующихъ декларацій, воззваніе 6 марта первой своей задачей ставило „доведеніе войны до побѣднаго конца" и заявляло при этомъ, что оно „будетъ свято хранить связывающіе насъ съ другими державами союзы и неуклонно исполнитъ заключенныя съ союзниками соглашенія". Союзникамъ и эта фраза показалась тогда слишкомъ сухой. Далѣе, правительство обязывалось: 1) „созвать въ возможно кратчайшій срокъ Учредительное Собраніе... обезпечивъ участіе въ выборахъ и доблестнымъ защитникамъ родины"; 2) „немедленно обезпечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство"; 3) „озаботиться установленіемъ нормъ, обезпечивающихъ всѣмъ гражданамъ равное, на основѣ всеобщаго избирательнаго права, участіе въ выборахъ органовъ мѣстнаго самоуправленія"; 4) „вернуть съ почетомъ изъ мѣстъ ссылки и заточенія всѣхъ страдальцевъ за благо родины".

Заявленіе временнаго правительства объ отношеніи его къ войнѣ и къ союзникамъ все же закрѣпило за-границей то благопріятное впечатлѣніе, которое было создано руководящей ролью Гос. Думы въ переворотѣ. Послы и посланники союзныхъ державъ, въ ожиданіи оффиціальнаго признанія переворота ихъ правительствами, немедленно вошли въ сношенія съ образовавшимся временнымъ правительствомъ. Первымъ государствомъ, поспѣшившимъ и оффиціально признать новую власть, была Америка, посолъ которой Френсисъ уже 9 марта былъ принятъ временнымъ правительствомъ въ торжественной аудіенціи. За нимъ послѣдовали, 11 марта, оффиціальныя заявленія передъ временнымъ правительствомъ Франціи, Англіи и Италіи; потомъ, 22 марта, Бельгіи, Сербіи, Румыніи, Японіи и Португаліи.

Въ ближайшіе же дни послѣ принятія власти правительство энергично принялось за осуществленіе объявленной имъ программы. Шестымъ марта датированъ указъ о самой полной амнистіи, исключавшей лишь должностныя преступленія стараго порядка, и немедленно же сдѣланы распоряженія о возвращеніи на государственный счетъ всѣхъ политическихъ ссыльныхъ и эмигрантовъ. 12-мъ марта датировано постановленіе (опубли-

кованo 18 марта) объ отмѣнѣ смертной казни. Труднѣе оказалось формулировать отмѣну вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій,—необходимый шагъ къ установленію гражданскаго равенства и свободы. Можно было опубликовать общее постановленіе, но оно имѣло бы только декларативный характеръ. Можно было опубликовать перечень отмѣненныхъ статей дѣйствующаго законодательства, но это потребовало бы долгой и кропотливой работы. Временное правительство избрало средній путь, перечисливъ главныя категоріи отмѣняемыхъ ограниченій и указавъ важнѣйшія отмѣняемыя статьи. Такимъ образомъ, закономъ, подписаннымъ 20 марта (изданъ 22 марта) отмѣнялись національныя и вѣроисповѣдныя ограниченія, связанныя съ 1) свободой передвиженія и жительства, 2) пріобрѣтеніемъ правъ собственности, 3) занятіемъ ремесломъ, торговлей и промышленностью, 4) участіемъ въ торгово-промышленныхъ обществахъ, 5) наймомъ прислуги, 6) поступленіемъ на государственную и общественную службу и участіемъ въ выборахъ, 7) поступленіемъ въ учебныя заведенія, 8) исполненіемъ обязанностей опекуновъ, попечителей, присяжныхъ повѣренныхъ и 9) употребленіемъ языковъ въ частныхъ обществахъ и учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, было снято темное пятно, лежавшее на русской общественности по отношенію къ евреямъ, которые получили по этому закону полное гражданское равноправіе. Еще раньше временное правительство поспѣшило исправить грѣхъ старой власти по отношенію къ двумъ народностямъ, особенно страдавшимъ отъ капризовъ самодержавной политики: финляндцамъ и полякамъ. Манифестъ о Финляндіи былъ подписанъ уже 6 марта: имъ отмѣнялись всѣ нарушенія финляндской конституціи, совершенныя съ самаго начала руссификаторской политики Бобрикова (т. е. съ 1892 г.), даровалась полная амнистія лицамъ, боровшимся съ русскимъ правительствомъ за права Финляндіи, и давалось обѣщаніе въ возможно краткій срокъ созвать сеймъ, которому „будутъ переданы проекты новой формы правленія для В. К. Финляндскаго и, если того потребуютъ обстоятельства, предварительно будутъ переданы проекты отдѣльныхъ основныхъ законоположеній въ развитіе конституціи Финляндіи", а именно: въ нихъ „будутъ выяснены и расширены права сейма въ отношеніи права обложенія и опредѣленія доходовъ и расходовъ казны, а также и въ томъ смыслѣ, чтобы исконное право самообложенія финляндскаго народа было распространено и на таможенное обложеніе и чтобы обезпечено было своевременное движеніе подлежащихъ утвержденію законовъ, принятыхъ сеймомъ". Далѣе, будутъ внесены проекты „о предоставленіи сейму права повѣрять служебныя распоряженія членовъ финляндскаго правительства", „о независимомъ высшемъ судѣ, о свободѣ печати и о союзахъ". Финляндскому народу торжественно подтверждалось, „на основѣ его конституціи, сохраненіе его внутренней самостоятельности, правъ его національныхъ—культуры и языковъ", и высказывалась „твердая увѣренность, что Россія и Финляндія будутъ отнынѣ связаны уваженіемъ къ закону, ради взаимной дружбы и благоденствія обоихъ свободныхъ народовъ". Увѣренность эта основывалась, какъ на самомъ существѣ манифеста, которымъ вполнѣ осуществлялись стремленія финляндскихъ конституціоналистовъ-патріотовъ, составлявшія предметъ борьбы въ теченіе многихъ десятилѣтій, такъ и то обстоятельство, что актъ былъ изданъ по предварительному соглашенію съ представителями финляндскихъ политическихъ партій. Архаическій, полный пробѣловъ и умолчаній, государственный строй Финляндіи превращался манифестомъ въ конституціонное государство новѣйшаго типа, связанное съ Россіей единствомъ высшей власти и важнѣйшими общеимперскими дѣлами. Къ сожалѣнію, уже

во время перваго временнаго правительства, желанія финляндцевъ пошли дальше. Даже съ нарушеніемъ строго-конституціонныхъ отношеній между сеймомъ и сенатомъ, они стали добиваться расширенія власти послѣдняго учрежденія, хозяйственное отдѣленіе котораго замѣняло въ Финляндіи министерство. При этомъ они очень тонко подмѣчали всѣ моменты колебаній или слабости революціонной власти, чтобы то выдвигать впередъ свои требованія, то вновь переходить къ тактикѣ выжиданія. Созывъ сейма былъ назначенъ на 22 марта, и появленіе его, какъ увидимъ, еще болѣе осложнило ходъ разрѣшенія финляндскаго вопроса.

Въ польскомъ вопросѣ, по почину П. Н. Милюкова, временное правительство сразу стало на опредѣленную точку зрѣнія полной независимости объединенной изъ трехъ частей этнографической Польши. Въ виду германско-австрійской оккупаціи русской Польши, революціонная власть не могла, конечно, осуществить свое намѣреніе непосредственно. Вмѣсто манифеста о независимости Польши пришлось издать воззваніе къ полякамъ, которое говорило не точнымъ юридическимъ языкомъ финляндскаго документа, а словами одушевленнаго и горячаго призыва—бороться за общее дѣло, „плечомъ къ плечу и рука съ рукою, за нашу и вашу свободу“, какъ гласили старыя польскія знамена 30-хъ годовъ. Временное правительство оговаривало лишь право россійскаго Учредительнаго Собранія. Основное мѣсто воззванія гласило такъ: „Сбросившій иго русскій народъ признаетъ и за братскимъ польскимъ народомъ всю полноту права собственною волею опредѣлить судьбу свою. Вѣрное соглашеніямъ съ союзниками, вѣрное общему съ ними плану борьбы съ воинствующимъ германизмомъ, временное правительство считаетъ созданіе независимаго польскаго государства, образованнаго изъ всѣхъ земель, населенныхъ въ большинствѣ польскимъ народомъ, надежнымъ залогомъ прочнаго мира въ будущей—обновленной—Европѣ. Соединенное съ Россіей свободнымъ военнымъ союзомъ, польское государство будетъ твердымъ оплотомъ противъ напора срединныхъ державъ на славянство. Освобожденный и объединенный, польскій народъ самъ опредѣлитъ государственный строй свой, высказавъ волю свою черезъ Учредительное Собраніе, созванное въ столицѣ Польши и избранное всеобщимъ голосованіемъ. Россія вѣритъ, что связанные съ Польшей вѣками совмѣстной жизни народы получатъ при этомъ прочное обезпеченіе своего гражданскаго и національнаго существованія. Россійскому Учредительному Собранію предстоитъ скрѣпить окончательно новый братскій союзъ и дать свое согласіе на тѣ измѣненія государственной территоріи Россіи, которыя необходимы для образованія свободной Польши изъ всѣхъ трехъ, нынѣ разрозненныхъ, частей ея“.

Энтузіазмъ, вызванный опубликованіемъ финляндскаго и польскаго актовъ, временнаго правительства, отозвался повышеніемъ ожиданій среди другихъ національностей Россіи, въ особенности народностей, пограничныхъ съ театромъ военныхъ дѣйствій. Издавая оба документа до Учредительнаго Собранія, временное правительство руководилось какъ идейнымъ ихъ значеніемъ и безспорностью притязаній обѣихъ народностей въ тѣхъ рамкахъ, въ которыя ввело ихъ правительство, такъ и совершенно особымъ положеніемъ Финляндіи и Польши,—и вообще, и въ особенности въ связи съ военными операціями. Въ частности, въ оккупированной Польшѣ воззваніе революціоннаго правительства укрѣ-

шляло надежды поляковъ и помогло имъ оказать противодѣйствіе германо-австрійцамъ въ попыткахъ послѣднихъ создать полумилліонную польскую армію и закрѣпить за собой Польшу узами новой государственности, полученной изъ рукъ срединныхъ имперій. Распространеніе тѣхъ же правъ на другія народности Россіи не вызывалось такими же настоятельными причинами, предрѣшало бы будущее устройство Россіи и уже поэтому должно было быть отложено до Учредительнаго Собранія. Однако, уже въ то время и эти народности предъявили временному правительству свои притязанія: 18 марта князя Г. Е. Львова посѣтила литовская депутація въ составѣ М. М. Ичаса, П. С. Янушкевича и В. М. Бѣльскаго и вручила ему постановленіе вновь образованнаго изъ представителей политическихъ партій „литовскаго національнаго совѣта", что „въ этнографическомъ, культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ Литва представляетъ единое политическое цѣлое", что „при устроеніи жизни Литвы всѣ населяющія ея народности должны пользоваться равными правами, и всѣмъ имъ должно быть гарантировано свободное развитіе и участіе въ управленіи Литвой" и что „Литва должна быть выдѣлена въ самостоятельную административную единицу, причемъ управленіе Литвой должно быть поручено органамъ и лицамъ изъ среды самого населенія Литвы". Смыслъ этихъ заявленій, очевидно, шелъ дальше тѣхъ осторожныхъ выраженій, въ которыя они были на первый разъ облечены. Тогда же князь Г. Е. Львовъ принялъ и украинскую депутацію въ лицѣ петроградскихъ представителей, А. И. Лотоцкаго, М. А. Корчинскаго, М. А. Славинскаго, Гогеля, Т. Гайдара и Лободы. Требованія депутаціи были еще сравнительно умѣренныя и ограничивались мѣропріятіями, необходимыми до созыва Учредительнаго Собранія. Такими мѣрами депутація считала: назначеніе въ украинскія губерніи лицъ, знакомыхъ съ краемъ и съ его языкомъ, назначеніе губернскихъ украинскихъ комиссаровъ и учрежденіе при временномъ правительствѣ комиссара по украинскимъ дѣламъ, немедленное введеніе украинскаго языка въ практику и дѣлопроизводство судебныхъ установленій, въ начальную и среднюю школу, украинизація и открытіе новыхъ учительскихъ семинарій съ особой мѣстной программой и т. д. Въ результатѣ пріема, въ Петроградѣ образовался 19 марта „Украинскій національный совѣтъ". Временное правительство приняло мѣры для удовлетворенія украинскихъ стремленій по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, временное правительство рѣшительно порвало съ политикой старой власти въ Галиціи, постепенно освободило и вернуло т.-наз. „заложниковъ" и арестованныхъ за украинскую національную пропаганду и, въ концѣ существованія перваго министерства, назначило особаго комиссара, Д. И. Дорошенко, для управленія оккупированными мѣстностями Галиціи въ строгомъ согласіи съ предписаніями Гаагской конвенціи, при помощи имѣющаго быть возстановленнымъ на расширенныхъ началахъ мѣстнаго самоуправленія. Въ томъ же духѣ и въ то же время были приняты мѣры для организаціи управленія оккупированными областями Малой Азіи (Арменіи).

Гораздо болѣе сложнымъ и труднымъ вопросомъ, отъ рѣшенія котораго зависѣлъ весь дальнѣйшій ходъ революціи, былъ вопросъ о переустройствѣ всего управленія Россіей. Мирный и быстрый успѣхъ революціи въ Петроградѣ отразился на такомъ же мирномъ и быстромъ усвоеніи ея результатовъ всей страной. Вездѣ въ провинціи представители старой власти устранились сами или были устранены безъ всякаго сопротивленія. На смѣну администраціи стараго порядка явились повсюду въ первые же дни революціи мѣстные „комитеты", „совѣты" и другія организаціи изъ представителей обще-

ственныхъ элементовъ. Никакого единообразія и никакой іерархической связи между этими мѣстными организаціями и центромъ не существовало. Въ первые же дни существованія временнаго правительства функціи губернаторовъ и уѣздныхъ представителей власти переданы были предсѣдателямъ губернскихъ и уѣздныхъ управъ. Такъ какъ по своему составу эти предсѣдатели часто не соотвѣтствовали настроенію момента, то эта суммарная мѣра на мѣстахъ вызвала тренія и недовольство. Когда изъ провинціи пріѣзжали въ Петроградъ старые и новые представители администраціи и требовали однообразныхъ директивъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, они неизмѣнно получали отъ кн. Г. Е. Львова тотъ же отказъ, который онъ далъ представителямъ печати въ своемъ интервью 8 марта: „Это—вопросъ старой психологіи. Временное правительство смѣстило старыхъ губернаторовъ, а назначать никого не будетъ. Въ мѣстахъ выберутъ. Такіе вопросы должны разрѣшаться не изъ центра, а самимъ населеніемъ... Мы всѣ безконечно счастливы, что намъ удалось дожить до этого великаго момента, что мы можемъ творить новую жизнь народа—не для народа, а вмѣстѣ съ народомъ... Будущее принадлежитъ народу, выявившему въ эти историческіе дни свой геній. Какое великое счастье жить въ эти великіе дни". Въ интервью 19 марта кн. Львовъ говорилъ: „Въ области мѣстнаго самоуправленія программа временнаго правительства составлена властными указаніями самой жизни. Въ лицѣ мѣстныхъ общественныхъ комитетовъ и другихъ подобныхъ организацій она создала уже зародышъ мѣстнаго демократическаго самоуправленія, подготовляющаго населеніе къ будущимъ реформамъ. Въ этихъ комитетахъ я вижу фундаментъ, на которомъ должно держаться мѣстное самоуправленіе до созданія новыхъ его органовъ. Комиссары временнаго правительства, посылаемые на мѣста, имѣютъ своей задачей не становиться поверхъ создавшихся органовъ въ качествѣ высшей инстанціи, но лишь служить посредствующимъ звеномъ между ними и центральной властью и облегчить процессъ ихъ организаціи и оформленія". Кн. Львовъ пронесъ сказавшійся здѣсь оптимизмъ на идеалистической подкладкѣ неприкосновеннымъ черезъ всѣ испытанія первыхъ мѣсяцевъ революціи, какъ видно изъ его рѣчи 27 апрѣля въ торжественномъ юбилейномъ засѣданіи четырехъ Думъ. „Мы можемъ почитать себя счастливѣйшими людьми; поколѣніе наше попало въ наисчастливѣйшій періодъ русской исторіи"; такъ начиналась эта рѣчь, а кончилась она стихами американскаго поэта: „свобода, пусть отчаятся другіе, я никогда въ тебѣ не усомнюсь".

Такое міровоззрѣніе руководителя нашей внутренней политики практически привело къ систематическому бездѣйствію его вѣдомства и къ самоограниченію центральной власти одной задачей—санкціонированія плодовъ того, что на языкѣ „революціонной демократіи" называлось „революціоннымъ правотворчествомъ". Предоставленное самому себѣ и совершенно лишенное защиты со стороны представителей центральной власти, населеніе, по необходимости, должно было подчиниться управленію партійныхъ организацій, которыя пріобрѣли въ новыхъ мѣстныхъ комитетахъ могучее средство вліянія и пропаганды опредѣленныхъ идей, льстившихъ интересамъ и инстинктамъ массъ, а потому и наиболѣе для нихъ пріемлемыхъ.

Однако же, мысль о необходимости ввести мѣстное „правотворчество" въ какія нибудь однообразныя рамки закона не вовсе исчезла. Подобранные кн. Львовымъ сотрудники, во главѣ съ Н. Н. Авиновымъ, занялись разработкой соотвѣтствующихъ законопроектовъ. Вліяніе ихъ на жизнь не могло сказаться уже потому, что разработка эта

требовала довольно сложнаго труда и значительнаго времени. Однако же, къ концу своего существованія, подводя итогъ своей дѣятельности въ воззваніи 26 апрѣля, временное правительство уже имѣло возможность сообщить о ходѣ этой работы слѣдующія свѣдѣнія: „Начата коренная реорганизація мѣстнаго управленія и самоуправленія на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ. Изъ необходимыхъ для этихъ цѣлей законоположеній изданы уже постановленія о выборахъ въ городскія думы и о милиціи. Выработаны и будутъ изданы въ самомъ непродолжительномъ времени постановленія о волостномъ земствѣ, о реформѣ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, о мѣстныхъ продовольственныхъ органахъ, мѣстномъ судѣ и объ административной юстиціи". Такимъ образомъ, все, что вообще было сдѣлано въ этой области до созыва Учредительнаго Собранія, было уже подготовлено при первомъ составѣ временнаго правительства.

Созывъ Учредительнаго Собранія, при всемъ желаніи врем. правительства сдѣлать это въ кратчайшій срокъ, какъ требовало этого принятое на себя правительствомъ обязательство, закрѣпленное присягой, не могъ состояться до введенія на мѣстахъ новыхъ демократическихъ органовъ самоуправленія, способныхъ провести выборы. Съ другой стороны, хотя правительство обязалась также привлечь къ выборамъ и армію, но у перваго состава вр. правительства сложилось убѣжденіе, что сдѣлать это можно лишь въ моментъ затишья военныхъ операцій, т. е. не раньше поздней осени. Въ этихъ предѣлахъ правительство вполнѣ добросовѣстно не хотѣло никакихъ промедленій и при первой возможности, предоставленной ему неотложными текущими дѣлами, занялось этимъ вопросомъ. Уже 25 марта врем. правительство постановило образовать для выработки проекта избирательнаго закона въ Учр. Собраніе „Особое совѣщаніе" подъ предсѣдательствомъ назначеннаго правительствомъ лица (Ф. Ф. Кокошкина), съ участіемъ приглашенныхъ имъ же спеціалистовъ по госуд. праву, статистикѣ и другихъ свѣдущихъ лицъ, а также „политическихъ и общественныхъ дѣятелей, представляющихъ главныя политическія и національно-политическія теченія Россіи". Однако же, созывъ этой комиссіи затормазился въ виду того, что предсѣдатель совѣта раб. и солд. депутатовъ Н. С. Чхеидзе нѣкоторое время вовсе не отвѣчалъ на сдѣланное ему предложеніе объ опредѣленіи численности представителей въ совѣщаніи отъ демократическихъ организацій, а затѣмъ предложенное юридической комиссіей при врем. правительствѣ число ихъ вызвало разногласія. Къ срединѣ апрѣля юридическая комиссія разработала примѣрный перечень вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію при составленіи избирательнаго закона, и разослала его всѣмъ организаціямъ, имѣющимъ быть представленными въ совѣщаніи. Комиссія расчитывала, что въ ближайшемъ будущемъ представители организацій (всего 41 членъ) будутъ делегированы, и 25-30 апрѣля можно будетъ начать работу. Но новыя проволочки съ посылкой делегатовъ, въ особенности національныхъ группъ, привели къ тому, что при первомъ правительствѣ работа особаго совѣщанія такъ и не началась. Во всякомъ случаѣ, основныя положенія избирательнаго закона были уже выработаны юридической комиссіей: это — тѣ самыя положенія, которыя были доложены Ф. Ф. Кокошкинымъ на апрѣльскомъ съѣздѣ партіи народной свободы и приняты партіей.

Намѣченная временнымъ правительствомъ программа дѣятельности, такимъ образомъ, была или осуществлена, или подготовлена къ осуществленію. Но не въ этой области законодательныхъ работъ, осуществлявшихъ великіе принципы революціи, лежали

тѣ трудности, которыя, быстро возрастая, парализовали уже къ концу второго мѣсяца работу перваго состава временнаго правительства. Одну изъ этихъ трудностей мы уже отмѣтили: это—исчезнованіе власти въ провинціи и вытекавшая отсюда полная невозможность приводить въ исполненіе рѣшенія центральнаго правительства. Другая трудность заключалась въ томъ, что власть, выпущенная изъ рукъ временнаго правительства, была захвачена соціалистическими партіями, поставившими своей прямой задачей организовать „демократію" какъ въ центрѣ, такъ и въ провинціи, для осуществленія своихъ партійныхъ лозунговъ.

Въ центрѣ органами „революціонной демократіи" явились какъ мѣстныя петроградскія соціалистическія организаціи, такъ въ особенности объединявшій ихъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Первые шаги этого послѣдняго учрежденія были довольно неувѣренны и робки. Общепризнаннымъ догматомъ марксизма былъ тотъ, что въ настоящее время возможна только „буржуазная", а не соціалистическая революція, что соціалистическія партіи должны не столько бороться за власть непосредственно, сколько создать условія для организаціи массъ съ цѣлью такой борьбы въ будущемъ, а въ ожиданіи — „контролировать" буржуазное правительство въ его дѣятельности и не позволять ему препятствовать организаціоннымъ задачамъ „демократіи". Въ лицѣ временнаго правительства самое требовательное воображеніе не могло усмотрѣть такой организаціи, которая защищала бы классовые интересы „буржуазіи" и противилась бы демократическимъ реформамъ. Задачи, которыя преслѣдовало правительство, были надпартійныя, общія всѣмъ партіямъ: иначе и быть не могло, такъ какъ всѣ его очередныя мѣры были чисто формальныя и подготовительныя. Оно просто готовило условія для свободнаго выраженія народной воли въ Учредительномъ Собраніи, не предрѣшая, по существу, какъ выразится эта воля относительно всѣхъ очередныхъ вопросовъ государственнаго строительства,—политическихъ, соціальныхъ, національныхъ и экономическихъ. Вотъ почему, только въ очень условномъ смыслѣ это правительство могло быть названо „буржуазнымъ". Конференція петроградскихъ с.-р. такъ и смотрѣла на дѣло, когда уже 2 марта признала „настоятельно необходимой поддержку временнаго правительства, поскольку оно будетъ выполнять объявленную имъ политическую программу". „Постольку—поскольку" сдѣлалось знаменитой формулой совѣта р. и с. депутатовъ. Это было бы, по существу, неопасно, ибо временное правительство вовсе не думало измѣнять своей программѣ, а, напротивъ, убѣжденно и добросовѣстно ее осуществляло. Но „революціонная демократія" не довольствовалась простымъ „контролемъ". Въ ближайшіе же дни г. Стекловъ-Нахамкесъ заявилъ въ совѣтѣ, что совѣтъ „желаетъ путемъ постояннаго организованнаго давленія заставлять правительство осуществлять тѣ или иныя требованія". Для этой цѣли—„воздѣйствія на правительство и непрерывнаго контроля"—10 марта была избрана особая „контактная комиссія" изъ Скобелева, Стеклова, Суханова (Гиммера), Филипповскаго и Чхеидзе. Впослѣдствіи, послѣ реорганизаціи совѣта, ея мѣсто заняло бюро исполнительнаго комитета. „Контактная комиссія" дѣйствовала вначалѣ очень сдержанно и робко при встрѣчахъ съ правительствомъ, для чего отъ времени до времени въ одной изъ залъ Маріинскаго дворца—не въ залѣ засѣданій совѣта министровъ—назначались особыя совѣщанія. Значительная часть пожеланій „контактной комиссіи" удовлетворялась, о чемъ демонстративно и хвастливо заявлялось въ совѣтѣ. Нѣкоторыя „требованія" встрѣтили, однако, категорическій отказъ (напр., требо-

ваніе объ ассигновкѣ 10 милліоновъ на нужды демократическихъ организацій). На съѣздѣ совѣтовъ И. Г. Церетели призналъ (30 марта), что въ „контактной комиссіи“ „не было случая, чтобы въ важныхъ вопросахъ временное правительство не шло на соглашенія“. Соотвѣтственнымъ образомъ была формулирована и декларація, предложенная исполнительнымъ комитетомъ совѣта этому съѣзду. „Признавая, что выдвинутое низверженіемъ самодержавія временное правительство, представляющее интересы либеральной и демократической Россіи, проявляетъ стремленіе идти по пути, намѣченному деклараціей, опубликованной имъ по соглашенію съ совѣтомъ р. и с. депутатовъ, всероссійское совѣщаніе совѣтовъ р. и с. д., настаивая на необходимости постояннаго воздѣйствія на временное правительство въ смыслѣ побужденія его къ самой энергичной борьбѣ съ контръ-революціонными силами и къ рѣшительнымъ шагамъ въ сторону демократизаціи всей русской жизни, признаетъ политически-цѣлесообразной поддержку совѣтомъ р. и с. д. врем. правительства, поскольку оно, въ согласіи съ совѣтомъ, будетъ неуклонно идти въ направленіи къ упроченію завоеваній революціи и р а с ш и р е н і ю этихъ завоеваній“. Однако же, рѣчь докладчика Стеклова и послѣдовавшія пренія вскрыли гораздо болѣе острое отношеніе къ правительству, чѣмъ это видно изъ примирительнаго текста резолюціи. Стекловъ счелъ нужнымъ поднять заднимъ числомъ вопросъ, который не игралъ никакой роли въ началѣ революціи: почему исполнительный комитетъ совѣта не захватилъ съ перваго дня власти въ свои руки? Онъ далъ на это слѣдующій характерный отвѣтъ. „По двумъ причинамъ: психологической и политической. Во первыхъ, въ первые дни революціи намъ не было еще на кого опереться. Мы имѣли передъ собой лишь неорганизованную массу... Со всѣхъ сторонъ сообщалось о томъ, что въ Петроградъ идутъ войска съ цѣлью усмиренія революціи. Мы, подобно древнимъ римлянамъ, сидѣли, увѣряя себя, что „засѣданіе продолжается“. Вторая причина—политическая. Революціонная демократія беретъ власть въ свои руки лишь тогда, когда власть въ осуществленіи своей программы становится на путь контръ-революціонный. Такого положенія у насъ не было, нѣтъ его и сейчасъ. Буржуазія прекрасно сознавала и сознаетъ, что ей надо идти на широкія уступки демократіи... Мы ни на одну минуту не сомнѣвались, что т а ж е с а м а я п р о г р а м м а, к о т о р у ю н ы н ѣ о с у щ е с т в л я е т ъ в р е м е н н о е п р а в и т е л ь с т в о п о д ъ а п п л о д и с м е н т ы в с е й р о с с і й с к о й б у р ж у а з і и, в с т р ѣ т и л а б ы с о с т о р о н ы к о м а н д у ю щ и х ъ к л а с с о в ъ с а м о е э н е р г и ч н о е с о п р о т и в л е н і е, е с л и б ы е е п р о в о д и л и м ы п о д ъ ф и р м о й с о в ѣ т а с о л д а т с к и х ъ и р а б о ч и х ъ д е п у т а т о в ъ“. Изъ наивнаго и откровеннаго признанія Стеклова его оппоненты сдѣлали дальнѣйшіе выводы. „Они не чувствовали въ первые дни революціи почвы подъ ногами для захвата власти“, говорилъ военный врачъ Есиповскій. „Но теперь положеніе измѣнилось. За спиною совѣта р. и с. д.—армія и народъ. Представители революціоннаго пролетаріата и революціонной арміи должны поэтому войти въ составъ временнаго правительства. Вр. правительство должно быть коалиціоннымъ. Пока этого не произойдетъ, двоевластіе неизбѣжно. Въ составѣ вр. правительства долженъ быть не одинъ нашъ „заложникъ“, какимъ является А. Ф. Керенскій, а представители всѣхъ соціалистическихъ партій“. Большевикъ Каменевъ сдѣлалъ другой выводъ. „Изъ доклада Стеклова,—замѣтилъ онъ совершенно правильно,—видно, что исполнительный комитетъ не только осуществляетъ функціи контроля надъ врем. правительствомъ, но и ведетъ съ нимъ упорную борьбу. Это и надо сказать въ

революціи. Наше отношеніе къ вр. правительству должно выразиться не въ поддержкѣ его, а въ томъ, чтобы, въ предвидѣніи неизбѣжнаго столкновенія этого правительства или, вѣрнѣе, тѣхъ классовъ, которые оно представляетъ, съ органами революціонной власти—совѣтами р. и с. д.—сплотиться вокругъ этихъ послѣднихъ".

Однако, перевѣсъ на съѣздѣ принадлежалъ не сторонникамъ коалиціи и не сторонникамъ открытой борьбы, а сторонникамъ „общенароднаго единенія буржуазіи и пролетаріата на общей платформѣ демократической республики". Эту среднюю линію защищалъ И. Г. Церетели, не договаривая до конца аргументовъ Стеклова и подчеркивая лояльность врем. правительства, „не отвѣтственнаго" за тѣ круги, которые „натравливаютъ на совѣты р. и с. д.", и не идущаго по пути „контръ-революціи", на который эти круги его „толкаютъ". Существо дѣла оставалось, во всякомъ случаѣ, то же. „Революціонная демократія" за одинъ мѣсяцъ еще не успѣла почувствовать „почву подъ ногами", и худой миръ былъ для нея пока предпочтительнѣе доброй ссоры. Худой миръ устраивалъ и поддерживалъ И. Г. Церетели, но и единомышленники Каменева не могли на него жаловаться, ибо „за спиной" правительства и совѣта они совершенно свободно дѣлали то самое дѣло, которое принципіально признавали нужнымъ, хотя и отшатывались еще отъ его практическихъ послѣдствій.

II. „Революціонная демократія" переходитъ въ наступленіе.

Агитація большевиковъ противъ войны.—Мѣры большевиковъ и агентовъ къ разложенію арміи.—Воздѣйствіе большевиковъ черезъ совѣтъ и „контактную комиссію" на правительство.—Большевики организуютъ кампанію противъ „имперіалистовъ" за Циммервальдъ.—Обращеніе совѣта „къ народамъ всего міра" и заявленіе правительства (28 марта) о цѣляхъ войны.—Вліяніе русскихъ эмигрантовъ и союзныхъ соціалистовъ на „демократизацію" внѣшней политики.—Новыя требованія отъ министра иностр. дѣлъ.—Заявленіе Керенскаго.—Агитація среди рабочихъ.—Нота 18 апрѣля и уличное движеніе 20—21 апрѣля противъ П. Н. Милюкова.—Побѣда правительства.—Власть совѣта надъ гарнизономъ и отставка ген. Корнилова.

Въ чемъ состояла закулисная революціонная работа „за спиной" правительства и совѣта? Русская революція еще не начиналась, а главный лозунгъ закулисныхъ силъ, ее двигавшихъ, уже былъ провозглашенъ. Та демонстрація рабочихъ, которая готовилась на 14 февраля,—день возобновленія сессіи Гос. Думы—должна была выразить протестъ противъ войны. Именно для этой цѣли какіе-то люди, именовавшіе себя членами Гос. Думы (и, конечно, не имѣвшіе ничего общаго съ членами думскихъ соціалистическихъ партій), раздавали оружіе рабочимъ. Не только П. Н. Милюковъ протестовалъ тогда противъ „дурныхъ и опасныхъ совѣтовъ, исходящихъ изъ самаго темнаго источника", но и члены рабочей группы при военно-промышленномъ комитетѣ, уцѣлѣвшіе отъ ареста-ихъ Протопоповымъ, заявляли: „интересы рабочаго класса зовутъ васъ къ станкамъ (т. е. къ помощи войнѣ)". Роль „темныхъ источниковъ" въ переворотѣ 27 февраля, какъ мы уже говорили, совершенно неясна, но, судя по всему послѣдующему, отрицать ее трудно. И уже въ это первое время она совпадаетъ съ ролью „большевиковъ". Среди нихъ дѣйствовалъ тогда провокаторъ Черномазовъ, не разоблаченный еще редакторъ прежней „Правды". Лозунгъ большевиковъ былъ провозглашенъ въ мани-

фестѣ, напечатанномъ уже на другой день послѣ начала революціи, въ № 1 „Извѣстій Петроградскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ". „Немедленная и неотложная задача временнаго революціоннаго правительства", говорилось тутъ,—„войти въ сношенія съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кликъ и немедленнаго прекращенія кровавой человѣческой бойни, которая навязана порабощеннымъ народамъ". Это—точная формула Циммервальда, не имѣющая, очевидно, ничего общаго съ той платформой „демократической республики", при помощи которой И. Г. Церетели хотѣлъ объединить „буржуазію" съ „пролетаріатомъ". Но источникъ этой идеологіи и всѣ ея послѣдствія, развернувшіяся въ дальнѣйшемъ, очевидно, были неясны для оффиціальнаго лидера „революціонной демократіи". И онъ добросовѣстно сдѣлалъ себя и руководимое имъ большинство совѣта той ступенькой, по которой большевики пробрались къ вліянію и къ власти, совершивъ предварительно все то дѣло разрушенія, которое, по ихъ теоріи, должно было предшествовать ихъ полному торжеству.

Уже на второй день революціи, подъ вліяніемъ большевиковъ, въ заголовкѣ совѣтскаго органа, „Извѣстій" было прибавлено къ слову „рабочихъ" также и слово „солдатскихъ" депутатовъ. Въ то же время появилась прокламація къ солдатамъ, подписанная, между прочимъ, и партіей с.-р., хотя черезъ день конференція с.-р. рѣзко осудила эту прокламацію, какъ „крайне неудачно составленную, вселяющую въ народныя массы взаимное недовѣріе и рознь, къ тому же изданную безъ вѣдома правомочныхъ партійныхъ учрежденій". Прокламація была „проникнута озлобленіемъ противъ всѣхъ офицеровъ, огульно, безъ исключенія". Вслѣдъ за с.-р. эту прокламацію осудилъ и Чхеидзе, какъ „провокаціонный листокъ, натравливающій солдатъ на офицеровъ и подписанный именемъ с.-д. организацій." Наконецъ, какъ-то со стороны и врасплохъ былъ подсунутъ Временному Комитету Гос. Думы поздно вечеромъ 1 марта и текстъ знаменитаго приказа № 1. „Неизвѣстный" полковнику Энгельгардту членъ сов. р. и с. д. въ военной формѣ „предложилъ ему написать приказъ объ отношеніяхъ солдатъ и офицеровъ". На отказъ Энгельгардта онъ отвѣтилъ: „тѣмъ лучше, напишемъ сами". Дѣйствительно, содержаніе приказа № 1 было предложено тогда же, 1 марта, совѣту р. д. „товарищемъ Максимомъ" (извѣстный сотрудникъ „Дня" С. А. Кливанскій) въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: „1) предложить солдатамъ не выдавать оружія никому, 2) немедленно избрать представителей въ Совѣтъ, 3) предложить тов. солдатамъ подчиняться при своихъ политическихъ выступленіяхъ только Совѣту р. и с. д. и 4) подчиняясь на фронтѣ офицерамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ считать ихъ внѣ фронта равноправными гражданами". Приказъ № 1 прибавилъ лишь къ этому приглашеніе немедленно выбрать вездѣ „комитеты" и доводить до ихъ свѣдѣнія о „всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами", отмѣнить отданіе чести и титулованіе; фактически это привело, вопреки разъясненію исп. комитета совѣта отъ 5 марта, къ повсемѣстному выбору офицеровъ совѣтами. Нужно прибавить, что 4 марта было рѣшено расклеить по улицамъ заявленіе Керенскаго и Чхеидзе, что приказъ № 1 „не исходитъ отъ Совѣта р. д.", а 7 марта центральный комитетъ партіи народной свободы постановилъ „довести до свѣдѣнія Совѣта, что, обсудивъ полученныя имъ свѣдѣнія о чрезвычайной смутѣ и рядѣ бѣдственныхъ происше-

ствій въ арміи и во флотѣ, произведенныхъ приказомъ № 1, изданнымъ совѣтомъ р. и с. д., комитетъ призналъ своимъ гражданскимъ долгомъ обратиться къ совѣту съ заявленіемъ о необходимости полной и ясной отмѣны этого приказа во имя сохраненія нашей боевой силы, безъ чего немыслимо успѣшное доведеніе войны до конца". Однако, ни заявленіе Керенскаго и Чхеидзе не появилось въ „Извѣстіяхъ", ни полной и ясной отмѣны приказа не состоялось, несмотря на возваніе Скобелева и Гучкова о пагубности розни между офицерами и солдатами и о томъ, что приказы № 1 и 2 относятся только къ войскамъ петроградскаго гарнизона. Вопреки общимъ усиліямъ всѣхъ сознательныхъ и отвѣтственныхъ руководителей, мутная струя проникла, такимъ образомъ, въ русскую революцію съ самаго начала: она внесена была, очевидно, изъ опредѣленнаго источника, о которомъ свидѣтельствуетъ самое содержаніе требованій большевиковъ относительно немедленной „демократизаціи" арміи и немедленнаго же „демократическаго" мира. Извѣстный швейцарскій соціалъ-демократъ, Робертъ Гриммъ, уличенный позднѣе въ сношеніяхъ съ германскимъ правительствомъ, совершенно точно формулировалъ большевистскій лозунгъ въ своемъ приглашеніи на третью циммервальдскую конференцію въ Стокгольмѣ, созывавшуюся имъ на 2 мая. Туда приглашались пріѣхать всѣ партіи и организаціи, примыкающія къ лозунгу: „борьба противъ примиренія партій, возобновленіе классовой борьбы, требованіе немедленнаго перемирія и заключенія мира безъ аннексій и контрибуцій на основахъ свободнаго самоопредѣленія народовъ".

Какую роль играло въ этомъ планѣ разложеніе арміи, видно изъ сообщенія Верховнаго Главнокомандующаго ген. Алексѣева (1 апрѣля): „рядъ перебѣжчиковъ показываетъ, что германцы и австрійцы надѣются, что различныя организаціи внутри Россіи, мѣшающія въ настоящее время работѣ временнаго правительства, внесутъ анархію въ страну и деморализуютъ русскую армію". Изъ напечатанныхъ въ началѣ 1918 г. документовъ извѣстно, что уже съ самаго начала войны воздѣйствіе на русскую армію было прямо организовано нашими противниками при содѣйствіи русскихъ эмигрантовъ—„пораженцевъ".

Органомъ пропаганды большевиковъ явилась „Правда", разсылавшаяся такъ же, какъ „Окопная Правда", сразу въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. О характерѣ пропаганды „Правды" дадутъ понятіе слѣдующія цитаты изъ первыхъ же ея номеровъ*). „Буржуазныя партіи уже теперь стремятся ввести революцію въ умѣренное русло—организуютъ офицеровъ, призываютъ солдатъ къ подчиненію" (№ 1). „Петербургскій комитетъ" постановилъ предложить совѣту р. и с. д. принять мѣры „къ свободному доступу на фронтъ и въ ближайшій его тылъ для преобразованія фронта" „нашихъ партійныхъ агитаторовъ", которые должны были обращаться „съ призывомъ къ братанію на фронтѣ" (№ 3). Бюро Ц. К. предписывало тогда же, въ началѣ марта, „широкое и систематическое братанье солдатъ воюющихъ народовъ въ траншеяхъ" (№ 5). Первыми опорными точками и базами для всей дальнѣйшей дѣятельности большевиковъ явились болѣе доступныя къ воздѣйствію изъ-за границы мѣста: Гельсингфорсъ и Кронштадтъ.

*) См. подробнѣе въ брошюрѣ А. С. Изгоева: „Соціалисты во второй русской революціи". Изд. партіи нар. свободы. Петр., 1917.

Тамъ произошли и первыя открытыя выступленія вооруженной силы противъ временнаго правительства.

Однако, большевистская пропаганда далеко не сразу проникла на фронтъ. Первый мѣсяцъ или полтора послѣ революціи армія оставалась здоровой. Не пропуская явныхъ агитаторовъ, командный составъ добросовѣстно старался пойти навстрѣчу требованіямъ новаго строя и установить нормальныя отношенія между офицерами и солдатами. 13-го марта въ Петроградѣ состоялось первое соединенное засѣданіе членовъ комитета объединенныхъ офицерскихъ депутатовъ съ исполнительнымъ комитетомъ совѣта р. и с. д., принявшее, при общемъ энтузіазмѣ, поцѣлуяхъ и слезахъ, слѣдующую резолюцію: „Выслушавъ объясненія исполнительнаго комитета совѣта офицерскихъ депутатовъ гарнизона Петрограда и окрестностей и балтійскаго флота, объединяющаго около 20.000 офицеровъ, собраніе заявляетъ объ установленіи прочнаго братскаго единенія между офицерами и солдатами, къ чему призываетъ всю русскую армію. Въ основу этого единенія собраніе призываетъ положить взаимное уваженіе въ каждомъ солдатѣ и каждомъ офицерѣ чувства чести и человѣческаго достоинства и общее стремленіе стоять на стражѣ свободы". На фронтѣ съ энтузіазмомъ встрѣчались члены Гос. Думы, посланные туда для объясненія войскамъ началъ совершившагося переворота. Депутаціи, въ безчисленномъ количествѣ приходившія съ фронта и направлявшіяся сперва въ Таврическій дворецъ, а потомъ, послѣ перехода врем. правительства, въ Маріинскій, неизмѣнно выражали довѣріе врем. правительству и готовность поддержать его противъ всякихъ попытокъ возстановленія стараго строя. Скоро къ этимъ темамъ присоединилась новая: опасеніе „двоевластія" и борьбы между правительствомъ и совѣтомъ рабочихъ депутатовъ. Депутаціи зачастую убѣждали совѣтъ не мѣшать правительству въ его работѣ по подготовкѣ Учредительнаго Собранія и предлагали правительству свою поддержку противъ всѣхъ попытокъ вліять на него извнѣ. Высказывалась и готовность вести войну до побѣднаго конца. Но очень скоро къ этому стали присоединяться заявленія объ усталости арміи. Энтузіазмъ, вызванный въ войскахъ введеніемъ новаго строя, выражался многочисленными пожертвованіями георгіевскихъ крестовъ и другихъ цѣнныхъ вещей.

Не получивъ сразу непосредственнаго доступа въ армію, большевики пытались вліять на армію черезъ совѣтъ р. и с. д., который, въ свою очередь, пытался воздѣйствовать на правительство черезъ свою „контактную комиссію". Уже 12 марта солдатская секція совѣта по поводу опубликованія текста присяги постановила: „къ опубликованной присягѣ не приводить, а гдѣ это произошло, считать присягу недѣйствительной". Контактная комиссія требовала внесенія въ текстъ присяги словъ о противодѣйствіяхъ контръ-революціоннымъ попыткамъ, но въ виду неопредѣленности этого термина и неизбѣжности самочинныхъ дѣйствій солдатъ при самостоятельномъ его толкованіи, правительство не согласилось измѣнить текста присяги. Въ засѣданіи совѣта 14 марта Нахамкесъ сдѣлалъ безцеремонное заявленіе, совершенно несоотвѣтствовавшее дѣйствительности. „Бывшая царская ставка въ Могилевѣ сейчасъ сдѣлана контръ-революціоннымъ центромъ. Мятежники-генералы, нежелающіе подчиниться волѣ русскаго народа, реакціонные генералы... ведутъ открытую контръ-агитацію среди солдатъ... Мы потребовали отъ врем. правительства, чтобы оно заранѣе объявило внѣ закона тѣхъ мятежныхъ генераловъ, которые дерзаютъ святотатственно поднять свою жалкую руку... Не только всякій офицеръ, всякій солдатъ не должны ему повиноваться, но всякій офи-

церъ, всякій солдатъ, всякій гражданинъ имѣютъ право и обязанность его убить раньше, чѣмъ онъ подниметъ свою руку" и т. д.

Конечно, подобныхъ требованій правительство не удовлетворяло — да они и не представлялись въ такой формѣ; но тотъ же Нахамкесъ въ каждомъ засѣданіи контактной комиссіи систематически выкладывалъ цѣлый рядъ жалобъ изъ арміи на неподготовленность командного состава къ усвоенію началъ новаго строя и къ установленію основанныхъ на немъ отношеній къ солдатамъ. Отсутствіе А. И. Гучкова на большей части этихъ засѣданій приводило делегатовъ совѣта въ большое раздраженіе. Намѣченныя военнымъ министромъ—и вскорѣ осуществленныя—перемѣны въ командномъ составѣ, конечно, основывались не на этихъ соображеніяхъ, а главнымъ образомъ, на необходимости омолодить этотъ составъ и улучшить его въ военномъ отношеніи. Но созданная А. И. Гучковымъ комиссія подъ предсѣдательствомъ бывшаго военнаго министра А. А. Поливанова, должна была войти въ обсужденіе цѣлаго ряда другихъ предложеній, вносившихся совѣтомъ и его солдатской секціей съ цѣлью „демократизаціи арміи". Въ этомъ числѣ была и знаменитая „декларація правъ солдата", явившаяся въ печати уже 14 марта, какъ „постановленіе совѣта солдатскихъ депутатовъ". 22 марта явился въ печати другой проектъ о „комитетахъ", также понятый солдатской массой, какъ окончательный законъ. Комиссія Поливанова санкціонировала эти проекты уже тѣмъ, что приняла ихъ къ разсмотрѣнію. Въ концѣ апрѣля „декларація правъ солдата" прошла почти въ неизмѣненномъ видѣ. Но содержаніе ея было введено въ жизнь еще ранѣе, фактически. Высшее командованіе считало, что опубликованіе „деклараціи правъ" будетъ сигналомъ къ полному разложенію арміи. Но разложеніе это въ теченіе апрѣля пошло и безъ того далеко впередъ. Въ концѣ апрѣля (27), въ торжественномъ засѣданіи четырехъ Думъ, это долженъ былъ признать самъ военный министръ Гучковъ. „Казалось, что наша военная мощь возродится,... что вспыхнетъ священный энтузіазмъ, что закалится, какъ стальная пружина, воля къ побѣдѣ", говорилъ онъ. „Казалось, эта новая, свободная армія затмитъ своими подвигами старую, подневольную"... „Мы должны честно признать, что этого нѣтъ. Она переживаетъ тотъ же недугъ, какъ страна: двоевластіе, многовластіе, безвластіе... Не опоздали ли мы, съ нашими врачебными совѣтами и методами леченія? Я думаю, нѣтъ. Не опоздаемъ ли если хотя нѣсколько промедлимъ? Я думаю, да. Тотъ гибельный лозунгъ, который внесли къ намъ какіе то люди, зная, что творятъ,—а, можетъ быть, и не зная, что творятъ,—этотъ лозунгъ „миръ на фронтѣ и война въ странѣ", эта проповѣдь международнаго мира во что бы то ни стало и гражданской войны во что бы то ни стало, этотъ лозунгъ долженъ быть заглушенъ властнымъ окрикомъ великаго русскаго народа: „война на фронтѣ и миръ внутри". Г.г., вся страна когда-то признала: отечество въ опасности. Мы сдѣлали еще шагъ впередъ: отечество на краю гибели".

Если одной своей стороной циммервальдская формула обращала свое требованіе къ военному министру, то другой—и наиболѣе существенной—она обращалась къ министру иностранныхъ дѣлъ. Открывая 3 марта засѣданіе совѣта р. и с. д., Н. С. Чхеидзе рѣзко подчеркнулъ международный характеръ русской революціи. „Да здравствуетъ всемірный пролетаріатъ. Уже поднято знамя международнаго пролетаріата." 14 марта эта мысль была развита въ воззваніи „къ народамъ всего міра", принятомъ совѣтомъ р. и с. д. Содержаніе воззванія довольно робко намѣчаетъ очертанія будущей циммервальдской

тактики. „Россійская демократія“ возвѣщаетъ „народамъ всего міра“ о своемъ „вступленіи въ ихъ семью полноправнымъ членомъ“ и „заявляетъ, что наступила пора начать рѣшительную борьбу съ захватными стремленіями правительствъ всѣхъ странъ, наступила пора народамъ взять въ свои руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ.“ Но тотчасъ затѣмъ воззваніе спеціально обращается къ австро-германцамъ, убѣждая германскую соціалъ-демократію, что теперь ей уже не приходится „защищать культуру Европы отъ азіатскаго деспотизма“ и что „русская демократія будетъ стойко защищать нашу собственную свободу отъ всякихъ реакціонныхъ посягательствъ какъ извнутри, такъ и извнѣ; русская революція не отступитъ передъ штыками завоевателей и не позволитъ раздавить себя внѣшней военной силой“. Воззваніе призываетъ уже спеціально демократію срединныхъ имперій, отдѣляя ее отъ союзной: „сбросьте съ себя иго вашего самодержавнаго порядка, подобно тому, какъ русскій народъ стряхнулъ съ себя царское самовластіе; откажитесь служить орудіемъ захвата и насилія въ рукахъ королей, помѣщиковъ и банкировъ—и дружными усиліями мы прекратимъ страшную бойню, позорящую человѣчество и омрачающую великіе дни рожденія русской свободы“. Предсѣдатель Чхеидзе еще болѣе подчеркнулъ эти оговорки воззванія. „Обращаясь къ нѣмцамъ, мы не выпускаемъ изъ рукъ винтовки. И прежде, чѣмъ говорить о мирѣ, мы предлагаемъ нѣмцамъ свергнуть Вильгельма, ввергшаго народъ въ войну, точно такъ же, какъ мы свергли свое самодержавіе. Если нѣмцы не обратятъ на нашъ призывъ вниманія, то мы будемъ бороться за нашу свободу до послѣдней капли крови. Предложеніе мы дѣлаемъ съ оружіемъ въ рукахъ, и центръ воззванія вовсе не въ томъ, что мы устали и просимъ мира. Лозунгъ воззванія: долой Вильгельма“. Все это, конечно, очень далеко отъ темъ агитаціи, внесенныхъ извнѣ.

Тотчасъ послѣ изданія обращенія „къ народамъ всего міра“ руководители совѣта р. и с. д. обратили особое вниманіе на внѣшнюю политику. Министръ иностранныхъ дѣлъ велъ эту политику въ духѣ традиціонной связи съ союзниками, не допуская мысли о томъ, что революція можетъ ослабить международное значеніе Россіи рѣзкой перемѣной оріентаціи и измѣненіемъ взгляда на заключенныя соглашенія и принятыя обязательства. Во всѣхъ своихъ выступленіяхъ онъ рѣшительно подчеркивалъ пацифистскія цѣли освободительной войны, но всегда приводилъ ихъ въ тѣсную связь съ національными задачами и интересами Россіи. Руководители соціалистическихъ партій совѣта справедливо считали эту политику полнымъ противорѣчіемъ основной идеѣ Циммервальда объ общей виновности всѣхъ правительствъ въ войнѣ, о борьбѣ рабочихъ классовъ всѣхъ странъ противъ всѣхъ „буржуазныхъ“ правительствъ и о всемірной революціи, которая, по почину Россіи, введетъ повсемѣстно соціалистическій строй. Черезъ „контактную комиссію“ эти руководители, въ особенности Церетели, требовали отъ правительства немедленнаго публичнаго заявленія о цѣляхъ войны въ соотвѣтствіи съ формулой: „миръ безъ аннексій и контрибуцій“. Тщетно П. Н. Милюковъ убѣждалъ ихъ, что самая основа ихъ расчета—возможность сговориться съ соціалистами всѣхъ странъ на почвѣ циммервальдской формулы,—не существуетъ, ибо подавляющее большинство соціалистовъ обѣихъ воюющихъ сторонъ стали на точку зрѣнія національную и съ нея не сойдутъ. Отчасти незнакомство съ европейскими отношеніями, отчасти вѣра въ творческую силу русской революціи, отчасти, наконецъ, и прямая зависимость отъ большевистской идеологіи не позволяли соціалистамъ согласиться съ П. Н. Милюковымъ въ этомъ коренномъ

вопросъ интернаціональнаго міросозерцанія. Но не поддержали его и его товарищи-не-соціалисты. Въ частности, у кн. Г. Е. Львова интернаціоналистская концепція совпадала съ идеалистическими славянофильскими чаяніями. Въ своей рѣчи 27 апрѣля онъ говорилъ: „Великая русская революція поистинѣ чудесна въ своемъ величавомъ спокойномъ шествіи... Чудесна въ ней... самая сущность ея руководящей идеи. Свобода русской революціи проникнута элементами мірового вселенскаго характера. Идея, взращенная изъ мелкихъ сѣмянъ свободы и равноправія, брошенныхъ на черноземную почву полвѣка тому назадъ, охватила не только интересы русскаго народа, а интересы всѣхъ народовъ всего міра. Душа русскаго народа оказалась міровой демократической душой по самой своей природѣ. Она готова не только слиться съ демократіей всего міра, но стать впереди ея и вести ее по пути развитія человѣчества на великихъ началахъ свободы, равенства и братства". Естественно, что Церетели въ своей отвѣтной рѣчи на томъ же торжествѣ четырехъ Думъ отмѣтилъ свое согласіе съ кн. Львовымъ, истолковавъ его слова по-своему и противопоставивъ ихъ „старымъ формуламъ" царскаго и союзническаго „имперіализма". „Я съ величайшимъ удовольствіемъ", говорилъ онъ, „слушалъ рѣчь предсѣдателя врем. правительства кн. Львова, который иначе формулируетъ задачи русской революціи и задачи внѣшней политики. Кн. Г. Е. Львовъ сказалъ, что онъ смотритъ на русскую революцію не только какъ на національную революцію, что въ отблескѣ этой революціи уже во всемъ мірѣ можно ожидать такого же встрѣчнаго революціоннаго движенія. Я привѣтствую эти слова предсѣдателя врем. правительства и въ нихъ вижу настроеніе той части буржуазіи, которая пошла на общую демократическую платформу, и я глубоко убѣжденъ, что пока правительство стоитъ на этомъ пути, пока оно формулируетъ цѣли войны въ соотвѣтствіи съ чаяніями всего русскаго народа, до тѣхъ поръ положеніе врем. правительства прочно". Этими самыми аргументами И. Г. Церетели убѣждалъ, мѣсяцемъ раньше, врем. правительство стать на его точку зрѣнія. П. Н. Милюковъ, уступая большинству, согласился на опубликованіе заявленія о цѣляхъ войны,—но не въ видѣ дипломатической ноты, а въ видѣ воззванія къ гражданамъ, и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя не исключали возможности его прежняго пониманія задачъ внѣшней политики и не требовали отъ него никакихъ перемѣнъ въ курсѣ этой политики. „Заявленіе врем. правительства о цѣляхъ войны" было, дѣйствительно, опубликовано 28 марта и вставлено въ обращеніе къ гражданамъ, съ указаніемъ, что „государство въ опасности" и что „нужно напречь всѣ силы для его спасенія". Такая форма была придана документу А. Ф. Керенскимъ. Основное мѣсто выражено слѣдующимъ образомъ: „предоставляя волѣ народа (т. е. Учредительному Собранію) въ тѣсномъ единеніи съ союзниками окончательно разрѣшить всѣ вопросы, связанные съ міровой войной и ея окончаніемъ, временное правительство считаетъ своимъ правомъ и долгомъ нынѣ же заявить, что цѣль свободной Россіи—не господство надъ другими народами, не отнятіе у нихъ ихъ національнаго достоянія, не насильственный захватъ чужихъ территорій, но утвержденіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ. Русскій народъ не добивается усиленія внѣшней мощи своей за счетъ другихъ народовъ, какъ не ставитъ своей цѣлью ничьего порабощенія и униженія. Во имя высшихъ началъ справедливости имъ сняты оковы, лежавшія на польскомъ народѣ, и русскій народъ не допуститъ, чтобы родина его вышла изъ великой борьбы

униженной, подорванной въ жизненныхъ своихъ силахъ. Эти начала будутъ положены въ основаніе внѣшней политики врем. правительства, неизмѣнно проводящаго волю народную и ограждающаго права нашей родины, при полномъ соблюденіи обязательствъ, принятыхъ въ отношеніи нашихъ союзниковъ". Естественно, что представители совѣта въ „контактной комиссіи" нашли выраженія акта, передававшія описательно формулу „безъ аннексій и контрибуцій" двусмысленными и уклончивыми, а подчеркнутыя выраженія, говорившія о „правахъ родины", которыя должны быть „ограждены", и о „жизненныхъ силахъ" ея, которыя при окончаніи борьбы не должны быть „подорваны" (эти выраженія были вставлены Ф. Ф. Кокошкинымъ),—непріемлемыми, и грозили завтра же начать кампанію противъ врем. правительства въ газетахъ. Тогда Н. В. Некрасовъ указалъ имъ, что для нихъ же выгоднѣе истолковать уклончивыя выраженія акта въ своемъ смыслѣ, какъ уступку правительства, и на этомъ основаніи поддержать „Заявленіе". Эта тактика и была принята соціалистической печатью. П. Н. Милюковъ заранѣе выговорилъ себѣ право, въ случаѣ, если заключенный компромиссъ будетъ толковаться односторонне, толковать его въ своемъ смыслѣ и раскрывать неопредѣленныя выраженія въ направленіи прежней своей политики, согласной съ политикой союзниковъ и съ національными интересами Россіи.

Такимъ образомъ, первая побѣда надъ министромъ иностранныхъ дѣлъ оказалась неполной и мнимой. Естественно, что защитники интернаціональной точки зрѣнія на этомъ не успокоились и продолжали борьбу. Въ апрѣлѣ они получили для этой борьбы новыхъ союзниковъ: русскихъ эмигрантовъ-циммервальдцевъ, возвращавшихся изъ-за границы въ сопровожденіи ихъ швейцарскихъ и скандинавскихъ единомышленниковъ, и представителей союзнаго соціализма, англійскаго и французскаго, сперва неоффиціальныхъ, а затѣмъ и оффиціальныхъ, пошедшихъ на уступки совѣту дальше, чѣмъ допускали общесоюзные и ихъ собственные національные интересы.

31 марта пріѣхали въ Стокгольмъ 30 русскихъ эмигрантовъ, пропущенныхъ черезъ Германію въ запломбированномъ вагонѣ, въ сопровожденіи трехъ германскихъ офицеровъ и швейцарскаго соціалиста-циммервальдца Платтена. Въ своемъ заявленіи, напечатанномъ въ „Politiken", эти эмигранты сами сообщили слѣдующее: „Англійское правительство не пропускаетъ въ Россію русскихъ революціонеровъ, поскольку они противъ войны. Когда это вполнѣ выяснилось, то часть русскихъ товарищей въ Швейцаріи (надо прибавить, при рѣшительномъ протестѣ другихъ) рѣшились пріѣхать въ Россію черезъ Германію на Швецію. Фрицъ Платтенъ, секретарь швейцарской соціалъ-демократіи и вождь ея лѣваго крыла, извѣстный интернаціоналистъ-антимилитаристъ, вступилъ въ переговоры съ германскимъ правительствомъ. Русскіе товарищи требовали предоставленія имъ при проѣздѣ права экстерриторіальности, именно, никакого контроля паспортовъ и багажа, а также, чтобы ни одинъ чиновникъ не имѣлъ права входить въ вагонъ; ѣхать же могъ бы всякій, не взирая на политическіе взгляды, кого только русскіе возьмутъ. Съ своей стороны, русскіе товарищи заявили, что будутъ требовать освобожденія германскихъ и австро-венгерскихъ гражданскихъ лицъ, задержанныхъ въ Россіи. Германское правительство приняло эти условія, и 9 апрѣля (н. с.) 30 русскихъ эмигрантовъ выѣхали черезъ Готмадингенъ изъ Швейцаріи; между ними находились Ленинъ и Зиновьевъ, редакторы „Соціалъ-демократа", центральнаго органа русской соціалъ-демократіи". Въ

Стокгольмѣ Ленинъ совѣщался съ представителями крайнихъ теченій шведской соціалъ-демократіи. Въ то же время въ Копенгагенъ выѣхали вожди австрійскихъ соціалистовъ, Адлеръ, Реннеръ и Зейцъ, совѣщавшіеся раньше съ гр. Чернинымъ, въ сопровожденіи Шейдемана, примкнувшаго къ нимъ въ Берлинѣ. Передъ отъѣздомъ, группа Ленина приняла резолюцію, въ которой рекомендовала сейчасъ же войти въ переговоры о мирѣ, не взирая на общее положеніе. Ленинъ произнесъ въ Цюрихѣ рѣчь, въ которой Керенскій изображался опаснымъ предателемъ революціи, а Чхеидзе, какъ тоже вступившій на путь предательства. Въ „Deutsche Tageszeitung" графъ Ревентловъ привѣтствовалъ это движеніе, какъ „новую русскую революцію". Послѣдствія показали, что германскій націоналистъ былъ правъ и что расчетъ нашихъ враговъ, пославшихъ Ленина въ Россію, былъ совершенно правиленъ. Но даже и они не могли расчитывать, насколько благопріятно сложатся въ Россіи обстоятельства для успѣха пропаганды, которую въ самой Германіи, для себя, германцы признавали чрезвычайно опасной.

Первая встрѣча Ленина съ его единомышленниками въ Россіи показала, однако, какъ значительна разница между тенденціями чистаго Циммервальда и сложившимися взглядами русскихъ соціалъ-демократовъ. 4 апрѣля состоялась конференція разныхъ теченій с.-д. съ цѣлью объединенія. Ленинъ обратился къ собравшимся съ двухчасовой рѣчью, въ которой развилъ всѣ свои лозунги, закончивъ призывомъ сбросить „старое бѣлье", названіе „соціалъ-демократовъ" и „вмѣсто прогнившей соціалъ-демократіи создать новую соціалистическую организацію коммунистовъ". Предложеніе было встрѣчено общимъ недоумѣніемъ, и начавшаяся среди аплодисментовъ одной стороны и свистковъ другой стороны рѣчь кончилась при гробовомъ молчаніи. Даже большевики заявляли, что выдвинутый Ленинымъ лозунгъ гражданской войны они считаютъ преступнымъ. Стекловъ объяснялъ рѣчь Ленина незнакомствомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Только А. М. Коллонтай, защищая Ленина, при бурныхъ протестахъ предложила отказаться отъ объединенія с.-д. и объединить лишь тѣхъ, кто способенъ въ настоящую минуту совершить соціальную революцію. Остальные ораторы стояли за объединеніе, а одинъ изъ нихъ даже утверждалъ, что рѣчь Ленина объединила большевиковъ съ меньшевиками. Соціалистическая печать отнеслась къ выступленію Ленина отрицательно. „Рабочая Газета" прямо говорила, что „всякій значительный успѣхъ Ленина будетъ успѣхомъ реакціи", что Ленинъ несетъ съ собою серьезную опасность для революціи, ибо „среди несознательныхъ элементовъ революціонной стихіи онъ сможетъ еще вербовать себѣ новыхъ сторонниковъ". Даже „Правда" была въ первые дни сконфужена заявленіями Ленина. Печатая фельетоны Ленина и принимая въ передовой статьѣ его требованіе о переходѣ власти къ совѣтамъ р. и с. д., „Правда" (8 апрѣля) заявляла: общая схема г. Ленина „представляется намъ непріемлемой, поскольку она исходитъ отъ признанія буржуазно-демократической революціи законченной и расчитана на немедленное перерожденіе этой революціи въ революцію соціалистическую".

Однако, по главному вопросу—о войнѣ и мирѣ—принципіальнаго разногласія не было не только между Ленинымъ и „Правдой", но и между большевиками и болѣе умѣренными теченіями соціализма. Пріѣздъ Ленина лишь замѣтно усилилъ тонъ и настойчивость ихъ требованій отъ русской внѣшней политики. Еще 25 марта была напечатана резолюція „Организаціоннаго комитета" с.-д. партіи, въ которой открыто провозглашенъ лозунгъ, формулированный Робертомъ Гриммомъ: „самая важная и совершенно неотлож-

кая задача русской революціи въ настоящій моментъ—борьба за миръ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ, борьба за миръ въ международномъ масштабѣ". Для этой цѣли признано необходимымъ побудить временное правительство не только „оффиціально и безусловно отказаться отъ всякихъ завоевательныхъ плановъ", что было сдѣлано правительственнымъ заявленіемъ 28 марта, но и „взять на себя иниціативу выработки и обнародованія такого же коллективнаго заявленія со стороны всѣхъ правительствъ странъ согласія",—отъ чего П. Н. Милюковъ категорически отказался, какъ и вообще отъ передачи заявленія 28 марта союзникамъ въ качествѣ дипломатическаго документа. Между тѣмъ, резолюція шла еще дальше и требовала отъ правительства предпринять необходимые шаги для вступленія, совмѣстно съ союзными правительствами, на путь мирныхъ переговоровъ". Отъ себя уже, т. е. отъ с.-д. партіи, комитетъ считалъ необходимымъ „обратиться къ пролетаріату всѣхъ воюющихъ странъ съ призывомъ оказать согласованное давленіе на свои правительства" для тѣхъ же цѣлей,—невозможность чего доказывалъ П. Н. Милюковъ „въ контактной комиссіи". Далѣе резолюція объявляла „рѣшительную борьбу со всякими попытками правительства явно или замаскированно продолжать завоевательную политику" и „вполнѣ сознавая опасность" для русской революціи и для международной демократіи „военныхъ пораженій Россіи", „рѣшительно высказывалась противъ всѣхъ дѣйствій, ведущихъ къ дезорганизаціи дѣла обороны". Нечего и говорить, что сюда она не относила мѣръ, принимавшихся для „демократизаціи" арміи.

29 марта вопросъ о войнѣ обсуждался на съѣздѣ совѣтовъ р. и с. д. Предложенная съѣзду резолюція, ссылаясь на воззваніе къ народамъ 14 марта и на „многочисленныя собранія рабочихъ, солдатъ и граждавъ по всей Россіи", „выразившихъ волю народа", а также на заявленіе правительства 28 марта, какъ на „важный шагъ навстрѣчу осуществленію демократическихъ принциповъ въ области внѣшней политики", призывала „всѣ народы... оказать давленіе на свои правительства для отказа отъ завоевательныхъ программъ" и „подтверждала необходимость переговоровъ временнаго правительства съ союзниками для выработки общаго соглашенія въ указанномъ смыслѣ". Конецъ резолюціи обстоятельно развивалъ мысль объ опасности „крушенія фронта" и о необходимости „мобилизовать всѣ живыя силы страны во всѣхъ отрасляхъ народной жизни"—въ частности, рабочихъ фабрикъ, рудниковъ, почты, телеграфа и т. д. „для укрѣпленія фронта и тыла". Церетели, мотивируя резолюцію, сообщилъ: „мы настаивали, чтобы вр. правительство добилось отъ всѣхъ державъ согласія отказа отъ аннексій и контрибуцій. Это пока не достигнуто, но все-таки и то, что достигнуто, есть факелъ, брошенный въ Европу, гдѣ онъ разгорится, мы увѣрены, яркимъ огнемъ". „Вмѣстѣ съ нами въ этомъ направленіи дѣйствуетъ и соціалъ-демократія западныхъ странъ, которая теперь находится тамъ еще въ меньшинствѣ, но мы увѣрены, что идеи с.-д. восторжествуютъ и тамъ". Большевикъ Каменевъ только развивалъ эти мысли, когда требовалъ, „чтобы отъ имени всего русскаго народа было сказано слово „миръ", чтобы русская революція стала прологомъ міровою возстанія". Другой ораторъ-большевикъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ, предложилъ измѣнить резолюцію и прямо указать на необходимость скорѣйшаго окончанія войны, созыва международнаго съѣзда, возстанія противъ угнетателей и принужденія правительствъ всѣхъ воюющихъ странъ къ ликвидаціи войны. Присутствовавшіе на съѣздѣ солдаты еще говорили о не-

обходимости принести все въ жертву для защиты родины, и еще могла быть предложена „кадетская“ резолюція о необходимости двоевластія и о необходимости вести войну до конца. Но и рѣчи большевиковъ уже покрывались шумными аплодисментами.

Усиленіе агитаціи въ пользу циммервальдской точки зрѣнія скоро сказалось и на отдѣльныхъ членахъ правительства. Уже 6 апрѣля А. Ф. Керенскій, пользуясь пріемомъ въ Маріинскомъ дворцѣ прибывшихъ въ Россію французскихъ соціалистовъ, Муте, Кашена и Лафона, и англійскихъ О' Греди, Вилль Торна и фабіанца Сандерса, рѣзко отдѣлилъ свою точку зрѣнія отъ курса министра иностранныхъ дѣлъ. П. Н. Милюковъ говорилъ о томъ, что „несмотря на переворотъ, мы сохранили главную цѣль и смыслъ этой войны. Правительство съ еще большей силой будетъ добиваться уничтоженія нѣмецкаго милитаризма, ибо нашъ идеалъ—въ томъ, чтобы уничтожить въ будущемъ возможность какихъ бы то ни было войнъ“. Этому пацифистскому взгляду Керенскій противопоставилъ свой циммервальдскій. „Я одинъ въ кабинетѣ,—говорилъ онъ, подчеркивая принятую на себя роль „заложника“,—и мое мнѣніе не всегда совпадаетъ съ мнѣніемъ большинства“. „Русская демократія въ настоящее время—хозяинъ русской земли. Мы рѣшили разъ навсегда прекратить въ нашей странѣ всѣ попытки къ имперіализму и къ захвату... Энтузіазмъ, которымъ охвачена русская демократія, проистекаетъ не изъ какихъ либо идей частичныхъ, даже не изъ идеи отечества, какъ понимала эту идею старая Европа, а изъ тѣхъ идей, которыя заставляютъ насъ думать, что мечта о братствѣ народовъ всего міра претворится скоро въ дѣйствительность, что близокъ уже мигъ, когда всѣ демократіи всего міра поймутъ, что между ними нѣтъ и не можетъ быть вражды... Мы ждемъ отъ васъ, чтобы вы оказали на остальные классы населенія въ своихъ государствахъ такое же рѣшающее значеніе, которое мы здѣсь, внутри Россіи, оказали на наши буржуазные классы, заявившіе нынѣ о своемъ отказѣ отъ имперіалистическихъ стремленій“.

Пользуясь и даже злоупотребляя своимъ особымъ положеніемъ въ правительствѣ, А. Ф. Керенскій уже въ первомъ составѣ правительства проявлялъ зачастую диктаторскія замашки. Но въ данномъ вопросѣ онъ былъ не „одинъ“. Его поддерживали Некрасовъ и Терещенко. Вѣчно колебавшійся кн. Львовъ также начиналъ склоняться на сторону его и Церетели. Чтобы форсировать положеніе, Керенскимъ пущено было въ печать сообщеніе, что „временное правительство подготовляетъ ноту, съ которой оно обратится въ ближайшіе дни къ союзнымъ державамъ. Въ этой нотѣ вр. пр. болѣе подробно разовьетъ свой взглядъ на задачи и цѣли нынѣшней войны, въ соотвѣтствіи съ обнародованной уже врем. прав. деклараціей по этому вопросу (13 апрѣля)“. Такъ какъ никакой ноты не подготовлялось, то П. Н. Милюковъ потребовалъ опроверженія этого извѣстія, которое и появилось на слѣдующій день, 14 апрѣля, отъ имени врем. правительства. Тогда вопросъ объ обращеніи къ союзникамъ былъ поднятъ въ самомъ правительствѣ, какъ въ сущности, предрѣшенный и весьма спѣшный. П. Н. Милюковъ заявилъ, что онъ готовъ послать воззваніе 28 марта союзникамъ, но сопроводить его нотой, текстъ которой онъ предложилъ. Послѣ небольшихъ исправленій текстъ этотъ былъ принятъ всѣми министрами, не исключая и Керенскаго, переставшаго возражать послѣ того, какъ на сторону ноты склонился Некрасовъ. Въ нотѣ поводомъ къ сообщенію документа 28 марта было выбрано опроверженіе слуховъ, будто Россія собирается заключить сепаратный миръ. Министръ иностранныхъ дѣлъ указывалъ, что „высказанныя временнымъ правительствомъ

общія положенія вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ высокимъ идеямъ, которыя постоянно высказывались многими выдающимися государственными дѣятелями союзныхъ странъ", особенно же Америки. Нота указывала, что „эти мысли—объ освободительномъ характерѣ войны, о созданіи прочныхъ основъ для мирнаго сожительства народовъ, о самоопредѣленіи угнетенныхъ національностей" могла высказать только освобожденная Россія, способная „говорить языкомъ, понятнымъ для передовыхъ демократій современнаго человѣчества". Эти заявленія не только не могутъ дать повода думать объ „ослабленіи роли Россіи въ общей союзной борьбѣ", но, напротивъ, усиливаютъ „всенародное стремленіе довести міровую войну до рѣшительнаго конца", сосредоточивая общее вниманіе „на близкой для всѣхъ и очередной задачѣ—отразить врага, вторгшагося въ самые предѣлы нашей родины". Нота подтверждала далѣе, что „какъ то и сказано въ сообщенномъ документѣ, временное правительство, ограждая права нашей родины, будетъ вполнѣ соблюдать обязательства, принятыя въ отношеніи нашихъ союзниковъ". Въ заключеніе высказывалась увѣренность, какъ въ „побѣдоносномъ окончаніи настоящей войны, въ полномъ согласіи съ союзниками", такъ и въ томъ, что „поднятые этой войной вопросы будутъ разрѣшены въ духѣ созданія прочной основы для длительнаго мира, и что проникнутыя одинаковыми стремленіями передовыя демократіи найдутъ способъ добиться тѣхъ гарантій и санкцій (эти два слова были вставлены по совѣту Альбера Тома), которыя необходимы для предупрежденія новыхъ кровавыхъ столкновеній въ будущемъ".

Нота была датирована 18 апрѣля, т. е. днемъ перваго открытаго празднованія международнаго рабочаго праздника перваго мая (н. ст.) въ Россіи. Общественныя зданія, въ томъ числѣ Маріинскій и Зимній дворцы, въ этотъ день украсились гигантскими надписями: „да здравствуетъ интернаціоналъ". Ленинцы энергично готовили къ этому празднику свои плакаты и лозунги. „Рабочая Газета" призывала солдатъ заключить „первое революціонное перемиріе" на фронтѣ. Какіе директивы были даны петроградскимъ рабочимъ въ эти дни „Организаціоннымъ комитетомъ" видно изъ сопоставленія двухъ резолюцій, принятыхъ 12 апрѣля рабочими завода „Треугольникъ" и 13 апрѣля рабочими завода „Старый Парвіайненъ". Первая гласила: „предлагаемъ сов. р. и с. д. категорически потребовать отъ вр. прав. немедленнаго опубликованія во всеуслышаніе всѣхъ договоровъ, заключенныхъ имъ съ Англіей, Франціей и прочими союзниками... Рабочій классъ Россіи, добившись отъ своего собственнаго правительства отказа отъ завоевательныхъ цѣлей войны, не желаетъ оказаться въ положеніи ведущаго войну во имя захватническихъ стремленій англійскихъ и французскихъ капиталистовъ. Мы требуемъ также отъ времен. прав., чтобы оно тотчасъ же послѣ опубликованія договоровъ обратилось ко всѣмъ союзнымъ правительствамъ съ предложеніемъ въ свою очередь отказаться отъ аннексій и контрибуцій. Мы требуемъ отъ врем. правит., чтобы оно взяло на себя иниціативу созыва международной конференціи для обсужденія условій мира и для начала мирныхъ переговоровъ". Рабочіе „Парвіайнена" шли еще далѣе и прибавляли къ требованію опубликованія тайныхъ договоровъ еще слѣдующія требованія: „1) смѣщеніе врем. правительства, служащаго только тормазомъ революціоннаго дѣла, и передача власти въ руки совѣта р. и с. д.; 4) организація красной гвардіи и вооруженіе всего народа; 5) протестъ противъ „Займа Свободы", который на дѣлѣ служитъ закабаленіемъ этой свободы; 6) реквизиція типографій всѣхъ буржуазныхъ газетъ и передача ихъ въ

пользованіе рабочихъ газетъ; 9) реквизиція всѣхъ продуктовъ продовольствія для нуждъ широкихъ массъ; 10) немедленный захватъ земель крестьянскими комитетами и передача орудій производства въ руки рабочихъ; 11) протестъ противъ вывода революціонныхъ войскъ изъ Петрограда". Правда, на другой день послѣ напечатанія этой резолюціи (крупнымъ шрифтомъ, на мѣстѣ передовыхъ статей) „Извѣстія" заявили, что она, „выражающая мнѣніе одной группы рабочихъ, не отвѣчаетъ взглядамъ совѣта". Въ дальнѣйшемъ, какъ увидимъ, эта большевистская программа сдѣлалась предметомъ борьбы въ совѣтѣ. Но здѣсь она впервые была высказана открыто.

День перваго мая прошелъ сравнительно спокойно, и ленинская пропаганда встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны большинства уличныхъ ораторовъ и публики. Но опубликованіе черезъ день (20 апрѣля) ноты 18 апрѣля дало новый благодарный поводъ большевикамъ для первой уличной манифестаціи вооруженныхъ силъ противъ врем. правительства. Къ 3—4 часамъ дня къ Маріинскому дворцу пришелъ запасный батальонъ Финляндскаго полка съ плакатами: „долой Милюкова", „Милюковъ въ отставку". За нимъ прибыли роты 180 запаснаго батальона, нѣсколько ротъ Кексгольмскаго полка и около роты 2-го флотскаго Балтійскаго экипажа. Большинство солдатъ не знало, зачѣмъ они пришли. Закулисная сторона ихъ вызова обнаружилась отчасти изъ письма Федора Линде („Нов. Жизнь", 23 апр.), который призналъ, что именно онъ вывелъ Финляндскій полкъ и что, „состоя членомъ совѣта р. и с. д.", онъ „себя въ разбираемомъ событіи лицомъ неотвѣтственнымъ признать не можетъ". Кромѣ войскъ, въ демонстраціи участвовали рабочіе подростки, громко заявлявшіе, что имъ за это заплачено по 10—15 рублей. Позднѣе былъ арестованъ, извѣстный своими германскими связями, литераторъ Колышко, въ письмахъ котораго въ Стокгольмъ найдены выраженія удовольствія по поводу того, что, послѣ долгихъ усилій, наконецъ, удалось свалить Милюкова и Гучкова. Вернувшіяся въ Россію изъ Берлина сестры милосердія Фелькерзанъ разсказывали, что задача устраненія обоихъ министровъ прямо была поставлена въ Германіи. Все это показываетъ, что движеніе 20 и 21 апрѣля было инсценировано изъ тѣхъ же темныхъ источниковъ, какъ и другія ранѣе упоминавшіяся уличныя движенія. Руководителей совѣта р. и с. д. винить въ этомъ движеніи нельзя уже потому, что для нихъ лозунгъ сверженія врем. правительства былъ непріемлемъ, и занимать мѣсто правительства они не собирались, предпочитая оказывать на него „давленіе". Исполнительный комитетъ совѣта, узнавъ ночью съ 19 на 20 содержаніе ноты, очутился въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи между большевиками и нотой 18 апрѣля. Ни въ ночномъ, ни въ утреннемъ засѣданіи онъ не принялъ никакого рѣшенія, кромѣ предложенія временному правительству сообща обсудить положеніе. Врем. правительство пошло навстрѣчу этому предложенію, и вечеромъ состоялось, впервые за все время революціи, совѣщаніе съ правительствомъ всего состава исполнительнаго комитета (около 70 человѣкъ). Министры рѣшили воспользоваться этой первой встрѣчей, чтобы дать понять руководителямъ совѣта всю трудность и сложность положенія въ государствѣ. Одинъ за другимъ выступали съ докладами министры военный, земледѣлія, финансовъ, путей сообщенія, наконецъ, иностранныхъ дѣлъ и освѣтили передъ очень разнороднымъ собраніемъ положеніе всѣхъ сторонъ государственной жизни. Доклады произвели сильное впечатлѣніе, и готовность пойти на соглашеніе еще усилилась въ результатѣ засѣданія. Послѣ отказа министра иностранныхъ дѣлъ отъ изданія новой ноты, И. Г. Церетели согласился на опубликованіе оффиціаль-

каго разъясненія только двухъ мѣстъ, вызывавшихъ особенно ожесточенныя нападки. На другой день къ 5 часамъ дня текстъ разъясненій былъ обсужденъ въ правительствѣ, предварительно показанъ Церетели и имъ одобренъ. 22 апрѣля врем. правительство разъяснило, что „нота министра иностранныхъ дѣлъ была предметомъ тщательнаго и продолжительнаго обсужденія врем. правит., причемъ текстъ ея принятъ единогласно (впослѣдствіи А. Ф. Керенскій пытался отрицать это)". Выраженіе о „рѣшительной побѣдѣ надъ врагами имѣетъ въ виду достиженіе тѣхъ задачъ, которыя поставлены декларацией 27 марта", а „подъ упоминавшимися въ нотѣ „санкціями и гарантіями" прочнаго мира врем. правительство подразумѣвало ограниченіе вооруженій, международные трибуналы и проч." Это разъясненіе министръ иностранныхъ дѣлъ обѣщалъ передать посламъ союзныхъ державъ. Очевидное несоотвѣтствіе этихъ скромныхъ разъясненій съ тѣмъ раздраженіемъ, которое было вызвано дѣйствительнымъ противорѣчіемъ между нотой 18 апрѣля и циммервальдской точкой зрѣнія совѣта, лучше всего характеризуетъ шаткость позиціи вождей совѣта. Эта шаткость вполнѣ сказалась уже въ засѣданіи совѣта 20 апрѣля, въ которомъ рядъ ораторовъ заявлялъ, что „брать власть въ свои руки преждевременно и опасно", что захватъ власти можетъ привести къ гражданской войнѣ, въ которой, по словамъ В. М. Чернова, „темныя силы покажутъ свою живучесть". „Кто замѣнитъ правительство?" спрашивалъ одинъ ораторъ. „Мы? Но у насъ руки дрожатъ. Нѣтъ, товарищи, не надо намъ строить карточныхъ домиковъ, которые еще легче будетъ сдунуть, чѣмъ сдунулъ народъ Николая II. Не надо намъ азартной игры въ карты".

То же самое настроеніе обнаружилось и среди толпы, наполнявшей улицы и проведшей эти два дня въ непрерывныхъ митингахъ днемъ и ночью. Прикосновеніе къ врем. правительству еще казалось святотатствомъ и преступленіемъ противъ революціи. Твердо держалось представленіе, что это самое правительство должно довести страну до Учредительнаго Собранія, и что ни одинъ изъ его членовъ не можетъ его покинуть, не разрушивъ цѣлаго. Возгласы ленинцевъ о низверженіи правительства и о немедленномъ захватѣ власти вызывали лишь негодованіе и тонули въ массѣ. На смѣну демонстрантамъ съ плакатами: „долой врем. правительство" появились многолюдныя процессія съ плакатами: „довѣріе Милюкову", „да здравствуетъ временное правительство". Мѣстами доходило до столкновенія тѣхъ и другихъ демонстрантовъ, но въ общемъ уже къ вечеру 20-го, а въ особенности въ теченіе 21-го апрѣля настроеніе, благопріятное правительству, возобладало на улицахъ. Въ ночь на 21-го, многотысячная толпа, заполнившая площадь передъ Маріинскимъ дворцомъ, горячо привѣтствовала министра иностранныхъ дѣлъ, предупреждавшаго ее объ опасностяхъ ссоры съ союзниками.

Исполнительный комитетъ совѣта, при этихъ обстоятельствахъ, рѣшилъ 34 голосами противъ 19 признать разъясненія правительства удовлетворительными и считать инцидентъ исчерпаннымъ. Предложенная комитетомъ резолюція заявляла, что разъясненіе „кладетъ конецъ возможности истолкованія ноты 18 апрѣля въ духѣ, противномъ интересамъ и требованіямъ революціонной демократіи, и тотъ фактъ, что сдѣланъ первый шагъ для постановки на международное обсужденіе вопроса объ отказѣ отъ насильственныхъ захватовъ, долженъ быть признанъ крупнымъ завоеваніемъ демократіи". Въ заключеніе резолюція приглашала „всю революціонную Россію тѣснѣе и тѣснѣе сплачиваться вокругъ своихъ совѣтовъ" и выражала „твердую увѣренность, что народы всѣхъ воюющихъ странъ сломятъ сопротивленіе своихъ правительствъ и заставятъ ихъ вступить

въ переговоры о мирѣ на почвѣ отказа отъ аннексій и контрибуцій". Несмотря на возраженіе большевиковъ, совѣтъ принялъ резолюцію подавляющимъ большинствомъ голосовъ противъ 13-ти. Настроеніе собранія противъ ленинцевъ ярко обнаружилось, когда одинъ членъ комитета, только что прибывшій, разсказалъ о трагическомъ зрѣлищѣ первой крови, пролитой въ гражданской войнѣ на Невскомъ. „На толпу мирныхъ безоружныхъ солдатъ, рабочихъ и другихъ гражданъ", говорилъ очевидецъ, „бросилась другая толпа демонстрантовъ вооруженныхъ, и эти вооруженные люди открыли безпорядочную стрѣльбу, продолжавшуюся около 5 минутъ. Я знаю, кто они, изъ какихъ мѣстъ пришли, но пока считаю преждевременнымъ объ этомъ сообщать... Эта стрѣльба посѣяла чувство неприязни къ рабочимъ, и это чувство раздѣляютъ съ гражданами и солдаты, такъ какъ два солдата убиты". Другой очевидецъ предложилъ запретить всякія уличныя шествія, „особенно, вооруженныхъ людей", и это предложеніе было принято. Невооруженными выходили члены „буржуазныхъ" партій,—и этимъ запрещеніемъ достигалась, кстати, и другая цѣль: прекратить демонстраціи сочувствія врем. правительству, совершенно заглушившія въ теченіе 21 апрѣля враждебныя манифестаціи.

Конфликтъ 20-21 апрѣля окончился несомнѣнной моральной побѣдой врем. правительства. Но въ немъ обнаружилась одна чрезвычайно тревожная сторона. Части петроградскаго гарнизона выступали и оставались въ казармахъ по распоряженію совѣта, и совѣтъ заявилъ претензію распоряжаться войсками помимо правительства. Точнѣе, онъ запретилъ гарнизону исполнять приказанія военной власти безъ своего согласія. Когда, 21 апрѣля, узнавъ о движеніи съ окраинъ вооружённыхъ рабочихъ (слѣдствіемъ чего и была упомянутая стрѣльба), главнокомандующій петроградскаго округа ген. Корниловъ распорядился вызвать на Дворцовую площадь нѣсколько частей гарнизона, онъ наткнулся на сопротивленіе исполнительнаго комитета, который по телефону сообщилъ въ штабъ, что вызовъ войскъ можетъ осложнить создавшееся положеніе. Послѣ переговоровъ съ делегатами комитета, принявшими на себя прекращеніе безпорядковъ, главнокомандующій отмѣнилъ свое приказаніе и продиктовалъ, въ присутствіи членовъ комитета, телефонограмму во всѣ части войскъ гарнизона съ приказаніемъ оставаться въ казармахъ. Послѣ этого появилось расклеенное на улицахъ воззваніе исполнительнаго комитета, заявлявшее: „Товарищи-солдаты, безъ зова исполнительнаго комитета въ эти тревожные дни не выходите съ оружіемъ въ рукахъ. Только исп. комитету принадлежитъ право располагать вами. Каждое распоряженіе о выходѣ воинской части на улицу (кромѣ обычныхъ нарядовъ) должно быть отдано на бланкѣ исполнит. комитета, закрѣплено его печатью и подписано не меньше, чѣмъ двумя изъ слѣдующихъ лицъ: Чхеидзе, Скобелевъ, Бинасикъ, Соколовъ, Гольдманъ, Филиповскій, Богдановъ. Каждое распоряженіе провѣряется по телефону 104-06". Это воззваніе вызвало просьбу ген. Корнилова объ отставкѣ и не могло быть оставлено правительствомъ безъ отвѣта. Но отвѣтомъ было только новое „разъясненіе" врем. правительства (26 апрѣля): „власть главнокомандующаго войсками петроградскаго военнаго округа остается въ полной силѣ, и право распоряженія войсками можетъ быть осуществляемо только имъ". Чтобы не входить въ открытый конфликтъ съ совѣтомъ, правительство предположило, что приведенное распоряженіе „имѣло, повидимому, цѣлью предупредить и обезвредить попытки вызова войскъ отдѣльными группами и лицами". Черезъ нѣсколько дней ген. Корниловъ получилъ просимую отставку и отправился въ дѣйствующую армію.

III. Буржуазное правительство капитулируетъ передъ соціалистами.

„Двоевластіе“ или „единеніе“?—Оффиціальный оптимизмъ и фактическая зависимость правительства отъ совѣта.—Вопросъ объ участіи совѣта въ правительствѣ.—Воззваніе къ населенію 26 апрѣля.—Керенскій форсируетъ положеніе.—Отвѣтственность передъ партіями. Отставка А. И. Гучкова.—Согласіе исп. комитета на вступленіе соціалистовъ и его программа. Отставка П. Н. Милюкова.—Выработка правительственной деклараціи.—Тезисы партіи народной свободы.—Отношеніе совѣта къ министрамъ-соціалистамъ.

До сихъ поръ совѣтъ р. и с. д., хотя бы номинально, признавалъ надъ собой власть временнаго правительства. Его „контроль“ и „давленіе“ на правительство были фактическими, но не обоснованными на правѣ; на „отвѣтственность“ министровъ передъ собой совѣтъ не претендовалъ. Съ своей стороны и правительство оффиціально смотрѣло на отношенія совѣта къ себѣ, какъ на „поддержку“ вліятельной, но все же частной организаціи. Когда въ провинцію и въ армію стали доходить изъ Петрограда вѣсти о „двоевластіи“ правительства и совѣта, и когда къ правительству стали поступать тревожные вопросы и предложенія помочь ему въ борьбѣ противъ претензій совѣта, министры, обыкновенно, успокаивали встревоженныхъ увѣреніями, что отношенія между правительствомъ и совѣтомъ—вполнѣ дружественныя. Особенно настойчиво заявлялъ это Некрасовъ, подчеркивавшій въ своихъ выступленіяхъ свою особую близость къ Керенскому. Такъ въ Москвѣ, въ комитетѣ общественныхъ организацій, 24 марта, онъ выступилъ съ „протестомъ противъ тѣхъ легендъ, которыя распространяются также и въ Москвѣ. Говорятъ о какомъ-то плѣненіи вр. правительства, о томъ, что оно идетъ у кого-то въ поводу, что въ странѣ существуетъ нѣсколько правительствъ, и т. д. Я долженъ сказать, что правительство ни минуты не задумывается, когда какіе-либо вопросы сталкиваются съ волей народа. Въ тѣхъ случаяхъ, когда бывали иногда нѣкоторыя разногласія, у насъ соглашеніе достигалось довольно быстро, путемъ взаимнаго убѣжденія... И временное правительство, и совѣтъ рабочихъ депутатовъ свято блюдутъ свою связь и единеніе, закрѣпленныя уже въ двухъ деклараціяхъ“. „Не вѣрьте зловѣщимъ слухамъ, что отъ совѣта рабочихъ депутатовъ идетъ какая-то опасность“,—говорилъ онъ тогда же сослуживцамъ по мин. путей сообщенія. „Такой опасности нѣтъ. Я бы сказалъ, что она еще не наступала; но ея, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ бояться. Волна, смывшая старую власть, еще не вошла въ свои берега. Народъ еще неорганизованъ. Но по мѣрѣ того, какъ наступаютъ организованность и сплоченность, опасность ослабѣваетъ. Народъ уже проявилъ огромный государственный инстинктъ,—я думаю, что то же будетъ и въ области соціальной“. И А. Ф. Керенскій еще 12 апрѣля заявлялъ делегатамъ 7 арміи: „Между врем. правительствомъ и совѣтомъ р. и с. д. полное единеніе въ задачахъ и цѣляхъ... Врем. правительство обладаетъ всей полнотой власти... Можетъ быть, васъ смущаетъ шумная агитація, извѣстныя слова... Насъ, врем. правительство, они не смущаютъ. Мы вѣримъ въ разумъ, въ твердую волю народа—идти къ спасенію, а не къ гибели, ибо никто не можетъ желать своей гибели. Мы вѣримъ, что восторжествуютъ созидательныя начала, а не отдѣльные партійные лозунги“ и т. д. И съ другой стороны, г. Данъ говорилъ 8-го апрѣля: „мы хотимъ, чтобы было сказано ясно и опредѣленно, что въ обычномъ нормальномъ теченіи своемъ это—клевета, будто совѣтъ р. и с. д. хочетъ принять участіе въ осуществленіи государственной власти. Мы хотѣли

чтобы было сказано, что власть — это врем. правительство, а революціонная демократія въ лицѣ совѣта осуществляетъ свое вліяніе на ходъ политической жизни путемъ непрерывнаго организованнаго давленія на него и контроля надъ нимъ".

Говорилось одно, но дѣлалось совсѣмъ другое. Истинное отношеніе совѣта къ правительству гораздо искреннѣе охарактеризовано нѣсколько позднѣе (2 іюня) соредакторомъ Дана, Войтинскимъ. „Мы поддерживали,—говоритъ онъ,—правительство перваго состава условно—постольку, поскольку. У насъ не было полнаго довѣрія, и фактически получалось такъ, что единой власти не было"... Послѣ 20 — 21 апрѣля это стало уже очевиднымъ для всѣхъ и безспорнымъ. И, открывая вечеромъ 21 апрѣля совѣщаніе правительства съ исполн. комитетомъ, кн. Львовъ поставилъ точки надъ „і": „Острое положеніе, создавшееся на почвѣ ноты 18 апрѣля, говорилъ онъ (цитируемъ по „Рабочей Газетѣ"), есть только частный случай. За послѣднее время правительство вообще взято подъ подозрѣніе. Оно не только не находитъ въ демократіи поддержки, но встрѣчаетъ тамъ попытки подрыва его авторитета. При такомъ положеніи правительство не считаетъ себя въ правѣ нести отвѣтственность. Мы рѣшили позвать васъ и объясниться. Мы должны знать, годимся-ли мы для нашего отвѣтственнаго поста въ данное время. Если нѣтъ, то мы для блага родины готовы сложить свои полномочія, уступивъ мѣсто другимъ". Не помню, такъ-ли опредѣленны были слова кн. Львова, но мысль части членовъ правительства была именно такова. Здѣсь ставился кабинетный вопросъ. Поставить его—значило уже стать на точку зрѣнія совѣта и признать министерство отвѣтственнымъ передъ органомъ „революціонной демократіи". Это совершенно не соотвѣтствовало первоначальной точкѣ зрѣнія временнаго правительства, считавшаго себя отвѣтственнымъ только передъ Учредительнымъ Собраніемъ и присягнувшаго довести Россію до него и ему передать свою власть. Признавать „волей народа" мнѣніе явно-партійныхъ организацій, не объединявшихъ даже всей демократіи, не говоря о другихъ общественныхъ классахъ, значило идти дальше, чѣмъ рѣшался идти до тѣхъ поръ совѣтъ. Органъ совѣта говорилъ теперь, правда, что „каждый шагъ и во внутренней, и во внѣшней политикѣ, если онъ затрагиваетъ существенные интересы страны, долженъ быть дѣломъ двухъ органовъ, врем. правительства и исп. комитета совѣта р. и с. д." („Извѣстія", № 50). Но даже и эта формула не ставила на очередь вопроса объ измѣненіи состава правительства. Когда вопросъ объ этомъ былъ поставленъ самими членами правительства въ одномъ изъ засѣданій съ контактной комиссіей, Церетели прямо заявилъ: „какая вамъ польза отъ того, что мы войдемъ въ вашъ составъ? Вѣдь мы изъ каждаго спорнаго вопроса будемъ дѣлать ультиматумъ и, въ случаѣ вашей неуступчивости, вынуждены будемъ съ шумомъ выйти изъ министерства. Это — гораздо хуже, чѣмъ вовсе въ него не входить". Церетели, по своему обыкновенію, старался здѣсь представить нежелательное для самого себя—нежелательнымъ для своихъ собесѣдниковъ.

Однако, мысль руководящей группы въ правительствѣ (къ этому времени уже совершенно выяснилось, что таковой являются Керенскій, Некрасовъ, Терещенко, къ которымъ склоняются, съ одной стороны, кн. Львовъ, съ другой, — правые члены правительства, В. Н. Львовъ и большею частью И. В. Годневъ) окончательно остановилась на идеѣ коалиціи съ членами партій, входившихъ въ совѣтъ, какъ на лучшемъ выходѣ изъ создавшагося положенія. Чтобы поставить совѣтъ передъ необходимостью

высказаться по вопросу, желаетъ ли онъ нести формальную отвѣтственность передъ страной за то „давленіе“, которое парализуетъ работу правительства, намѣченъ былъ проектъ обращенія къ странѣ съ отчетомъ въ двухмѣсячной дѣятельности правительства и съ указаніемъ на встрѣтившіяся трудности. На идеѣ такого обращенія сошлись со сторонниками коалиціи и ея противники, (какъ А. И. Гучковъ, видѣвшій въ этомъ документѣ своего рода завѣщаніе перваго правительства), а также и члены правительства, расчитывавшіе, что совѣтъ вынужденъ будетъ, отказавшись отъ участія во власти, тѣмъ самымъ возобновить обязательство довѣрія и поддержки прежняго состава. П. Н. Милюковъ, высказывавшійся рѣшительно противъ замѣны перваго правительства коалиціоннымъ, какъ менѣе авторитетнымъ и менѣе способнымъ удержать страну отъ распада, высказывался и противъ опубликованія документа, который неизбѣжно долженъ былъ повести къ кризису власти. Но въ руководящемъ кружкѣ уже сталъ на очередь вопросъ объ удаленіи самого П. Н. Милюкова, откровенно поставленный въ совѣщаніи 21 апрѣля В. М. Черновымъ, который предлагалъ П. Н. Милюкову перемѣнить портфель министра иностранныхъ дѣлъ, напримѣръ, на портфель министра народнаго просвѣщенія. Возбужденіе общаго кабинетнаго вопроса давало возможность легче рѣшить вопросъ объ этой перемѣнѣ и о перемѣнѣ А. И. Гучкова, чѣмъ устранялись самыя существенныя причины для треній между врем. правительствомъ и „революціонной демократіей“ и пріобрѣталась, какъ казалось тогда, уже не „постольку — поскольку“, а, безусловно, поддержка совѣтскихъ партій.

Воззваніе къ населенію было написано Ф. Ф. Кокошкинымъ и опубликовано 26 апрѣля. Въ своемъ первоначальномъ текстѣ оно было суровымъ обвинительнымъ актомъ противъ совѣта рабочихъ депутатовъ. Но послѣ троекратной передѣлки эта часть воззванія была очень сильно затушевана. Центральная мысль воззванія, послѣ этихъ передѣлокъ, была формулирована слѣдующимъ образомъ. „Говоря объ осуществленныхъ и осуществляемыхъ имъ задачахъ, врем. правительство не можетъ скрыть отъ населенія тѣхъ затрудненій и препятствій, которыя оно встрѣчаетъ въ своей дѣятельности. Оно не считаетъ также возможнымъ умалчивать о томъ, что въ послѣднее время эти затрудненія растутъ и вызываютъ тревожныя опасенія за будущее. Призванное къ жизни великимъ народнымъ движеніемъ, врем. правительство признаетъ себя исполнителемъ и охранителемъ народной воли. Въ основу государственнаго управленія оно полагаетъ не насиліе и принужденіе, а добровольное повиновеніе свободныхъ гражданъ созданной ими самими власти. Оно ищетъ опоры не въ физической, а въ моральной силѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ врем. правительство стоитъ у власти, оно ни разу не отступало отъ этихъ началъ. Ни одной капли народной крови не пролито по его винѣ, ни для одного теченія общественной мысли имъ не создано насильственной преграды. Къ сожалѣнію и къ великой опасности для свободы, ростъ новыхъ соціальныхъ связей, скрѣпляющихъ страну, отстаетъ отъ процесса распада, вызваннаго крушеніемъ стараго государственнаго строя (подчеркнутыя фразы вставлены с.-р-ами, товарищами Керенскаго, вмѣсто открытаго обвиненія совѣта въ парализованіи правительства и въ содѣйствіи распаду страны). Въ этихъ условіяхъ, при отказѣ отъ старыхъ насильственныхъ пріемовъ управленія и отъ внѣшнихъ искусственныхъ средствъ, употреблявшихся для поднятія престижа власти, трудности задачи, выпавшей на долю врем. правительства, грозятъ сдѣлаться неодоли-

мыми. Стихійное стремленіе осуществлять желанія и домогательства отдѣльныхъ группъ и слоевъ населенія явочнымъ и захватнымъ путемъ, по мѣрѣ перехода къ менѣе сознательнымъ и менѣе организованнымъ слоямъ населенія, грозитъ разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создаетъ благопріятную почву, съ одной стороны, для насильственныхъ актовъ, сѣющихъ среди пострадавшихъ озлобленіе и вражду къ новому строю, съ другой стороны, для развитія частныхъ стремленій и интересовъ въ ущербъ общимъ и къ уклоненію отъ исполненія гражданскаго долга. Врем. правительство считаетъ своимъ долгомъ прямо и опредѣленно заявить, что такое положеніе вещей дѣлаетъ управленіе государствомъ крайне затруднительнымъ и въ своемъ послѣдовательномъ развитіи угрожаетъ привести страну къ распаду внутри и къ пораженію на фронтѣ. Передъ Россіей встаетъ страшный призракъ междоусобной войны и анархіи, несущей гибель свободѣ. Есть мрачный и скорбный путь народовъ, хорошо извѣстный исторіи,—путь, ведущій отъ свободы черезъ междоусобіе и анархію къ реакціи и возврату деспотизма. Этотъ путь не долженъ быть путемъ русскаго народа“. Послѣ этой объективной характеристики положенія, очень мало гармонировавшей съ искреннимъ или оффиціальнымъ оптимизмомъ руководящей группы правительства, въ воззваніи давалось обѣщаніе „съ особенной настойчивостью возобновить (этимъ подчеркивалось, что усилія эти уже дѣлались раньше) усилія, направленныя къ расширенію его состава путемъ привлеченія къ отвѣтственной государственной работѣ представителей тѣхъ активныхъ творческихъ силъ страны, которыя доселѣ не принимали прямого и непосредственнаго участія въ управленіи государствомъ“. Политическій смыслъ, который руководители правительства придавали этому обѣщанію, былъ разъясненъ и подчеркнутъ личнымъ шагомъ А. Ф. Керенскаго, поспѣшившаго формально открыть министерскій кризисъ и тѣмъ закрѣпить позицію сторонниковъ коалиціи. Въ тотъ же день, 26 апрѣля, появилось въ газетахъ его письмо въ ц. к. партіи с.-р., въ совѣтъ р. и с. д. и во Врем. Комитетъ Гос. Думы, въ которомъ Керенскій заявлялъ, что отнынѣ „представители трудовой демократіи могутъ брать на себя бремя власти лишь по непосредственному избранію и формальному уполномочію тѣхъ организацій, къ которымъ они принадлежатъ“, и что въ ожиданіи рѣшенія органовъ демократіи, къ которымъ онъ обращался, онъ „будетъ нести до конца, тяжесть фактическаго исполненія обязанностей“. Этимъ весь вопросъ о способѣ созданія новаго правительства ставился на новую почву. Члены врем. правительства, назначенные Комитетомъ Гос. Думы 1 марта, не были формально делегированы партійными организаціями и не считали себя отвѣтственными передъ ними. Мы видѣли, въ какое отношеніе сталъ къ нимъ совѣтъ р. и с. д. Когда возникалъ вопросъ, какъ уравновѣсить „давленіе“ и „контроль“ совѣта надъ правительствомъ, мысль министровъ—въ томъ числѣ и А. Ф. Керенского—обращалась обыкновенно къ Временному Комитету Гос. Думы, какъ къ законному источнику власти. Члены Комитета участвовали и во всѣхъ важнѣйшихъ совѣщаніяхъ правительства съ делегатами совѣта. Но идея—дать такимъ образомъ долю справедливаго вліянія Гос. Думѣ—не осуществилась. Составъ 4-ой Гос. Думы былъ фактически ослабленъ тѣмъ, что лучшіе элементы ея заняли мѣста въ правительствѣ, получили отвѣтственныя порученія внѣ Петрограда и т. п. Съ другой стороны, Гос. Дума, какъ учрежденіе, съ самаго начала революціи, добровольно устранила себя отъ оффиціальной дѣятельности, понимая, что съ фактической отмѣной старыхъ „основныхъ законовъ“ революціоннымъ переворотомъ, роль ея, какъ государственнаго учрежденія въ

системѣ другихъ такихъ же, существенно измѣняется. Свое право вліять на ходъ событій Гос. Дума, по необходимости, выводила не столько изъ своего права избранія на основѣ избирательнаго положенія 3 іюня 1907 г., сколько изъ той важной роли, которую она сыграла въ успѣхѣ революція 27 февраля 1917 г. Но въ роли этого фактора являлась не вся Гос. Дума, а ея Временный Комитетъ, отъ времени до времени дѣлавшій свои доклады частному совѣщанію членовъ Гос. Думы. Даже и такая скромная роль Гос. Думы начинала вызывать раздраженіе въ рядахъ „революціонной демократіи“. Преслѣдуемая съ самаго начала маніей „контръ-революціи“, потомъ сознательно злоупотреблявшая этимъ призракомъ и раздувавшая съ демагогическими цѣлями страхъ передъ несуществовавшей тогда „контръ-революціонной опасностью“, „революціонная демократія“ соціалистическихъ партій принялась систематически дискредитировать Гос. Думу и ея предсѣдателя М. В. Родзянко, пользовавшагося въ первое время революціи громадной популярностью въ странѣ и въ арміи. По тѣмъ или другимъ причинамъ, но Гос. Дума оказалась неподходящимъ средствомъ для того, чтобы раздѣлить контроль надъ правительствомъ, да она и принципіально не захотѣла бы требовать отвѣтственности правительства передъ собой, въ особенности, требовать его въ равной мѣрѣ съ совѣтомъ р. и с. д. И естественно, разъ уже зашла рѣчь объ отвѣтственности министровъ передъ кѣмъ либо, выдвинулась идея использовать ихъ отвѣтственность передъ политическими партіями, къ которымъ большинство ихъ принадлежало. Если министры перваго состава не были делегированы партіями и принципіально передъ ними не отвѣчали, то теперь, при созданіи коалиціи, и при наличности отвѣтственности нѣкоторыхъ изъ будущихъ министровъ передъ партійными органами, казалось правильнымъ распространить эту отвѣтственность и на отношенія другихъ министровъ (главнымъ образомъ, членовъ партіи народной свободы, единственной сохранившейся и организованной изъ несоціалистическихъ партій) къ ихъ органамъ. Письмо Керенскаго сдѣлало такую постановку вопроса неизбѣжной. Мотивируя разницу между своимъ вступленіемъ въ первый составъ правительства и въ составъ, подготовлявшійся теперь, Керенскій указалъ, что тогда „рѣшающія событія революціи застали демократію неорганизованной“ и онъ „на свой личный страхъ и рискъ долженъ былъ принять представительство этой демократіи“, „когда цензовая Россія одна взяла на себя организацію власти“. Теперь же онъ „считалъ положеніе кореннымъ образомъ измѣнившимся“. „Съ одной стороны положеніе дѣлъ въ странѣ все осложняется. Но, съ другой стороны, возрасли и силы организованной трудовой демократіи, которой, быть можетъ, нельзя болѣе устраняться отъ отвѣтственнаго участія въ управленіи государствомъ“. Керенскій обѣщалъ себѣ, что это участіе „придастъ рожденной революціей власти новыя силы и весь необходимый авторитетъ для сплоченія вокругъ нея всѣхъ живыхъ силъ страны и для преодолѣнія всѣхъ преградъ, препятствующихъ выходу Россіи на широкую дорогу историческаго развитія“. Чтобы оцѣнить настроеніе, продиктовавшее этотъ шагъ и эти слова, нужно вспомнить, что три дня спустя, 29 апрѣля, А. Ф. Керенскій произнесъ передъ фронтовымъ съѣздомъ сильныя слова отчаянія. „Неужели русское свободное государство есть государство взбунтовавшихся рабовъ?.. Я жалѣю, что не умеръ два мѣсяца назадъ: я бы умеръ съ великой мечтой, что разъ навсегда для Россіи загорѣлась новая жизнь, что мы умѣемъ безъ хлыста и палки уважать другъ друга и управлять своимъ государствомъ не такъ, какъ управляли прежніе деспоты“. Конечно, въ соціалистическихъ газетахъ рѣчь эта не была напечатана.

Итакъ, А. Ф. Керенскій своимъ демонстративнымъ шагомъ открылъ министерскій кризисъ и опять форсировалъ положеніе. Съ одной стороны, шагъ его обязывалъ правительство немедленно сдѣлать выводъ изъ своего обѣщанія 26 апрѣля. Съ другой стороны, онъ ставилъ и передъ совѣтами въ рѣшительной формѣ вопросъ объ участіи соціалистовъ въ правительствѣ. Надо прибавить, что въ болѣе общей формѣ намѣреніе правительства призвать всѣ живыя силы было доведено до свѣдѣнія Н. С. Чхеидзе и М. В. Родзянко письмомъ кн. Львова, воспроизводившимъ выраженія деклараціи 26 апрѣля.

Наиболѣе вліятельные руководители совѣта, вмѣстѣ съ И. Г. Церетели, вовсе не были склонны нести отвѣтственность за пользованіе правительственной властью въ такую отвѣтственную и трудную минуту. Они совершенно правильно учли свои силы, понимали, что необходимый для нихъ процессъ организаціи едва лишь начался въ странѣ, сознавали отлично, что въ этомъ процессѣ гораздо выгоднѣе быть на сторонѣ критикующихъ, чѣмъ критикуемыхъ, отдавали себѣ отчетъ и въ томъ, что уходъ наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ изъ совѣта въ правительство чрезвычайно ослабитъ ихъ вліяніе въ совѣтѣ и откроетъ путь къ усиленію вліянія ихъ противниковъ слѣва,—большевиковъ. Въ засѣданіи исполнительнаго комитета 29 апрѣля послѣ продолжительныхъ преній комитетъ высказался противъ участія въ правительствѣ большинствомъ одного голоса, 23 противъ 22, при 8 воздержавшихся.

Было, однако, несомнѣнно, что разъ начатое дѣло, уже въ виду неизбѣжности личныхъ перемѣнъ, должно быть доведено до конца. Въ тотъ же день кн. Г. Е. Львовъ посѣтилъ П. Н. Милюкова и просилъ его помочь ему выйти изъ затруднительнаго положенія. П. Н. Милюковъ въ отвѣтъ указалъ альтернативу: или послѣдовательно проводить программу твердой власти и, въ такомъ случаѣ, отказаться отъ идеи коалиціоннаго правительства, пожертвовать А. Ф. Керенскимъ, который уже заявилъ о своей отставкѣ, и быть готовымъ на активное противодѣйствіе захватамъ власти со стороны совѣта,—или же пойти на коалицію, подчиниться ея программѣ и рисковать дальнѣйшимъ ослабленіемъ власти и дальнѣйшимъ распадомъ государства.

Въ сущности, выборъ кн. Львова былъ уже сдѣланъ, и П. Н. Милюковъ могъ облегчить его положеніе лишь однимъ способомъ: онъ предложилъ рѣшить свой личный вопросъ въ свое отсутствіе (онъ и А. И. Шингаревъ въ этотъ день выѣзжали въ ставку), предупредивъ только, что при созданіи коалиціоннаго правительства, онъ не приметъ предполагавшейся перемѣны портфеля, такъ какъ онъ принципіально противъ коалиціи. Уѣзжая, П. Н. Милюковъ просилъ также и А. И. Гучкова, готовившагося подать въ отставку, отложить свой личный вопросъ до рѣшенія принципіальнаго вопроса о коалиціи и о ея программѣ.

Однако, уже вечеромъ 29 апрѣля А. И. Гучковъ заявилъ временному правительству о своемъ уходѣ, и днемъ 30-го апрѣля кн. Г. Е. Львовъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ, „въ виду тѣхъ условій, въ которыя поставлена правительственная власть въ странѣ, а въ частности, власть военнаго и морского министра, условій, которыя измѣнить онъ не въ силахъ, и которыя грозятъ роковыми послѣдствіями арміи и флоту и свободѣ, и самому бытію Россіи“, онъ „по совѣсти не можетъ долѣе нести обязанности военнаго и морского министра и раздѣлять отвѣтственность за тотъ тяжкій грѣхъ, который творится въ отношеніи родины“. Въ то же время А. И. Гучковъ выступилъ на съѣздѣ делегатовъ съ фронта съ длинной рѣчью, въ которой перечислялъ

всѣ свои заслуги передъ арміей и флотомъ и заявлялъ, что „въ томъ угарѣ, который насъ охватилъ, мы зашли за ту роковую черту, за которой начинаются не созиданіе, не сплоченіе, не укрѣпленіе военной мощи, а постепенное разрушеніе". Справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ процессѣ разрушенія А. И. Гучковъ не захотѣлъ перешагнуть послѣдней грани: онъ остановился передъ опубликованіемъ „деклараціи правъ солдата", которая была затѣмъ опубликована черезъ двѣ недѣли его преемникомъ—и которая, по компетентному заявленію высшаго командованія, должна была нанести военной дисциплинѣ послѣдній и непоправимый ударъ.

Извѣстіе объ отставкѣ Гучкова заставило исполнительный комитетъ, послѣ разъясненій А. Ф. Керенскаго, пересмотрѣть свое рѣшеніе о невступленіи въ правительство. Въ вечернемъ засѣданіи 1-го мая большинствомъ 41 противъ 18, при трехъ воздержавшихся, было рѣшено принять участіе въ коалиціонномъ правительствѣ. Противъ этого рѣшенія голосовали на этотъ разъ только большевики и меньшевики-интернаціоналисты. Въ ту же ночь была выработана и программа пунктовъ, на которой соціалисты соглашались войти въ правительство. На первое мѣсто здѣсь былъ поставленъ спорный пунктъ о внѣшней политикѣ, вводившій на этотъ разъ цѣликомъ популярную формулу: „дѣятельная внѣшняя политика, открыто ставящая своею цѣлью скорѣйшее достиженіе всеобщаго мира безъ аннексій и контрибуцій, на началахъ самоопредѣленія народовъ, въ частности подготовка къ переговорамъ съ союзниками въ цѣляхъ пересмотра соглашеній, на основаніи деклараціи временнаго правительства отъ 27-го марта". Этотъ пунктъ предрѣшалъ уходъ П. Н. Милюкова, заранѣе условленный между Церетели и руководящей группой правительства, причемъ сторонники этой перемѣны обезпечили себѣ и поддержку союзниковъ, въ лицѣ Альберта Тома. Вторымъ пунктомъ шелъ второй циммервальдскій тезисъ, „демократизація арміи", но съ прибавкой, характеризовавшей уже извѣстное намъ настроеніе руководителей совѣта (только что опубликовавшаго свое обращеніе къ фронту): „организація и укрѣпленіе боевой силы фронта и дѣйствительная защита добытой свободы". Далѣе слѣдовали пункты, безспорные по заглавіямъ, но грозившіе сдѣлаться очень спорными по содержанію, которое вкладывалось въ нихъ „революціонной демократіей".

„Борьба съ хозяйственной разрухой путемъ установленія контроля надъ производствомъ, транспортомъ, обмѣномъ и распредѣленіемъ продуктовъ и организація производства въ необходимыхъ случаяхъ." Этотъ основной тезисъ „военнаго соціализма" могъ быть проведенъ такъ, какъ онъ проводился во всѣхъ воюющихъ странахъ,—послѣдовательнѣе всего въ Германіи. Но онъ могъ быть понятъ и въ смыслѣ осуществленія путемъ декретовъ власти чисто соціалистическихъ задачъ. Въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ онъ разумѣлся именно въ смыслѣ соціалистическихъ экспериментовъ надъ промышленностью. Относительно деревни совѣтская программа требовала „аграрной политики, регулирующей землепользованіе въ интересахъ народнаго хозяйства, подготовляющей переходъ земли въ руки трудящихся." Подъ этой, тоже довольно растяжимой, формулой разумѣлась „подготовка перехода земли" путемъ передачи фактическаго пользованія ею земельнымъ комитетамъ. Финансовый пунктъ программы устанавливалъ „переустройство финансовой системы на демократическихъ началахъ, въ цѣляхъ переложенія финансовыхъ тягот на имущіе классы (обложеніе военной сверхъ-прибыли, поимущественный налогъ и т. д.)". О тенденціи этого параграфа можно судить по тому, что впослѣдствіи

даже финансовыя реформы А. И. Шингарева показались совѣтскимъ финансистамъ недостаточными. Всѣ эти приведенные пункты выходили за предѣлы первоначальныхъ задачъ временнаго правительства и потому, что вводили въ ихъ число немедленно, не дожидаясь Учредительнаго Собранія, соціальное „правотворчество“ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, чтобы этимъ вызвать самые острые классовые конфликты. Наконецъ, три остающіеся пункта не могли вызывать никакихъ возраженій: „всесторонняя защита труда“, „укрѣпленіе демократическаго самоуправленія“, и „скорѣйшій созывъ Учредительнаго Собранія“.

Съ утра 2-го мая, при участіи возвратившихся спѣшно изъ ставки министровъ П. Н. Милюкова и А. И. Шингарева, изъ Москвы А. А. Мануйлова, началось обсужденіе этой программы въ правительствѣ. Продолжая возражать противъ самаго принципа коалиціи, П. Н. Милюковъ находилъ предъявленную программу отчасти слишкомъ неопредѣленной и скрывающей зародыши конфликтовъ въ будущемъ, отчасти, поскольку она была опредѣлена (въ области внѣшней политики) непріемлемой и, наконецъ, попрежнему, не заключающей въ себѣ тѣхъ элементовъ, отсутствіе которыхъ, собственно, и вызвало слабость и паденіе правительства перваго состава: не заключающей указаній на единство власти и на обезпеченіе этого единства полнымъ довѣріемъ „революціонной демократіи“. На почвѣ этихъ возраженій было приступлено къ составленію окончательнаго текста декларація новаго правительства. Во время этого составленія подоспѣли однородныя замѣчанія комитета Гос. Думы и Ц. К. партіи народной свободы. Но раньше, чѣмъ обсужденіе деклараціи окончилось, въ вечернемъ засѣданіи А. Ф. Керенскій сообщилъ П. Н. Милюкову о состоявшемся въ отсутствіи послѣдняго рѣшеніи семи членовъ временнаго правительства—оставить за П. Н. Милюковымъ, при перераспредѣленіи портфелей, министерство народнаго просвѣщенія, вмѣсто министерства иностранныхъ дѣлъ. Самъ А. Ф. Керенскій долженъ былъ получить портфель военнаго и морского министра. Не считая возможнымъ, при такомъ перераспредѣленіи и при намѣчавшейся побѣдѣ циммервальдскихъ тенденцій въ области веденія войны и внѣшней политики, нести свою долю коллективной отвѣтственности за дальнѣйшія дѣйствія солидарнаго кабинета, П. Н. Милюковъ категорически отказался принять предложеніе товарищей и покинулъ засѣданіе.

Дальнѣйшее обсужденіе проекта деклараціи привело представителей совѣта къ нѣкоторымъ уступкамъ, впрочемъ, очень незначительнымъ. Требованія партіи народной свободы были приняты въ очень урѣзанномъ и смягченномъ видѣ. Партія, какъ и Государственная Дума и часть министровъ, требовала признанія временнаго правительства единственнымъ органомъ власти. Декларація въ заключительной части лишь односторонне заявляетъ, что его плодотворная работа возможна лишь при условіи: „...2) возможности осуществлять на дѣлѣ всю полноту власти“. Эта „возможность“ была поставлена въ зависимость отъ „...1) полнаго и безусловнаго довѣрія къ правительству всего революціоннаго народа“. То и другое только постулировалось, но вовсе не давалось формально правительству. Далѣе Ц. К. партіи народной свободы, требовалъ, чтобы за правительствомъ была признана основная и элементарная принадлежность всякой власти: право примѣненія силы и распоряженія арміей. Этотъ капитальный вопросъ опять таки не былъ включенъ въ пункты программы, и лишь затронутъ осторожно въ той же заключительной части, въ такой формѣ, которая заранѣе ослабляла все практическое значеніе этого признанія: правительство „заявляло, что для спасенія

родины оно приметъ самыя энергичныя мѣры противъ всякихъ контръ-революціонныхъ попытокъ, какъ и противъ анархическихъ, неправомочныхъ и насильственныхъ дѣйствій, дезорганизующихъ страну и создающихъ почву для контръ-революціи." Опасность грозила слѣва, и тотъ самый Некрасовъ, которому принадлежалъ проектъ декларацiи, въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ справедливо признавалъ опасность контръ-революціи и „бонапартизма"—мнимой опасностью. Но, чтобы получить право хотя бы намекнуть въ правительственной декларацiи на реальную опасность слѣва, новому правительству приходилось направить всю силу фразеологии на несуществовавшую тогда опасность справа, упомянувъ о настоящей, большевистской, опасности, лишь какъ о готовящей почву для той же „контръ-революціи". Ясно было, что, связанное въ словахъ, новое правительство будетъ еще болѣе связано въ дѣйствіяхъ.

Первоначальной задачей декларацiи было—договориться, наконецъ, до конца и все сказать такъ ясно, чтобы не было мѣста дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ и скрытымъ конфликтамъ. Но на первомъ же шагу оказывалось, что ясная и опредѣленная постановка задачъ для коалиціоннаго правительства невозможна и что коалиція есть дѣйствительно компромиссъ, заранѣе парализующій власть изнутри, какъ до сихъ поръ ее парализовало давленіе извнѣ. Даже по тому основному вопросу, который далъ поводъ для ухода П. Н. Милюкова, по вопросу о внѣшней политикѣ, программа представила только компромиссное рѣшеніе, сославшись для объясненія, „демократической" формулы мира (безъ аннексій и контрибуцій) на прежнее заявленіе правительства отъ 28-го марта. Это было сдѣлано послѣ того, какъ не удалось ограничить смыслъ совѣтской формулы оговорками: „безъ захватной политики и безъ карательныхъ контрибуцій". Вмѣсто опредѣленнаго совѣтскаго заявленія о „подготовкѣ переговоровъ съ союзниками въ цѣляхъ пересмотра соглашеній", декларація обѣщала лишь „предпринять подготовителные шаги къ соглашенію съ союзниками"—на основахъ декларацiи 28-го марта. Эта уклончивость въ главномъ вопросѣ соотвѣтствовала интересамъ Россіи. Такимъ образомъ, выдавалась совѣтамъ лишь личность П. Н. Милюкова, а не его политика. Этимъ удовлетворялось и требованіе Государственной Думы и партіи народной свободы о сохраненіи „единства фронта" съ союзниками и о рѣшеніи вопросовъ войны и мира „въ полномъ единеніи съ ними". Но главная цѣль—созданіе новаго правительства,—сильнаго ясностью и единодушіемъ своихъ стремленій, не только не была достигнута, но, наоборотъ, была молчаливо признана недостижимой. Если нельзя того же сказать о соціальныхъ пунктахъ декларацiи, то только потому, что тутъ, конфликты были еще впереди. Декларація избѣжала ихъ преждевременнаго раскрытія тѣмъ, что сдѣлала эластичныя совѣтскія формулы еще болѣе неопредѣленными, введя въ нихъ необходимыя оговорки. Въ области контроля надъ промышленностью и производствомъ, декларація обѣщала лишь „дальнѣйшее планомѣрное проведеніе" мѣръ, уже примѣнявшихся раньше, и тѣмъ самымъ лишила свое заявленіе характера принципіальной перемѣны. Въ области финансовыхъ вопросовъ правительство лишь обѣщало, „обратить особое вниманіе на усиленіе прямого обложенія имущихъ классовъ". А въ аграрномъ вопросѣ декларація и по существу разошлась съ требованіями совѣта, обѣщавъ лишь „принять всѣ необходимыя мѣры" для одной, вполнѣ конкретной задачи, „обезпеченія наибольшей производительности хлѣба для нуждающейся въ немъ страны". Что касается „вопроса о переходѣ земли въ руки трудящихся", новое правительство, въ согласіи съ тѣмъ, чѣмъ ограничивалось и старое,

хотѣло лишь „выполнять для этого подготовительныя работы“, „предоставляя Учредительному Собранію“ рѣшеніе самаго вопроса. Во всѣхъ другихъ пунктахъ декларація подчеркнула, что требованія совѣта для правительства не новы и что въ области „всесторонней защиты труда“, „введенія демократическихъ органовъ самоуправленія“, „созыва Учредительнаго Собранія въ Петроградѣ“ оно лишь будетъ, „со всей возможной настойчивостью и спѣшностью“ „прилагать свои усилія“. Заключительная часть, какъ мы видѣли, указывала, при какихъ условіяхъ (поддержки) усилія эти могутъ увѣнчаться успѣхомъ.

То, чего здѣсь не договаривала правительственная декларація, договорило опубликованное въ одинъ день съ нимъ, 6 мая, заявленіе Ц. К. партіи народной свободы. Здѣсь впервые весь критическій матеріалъ, созданный дѣятельностью—или, точнѣе, вынужденной бездѣятельностью—перваго правительства, былъ собранъ и формулированъ въ видѣ тезисовъ положительной политической программы. Отказавшись отъ давленія на своего предсѣдателя, вынужденнаго покинуть ряды правительства, партія, однако, сочла нужнымъ настоять на сохраненіи постовъ въ кабинетѣ другими своими сочленами. Оставляя ихъ въ составѣ новаго правительства, участники котораго объявлялись отвѣтственными передъ своими партіями, партія народной свободы дала имъ совершенно опредѣленный мандатъ. Въ области внѣшней политики „всецѣло одобряя стойкую защиту П. Н. Милюковымъ международныхъ интересовъ Россіи“, партія „теперь, какъ и прежде, не мыслила и не могла бы поддерживать своимъ довѣріемъ внѣшнюю политику, которая не была бы основана на тѣсномъ и неразрывномъ единеніи съ союзниками, направленномъ къ соблюденію обязательствъ и къ огражденію правъ, достоинства и жизненныхъ интересовъ Россіи.“ Въ области внутренней политики партія считала первой задачей обновленнаго правительства „упроченіе его авторитета и укрѣпленіе его власти“, а для этого, для „полноты и дѣйственности этой власти“ „первымъ условіемъ долженъ быть“ по ея мнѣнію „рѣшительный отказъ всѣхъ.. безъ исключенія группъ и организацій отъ присвоенія себѣ права распоряженій, отмѣняющихъ либо измѣняющихъ акты временнаго правительства и вторгающихся въ область законодательства или управленія.“

Третье существенное требованіе партіи к.-д. вытекаетъ изъ второго: единство власти правительства должно быть обезпечено его силой. Въ противоположность деклараціямъ членовъ перваго правительства и его заявленіямъ 26-го апрѣля, партія полагала, что никакая власть не можетъ опираться на одинъ только моральный авторитетъ, на силу убѣжденія и на добровольное повиновеніе гражданъ. Съ элементами, „ставящими себѣ прямою цѣлью разрушеніе всякаго порядка и посягательство на чужія права“, нельзя ограничиваться одними увѣщаніями. Съ ними „необходима настойчивая борьба, не останавливающаяся передъ примѣненіемъ всѣхъ, находящихся въ распоряженіи государства мѣръ принужденія. Всякая нерѣшительность въ этомъ направленіи, по глубокому убѣжденію партіи народной свободы, будетъ имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ развитіе анархіи и ростъ преступности. Поддерживая и питая настроеніе, враждебное революціи, такое усиленіе смуты несетъ въ себѣ величайшую опасность и способно погубить дѣло свободы“.

Частнымъ примѣненіемъ того же принципа являлось четвертое требованіе партіи— о поддержаніи дисциплины въ арміи. „Необходимы определенныя и рѣшительныя мѣры противодѣйствія попыткамъ внести дезорганизацію въ ряды арміи, подорвать въ ней дисциплину и боевую мощь, посѣять пагубную рознь между защитниками родины.“ Общимъ замѣчаніемъ по отношенію ко всѣмъ предыдущимъ было то, что „партія не считаетъ возможнымъ мириться съ полумѣрами въ предстоящей борьбѣ, отъ успѣха которой зависитъ прочность и непоколебимость новаго строя.“

Пятымъ требованіемъ партіи было то, чтобы ни въ соціальныхъ, ни въ національныхъ, ни въ конституціонныхъ вопросахъ временное правительство не предвосхищало воли Учредительнаго Собранія. „Впредь до созыва“ Учредительнаго Собранія партія считала лишь возможнымъ „содѣйствовать проведенію въ жизнь всѣхъ неотложныхъ мѣропріятій,“ съ цѣлью „установленія разумной и цѣлесообразной экономической и финансовой политики, подготовки къ земельной реформѣ, направленной къ передачѣ земли трудовому земледѣльческому населенію, охраны интересовъ трудящихся массъ, развитія мѣстнаго самоуправленія, правильнаго устройства и надлежащаго функціонированія суда и удовлетворенія другихъ разнообразныхъ потребностей государственнаго управленія“. Но что касается такихъ вопросовъ, какъ „установленія основныхъ началъ государственнаго строя Россіи“ (республика или парламентарная монархія), „созданіе новыхъ формъ ея политическаго устройства“ (унитарный или федеративный типъ), „разрѣшеніе коренныхъ проблемъ ея экономическаго бытія“ (земельная собственность, отношеніе капитала и труда), „удовлетвореніе справедливыхъ требованій отдѣльныхъ національностей“ (автономія или федерація),—всѣ такіе вопросы не могутъ быть разрѣшаемы властью временнаго правительства и должны быть предоставлены на усмотрѣніе Учредительнаго Собранія, какъ высшаго выразителя народной воли“. Отсюда ясно и то, какое громадное значеніе партія придавала Учредительному Собранію и какъ бережно она считала необходимымъ обращаться и съ идеей этого проявленія народовластія, и съ ея наилучшимъ осуществленіемъ. Своимъ сочленамъ въ составѣ правительства партія поручала „всемѣрно содѣйствовать осуществленію такой программы и въ такихъ предѣлахъ“, какъ указанные выше. Въ противномъ случаѣ, соотвѣтственно новому пріему конструкціи коалиціоннаго кабинета изъ представителей, оффиціально делегированныхъ политическими партіями и передъ ними отвѣтственныхъ, партія предоставляла себѣ отозвать своихъ членовъ изъ состава правительства.

Въ совѣтѣ р. и с. д. появленіе новыхъ министровъ-соціалистовъ, членовъ перваго коалиціоннаго кабинета, было встрѣчено бурной оваціей. „Не въ плѣнъ къ буржуазіи идутъ они“, говорилъ представитель с.-р. Гоцъ, „а занимать новую позицію выдвинутыхъ впередъ окоповъ революціи“. „При создавшемся положеніи“, подтверждалъ В. М. Черновъ, „совѣтъ р. и с. д. будетъ, въ сущности, рѣшать государственныя дѣла, а министры только исполнять“. Ту же мысль подтвердилъ и болгарско-румынскій соціалистъ Раковскій, только выпущенный русскими войсками изъ румынской тюрьмы (румынское правительство обвиняло его въ подкупѣ германскими деньгами). Въ немъ „пробудился старый циммервальдецъ“ и онъ радостно привѣтствовалъ расцвѣтъ циммервальдизма въ Россіи. „Тамъ насъ была горсточка, а

тутъ—вся страна". И онъ тутъ же продиктовалъ молодымъ циммервальдцамъ тему ихъ будущей деклараціи. „Не бойтесь вхожденія въ министерство. Всюду въ другихъ странахъ соціалистическіе министры являются какъ бы хвостомъ своего правительства, а здѣсь я вижу другое: правительство—это хвостъ революціи. Русскій министеріализмъ отличается отъ западнаго".

Однако, герои дня съ грустью принимали свою побѣду. Церетели и Скобелевъ одинаково говорили о своихъ колебаніяхъ, о безыходности положенія, которое заставило сдѣлать ихъ неизбѣжный выборъ между вступленіемъ въ правительство и гибелью революціи, о неподготовленности массъ, о необходимости идти объ руку съ частью „буржуазіи",—конечно, не съ Милюковымъ, уходъ котораго подчеркнулъ разницу новой платформы отъ прежней. Собраніе горячо привѣтствовало ораторовъ-министровъ и всѣми голосами противъ 20-ти приняло резолюцію, которая признавала правительственную декларацію „соотвѣтствующей волѣ демократіи, задачамъ закрѣпленія завоеваній революціи и дальнѣйшаго ея развитія", выражала правительству „полное довѣріе", призывала демократію „оказать этому правительству дѣятельную поддержку, обезпечивающую ему всю полноту власти", и устанавливала принципъ отвѣтственности министровъ-соціалистовъ, „впредь до созданія всероссійскаго органа совѣтовъ", передъ петроградскимъ совѣтомъ.

Тѣми же бурными аплодисментами былъ принятъ, однако, только что наканунѣ пріѣхавшій изъ Америки Троцкій, „старый вождь первой революціи", который рѣзко осуждалъ вступленіе соціалистовъ въ министерство, утверждая, что теперь „двоевластіе" не уничтожится, а „лишь перенесется въ министерство", и что настоящее единовластіе, которое „спасетъ" Россію, наступитъ только тогда, когда будетъ сдѣланъ „слѣдующій шагъ—передача власти въ руки рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ". Тогда наступитъ „новая эпоха,—эпоха крови и желѣза, но уже въ борьбѣ не націй противъ націй, а класса страдающаго, угнетеннаго противъ классовъ господствующихъ". „Русская революція станетъ прологомъ революціи міровой". Для полноты картины, рядомъ съ героемъ завтрашняго дня выступилъ, при смѣхѣ аудиторіи, и претендентъ на героя послѣзавтрашняго дня, анархистъ Блейхманъ, который заявилъ, что „смѣется лучше тотъ, кто смѣется послѣднимъ". Онъ иронически привѣтствовалъ „соціалистовъ въ ковычкахъ", требовалъ „послѣдовательности" отъ большевиковъ и выражалъ увѣренность, что въ концѣ концовъ и они станутъ на путь анархіи.

Циклъ грядущихъ превращеній у русской революціи здѣсь намѣтился, какъ въ зеркалѣ. На этой покатой плоскости коалиціонное правительство оказалось, дѣйствительно, „первымъ шагомъ". Прежде чѣмъ совершился „второй",—къ господству совѣтовъ,—коалиція должна была пройти черезъ тройной кризисъ, въ которомъ противорѣчіе между утопизмомъ словъ и неизбѣжнымъ реализмомъ дѣлъ министровъ-соціалистовъ вскрылось вполнѣ и до конца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Соціалисты защищаютъ буржуазную революцію отъ соціалистической (6 мая—7 іюля).

I. Противорѣчіе цѣлей и средствъ перваго коалиціоннаго кабинета.

Составъ кабинета.—Двойственность задачи коалиціи.

Составъ кабинета.

Соціалисты численно не преобладали въ первомъ коаліціонномъ правительствѣ. Составъ его опредѣлился слѣдующимъ образомъ:

министръ-предсѣдатель и министръ внутр. дѣлъ—кн. Г. Е. Львовъ,
военный и морской министръ—А. Ф. Керенскій,
министръ иностранныхъ дѣлъ—М. И. Терещенко,
министръ путей сообщенія—Н. В. Некрасовъ,
министръ земледѣлія—В. М. Черновъ,
министръ почтъ и телеграфовъ—И. Г. Церетели,
министръ труда—М. И. Скобелевъ,
министръ продовольствія—А. В. Пѣшехоновъ,
министръ юстиціи—П. Н. Переверзевъ,
министръ торговли и промышленности—А. И. Коноваловъ,
министръ финансовъ—А. И. Шингаревъ,
министръ народнаго просвѣщенія—А. А. Мануиловъ,
министръ государственнаго призрѣнія—кн. Д. И. Шаховской,
оберъ-прокуроръ синода—В. Н. Львовъ,
государственный контролеръ—И. В. Годневъ.

Такимъ образомъ, въ кабинетѣ было 6 соціалистовъ и 9 не-соціалистовъ. Но изъ послѣднихъ только небольшая группа трехъ министровъ к.-д. (не считая Н. В. Некрасова) вмѣстѣ съ А. И. Коноваловымъ держалась дружно. Два „правыхъ" министра часто поддерживали соціалистовъ, но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они примыкали къ группѣ четырехъ не-соціалистовъ и вотировали 6 противъ шести, рѣшающее значеніе играли Терещенко и Некрасовъ, линія которыхъ клонилась влѣво и увлекала туда же министра-предсѣдателя. Это было хотя и „буржуазное" правительство, но такое, которое, дѣйствительно, вполнѣ заслуживало полнаго „довѣрія" и „поддержки" умѣренныхъ соціалистическихъ группъ, къ которымъ принадлежало большинство въ совѣтѣ р. и с. д.. Бѣда была лишь въ томъ, что, чѣмъ эта поддержка становилась тверже и послѣдовательнѣе, тѣмъ болѣе само большинство совѣта теряло поддержку въ массахъ и таяло. Чтобы предупредить его превращеніе въ меньшинство и сохранить принципъ отвѣтственности министровъ-соціалистовъ передъ совѣтомъ, вождь этого большинства, Церетели, принужденъ былъ

пустить въ ходъ всю свою изворотливость. Каждая его побѣда должна была сопровождаться компенсирующей эту побѣду уступкой точкѣ зрѣнія противниковъ. Тактическая линія поведенія превращала́сь такимъ образомъ въ рядъ зигзаговъ, среди которыхъ все труднѣе становилось сохранить господствующее направленіе. Постоянные компромиссы съ очередными криками дня привели, наконецъ, если не къ потерѣ основной тактической линіи, то къ полной потерѣ пониманія этой линіи и довѣрія къ ней въ тѣхъ рабочихъ и солдатскихъ массахъ, на которыя опирались совѣты. Демагогія крайнихъ лѣвыхъ теченій очень ловко воспользовалась этой сложностью и запутанностью тактики болѣе умѣренныхъ вождей и привлекла на свою сторону массы крайней простотой и привлекательностью лозунговъ, также какъ и упорной послѣдовательностью—если не въ проведеніи, то, во всякомъ случаѣ, въ повтореніи, въ натверживаніи этихъ лозунговъ. Реклама и агитація среди большевистскихъ теченій всегда были поставлены образцово.

Двойственность задачи коалиціи.

Двойственность, которая въ концѣ концовъ погубила первую коалицію, заключалась уже въ самомъ опредѣленіи основной задачи, для осуществленія которой она образовалась. Для Церетели этой задачей было соединеніе „буржуазіи“ съ революціонной демократіей“ (т. е. соціалистами совѣта) на одной „демократической платформѣ“, которую онъ хотѣлъ считать всенародной, но которая была, въ сущности, партійно-соціалистической. Это былъ плохой и чисто формальный способъ — не разрѣшить,—а симулировать разрѣшеніе глубокаго и неразрѣшимаго противорѣчія,—того противорѣчія, которое существовало между научнымъ тезисомъ марксизма, что при данномъ состояніи производства возможна лишь „буржуазная“ революція, и нетерпѣливымъ стремленіемъ большинства русскихъ соціалистовъ перевести русскую („міровую“) революцію изъ политической въ соціальную (соціалистическую).

Для членовъ перваго правительства, наладившихъ коалиціонную комбинацію, напротивъ, задача коалиціи была совсѣмъ другая. Недаромъ надъ осуществленіемъ коалиціи такъ же усиленно работалъ Альберъ Тома, какъ и Керенскій съ Некрасовымъ и Терещенко. Убѣжденіемъ перваго было, что нужно спасать боеспособность революціонной Россіи путемъ уступокъ руководящимъ теченіямъ соціализма, а убѣжденіемъ остальныхъ было, что боеспособность арміи можно удержать, лишь поставивъ ей понятныя для нея и способныя одушевить ее цѣли войны. Такъ какъ такими цѣлями этимъ ослѣпленнымъ людямъ непремѣнно представлялся лозунгъ совѣта „безъ аннексій и контрибуцій“ (т. е., въ сущности, отказъ отъ цѣлей войны), то намѣренія Некрасова и Тома внѣшнимъ образомъ сходились съ намѣреніями Церетели и Керенскаго, которые тогда считали себя „циммервальдцами“. Пріобрѣталась видимость „единаго фронта“ внутри и во-внѣ.

„Я спрашиваю себя“—такъ объяснялъ свою политику Н. В. Некрасовъ передъ 8-ымъ съѣздомъ партіи народной свободы (9 мая), „что дороже для насъ и для нашихъ союзниковъ: эти ли договоры, для осуществленія которыхъ неизвѣстно когда придетъ время, или то боевое единство, которое одно можетъ дать намъ реальную возможность спасти честь и достоинство Россіи. Рѣшающимъ для меня было то, что я слышалъ отъ делегатовъ изъ арміи... Эти люди сказали намъ: если вы хотите, чтобы армія шла въ бой, если вы хотите отъ нея прежней дисциплины и прежняго единства, то дайте ей тѣ цѣли борьбы, которыя ей понятны, которыя она видитъ передъ собой и можетъ защищать ре-

ально. И помните, что нельзя возложить на плечи арміи, борющейся уже три года на фронтѣ, ту задачу, которая этой арміей не раздѣляется". Условную справедливость этой позиціи призналъ и П. Н. Милюковъ въ концѣ своей рѣчи о своемъ уходѣ въ частномъ совѣщаніи членовъ Гос. Думы. Онъ не вѣрилъ, что указанныя средства могутъ привести къ цѣли и что можно усилить желаніе воевать, отказавшись отъ національныхъ цѣлей войны; онъ доказывалъ также, что въ основѣ этой формулировки лежитъ пассивное подчиненіе тенденціи, внесенной извнѣ и грозящей, въ послѣднемъ счетѣ, полнымъ распадомъ власти и всѣми ужасами гражданской войны...

Какъ бы то ни было, задача была поставлена, и опытъ ея осуществленія начался сразу по двумъ тѣмъ линіямъ, которыя были искусственно соединены, но тотчасъ же расходились въ разныя и даже противоположныя стороны: по линіи поддержанія боеспособности арміи и по линіи „демократизаціи" нашей внѣшней политики. Первой задачей задался А. Ф. Керенскій, при скрытомъ и все возраставшемъ противодѣйствіи совѣта. Второй задачей задался самъ совѣтъ—точнѣе его „комиссія по внѣшнимъ сношеніямъ", при скрытомъ и постепенно слабѣвшемъ противодѣйствіи М. И. Терещенко. За этими двумя тенденціями, исходившими изъ разныхъ центровъ и другъ другу противорѣчившими, основная задача—укрѣпленіе революціонной власти—была совершенно забыта.

II. Фразы и дѣйствительность въ военномъ вопросѣ.

Керенскій уговариваетъ армію.—Разложеніе арміи.—Попытка мирныхъ переговоровъ на фронтѣ.

Керенскій уговариваетъ армію.

Внутреннее противорѣчіе было на-лицо и при осуществленіи первой тенденціи—поддержанія боеспособности арміи. Такъ какъ эта цѣль считалась лучше всего достижимой путемъ объясненія арміи, за что она борется, то за исполненіе этой задачи —за убѣжденіе арміи—лично взялся А. Ф. Керенскій. Онъ исполнилъ ее путемъ объѣзда фронта. Но одновременно съ убѣжденіями военнаго министра армія получила „декларацію правъ солдата", окончательно разложившую въ ней начала принудительной дисциплины. Послѣдствія были такія, какихъ не могло не быть: задача, взятая на себя А. Ф. Керенскимъ, оказалась неосуществимой и неосуществленной.

Военный и морской министръ объѣхалъ Гельсингфорсъ, Каменецъ-Подольскъ, Одессу, Севастополь, Кіевъ, Ригу и другіе города. Въ общественныхъ зданіяхъ и передъ фронтомъ, въ засѣданіяхъ разныхъ организацій и на торжественныхъ пріемахъ, сотни тысячъ солдатъ и гражданъ видѣли стройную фигуру молодого человѣка въ помятомъ френчѣ безъ украшеній и отличій, съ больной рукой, согнутой въ локтѣ и спрятанной за бортъ, съ болѣзненнымъ блѣднымъ лицомъ, носящимъ слѣды нервности и крайняго утомленія, слышали его пламенную рѣчь, составленную изъ короткихъ отрывистыхъ фразъ, говорившихъ о свободѣ, о свѣтѣ, о правдѣ, и ежеминутно прерывавшихся бурными взрывами аплодисментовъ и восторженными обѣтами вѣрить, слушать, пойти за министромъ-соціалистомъ впередъ, за демократію, за республику, за миръ (иногда еще прибавляли и за „матушку-Русь"). „Товарищи", говорилъ министръ, „въ нашей встрѣчѣ я вижу тотъ

великій энтузіазмъ, который объялъ всю страну и чувствую великій подъемъ, который міръ переживаетъ разъ въ столѣтія. Не часты такія чудеса, какъ русская революція, которая изъ рабовъ дѣлаетъ свободныхъ людей... Намъ суждено повторить сказку великой французской революціи. Бросимся же впередъ, за миръ всего міра, съ вѣрой въ счастье и величіе народа". (Одесса 16 мая). Вотъ канва, по которой мысль скачетъ и рвется, „чудеса" и „сказка" сплетаются съ „вѣрой" и „энтузіазмомъ", и все покрывается тономъ возбужденія и страсти, вызывающей отвѣтный кликъ, психологическую детонацію въ душахъ собравшейся толпы. Ораторъ, среди возбужденія, остается господиномъ своей мысли и пытается провести въ сознаніе толпы, въ формѣ, не противорѣчащей условной приподнятости, тѣ государственныя идеи, для которыхъ онъ пріѣхалъ. Свобода обязываетъ; отказъ отъ внѣшней дисциплины налагаетъ долгъ внутренней дисциплины; стремленіе къ скорому миру обязываетъ быть сильными на фронтѣ; врагъ, не уважающій идей, долженъ преклониться передъ силой. Ораторъ находитъ способы позолотить эти пилюли, преподнести ихъ въ формѣ, не охлаждающей овацій толпы. „Пусть никто не думаетъ, что русскій революціонный народъ слабѣе стараго царизма и что съ нимъ можно не считаться. Нѣтъ, вы посчитаетесь!" (бурные аплодисменты); (Гельсингфорсъ, 10 мая). „Я бы могъ сказать вамъ: вы свободные люди, идите домой, тамъ ждутъ васъ земля и воля. Темные люди пойдутъ за такимъ призывомъ. Они не виноваты въ томъ. Никто не училъ ихъ. О нихъ никто не заботился. Но тогда погибнетъ армія, и съ ней погибнетъ свобода, погибнетъ русская революція" (возгласы: „ни за что не выдадимъ", рукоплесканія); (Каменецъ-Подольскъ, 15 мая). „Мы создаемъ не какой нибудь англійскій или нѣмецкій строй, а демократическую республику въ полномъ смыслѣ этого слова" (бурные аплодисменты и крики: „вѣрно"). „Вы самые свободные солдаты міра. Развѣ вы не должны доказать міру, что та система, на какой строится сейчасъ армія,—лучшая система? Развѣ вы не докажете другимъ монархамъ, что не кулакъ, а совѣты есть лучшая сила арміи? (возбужденные возгласы: „докажемъ")... Наша армія при монархѣ совершала подвиги: неужели при республикѣ она окажется стадомъ барановъ?" (буря аплодисментовъ, крики: „нѣтъ, никогда"); (Каменецъ-Подольскъ). „Намъ не нужно чужого, но намъ нужно право на свое, на сохраненіе своей чести и достоинства революціоннаго народа. О нашихъ желаніяхъ мы сказали всему міру,—и нашимъ союзникамъ, и нашимъ врагамъ. Теперь мы желаемъ, чтобы демократія воюющихъ съ нами странъ нашла въ себѣ столько мужества, сколько нашлось у насъ—полуварваровъ,—какъ насъ называютъ въ Европѣ". (громъ аплодисментовъ); (Кіевъ 20-е мая). Очень много „я",—и этотъ пріемъ безошибочно сближаетъ оратора съ толпой и вызываетъ энтузіастическіе отклики. „Многіе военные, изучавшіе военное дѣло десятилѣтіями, отказывались взять постъ военнаго министра, а я, не военный человѣкъ, я взялъ его" (рукоплесканія); (Каменецъ-Подольскъ 14-е мая). „Если вамъ предстоитъ почетная смерть на глазахъ всего міра, позовите меня: я пойду съ ружьемъ въ рукахъ впереди васъ" (громъ рукоплесканій)... „Впередъ, на борьбу за свободу, не на пиръ, а на смерть я зову васъ. Мои товарищи с.-р. умирали одинъ за другимъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ. Мы, дѣятели революціи, имѣемъ право на смерть". (снова громъ аплодисментовъ, возгласы: „мы идемъ за тобой, товарищъ. Впередъ, за свободу") и даже, когда одинъ офицеръ, по порученію товарищей, подошелъ къ Керенскому и высказалъ, что происходящее въ тылу внушаетъ имъ опасеніе (вполнѣ потомъ подтвердившееся), что при наступленіи ударныхъ частей

армія не сможетъ получить потомъ поддержки отъ резервовъ, Керенскій отвѣчалъ той же псевдо-спартанской позой: „Когда мы, кучка революціонеровъ, бросились на борьбу съ сложнымъ механизмомъ стараго режима, мы никогда не оглядывались назадъ, на тылъ, не ждали резервовъ, мы шли на борьбу безъ оглядки и, если надо было, умирали. Если вамъ дорога свобода и революція, и вамъ понадобится идти, и если даже вы пойдете одни,—идите и, если нужно умереть, умрите.“ (Рига, 23 мая). Быть можетъ, этотъ офицеръ принадлежалъ къ тѣмъ многимъ, которые, дѣйствительно, умерли: смущенно онъ стоялъ передъ ораторомъ-министромъ и повторялъ полушопотомъ, вѣроятно, не столько устыженный, сколько разочарованный: „я пойду, я пойду“...

Нельзя, конечно, сказать, чтобы глубокій внутренній трагизмъ взятой на себя позы былъ совершенно непонятенъ А. Ф. Керенскому, и чтобы онъ не зналъ тѣхъ реальныхъ препятствій, въ которыя превращались защищаемыя имъ формулы при встрѣчѣ съ печальной дѣйствительностью. „Мы открыто сказали“, говорилъ онъ въ Гельсингфорсѣ 10 мая, „что не хотимъ захватовъ, насилія, не хотимъ чужого достоянія, мы хотимъ скорѣйшаго мира. Но тѣ, кому мы говорили это (германцы), могли понять только одно,—что мы неспособны силой отстоять свои права. И они начали братанія на нашемъ фронтѣ, а въ то же время свои лучшія войска послали на французскій фронтъ и уничтожаютъ эту первую демократію Европы. Кромѣ того, послѣ братанья на нашемъ фронтѣ у нихъ оказались фотографіи нашихъ позицій и батарей, которыя были такъ распланированы, что сверху ихъ увидѣть было нельзя“. „Русская революціонная власть“, заявлялъ Керенскій въ Одессѣ 17 мая, „отбросила аннексіонные лозунги. Попробуйте это сдѣлать въ другихъ странахъ: вы увидите, что такъ легко, какъ мы отдѣлались отъ Милюкова, вамъ это тамъ не удастся, ибо за нимъ тамъ стоятъ опредѣленныя общественныя силы... Въ Германіи имперіалисты усилились. Ослабляя нашъ фронтъ, мы даемъ возможность нѣмцамъ обратиться къ союзникамъ, разжигаемъ этимъ аппетиты германскихъ имперіалистовъ... Говорить этимъ (господствующимъ) классамъ о лозунгѣ „безъ аннексій“ смѣшно... Но быть смѣшнымъ въ глазахъ всего міра—это невыносимо для государства“. Точно также Керенскій понималъ ясно и послѣдствія распространенія этого лозунга на фронтѣ. „Тамъ“, замѣчалъ онъ въ Гельсингфорсѣ, „лозунгъ войны безъ аннексій былъ понятъ не какъ политическій лозунгъ войны, а какъ стратегическій, какъ предложеніе немедленно прекратить всякія военныя операціи, связанныя хотя бы съ однимъ шагомъ впередъ“. А въ Одессѣ онъ привелъ и поучительную иллюстрацію. „Я былъ только-что на фронтѣ. Тамъ одинъ полкъ заключилъ миръ съ нѣмцами. Договоръ подписали два нашихъ унтеръ-офицера и нѣмецкій офицеръ. Въ договорѣ говорится объ отказѣ отъ аннексій, но съ нашей стороны: наши отказались отъ обратныхъ завоеваній русскихъ городовъ Вильны и Ковно“. Это сообщеніе сопровождалось криками „позоръ“, и никто не думалъ тогда, что дѣло идетъ лишь о слабомъ прообразѣ того, что должно совершиться, если страна пойдетъ по избранной дорогѣ. А. Ф. Керенскому ясны были и внутреннія опасности на этомъ пути. „Намъ угрожаетъ серьезная сила“, говорилъ онъ въ Одессѣ 15-го мая. „Люди, объединившіеся въ ненависти къ новому строю, найдутъ путь, которымъ можно уничтожить русскую свободу, и они достаточно умны для того, чтобы понять, что провозглашеніемъ царя они ничего не достигнутъ... Они идутъ путемъ обманнымъ, путемъ проклятымъ, идутъ къ голодной массѣ, развращенной старымъ режимомъ, и говорятъ: „Требуйте всего немедленно“. Они шепчутъ слова недовѣрія къ намъ,

всю жизнь положившимъ на борьбу съ царизмомъ. Среди насъ есть также и идеалисты, слишкомъ смотрящіе въ небо и увлекающіе насъ въ бездну анархіи. И мы должны сказать имъ: „остановитесь, не расшатывайте новые устои“... Если русскій народъ, въ особенности русская армія, не найдутъ въ себѣ мужества, не найдутъ стальной брони дисциплины, то мы погибнемъ и насъ будетъ презирать весь міръ, будутъ презирать тѣ идеи соціализма, во имя которыхъ мы совершили революцію“. Понимая и чувствуя эту смертельную опасность, Керенскій, однако, предлагалъ одни лишь словесные пріемы борьбы съ ней. „Возьмите нашихъ непримиримыхъ товарищей, крайнихъ соціалистовъ“, говорилъ онъ въ Каменецъ-Подольскѣ: „думали ли они три мѣсяца назадъ, что они сегодня получатъ право говорить такъ свободно? Я привѣтствую тѣхъ, кто не останавливается ни передъ чѣмъ для достиженія своей идеи. Каждая честная цѣль—священна. Но къ нимъ одна просьба истерзанной, истекающей кровью Россіи, одна просьба: Подождите хоть два мѣсяца“ (взрывъ аплодисментовъ).

Ровно два мѣсяца „они“ не „ждали“,—а организовались и готовились начать борьбу, „не останавливаясь ни передъ чѣмъ для достиженія своей идеи“. А. Ф. Керенскій одной рукой ставилъ имъ слабыя словесныя препятствія, исчезавшія съ послѣднимъ звукомъ его голоса, а другой рукой онъ открывалъ имъ широкую дорогу, допуская полное разложеніе дисциплины въ арміи.

Разложеніе арміи.

Замѣститель Корнилова, поручикъ Козьминъ, тотчасъ послѣ министерскаго кризиса созвалъ командировъ войсковыхъ частей, расположенныхъ въ Петроградѣ и окрестностяхъ. Задачей совѣщанія было: выяснить причины нарушенія дисциплины нѣкоторыми войсковыми частями и выработать мѣры для возстановленія порядка и повиновенія въ войскахъ петроградскаго гарнизона. „Причины“ и „мѣры“ были очень просты и несложны, и собраніе выработало пункты: 1) возстановленіе власти начальниковъ, 2) точное исполненіе существующихъ уставовъ, 3) обязательная присяга, 4) дисциплина на службѣ и гражданское равенство внѣ ея, 5) различныя мѣры для сближенія офицеровъ и солдатъ и т. д. Это было такъ просто и ясно... но затѣмъ поручикъ Козьминъ предложилъ иную мѣру: „опору на боговъ—министръ Керенскій и совѣтъ р. и с. д.“. „Довѣріе солдатъ нужно пріобрѣсти клятвой, что офицеры не контръ-революціонеры“: Козьминъ самъ принесъ такую „клятву о защитѣ свободы“ Керенскому и предлагалъ принести и присутствующимъ. Газетный отчетъ гласитъ далѣе: „наступаетъ величественная минута. Всѣ присутствующіе командиры „войсковыхъ частей“ въ порывѣ энтузіазма восклицаютъ: „клянемся“. Такъ, дѣловое совѣщаніе кончается сценой во вкусѣ новыхъ „боговъ“... Вотъ другая сцена, относящаяся къ тому же времени. 9-го мая, въ залѣ Таврическаго дворца, солдатская секція совѣта обсуждаетъ вопросъ о созданіи національныхъ полковъ. Во время засѣданія является въ залъ помощникъ военнаго министра Якубовичъ и требуетъ слова внѣ очереди. Керенскій утвердилъ „Декларацію правъ солдата“. Теперь „русскій солдатъ имѣетъ такія права, какихъ не имѣютъ солдаты ни въ одной арміи въ мірѣ“. Личная просьба военнаго министра солдатамъ: отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ параграфу объ отмѣнѣ отданія чести,—одному изъ тѣхъ, которые „малосознательными элементами могутъ быть истолкованы неправильно“. Способъ удовлетворить „личную просьбу министра“: выработка воззванія къ солдатамъ. „Вы окажете вашему

министру сразу поддержку, безъ которой онъ работать не въ состояніи". Прибавка для стиля: „мое искреннее убѣжденіе, что на лучезарный путь мощной демократической республики выведетъ насъ только нашъ вождь, А. Ф. Керенскій, и поэтому всѣ должны его поддержать". По газетному отчету и рѣчь помощника министра вызвала восторженные аплодисменты.

Увы, большевики использовали для своихъ цѣлей и эту „декларацію правъ". Они объявили ее произведеніемъ контръ-революціоннаго офицерства, которое возстанавливаетъ царское рабство и палочную дисциплину. На ихъ митингахъ декларація получила кличку „деклараціи безправія". Еще бы: въ § 14 говорилось, что „въ боевой обстановкѣ начальникъ имѣетъ право принимать всѣ мѣры, вплоть до примѣненія вооруженной силы, противъ неисполняющихъ его приказанія подчиненныхъ". § 18, оставлявшій право назначенія на должность и „временнаго отстраненія"—„исключительно начальникамъ", не заключалъ въ себѣ „права" отвода и аттестаціи начальствующихъ лицъ и также „права" участія въ управленіи арміей для „органовъ солдатскаго самоуправленія". „Обязательное отданіе чести" отмѣнялось § 12-мъ, но этого было мало: требовалось отмѣнить и замѣнившее его „добровольное взаимное привѣтствіе". „Строгій арестъ"—единственное сохранившееся дисциплинарное наказаніе,—также нужно отмѣнить. Наконецъ, предметомъ партійной полемики сдѣлано было и то наступленіе, которое Керенскій готовилъ своими поѣздками на фронтъ и которое, какъ указано выше, составляло главный raison d'être новаго правительства. Н. Сухановъ спрашивалъ въ „Новой Жизни" отъ 17-го мая: „новое правительство существуетъ и дѣйствуетъ уже десять дней.... что оно сдѣлало въ отношеніи войны и мира?". И онъ съ неудовольствіемъ отвѣтилъ: „военное министерство, сверху до низу, при содѣйствіи всѣхъ буржуазныхъ и большей части демократическихъ силъ съ необычайной энергіей работаетъ надъ возстановленіемъ дисциплины и боеспособности арміи. Работа эта... уже дала несомнѣнно результаты. И уже ни у кого не вызываютъ сомнѣній ея цѣли: это—единство союзнаго фронта и наступленіе на врага". Авторъ покорно соглашается, что: „поскольку война продолжится и борьба за миръ еще не увѣнчалась успѣхомъ, нельзя опротестовывать функціи всей организаціи войны: работы на оборону, съ одной стороны, наступательныхъ дѣйствій, съ другой". „Но"... Н. Сухановъ находитъ, что эти задачи пріобрѣли слишкомъ уже выпуклый и самодовлѣющій характеръ: „лозунгъ наступленія, затмившій все другое, съ перваго же дня образованія новой власти пріобрѣлъ не невинное военно-техническое, а самое одіозное политическое значеніе. Общая политика новаго министерства придаетъ этому лозунгу угрожающій характеръ". Настроеніе это въ немногіе дни управленія коалиціи такъ сгустилось, что послѣ нѣсколькихъ дней двусмысленнаго лавированія, съ возраженіемъ противъ наступленія, какъ ближайшей цѣли, выступилъ и совѣтскій оффиціозъ. Рѣчь, по словамъ „Извѣстій Совѣта" (17 мая), идетъ только о томъ, „чтобы подготовить возможность наступленія", для чего необходимо предварительное выполненіе правительствомъ „цѣлой программы мѣропріятій, относящихся къ различнѣйшимъ областямъ политики". „И пусть ни одинъ солдатъ не думаетъ, будто временное правительство пошлетъ его въ наступленіе, не выполнивъ данной программы", заявлялъ оффиціозъ, аннулируя этимъ всѣ плоды краснорѣчія А. Ф. Керенскаго. Большевистская „Правда" высказывалась по этому поводу уже безъ всякихъ обиняковъ. „Дойдетъ ли дѣло дѣйствительно до наступленія", говоритъ большевистскій органъ, „это рѣ-

шатъ сами солдаты. Всюду и вездѣ солдаты дерутся теперь только изъ-подъ палки, а въ Россіи палка выпала изъ рукъ угнетателей"..... И газета предлагала „товарищамъ-рабочимъ и товарищамъ-солдатамъ" поставить на очередь, вмѣсто вопроса о наступленіи, вопросъ о томъ, кому будетъ принадлежать вся власть въ нашей странѣ", —вопросъ, который „становится все болѣе жгучимъ". „Добейтесь перехода всей власти въ ваши руки—въ руки совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ,..... только тогда мы сможемъ предложить не на словахъ, а на дѣлѣ, демократическій миръ всѣмъ народамъ". А большевики изъ лагеря с.-р. уже выкинули въ „Землѣ и Волѣ" знамя сепаратнаго мира, какъ единственно возможнаго немедленно.

Н. Сухановъ былъ правъ въ своемъ утвержденіи, что какъ временное министерство, такъ и значительная часть русской общественности „съ необычайной энергіей работали надъ возстановленіемъ боеспособности русской арміи". Но права была и „Правда", что, въ концѣ концовъ, вопросъ о наступленіи рѣшатъ солдаты. Съѣздъ союза офицеровъ арміи и флота въ ставкѣ подвелъ въ своей резолюціи ужасающій итогъ тому развалу, до котораго дошла армія на фронтѣ. Вотъ общіе признаки этого развала „для громаднаго большинства армій корпусовъ и дивизій", установленные резолюціей:

„1) Полный упадокъ военнаго духа среди значительной части солдатскихъ массъ, прявляющійся: а) въ ярко выраженномъ желаніи заключенія мира, принося для этого въ жертву даже свою національную гордость и національные интересы, б) въ упорномъ отказѣ отъ какихъ бы то ни было активныхъ дѣйствій, даже въ видѣ мелкихъ выступленій, в) въ преступной небрежности и халатности при несеніи сторожевой и развѣдочной службы въ окопахъ, г) въ систематическомъ, непрекращающемся „братаньи" съ противникомъ, носящ:мъ часто столь возмутительный характеръ, что братанье это привело къ столкновенію нашей пѣхоты съ своими боевыми товарищами-артиллеристами, препятствующими братанью, и даже къ выдачѣ противнику мѣста нашихъ батарей. 2) Паденіе дисциплины до крайнихъ предѣловъ, которое выражается: а) въ систематическихъ отказахъ цѣлыхъ войсковыхъ частей выполнять боевые приказы начальства или въ исполненіи таковыхъ приказаній лишь послѣ продолжительныхъ увѣщаній, б) въ стремленіяхъ явочнымъ порядкомъ на принципѣ выборнаго начала замѣнять крѣпкихъ по духу и опытныхъ въ бою начальниковъ болѣе покладистыми, в) въ случаяхъ открытаго возмущенія и даже самосуда надъ неугодными начальниками, г) въ стремленіи къ коллективнымъ рѣшеніямъ не только бытовыхъ, но и боевыхъ вопросовъ арміи. 3) Сведеніе авторитета начальниковъ къ нулю: полное отсутствіе даже признака власти въ рукахъ начальниковъ и, какъ слѣдствіе этого, безсиліе заставить подчиненныхъ выполнять отдаваемыя распоряженія. 4) Недовѣріе къ офицерамъ, всегда шедшимъ впереди на смерть за родину и теперь призывающимъ къ исполненію воинскаго долга и къ продолженію войны до заключенія почетнаго мира. Это слѣдствіе идущей съ тыла пропаганды: „миръ во что бы то ни стало." 5) Развитіе цынги и другихъ болѣзней въ связи съ недостаточнымъ подвозомъ продовольствія и фуража и съ плохимъ питаніемъ". Къ этой резолюціи была сдѣлана оговорка, что она относится „въ равной мѣрѣ, какъ къ несознательнымъ группамъ солдатъ, такъ и къ несознательной и недобросовѣстной части офицерства". Съ своей стороны съѣздъ полагалъ, для устраненія указанныхъ отрицательныхъ явленій, необходимымъ, съ одной стороны, противодѣйствовать агитаціи за прекращеніе войны и „установить трезвый взглядъ на

противника", а съ другой стороны, возстановить „твердую правительственную власть, приказывающую, а не взывающую"; возстановить „авторитетъ начальника, поддерживаемаго этой властью"; „установить, что всѣ распоряженія въ войскахъ должны исходить только отъ отвѣтственныхъ передъ Россіей лицъ и проводиться только черезъ военныхъ начальниковъ,.. отнюдь не допуская вмѣшательства войсковыхъ комитетовъ въ оперативныя, строевыя и учебныя дѣла".

Справедливость требуетъ отмѣтить, что развалъ въ арміи не былъ исключительно явленіемъ послѣреволюціоннаго времени. И нежеланіе воевать, и паденіе дисциплины, и подозрительное отношеніе къ офицерству, и дезертирство въ тылъ,—всѣ эти явленія замѣчались еще до революціи, какъ продуктъ общей усталости, плохой обстановки жизни и недостаточнаго питанія—на почвѣ темноты массъ и недостаточной авторитетности командного состава. Но, несомнѣнно, только проникновеніе въ среду арміи прямой агитаціи противъ войны и постепенной организаціи разрушающихъ вліяній въ формѣ армейскихъ выборныхъ комитетовъ, явившихся постоянными проводниками взглядовъ соціалистическаго большинства совѣтовъ, наконецъ, легализація этихъ вліяній послѣ вступленія соціалистовъ въ правительство и послѣ изданія „декларація правъ солдата", съ ея явочнымъ развитіемъ въ войскахъ, довели всѣ отмѣченныя отрицательныя явленія до крайняго предѣла и до самаго широкаго распространенія. Въ первый мѣсяцъ или полтора мѣсяца революціи, когда агитаторы совѣтовъ встрѣчали формальныя затрудненія и препятствія при своемъ проникновеніи въ армію, пропаганда развивалась сравнительно медленнѣе; потомъ она пошла ускореннымъ темпомъ.

Попытки мирныхъ переговоровъ на фронтѣ.

На почвѣ усилившагося послѣ революціи развала появились, однако, и новыя явленія, до тѣхъ поръ не наблюдавшіяся и стоящія въ несомнѣнной связи съ тѣми задачами, для которыхъ хотѣли использовать русскую революцію германцы. Одно изъ этихъ явленій—это попытки превратить „братанье", давно уже систематизированное германцами, въ рядъ переговоровъ съ мѣстными частями войскъ о перемиріи.

Открытыя приглашенія къ этому встрѣчаемъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", издававшемся въ Берлинѣ и распространявшемся въ нашихъ окопахъ. Напр., номеръ, изданный къ Пасхѣ, вмѣстѣ съ нападеніями на англичанъ и П. Н. Милюкова, которые „препятствуютъ рабочимъ забрать въ свои руки власть, провозгласить соціалистическую республику и заключить миръ", содержитъ такое обращеніе къ солдатамъ. „Наша рука все остается протянутой. Не дай Богъ, чтобы насъ заставили этой же рукой поднять оружіе противъ васъ. Это зависитъ отъ васъ, только отъ васъ. Мы хотимъ вести переговоры съ вами, съ русскими, поэтому пришлите къ намъ представителей вашего правительства съ бѣлымъ флагомъ черезъ фронтъ. Охотно мы даемъ вамъ поруку. Нашъ канцлеръ предложитъ вамъ почетный миръ, его условія будутъ на благо для обѣихъ сторонъ". Дѣйствительно, уже 11 апрѣля отмѣченъ случай, когда къ нашимъ передовымъ окопамъ приблизились съ бѣлымъ флагомъ непріятельскіе офицеры и солдаты и, пригласивъ къ себѣ нашихъ, устроили съ ними совѣщаніе въ штабѣ германской дивизіи о заключеніи мира. За участіе въ этихъ переговорахъ преданы были впослѣдствіи второму корпусному суду поручикъ Павелъ Аналицкій, два унтеръ-офицера и ефрейторъ.

28 апрѣля, къ Пасхѣ, эта попытка была повторена въ болѣе широкомъ масштабѣ. По увѣренію германскаго главнокомандующаго восточнымъ фронтомъ починъ принадлежалъ русскимъ офицерамъ. Приказъ генерала Драгомирова утверждалъ, что германскіе офицеры пришли безъ надлежащей къ тому причины. Какъ бы то ни было, вечеромъ 28 апрѣля три германскихъ офицера, подполковникъ, капитанъ и поручикъ были приняты ген. Драгомировымъ въ присутствіи нѣкоторыхъ чиновъ штаба арміи, представителей армейскаго комитета и представителей полковъ дивизіи, на фронтъ которой вышли. Они представили удостовѣреніе за подписью командующаго арміей гр. Кирбаха, уполномачивавшее ихъ вести переговоры съ русскимъ командованіемъ и правительствомъ. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось (по словамъ свидѣтеля, корреспондента „Русскаго Слова" К. М. А.; см. „Р. Сл." отъ 4 мая), что командировка состоялась съ разрѣшенія германской главной квартиры и что подобныя же группы парламентеровъ должны были быть выпущены на всемъ протяженіи нашего фронта. На вопросъ, имѣютъ ли парламентеры какія либо опредѣленныя предложенія, они отвѣтили, что ихъ миссія является подготовительной передъ тѣмъ выступленіемъ, которое на дняхъ будетъ сдѣлано германскимъ правительствомъ. Очевидно, имѣлась въ виду рѣчь Бетмана Гольвега, 2 мая (см. ниже), о которой распространились самые многообѣщающіе заранѣе слухи (см. VI главу о мирѣ), но въ которой, въ концѣ концовъ, канцлеръ предпочелъ остаться на прежней уклончивой позиціи умолчанія объ условіяхъ мира. Парламентеры, съ своей стороны, лишь спрашивали, согласны ли русскіе на мирные переговоры. Гинденбургъ въ своей извѣстной радіотелеграммѣ отъ 23 мая, полемизируя съ приказомъ Драгомирова, утверждаетъ, что Драгомировъ скрылъ письмо, въ которомъ ему предлагалось, въ виду, будто-бы, изъявленной имъ готовности „принять съ германской стороны предложенія и условія", „прислать уполномоченныхъ представителей, такъ какъ строевые офицеры, пришедшіе изъ окоповъ, не могутъ быть отвѣтственными переговорщиками".

Сами эти офицеры, однако, думали, повидимому, иначе, такъ какъ на заявленіе ген. Драгомирова, что переговоры можно вести только между правительствами, по сообщенію корреспондента „Русскаго Слова", замѣтили между собой по-нѣмецки (бесѣда велась по-русски): „а стоитъ ли съ ними разговаривать, съ Милюковыми и прочими?" Германскій подполковникъ, правда, собирался изложить возможныя основы переговоровъ (и это соотвѣтствуетъ заявленію Гинденбурга, „что германскія и австрійскія предложенія были уже намѣчены" и что „они были уполномочены указать, какимъ образомъ военныя дѣйствія между ними и Россіей могли бы быть окончены безъ отпаденія Россіи отъ ея союзниковъ"), но капитанъ, его коллега, служившій переводчикомъ, все время парализовалъ эти попытки и „проводилъ мысль о необходимости переговоровъ непосредственно между арміями, въ то же время совершенно уклоняясь отъ какихъ-либо конкретныхъ предложеній". Потомъ, въ частномъ разговорѣ съ представителями 5-ой арміи, (Кимберлингъ), „хотя и не уполномоченный высказываться объ условіяхъ мира, по отдѣльнымъ пунктамъ", изложилъ, однако, свой взглядъ, съ полной увѣренностью, что его „раздѣляетъ германское правительство, армія и народъ." „Контрибуцій" Германія не домогается. Но окончить войну „безъ аннексій" она рѣшительно не можетъ. „Самоопредѣленіе народностей", поскольку оно касается народностей, вошедшихъ въ составъ Германіи и Австро-Венгріи, „представляется германцамъ смѣхотворнымъ". Надѣяться, что соціалъ-демократы произведутъ революцію въ Германіи—значитъ не знать германской жизни и па-

роднаго характера. Преобладаніе въ Германіи „средняго слоя“—Mittelklasse—гарантируетъ ее отъ той „быстрой революціи“, которая въ Россіи могла произойти только „вслѣдствіе рѣзкаго противорѣчія между укладомъ жизни небольшого количества богатыхъ и многомилліоннымъ населеніемъ, влачащимъ нищенское существованіе.“

Очевидно, при такихъ взглядахъ трудно было расчитывать сговориться, и немудрено, что когда генералъ Драгомировъ потребовалъ безъ дальнѣйшихъ переговоровъ предварительнаго формальнаго присоединенія „ко всѣмъ положеніямъ, провозглашеннымъ въ деклараціи нашего правительства“, то на этомъ переговоры и были покончены. Ихъ ближайшей цѣлью, очевидно, было вовсе не практическая постановка переговоровъ, а просто дальнѣйшее разложеніе арміи. Ту же цѣль разложенія преслѣдовала и пояснительная радіотелеграмма Гинденбурга, предупредительно подчеркивавшаго, что, „Германія готова идти навстрѣчу неоднократно высказаннымъ желаніямъ русскихъ солдатскихъ депутатовъ окончить кровопролитіе“. „Со дней Пасхи войска центральныхъ державъ почти пріостановили враждебныя дѣйствія на восточномъ фронтѣ“. „Центральныя державы согласны заключить честный миръ,... который возстановилъ бы прежнія добрососѣдскія отношенія и далъ бы Россіи экономическую поддержку“. Гинденбургъ сообщалъ, что для этой „великой цѣли“ германцы, послѣ неудачи пасхальныхъ переговоровъ, сдѣлали еще одно „предложеніе о перемиріи“, переданное 6-го мая строевымъ частямъ 8-й и 9-й арміи среднеевропейскими державами. Но кто же виноватъ? „Россія должна бороться и проливать кровь... для достиженія завоевательныхъ цѣлей Англіи, Франціи и Италіи“. Это были тѣ же аргументы, которыми пользовались агитаторы совѣта и соціалистическая печать; въ этой же печати можно найти и постоянныя указанія на то, что Россія, подобно Франціи въ 1870 г., должна заключить перемиріе на фронтѣ, если не хочетъ сдѣлать этого правительство.

Обсудивъ радіотелеграмму Гинденбурга въ засѣданіи 26-го мая, петроградскій совѣтъ р. и с. д. далъ на нее еще достойный отвѣтъ. Указавъ, что германскій главнокомандующій „краснорѣчиво“ молчитъ объ „аннексіяхъ“ и „контрибуціяхъ“ (мы видѣли, что скрывалось за этимъ молчаніемъ) и, въ сущности, предлагаетъ Россіи сепаратный миръ, выгодный только Германіи, совѣтъ напоминалъ Гинденбургу, что, говоря о бездѣйствіи германскихъ войскъ, онъ „забылъ о Стоходѣ, забылъ... куда уведены съ нашего фронта германскія дивизіи и тяжелыя батареи,... что до Россіи доносится шумъ кровопролитныхъ боевъ на англо-французскомъ фронтѣ,... что Россія знаетъ, что разгромъ союзниковъ будетъ началомъ разгрома ея арміи, а разгромъ революціонныхъ войскъ свободной Россіи—не только новыя братскія могилы, но и гибель революціи, гибель свободной Россіи“. Совѣтъ еще находилъ формулы для объединенія своей циммервальдской задачи съ задачей союзной борьбы. „Россія взяла на себя задачу объединить демократію всѣхъ воюющихъ странъ въ борьбѣ противъ имперіализма. Эта задача не будетъ ею исполнена, если германскіе имперіалисты сумѣютъ использовать ея стремленія къ миру въ цѣляхъ отторженія ея отъ союзниковъ и нанесутъ пораженіе ея арміи“. Такъ говорила резолюція совѣта и кончала призывомъ „удвоить энергію въ дружной работѣ надъ возсозданіемъ боевой мощи Россіи“.

Увы, въ томъ же засѣданіи совѣту пришлось обсуждать отказъ Кронштадта признавать временное правительство. Германскій микробъ уже крѣпко сидѣлъ въ русскомъ тылу, и германцы продолжали производить пробные эксперименты надъ русской арміей.

Такимъ экспериментомъ они отвѣтили и на резолюцію совѣта по поводу радіотелеграммы Гинденбурга. 24 го мая въ „Русскомъ Словѣ“ появилась сенсаціонная телеграмма изъ Кишинева (отъ 18-го), что черезъ румынскій фронтъ прибыла и направляется къ временному правительству для переговоровъ о мирѣ группа австрійскихъ парламентеровъ въ составѣ двухъ генераловъ, двухъ полковниковъ, двадцати офицеровъ и пятнадцати солдатъ. Ни въ главномъ штабѣ, ни въ правительствѣ объ этомъ ничего не знали, но уже начались разговоры о возможности выслушать делегацію въ совѣтѣ р. и с. д., въ присутствіи делегатовъ арміи. Эпизодъ былъ ликвидированъ на мѣстѣ, и генералъ Деникинъ телеграфировалъ министру, что эти парламентеры, появившіеся на фронтѣ 9-й арміи, отправлены, въ качествѣ военноплѣнныхъ, въ тылъ, за исключеніемъ трехъ офицеровъ и солдатъ, допрошенныхъ въ ставкѣ 23-го мая и отправленныхъ затѣмъ въ Москву, тоже въ качествѣ военноплѣнныхъ, на распредѣлительный пунктъ.

III. Расчлененіе Россіи подъ лозунгомъ „самоопредѣленія“.

Обособленіе національностей.—Финляндія.—Агитація въ Балтійскомъ флотѣ и въ Кронштадтѣ.—Агитація въ Черноморскомъ флотѣ.—Крымъ.—Украина.—Другія національности.

Обособленіе національностей:

Помимо разложенія фронта при помощи парламентеровъ, братанія, берлинскихъ газетъ („Русскій Вѣстникъ“) и агитаторовъ петроградскаго совѣта, уже приступлено было къ постепенному осуществленію, на той же почвѣ разложенія арміи, болѣе смѣлаго и широкаго плана внѣдренія въ самую глубь Россіи и къ подготовкѣ ея расчлененія на части. Внесеніе въ формулу „безъ аннексій и контрибуцій“, съ этой задней мыслью, формулы „самоопредѣленія народностей“ и истолкованіе ея въ смыслѣ „дезаннексій“ прослѣжено въ другомъ мѣстѣ (см. VI главу). Здѣсь мы разсмотримъ рядъ явленій, въ совокупности представляющихъ яркую картину примѣненія этой мысли къ Россіи. Конечно, вліяніемъ извнѣ нельзя всецѣло объяснить стремленія національностей къ выдѣленію. Національное движеніе есть факторъ достаточно сильный самъ по себѣ, чтобы создать всѣ необходимыя для нашихъ противниковъ послѣдствія. Но нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на прямое вліяніе иностранной пропаганды съ цѣлью обостренія національныхъ стремленій. И даже при отсутствіи прямыхъ доказательствъ, объ ихъ наличности свидѣтельствуютъ, какъ извѣстныя общія тенденціи непріятельской тактики, такъ и планомѣрность и одновременность ея проявленій повсемѣстно, гдѣ пропагандистъ могъ расчитывать найти или создать благопріятную почву.

Финляндія.

Финляндія, съ ея давними сношеніями съ Германіей, съ рѣзко выраженнымъ анти-русскимъ настроеніемъ ея общественнаго мнѣнія, съ ея вліятельной соціалъ-демократіей и тайными революціонными организаціями, представляла наиболѣе благопріятную почву для германскаго воздѣйствія. Она давала первую опорную базу для перенесенія дѣятельности въ самую Россію. Еще до революціи, во время войны,

финляндскій активизмъ въ связи съ шведскимъ опирался на германскую поддержку. Сотни и даже тысячи финляндской молодежи бѣжали въ Германію и тамъ обучались военному дѣлу, чтобы составить впослѣдствіи корпусъ противъ Россіи. Правда, германцы не выдерживали обѣщанія, и, въ ожиданіи десанта противъ Россіи, употребляли финляндцевъ для собственныхъ войскъ, къ большому ихъ раздраженію. Но именно русская революція открывала выходъ этимъ накопленнымъ силамъ. Въ первое время послѣ революціи шведско-финляндская граница была совершенно открыта, да и раньше въ ней существовало нѣсколько извѣстныхъ революціонерамъ пунктовъ для свободнаго перехода. Преимущественно финляндцы и жители балтійскаго края, знающіе русскій языкъ, и до революціи употреблялись германцами для доставки взрывчатыхъ веществъ въ Россію, для взрывовъ мостовъ, пристаней, морскихъ судовъ, фабрикъ, работающихъ на оборону, для доставки оружія, отъ Финляндіи до Кавказа и т. д. Теперь, послѣ революціи, телеграммы изъ-за границы сообщили, что германцы двигаютъ на Россію трехтысячную толпу такихъ подготовленныхъ агентовъ. Но въ это время временное правительство опубликовало свой финляндскій манифестъ. Въ душѣ финляндцевъ произошелъ крутой переломъ по отношенію къ Россіи. Многіе изъ агентовъ-патріотовъ заявили, что они боролись противъ царизма, а не противъ свободной Россіи. Были даже примѣры бѣгства трепированныхъ финляндскихъ агентовъ изъ Германіи въ Швецію и обращенія ихъ съ предложеніями къ революціонному русскому правительству. Такимъ образомъ, планъ нашихъ противниковъ разстроился, но далеко не совсѣмъ. Послѣ перваго взрыва общаго восторга, отношеніе разныхъ партій къ Россіи быстро дифференцировалось. Не только крайнія теченія, но даже и болѣе умѣренныя теперь уже готовы были идти дальше того, что давала русская власть. Старое поколѣніе финляндскихъ конституціоналистовъ, съ которымъ русская оппозиція давно уже рука объ руку боролась противъ Бобриковщины, отчасти сошло со сцены, отчасти было отодвинуто новымъ настроеніемъ молодежи. Молодежь эта, особенно соціалистическая, отличалась смѣлостью невѣжества и полной неподготовленностью въ вопросахъ государственнаго права. Все это надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ развернувшихся въ Финляндіи событій.

Временное правительство было убѣждено, что власть, которою пользовался въ Финляндіи низложенный монархъ, перешла къ нему самому, обладающему всей полнотой власти и не имѣющему права расточать этой власти до созыва Учредительнаго Собранія. Иностранные юристы (проф. Эрихъ), напротивъ, убѣдили финляндцевъ въ возможности стать на такую точку зрѣнія, что связывающая обѣ страны власть монарха вообще исчезла, Россія и Финляндія стали „сосѣдними" республиками, и опредѣленіе ихъ будущихъ отношеній должно быть сдѣлано совершенно заново, путемъ новаго договора. Уже отвѣчая на рѣчь генералъ-губернатора М. А. Стаховича при открытіи сейма, 29-го марта, тальманъ намекнулъ на эту точку зрѣнія въ словахъ: „Финляндія, такъ же, какъ и Россія, перестала быть монархической страной. Этотъ фактъ требуетъ, кромѣ установленія въ Финляндіи, какъ и въ Россіи, новаго, болѣе демократическаго образа правленія,—также и опредѣленія государственнаго положенія нашей страны по отношенію къ Россіи на новыхъ началахъ". Не рѣшаясь высказать этого взгляда полностью, финляндскіе политики сосредоточили свой первый бой съ русскимъ правительствомъ на вопросѣ о правахъ сената, точнѣе его „хозяйственнаго департамента", которому финляндцы хотѣли передать права отвѣтственнаго министерства и въ то же время по возможности всѣ

права, принадлежавшія монарху въ лицѣ генералъ-губернатора и непосредственно. Тщетно юридическая комиссія при временномъ правительствѣ доказывала делегатамъ противорѣчивость, съ конституціонной точки зрѣнія, такого положенія, при которомъ отвѣтственные передъ сеймомъ министры являются держателями власти, высшей, чѣмъ самъ сеймъ. Финляндцы соглашались оставить за Россіей (генералъ-губернаторомъ) лишь дѣла, касающіяся взаимныхъ правовыхъ отношеній между Финляндіей и Россіей, а также дѣла, касающіяся россійскихъ гражданъ въ Финляндіи. Временное правительство соглашалось до Учредительнаго Собранія передать сенату лишь нѣкоторыя второстепенныя дѣла. Споръ затянулся, финляндскіе делегаты ѣздили изъ Гельсингфорса въ Петроградъ и обратно, то готовые къ уступкамъ, то опять упорствующіе, смотря по тому, какъ складывалось положеніе дѣлъ въ Россіи. Настроеніе портилось и въ Финляндіи. Сеймъ отложилъ въ долгій ящикъ очередные законопроекты о правахъ русскихъ гражданъ. 8 апрѣля соціалистъ сенаторъ Токой (глава правительства) произнесъ въ сеймѣ декларацію, которая послужила своего рода сигналомъ. „Долгъ финляндцевъ", говорилъ онъ,—„обезпечить въ ближайшемъ будущемъ дѣйствительную независимость". Свободная Россія является лишь „уважаемымъ сосѣдомъ", быть можетъ, „высокочтимымъ союзникомъ"; но „свободный народъ не долженъ терпѣть порабощенныхъ сосѣдей и союзниковъ"; „народамъ, которые дозрѣли до способности самоопредѣленія" долженъ быть предоставленъ „тотъ путь, по которому пойдетъ свободная Россія",—путь не только „политической", но и „соціальной революціи". На другой день послѣ рѣчи Токоя, въ Гельсингфорсѣ и въ Выборгской глуши одновременно стали отказываться брать русскія деньги. За два дня, 6 апрѣля, Гельсингфорскій совѣтъ депутатовъ армій, флота и рабочихъ заявилъ, что у него „имѣются опредѣленныя свѣдѣнія, что въ Россію и въ особенности въ Финляндію проникли германскіе провокаторы, прекрасно говорящіе по русски", которые пытаются толкнуть русскихъ на „насиліе надъ финляндской собственностью", чтобы тѣмъ „озлобить финскій народъ, который бы отказалъ намъ въ моральной и матеріальной поддержкѣ на случай прихода или дессанта германскихъ военныхъ силъ".

Этого прихода ждали послѣ таянія льда, и вопросъ, будутъ ли своевременно поставлены минныя загражденія, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль былъ самымъ жгучимъ вопросомъ. Вопросы о независимости Финляндіи и о германскомъ дессантѣ какъ-то всегда поднимались одновременно.

Коалиціонное правительство пошло на широкія уступки финляндцамъ, передъ которыми останавливалось правительство перваго состава. Сенату рѣшено было передать всѣ дѣла, восходившія раньше къ монарху (кромѣ, какъ предлагали и финляндцы, дѣлъ о правовыхъ взаимоотношеніяхъ и о правахъ гражданъ). За собой временное правительство сохранило лишь право созыва и роспуска сейма, предоставивъ хозяйственному департаменту (т. е. правительству Финляндіи) право законодательной инціативы, утвержденія бюджета, изданія административныхъ распоряженій, созыва церковнаго собора, рѣшенія вопросовъ о новыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и обществахъ и, наконецъ, право помилованія. Сенаторъ Токой (въ рѣчи 31 мая) снисходительно соглашался, что „атмосфера прояснилась" и что остающіяся разногласія—больше вопросъ самолюбія, чѣмъ предметъ серьезнаго спора. „Взаимное пониманіе достигнуто," говоритъ онъ, „мы благодарны Россіи за то, что она дала намъ". Но это только потому, что онъ понимаетъ данное, какъ признаніе „свободной, самостоятельной Финляндіи". „Мы не скрываемъ",

заявляетъ онъ, „что конечная цѣль финляндцевъ—самостоятельность Финляндіи... Съ этой цѣлью мы дѣйствуемъ не тайно, а вполнѣ открыто.“ Дѣйствительно, уже въ серединѣ мая (13) финляндская соціалистическая делегація заявила голландско-скандинавскому комитету въ Стокгольмѣ, что финляндскій вопросъ долженъ разсматриваться, какъ вопросъ международный, и что „чувство благодарности“ къ „русскимъ революціоннымъ элементамъ“ „не можетъ избавить финляндскій народъ отъ возможно лучшаго обезпеченія своего собственнаго будущаго“, на случай, „если бы въ русской политикѣ возобладали націоналистическія или даже имперіалистическія теченія.“ На чрезвычайномъ партійномъ съѣздѣ финляндской соціалъ-демократіи въ началѣ іюня эта позиція была закрѣплена резолюціей, которая провозглашала принципъ самостоятельной финляндской республики, настаивала на международныхъ гарантіяхъ и признавала недопустимымъ не только осуществленіе верховныхъ правъ Россіи въ области управленія, но и пребываніе русскихъ войскъ въ Финляндіи. Токой говорилъ въ рѣчи 31-го мая, что финляндцы „не желаютъ воспользоваться нынѣшнимъ критическимъ положеніемъ, въ которомъ находится временное правительство“. Но они именно это и дѣлали. И въ моментъ, когда выяснилось съ несомнѣнностью слабость коалиціоннаго правительства, въ концѣ концовъ, финляндскіе соціалисты сдѣлали дальнѣйшій шагъ къ своей „конечной цѣли“. Вмѣсто проекта „расширенія правъ сената“, внесеннаго правительствомъ, какъ мы видѣли, по согласію съ финляндцами,—проекта, дѣлавшаго имъ широкія уступки,—поступилъ 26-го іюня изъ комиссіи основныхъ законовъ выработанный въ глубокой тайнѣ законопроектъ о созданіи, „по постановленію сейма“, высшей государственной власти въ Финляндіи. По этому проекту „сеймъ окончательно рѣшаетъ всѣ дѣла, рѣшавшіяся ранѣе императоромъ“, за исключеніемъ дѣлъ внѣшней политики и военныхъ. О генералъ-губернаторѣ уже вовсе не упоминается. Тщетно представители буржуазныхъ партій протестовали противъ проекта при его обсужденіи въ сеймѣ.

Агитація въ Балтійскомъ флотѣ и Кронштадтѣ.

Параллельно съ сепаратитскимъ движеніемъ, въ Финляндіи развивалась планомѣрная агитація среди матросовъ Балтійскаго флота, главнымъ образомъ въ Свеаборгѣ, и среди воинскихъ частей, стоявшихъ въ Финляндіи, въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ, Або. Въ безпорядкахъ, разыгравшихся здѣсь въ первые дни революціи, замѣтна была направляющая рука. Пользуясь раздраженіемъ солдатъ и матросовъ противъ офицеровъ, закулисные руководители направили ненависть противъ лучшей части командного состава. Офицеровъ убивали по списку, и въ результатѣ флотъ сразу лишился наиболѣе талантливыхъ и знающихъ техниковъ. Мѣсто убитаго адмирала Непенина занялъ Максимовъ, человѣкъ безхарактерный и въ то же время склонный удовлетворять свое честолюбіе пріемами самой беззастѣнчивой демагогіи. При Максимовѣ былъ возстановленъ во флотѣ нѣкоторый внѣшній порядокъ, но, по существу, флотъ потерялъ значительную часть боеспособности. Въ то же время онъ сдѣлался средоточіемъ большевистской пропаганды, и нѣкоторыя крупныя единицы флота стали настоящими цитаделями большевизма. Правда, большевикамъ не удалось перебросить заразу на южную базу флота, въ Ревель, гдѣ стояла минная эскадра нашего флота. Но зато ихъ легкой добычей сдѣлался Кронштадтъ. Здѣсь, въ нашей морской базѣ и подъ самой нашей столицей, пропаганда большевиковъ пошла очень усиленно. Довольно быстро они пріобрѣли въ мѣстномъ совѣтѣ р. и с. д., если не чи-

сленный перевѣсъ, то преобладающее вліяніе, благодаря демагогическимъ пріемамъ небольшой кучки агитаторовъ, во главѣ которой выдвинулись студентъ-психоневрологъ, товарищъ (или „докторъ") Рошаль, и студентъ технологъ Ламановъ. Не довольствуясь полнымъ фактическимъ господствомъ, кронштадтскій совѣтъ р. и с. д., подъ вліяніемъ проповѣди Троцкаго и Луначарскаго, рѣшился на болѣе смѣлый экспериментъ. 17-го мая, большинствомъ 216 голосовъ противъ 40, при 18-ти воздержавшихся, кронштадтскій совѣтъ постановилъ взять въ свои руки фактическую власть, замѣнить всѣхъ представителей временнаго правительства въ Кронштадтѣ своими, а съ остальной Россіей и съ Петроградомъ сноситься непосредственно черезъ петроградскій совѣтъ р. и с. д. Такой прямой вызовъ не могъ остаться безъ противодѣйствія со стороны правительства. Но противодѣйствіе это, согласно общей тактикѣ правительства, выразилось въ самой легкой словесной формѣ. Въ Кронштадтъ отправились 24-го мая министры-соціалисты, Церетели и Скобелевъ, говорили съ исполнительнымъ комитетомъ, потомъ съ совѣтомъ р. и с. д., наконецъ, съ народнымъ митингомъ на площади,—и въ результатѣ добились согласительной резолюціи совѣта. Совѣтъ заявилъ, что онъ будетъ стремиться къ осуществленію большевистскаго лозунга, „чтобы революціонная демократія создала новую организацію власти, передавъ всю власть въ руки совѣта р. и с. д.." „Но пока это не достигнуто", „путемъ идейнаго воздѣйствія на мнѣніе большинства демократіи", и пока это большинство „поддерживаетъ нынѣшнее временное правительство", кронштадтскій совѣтъ соглашался „признать это правительство и считать его распоряженія и законы столько же распространяющимися на Кронштадтъ, какъ и на всѣ остальныя части Россіи". Однако же, какъ только министры уѣхали изъ Кронштадта и эта резолюція была опубликована, такъ на слѣдующій же день, 25-го мая, лѣвые элементы вызвали новыя волненія. Толпа въ 3000 матросовъ и солдатъ собралась на обычномъ мѣстѣ митинговъ, на Якорной площади, и потребовала отъ совѣта, чтобы онъ взялъ обратно свое рѣшеніе и въ категорической формѣ объявилъ о своемъ неподчиненіи правительству. Уступая давленію, совѣтъ телеграфировалъ кн. Львову, что резолюція 24-го мая есть, въ сущности, лишь „отвѣты на вопросы министровъ Церетели и Скобелева... и ничто болѣе", такъ какъ совѣтъ „остается на точкѣ зрѣнія резолюціи 16-го мая и разъясненія къ ней отъ 21-го мая, что единственной мѣстной властью въ городѣ Кронштадтѣ является совѣтъ р. и с. д.

Это было уже слишкомъ даже и для коалиціоннаго правительства. По предложенію Церетели, петроградскій совѣтъ постановилъ, что „отказъ кронштадтскаго совѣта признать власть временнаго правительства означаетъ отпаденіе отъ революціонной демократіи" и „является ударомъ дѣлу революціи". При этомъ случаѣ совѣтъ поднялъ вопросъ о заключенныхъ въ Кронштадтѣ офицерахъ, признавая ихъ содержаніе, безъ обвиненія и суда, „въ худшемъ изъ царскихъ казематовъ—актомъ недостойной мести и расправы, позорящимъ революцію". Совѣтъ „требовалъ отъ всѣхъ кронштадтцевъ безпрекословнаго исполненія всѣхъ предписаній временнаго правительства, а правительство, получивъ это постановленіе совѣта, рѣшилось въ ночномъ засѣданіи 26-го мая повторить его дословно и „предписать командующему флотомъ Балтійскаго моря вывести безъ замедленія изъ Кронштадта всѣ учебныя суда для лѣтнихъ учебныхъ занятій." Однако, временное правительство, въ видѣ компромисса, утвердило своимъ новымъ комиссаромъ избраннаго кронштадтскимъ совѣтомъ р. и с. д., Ф. Я. Парчевскаго, вмѣсто отказавшагося члена Думы Пепеляева. Съ своей стороны предсѣдатель исп. комитета Ламановъ, исполняя требованіе

временнаго правительства, донесъ о состоянiи отправляющихся изъ Кронштадта учебныхъ судовъ. 7-го iюня начала свои дѣйствiя петроградская слѣдственная комиссiя о заключенныхъ въ тюрьмахъ офицерахъ, ужасное положенiе которыхъ было засвидѣтельствовано посѣтившимъ кронштадтскiе казематы англичаниномъ Р. К. Лонгомъ („Рѣчь", 27-го мая).

Примиренiе оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, и на этотъ разъ непрочнымъ. Пораженiе большевиковъ въ Кронштадтѣ вызвало съ ихъ стороны только новыя усилiя пропаганды. Гельсингфорскiй исп. комитетъ совѣта депутатовъ армiи, флота и рабочихъ резолюцiей 15-го iюня одобрилъ „тактику революцiоннаго Кронштадта" и „призналъ, что, высказывая свое отношенiе къ врем. правительству, кронштадтскiй совѣтъ осуществилъ этимъ свое право, принадлежащее всякому органу революцiонной демократiи". Осуждая на этомъ основанiи резолюцiю петроградскаго комитета и требуя „немедленнаго пересмотра ея", гельсингфорскiй совѣтъ „призналъ Кронштадтъ передовымъ отрядомъ россiйской революцiонной демократiи" и рѣшилъ „оказать ему поддержку".

Кронштадтъ, дѣйствительно, вполнѣ оправдывалъ это названiе „передового отряда". Укрѣпившись въ Кронштадтѣ, большевизмъ широко разбросалъ по Россiи сѣть большевистской пропаганды при помощи надлежащимъ образомъ обученныхъ агитаторовъ. Кронштадтскiе эмиссары посылались и на фронтъ, гдѣ подкапывали дисциплину, и въ тылъ, въ деревни, гдѣ вызывали погромы имѣнiй. Кронштадтскiй совѣтъ выдавалъ эмиссарамъ особыя свидѣтельства: „N. N. посланъ въ свою губернiю для присутствiя съ правомъ рѣшающаго голоса въ уѣздныхъ, волостныхъ и сельскихъ комитетахъ, а также выступать на митингахъ и созывать митинги, по своему усмотрѣнiю въ любомъ мѣстѣ," съ „правомъ ношенiя оружiя, свободнаго и безплатнаго проѣзда по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ." При этомъ „неприкосновенность личности означеннаго агитатора гарантируется совѣтомъ р. и с. д. города Кронштадта." Такой агитаторъ изъ Кронштадта выступилъ, напримѣръ, 25-го мая въ Воронежѣ, требуя немедленнаго прекращенiя войны и сверженiя врем. правительства. Въ Тамбовской губ., въ Тресвинской волости, Кирсановскаго уѣзда, такой же агитаторъ съ „удостовѣренiемъ", призывавшiй къ захвату земель, былъ арестованъ крестьянами, но, выпущенный въ Кирсановѣ, вернулся вторично, послѣ чего вторично арестовать крестьяне его уже не рѣшились.

Агитацiя въ Черноморскомъ флотѣ.

Наиболѣе яркимъ и серьезнымъ случаемъ было перенесенiе пропаганды изъ Балтiйскаго флота въ Черноморскiй при посредствѣ делегацiи большевиковъ, прiѣхавшихъ изъ Кронштадта, Гельсингфорса и Або. При управленiи популярнаго адмирала Колчака, Черноморскiй флотъ, одушевленный желанiемъ сыграть активную роль въ войнѣ и мечтавшiй о походѣ на Константинополь, въ теченiе всего марта и апрѣля уберегся отъ разложенiя. Мало того, когда вернувшiйся изъ Пскова, съ совѣщанiя главнокомандующихъ, адм. Колчакъ разсказалъ 23 апрѣля офицерамъ и командѣ о небоеспособности Балтiйскаго флота, объ опасности полнаго распада нашихъ вооруженныхъ силъ, то его сообщенiе вызвало большой подъемъ среди черноморскихъ моряковъ и привело 29 апрѣля къ рѣшенiю—послать въ Петроградъ и на фронтъ особую черноморскую делегацiю, въ составѣ не меньше 300 человѣкъ, съ цѣлью противодѣйствовать агитацiи большевиковъ. Но какъ разъ отъѣздъ изъ Севастополя этихъ наиболѣе разумныхъ, добросовѣстныхъ и

владѣвшихъ даромъ слова людей сыгралъ роковую роль въ дальнѣйшей судьбѣ Черноморскаго флота. Послѣ ихъ отъѣзда среди матросовъ началась агитація. Вопреки волѣ адм. Колчака, исп. комитетъ уже 10 мая арестовалъ помощника командующаго портомъ ген. Петрова. Адм. Колчакъ подалъ въ отставку (16 мая), но, поддержанный находившимся тогда въ Одессѣ А. Ф. Керенскимъ, взялъ ее обратно. По требованію правительства, Петровъ былъ освобожденъ. Но вскорѣ послѣ этого возникъ другой поводъ для конфликта: миноносецъ „Жаркій" отказался выйти въ море, а затѣмъ и удалилъ, въ самой грубой формѣ, своего командира. Виновные были преданы военному суду, но это создало благопріятную почву для агитаціи противъ самого адмирала. Достаточно было прибытія пяти упомянутыхъ выше агитаторовъ съ удостовѣреніями совѣта с. и р. д., чтобы агитація эта возымѣла полный успѣхъ. На собраніяхъ и митингахъ указывалось, что Черноморскій флотъ ничего не сдѣлалъ для революціи, что команда дружитъ съ офицерами, что мѣстный исполнительный комитетъ—простое отдѣленіе штаба адм. Колчака. Тутъ же было постановлено арестовать офицеровъ; четверо изъ нихъ и были обысканы и арестованы, какъ „приверженцы стараго режима". Комитетъ не рѣшался бороться съ митингами и плелся въ хвостѣ. Въ результатѣ, на митингѣ съ заѣзжими агитаторами рѣшено было отобрать оружіе у всѣхъ офицеровъ, а потомъ арестовать самого Колчака и начальника его штаба Смирнова.

„Хотя Колчакъ и является авторитетомъ въ военно-морскомъ дѣлѣ", говорилъ одинъ изъ митинговыхъ ораторовъ, „но намъ такіе не нужны. Во главѣ флота долженъ стоять хоть прапорщикъ, который бы исполнялъ все, чего желаютъ матросы". Получивъ донесеніе Колчака, вр. правительство въ ночномъ засѣданіи 6-го іюня рѣшило: 1) требовать „немедленнаго подчиненія Черноморскаго флота законной власти", 2) „адмиралу Колчаку и Смирнову, допустившимъ явный бунтъ, приказать немедленно выѣхать въ Петроградъ для личнаго доклада" и 3) „всѣми мѣрами водворить въ Черномъ морѣ порядокъ, подчиненіе закону и воинскому долгу, возвратить оружіе офицерамъ....., возстановить дѣятельность должностныхъ лицъ",..... „не подчиняющихся немедленно арестовать, какъ измѣнниковъ отечеству и революціи и предать суду", донеся объ исполненіи въ 24 часа. Телеграмма правительства была прочитана въ делегатскомъ собраніи и передъ 15-ти тысячнымъ митингомъ. Рѣшено было подчиниться требованіямъ правительства, но протестовать противъ квалификаціи движенія „военнымъ бунтомъ" и требовать привлеченія къ отвѣтственности тѣхъ лицъ, которыя неправильно освѣтили передъ вр. правительствомъ событія въ Севастополѣ.

Адмиралъ Колчакъ на этотъ разъ окончательно вышелъ въ отставку. Какъ бы нагляднымъ поясненіемъ того, что значилъ этотъ уходъ для Черноморскаго флота, явился выходъ въ Черное море, черезъ 5 дней послѣ отъѣзда Колчака, крейсера „Бреслау". Со времени 21-го іюня 1916 г., когда „Гебенъ" и „Бреслау" напали на Туапсе и Сочи, и 8-го іюля, когда „Бреслау" пытался напасть на Новороссійскъ, но былъ загнанъ въ Босфоръ судами недавно вступившаго тогда въ управленіе адм. Колчака, въ теченіе 11 мѣсяцевъ нашъ флотъ безусловно командовалъ въ Черномъ морѣ, и ни одна подводная лодка не рѣшалась болѣе въ немъ показаться. Теперь „Бреслау" напалъ на нашу радіостанцію на островѣ Фидониси, разрушилъ ее и забралъ плѣнныхъ; турки поставили минныя загражденія, на которыхъ нѣсколько дней спустя погибъ миноносецъ „Лейтенантъ Зацаренный". „Колчакъ ушелъ, Бреслау пришелъ", такъ формулировалъ послѣ-

довательность событій одинъ петроградскій листокъ. Нѣсколько дней спустя, 20-го іюня, правительственное сообщеніе подтверждало, что „дѣятельность противника (на моряхъ) становится съ каждымъ днемъ все болѣе энергичной и причиняетъ все больше и больше вреда.... Непріятель, очевидно, возлагаетъ надежду на то, что революція ослабила боевую мощь флота и внесла дезорганизацію въ его строй, порядокъ и въ укладъ боевой жизни“.

Крымъ.

Ослабленіе русской мощи на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ не могло не отразиться на настроеніи прилегающихъ къ нимъ нерусскихъ народностей. Одновременно съ настроеніемъ финляндцевъ обострялось и выливалось въ болѣе опредѣленныя формы также и настроеніе эстонцевъ, латышей, литовцевъ. Крымскіе татары—и вообще мусульмане Россіи—долѣе другихъ сохраняли полную лояльность. Мусульманскій исполнительный комитетъ еще 6-го мая опубликовалъ слѣдующее заявленіе. „Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ и столичныхъ газетахъ было помѣщено извѣстіе о томъ, что мусульманское населеніе Крыма требуетъ автономіи Крыма. Временный Крымско-мусульманскій комитетъ, стоящій нынѣ во главѣ всѣхъ мусульманскихъ политическо-національныхъ духовныхъ организацій, самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ это извѣстіе“. Комитетъ при этомъ противополагалъ, однако, свою позицію обще-мусульманской. По словамъ предсѣдателя его, Таврическаго муфтія Гелебіева, обще-мусульманскій комитетъ 21-го апрѣля „опредѣлилъ свою политическую физіономію и будетъ добиваться установленія въ Россіи демократическаго республиканскаго строя на національныхъ федеративныхъ началахъ. Идея же объ автономіи Крыма, какъ не имѣющая подъ собой никакой почвы, комитетомъ совершенно не обсуждалась“. Выступленіе „Бреслау“ дало „почву“ автономистическимъ стремленіямъ Крыма, что и сказалось прежде всего въ измѣнившемся настроеніи крымскихъ мусульманъ по отношенію къ Россіи. Впрочемъ, обнаружилась эта перемѣна, уже тогда происшедшая, значительно позднѣе.

Украина.

Особенно сильно развернулось въ описываемый промежутокъ времени сепаратистское движеніе Украины. Въ намѣреніе нашихъ враговъ давно, еще до русской революціи, входило раздуть украинскій сепаратизмъ, чтобы, въ худшемъ случаѣ, создать русской арміи новыя затрудненія въ тылу, а въ лучшемъ подготовить себѣ союзниковъ, если удастся перенести театръ военныхъ операцій на русскій югъ, и даже создать возможность отдѣленія Украины отъ Россіи, въ случаѣ удачнаго исхода этихъ операцій *). Для этихъ цѣлей работалъ созданный еще при царскомъ режимѣ, въ самомъ началѣ войны, „союзъ візволенія Украины“, во главѣ котораго стояли Скоропись-Іолтуховскій и Меленевскій, а членами котораго состояли Андрей Жукъ и Владиміръ Дорошенко. Въ отвѣтъ на печатныя обвиненія русскаго генеральнаго штаба, Скоропись-Іолтуховскій напечаталъ въ Стокгольмѣ брошюру: „Что же такое Совѣтъ освобожденія Украины“, въ которой за-

*) Этотъ планъ совершенно опредѣленно развивался въ брошюрахъ Цегельскаго и Левицкаго.

являетъ, что идея союза „народилась въ нѣкоторыхъ эмигрантскихъ кругахъ за-границей задолго до возникновенія войны“. Скоропись-Іолтуховскій признаетъ въ этой брошюрѣ, что „союзъ занялъ враждебное отношеніе къ Россіи, возлагая свои надежды на военный разгромъ царской Россіи арміями центральныхъ государствъ“. Онъ признаетъ и то, что союзъ „провозгласилъ, кромѣ того, желательность занятія Украины войсками враждебныхъ Россіи державъ“, съ цѣлью „достиженія національной независимости путемъ первоначальной оккупаціи центральными государствами“. Наконецъ, авторъ брошюры вполнѣ признаетъ и то, что „союзъ освобожденія Украины“ не только собиралъ на веденіе своей работы мозольные трудовые гроши среди разореннаго украинскаго населенія Галиціи и Буковины, а также оккупированныхъ областей, и среди нашихъ плѣнныхъ, какъ отчасти и въ Америкѣ, но онъ принималъ также всякую матеріальную поддержку отъ друзей украинскаго народа, принадлежащихъ по національности къ врагамъ Россіи*).

Болѣе подробныя свѣдѣнія о „союзѣ“ получаемъ изъ интереснаго показанія близко стоявшаго къ „союзу“ г. Влад. Степанковскаго, одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей украинской эмиграціи. Показаніе это дано русскимъ военнымъ властямъ въ августѣ 1917 г., при возвращеніи Степанковскаго въ Россію. „Идея организаціи союза,—разсказываетъ Степанковскій,—принадлежитъ Австріи; онъ былъ созданъ еще въ первыхъ числахъ августа 1914 г. Тогда онъ еще не имѣлъ своей задачей пропаганды среди нашихъ военноплѣнныхъ, а имѣлъ въ виду слѣдовать въ оккупированныя австрійскими войсками части Украины вмѣстѣ съ галицкими организаціями и вести тамъ работу по сліянію съ русской Украиной. Въ этотъ союзъ вошли названныя выше лица, Дмитрій Донцовъ и Николай Залезнякъ. Въ то же время я тоже проживалъ во Львовѣ, но отказался войти въ союзъ, такъ какъ ясно видно было, что австрійское правительство желаетъ воспользоваться союзомъ въ своихъ цѣляхъ, чему имѣлись доказательства. Кромѣ того, Скоропись-Іолтуховскій, Жукъ и Меленевскій въ качественномъ отношеніи были уже извѣстны съ самой отрицательной стороны, въ особенности же послѣдній. Дорошенко попалъ въ союзъ, какъ я думаю, по наивности, но, разъ попавъ туда, не сумѣлъ выбраться. Донцовъ и Залезнякъ вскорѣ вышли изъ союза, когда была установлена связь Жука и Меленевскаго съ австрійскимъ правительствомъ. Донцовъ дѣйствительно германофилъ, но это дѣло его убѣжденій; однако, онъ человѣкъ честный. Что касается Залезняка, то онъ былъ австрофиломъ, но затѣмъ, со времени революціи, искренно измѣнилъ свои взгляды и стоитъ на русской оріентаціи..... Надежды Австріи на оккупацію русской Украины не оправдались, русскія войска наступали въ Галиціи. Тогда весь союзъ выѣхалъ въ Вѣну..... Здѣсь произошелъ большой переломъ въ настроеніи. Всѣмъ стало очевидно, что австрійскія мечтанія о созданіи Украины подъ австрійскимъ владычествомъ остались мыльнымъ пузыремъ. Донцовъ и Залезнякъ вышли изъ союза, а другіе порвали связь съ галицкимы организаціями и еще тѣснѣе связались съ австрійскимъ правительствомъ. Съ этого времени украинское движеніе перестало интересовать Австрію, такъ какъ вся Галиція оказалась занята Россіей (это признаютъ и авто-

*) Брошюра подписана „членами президіума союза освобожденія Украины, М. Меленевскимъ и А. Скоропись-Іолтуховскимъ“ и датирована 25 октября н. ст. 1917 г. въ Стокгольмѣ.

ры стокгольмской брошюры). Тогда союзомъ воспользовались, какъ орудіемъ для боевыхъ предпріятій, ничего общаго съ Украиной не имѣющихъ. Іолтуховскій, Меленевскій, Жукъ и Дорошенко занялись шпіонажемъ и разными порученіями австрійскаго правительства, какъ, напр., посылкой агентовъ въ Россію, Румынію, Болгарію и Турцію (брошюра, конечно, ставитъ въ связь всѣ эти „миссіи“ съ пропагандой украинскаго освобожденія). Тѣмъ временемъ возникла мысль о выдѣленіи изъ общей массы плѣнныхъ-украинцевъ. Я точно сказать не могу, явилось ли это мыслью галиційскихъ украинцевъ или правительства (Меленевскій и Скоропись нѣсколько уклончиво утверждаютъ, что „инициатива культурной помощи нашимъ военно-плѣннымъ принадлежала исключительно союзу,..... и добиться согласія властей на широкую организацію этой помощи.... стоило многихъ усилій“). Украинцевъ стали выдѣлять въ отдѣльный лагерь Фрейштадтъ, въ Австріи, и дѣло пропаганды было передано союзу. Это совпало съ тѣмъ временемъ, когда Германія накладывала свою руку на всѣ австрійскія предпріятія. Нѣмцы взяли союзъ въ свои руки, и онъ продолжалъ функціонировать еще нѣкоторое время въ Австріи уже подъ руководствомъ нѣмцевъ. Сначала австрійцы не знали, что союзъ работаетъ съ нѣмцами. Когда австрійское правительство убѣдилось въ этомъ, то еще болѣе охладѣло къ дѣятелямъ союза, и послѣдній постепенно перенесъ свою дѣятельность въ Берлинъ и вступилъ на полное иждивеніе Германіи. Германія, по примѣру Австріи, рѣшила выдѣлить украинцевъ въ особые лагери и пустила туда союзъ для пропаганды идеи полнаго отдѣленія Украины отъ Россіи, какъ „самостоятельнаго государства, входящаго въ систему центральныхъ державъ“. Посѣщеніе Берлина въ началѣ іюля 1917 г. и бесѣды съ политическими дѣятелями и публицистами убѣдили Степанковскаго въ томъ, что, собственно, по этому вопросу существуютъ въ Германіи три группы. Одна, во главѣ съ знатокомъ Россіи, проф. Hötsch'емъ (авторомъ еженедѣльныхъ обзоровъ въ Kreuzzeitung), считаетъ, что украинское движеніе есть „семейное дѣло Россіи“ и раздувать его вредно для Германіи. Другая, близкая къ министерству иностранныхъ дѣлъ, полагаетъ достаточнымъ для настоящаго момента достиженіе Украиной автономіи. И, наконецъ, третья группа, „представленная генеральнымъ штабомъ“, „стремится къ созданію самостоятельной Украины подъ нѣмецкимъ контролемъ“. Эта группа пользуется содѣйствіемъ „союза візволенія Украины“ для агитаціи въ печати противъ болѣе умѣреннаго разрѣшенія украинскаго вопроса.

Что касается пропаганды среди военно-плѣнныхъ украинцевъ, она началась еще весной 1915 года, когда всѣ плѣнные „малороссы“, соглашавшіеся признать себя „украинцами“, были сосредоточены въ лагерѣ Раштадтъ. Въ этомъ лагерѣ велись систематическія лекціи; однимъ изъ лекторовъ являлся австрійскій проф. Безпалко, рисовавшій передъ слушателями картину вольнаго казачества и призывавшій къ сверженію ненавистнаго ига Московіи. Въ началѣ 1916 г. изъ подготовленныхъ такимъ образомъ военноплѣнныхъ былъ сформированъ „1-ый сѣчевой Тараса Шевченко полкъ“, одѣтый въ „національные“ „жупаны“. Къ началу 1917 г. этотъ полкъ состоялъ изъ 8 сотенъ, примѣрно по 200 человѣкъ въ каждой. Вообще же всѣ украинцы Раштадтскаго лагеря были къ этому времени расписаны на четыре категоріи, соотвѣтственно успѣху пропаганды: 1) „січевики“—до 1500 человѣкъ, наиболѣе распропагандированные; 2) „курсисты“—

до 3000 человѣкъ, сочувствовавшихъ пропагандѣ, но еще недостаточно подготовленныхъ; 3) „приклонники“—большинство плѣнныхъ, сохранявшее нейтралитетъ по отношенію къ пропагандѣ и, наконецъ, 4) „противники“,—до 6000 чел., рѣшительно боровшіеся съ пропагандой и за это назначавшіеся на самыя тяжелыя работы, подвергавшіеся суровому режиму и жестокимъ наказаніямъ.

Въ концѣ декабря 1916 г. партія изъ 24 плѣнныхъ, во главѣ съ германскимъ капитаномъ Козакъ, была отправлена на Волынь, съ цѣлью пропаганды. Изъ обнародованнаго нашей развѣдкой дѣла прап. Ермоленко видно, что переброской агентовъ занималась „украинская секція“ германской развѣдки, имѣвшая вездѣ на мѣстахъ вполнѣ организованную сѣть посредниковъ и сотрудниковъ.

Съ началомъ революціи всѣ эти приготовленія получили, естественно, новое и особенно важное значеніе. Ближайшей цѣлью пропаганды стало, какъ это констатировано въ случаѣ съ Ермоленко, „скорѣйшее заключеніе мира“ съ Германіей. Но рядомъ съ этимъ новый смыслъ получила и поддержка сепаратистскаго движенія. Для того и другого Германія стала выпускать, подъ видомъ обмѣниваемыхъ инвалидовъ, совершенно здоровыхъ украинскихъ солдатъ. Перебрались поближе къ Россіи, въ Стокгольмъ, и вожди „союза вiзволенія Украины“, Іолтуховскій и Меленевскій. Оба они обратились къ временному правительству съ ходатайствомъ разрѣшить имъ вернуться на Украину, извѣщая при этомъ правительство, что съ момента возникновенія революціи въ Россіи и паденія царизма союзъ освобожденія Украины рѣшилъ прекратить свою самостоятельную дѣятельность заграницей, признавая, что единственно правомочна теперь говорить отъ имени украинскаго народа, какъ на Украинѣ, такъ и внѣ ея,—Центральная Украинская Рада (цитированная брошюра).

Едва ли, однако, это заявленіе было вполнѣ искренно. Цѣль переселенія обоихъ дѣятелей на Украину, конечно, заключалась въ перенесеніи сюда дѣятельности „союза“. По крайней мѣрѣ, Степанковскій, въ разговорѣ съ фонъ-Бергеномъ, чиновникомъ германскаго министерства иностр. дѣлъ, выяснилъ (начало іюля 1917 г.), что уже существуетъ какая-то „тайная организація въ Полтавѣ“, соперничающая во вліяніи съ Центральной Радой.*) „Въ Стокгольмѣ я узналъ“, продолжаетъ Степанковскій, „что существуетъ новая организація, имѣющая непосредственное отношеніе къ „союзу визволенія“, и что она называется „Возрожденіе“ („Відродження“). Свѣдѣнія ограничились тѣмъ, что эта организація проявляется во Львовѣ, гдѣ ведетъ издательскую дѣятельность. Еще раньше, въ Швейцаріи, я получилъ свѣдѣнія объ Іолтуховскомъ, что онъ организуетъ на Украинѣ свою группу подъ упомянутымъ названіемъ. Основываясь на этихъ свѣдѣніяхъ“, заключаетъ Степанковскій, „я прихожу къ убѣжденію, что Іолтуховскій, съ вѣдома германскаго штаба, организуетъ въ своихъ цѣляхъ групу въ Полтавѣ или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ... Еще до войны Меленевскій былъ знакомъ хорошо съ Парвусомъ, съ открытіемъ же военныхъ дѣйствій и съ отходомъ австрійскихъ войскъ изъ Галиціи работалъ съ нимъ въ Турціи по пріисканію агентовъ для центральныхъ державъ, занимаясь и другими темными дѣлами. Те-

*) „Мой собесѣдникъ (фонъ-Бергенъ) спросилъ меня“, разсказываетъ Степанковскій, „кто пользуется большимъ вліяніемъ, Рада или же тайная организація въ Полтавѣ... Я... отвѣтилъ, что, по моему мнѣнію, большимъ авторитетомъ пользуется Рада“.

перь, конечно, связь Меленевскаго съ Парвусомъ, а затѣмъ и съ Ганецкимъ-Фюротенбергомъ должна продолжаться; такъ какъ Ганецкій находится въ Стокгольмѣ, то нужно думать, что всѣ они работаютъ вмѣстѣ".

Въ Россіи, правда, всѣ эти явно-германскія усилія встрѣтили вначалѣ отпоръ, и мѣстное украинское движеніе формально отъ нихъ отгородилось. Первоначальныя задачи мѣстнаго движенія, по формулировкѣ наскоро сложившагося петроградскаго украинскаго комитета, были весьма умѣренны и не шли дальше требованій, удовлетворяющихъ реальной потребности культурнаго самоопредѣленія. Временное правительство перваго состава охотно пошло навстрѣчу этимъ стремленіямъ, назначивъ попечителемъ Кіевскаго округа извѣстнаго украинскаго дѣятеля, Н. П. Василенко. Но изъ Кіева шли болѣе широкія требованія, исходившія изъ готоваго плана національно-территоріальнаго обособленія Украины въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Вдохновителемъ этихъ стремленій являлся „батько" М. С. Грушевскій, пріобрѣвшій опытность въ національной борьбѣ на почвѣ австро-славянской, въ Галиціи, и теперь примѣнившій къ борьбѣ съ петроградскимъ „централизмомъ" тѣ непрямые и гибкіе пріемы, которые были испытаны въ борьбѣ съ Вѣной.

По сообщенію самого М. С. Грушевскаго, въ новомъ изданіи его „Исторіи Украины"*), еще за годъ до войны образовался союзъ автономистовъ-федералистовъ, въ которомъ „руководящую роль играли украинскіе представители". Кромѣ того, еще раньше существовала группа „товариство украинскихъ поступовцевъ" (Т. У. П.), которая съ 1912 г. вела сношенія съ прогрессивными русскими партіями, съ думскими фракціями трудовиковъ и партіей народной свободы. Послѣ революціи, по словамъ того же Грушевскаго, „украинскіе поступовцы", „выйдя изъ стадіи своего тайнаго существованія, взяли на себя въ первыхъ числахъ марта, иниціативу созданія національнаго органа въ Кіевѣ. По соглашенію съ разными кіевскими группами и кружками, такой органъ и образовался, подъ названіемъ Украинской Центральной Рады, изъ представителей партійныхъ группъ, кооперативовъ, рабочихъ, военныхъ, культурныхъ и профессіональныхъ организацій, для организаціи украинскаго гражданства независимо отъ партійныхъ и групповыхъ разногласій, съ цѣлью достиженія широкой національной и территоріальной автономіи въ россійской федеративной республикѣ".

„Первыя извѣстія объ основаніи въ Кіевѣ Центральной Рады", говоритъ далѣе Грушевскій, „дали сильный толчокъ организаціи провинціальныхъ группъ, которыя заявляли Ц. Радѣ, что признаютъ ее своимъ высшимъ органомъ, временнымъ украинскимъ національнымъ правительствомъ („тимчасовим українським національним урядом"), и просятъ принять ихъ представителей и дать указанія относительно мѣстной работы. Чтобы выяснить размѣры массового украинскаго самосознанія, Ц. Рада назначила на 19 марта манифестацію и показала открыто, что украинство вовсе не является принадлежностью какого-либо интеллигентскаго кружка, а дѣйствительно широко проникло въ массы. На митингѣ во время этой манифестаціи приняты были принципіальныя постановленія: что автономный строй долженъ быть введенъ на Украинѣ немедленно и затѣмъ представленъ на утвержденіе россійскаго учредительнаго собранія; временное россійское правительство должно незамедлительно издать декларацію съ признаніемъ необходимости

---

*) См. „Ілюстрована Історія України". Сорок восьма тисяча, Київ, 1918, стр. 536, 543—546.

широкой автономіи Украины, чтобы связать интересы украинскаго народа съ интересами новаго строя".

„За этой манифестаціей послѣдовали съѣзды: рядъ ихъ открылся на Благовѣщеніе (25 марта) съѣздомъ „Т. У. П.", который принялъ названіе союза автономистовъ-федералистовъ. Потомъ, на Великденъ, открылся съѣздъ учительскій, а 6—8 квітня (апрѣля)—украинскій національный съѣздъ, созванный Ц. Радой для производства новыхъ выборовъ, которые дали бы ей характеръ правильнаго представительства всего организованнаго украинскаго народа и подтвердили бы его политическую платформу. Двери съѣзда были широко открыты и дана возможность принять въ немъ участіе всякимъ объединеніямъ, организаціямъ и учрежденіямъ, которыя признаютъ себя за украинскія.... Собралось около 900 представителей съ полномочными мандатами, очень много крестьянъ и солдатъ..... Новая Ц. Рада составилась изъ представителей отъ территорій (губерній), отъ организацій военныхъ, крестьянскихъ и рабочихъ, отъ партій и обществъ культурныхъ и профессіональныхъ. Платформа этой организаціи сначала была чисто-политической: національно-територіальная автономія Украины въ федеративной россійской республикѣ. Намѣренно были устранены другіе пункты, которые могли бы вызвать разногласія между представителями партій и группъ. Но, мѣсяцъ спустя, Ц. Рада признала невозможнымъ исключить изъ своей программы вопросы экономической политики, имѣя въ виду планы экономической централизаціи, выставленные россійскимъ врем. правительствомъ. Рѣшено было принять въ программу защиту экономическихъ интересовъ края и его трудящагося народа. Пополненіе Рады представительствомъ рабочихъ массъ, произведенное въ началѣ червня (мая), придало ей, въ концѣ концовъ, яркую соціалистическую физіономію, сдѣлало ее органомъ трудящейся демократіи и сверхъ требованій политическихъ поставило на твердую основу требованія экономически-соціалистическія".

Несомнѣнно, въ этой эволюціи Рады, очерченной здѣсь однимъ изъ вліятельнѣйшихъ ея руководителей, первоначальная иниціативная группа, организовавшая первыя національныя демонстраціи, была оттѣснена на второй планъ. Роль самого М. С. Грушевскаго изъ вліятельной мало-по-малу превратилась просто въ почетную. Рада сдѣлалась сама ареной борьбы за вліяніе крайнихъ теченій. Сепаратисты „союза возрожденія" получили при этомъ возможность оказывать все болѣе значительное воздѣйствіе на настроеніе и на направленіе работъ Рады.

Полная побѣда этого крайняго вліянія была, однако же, въ описываемое здѣсь время, еще въ будущемъ. Въ настоящемъ Рада выступила, прежде всего, съ требованіями политическими и притомъ выраженными въ сравнительно умѣренной и сдержанной формѣ. Въ маѣ временное правительство получило отъ Рады пожеланія, чтобы 1) былъ изданъ особый правительственный актъ съ принципіальнымъ признаніемъ автономіи Украины, 2) немедленно были выдѣлены въ особую административную единицу 12 губерній съ украинскимъ населеніемъ и переданы въ управленіе краевого совѣта, 3) чтобы при вр. правительствѣ былъ установленъ особый комиссаръ по дѣламъ Украины и 4) чтобы было учреждено особое украинское войско. Требованія эти, вызывавшія серьезныя возраженія въ правительствѣ перваго состава, встрѣтили вначалѣ серьезныя возраженія и въ средѣ коалиціоннаго правительства. Принципіальное признаніе автономіи Украины являлось несомнѣннымъ предрѣшеніемъ воли Учредительнаго Собранія, ибо опре-

дѣляло одну изъ основныхъ чертъ будущаго строя Россіи: несомнѣнно, что вслѣдъ за признаніемъ автономіи Украины потребовали бы такого же признанія и другія народности. Затѣмъ Центральная Рада, не вышедшая изъ всенароднаго избранія и представлявшая только одно изъ теченій украинства, не являлась достаточно компетентнымъ органомъ для выраженія воли всего украинскаго народа и не представляла вовсе не-украинскихъ элементовъ. Съ этой точки зрѣнія выдѣленіе 12-ти губерній въ составъ территоріи будущей Украины являлось предрѣшеніемъ воли мѣстнаго населенія, украинскаго и не-украинскаго. Созданіе комиссара Украины при вр. правительствѣ предрѣшало типъ автономіи, который должна была получить Украина, а, слѣдовательно, быть можетъ, и остальныя территоріи Россіи. Такимъ предрѣшеніемъ было и выдѣленіе данной территоріи по національному, а не по территоріальному признаку. Наконецъ, хотя уже А. И. Гучковъ разрѣшилъ въ частномъ случаѣ формированіе украинскихъ войскъ, но и онъ, и А. Ф. Керенскій не считали, что этотъ частный случай предрѣшаетъ созданіе національныхъ армій вообще, ибо и это было бы приближеніемъ формы автономіи къ формѣ государственной независимости. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, послѣ доклада товарища министра внутр. дѣлъ Д. М. Щепкина, предсѣдательствовавшаго по данному вопросу въ особомъ совѣщаніи, временному правительству, въ первыхъ числахъ іюня было постановлено признать національныя особенности и своеобразныя условія жизни Украины, вызывающія необходимость ея особаго устройства, и издать соотвѣтствующее мотивированное постановленіе, но не вводить въ него ничего, что могло бы предрѣшить волю Учредительнаго Собранія и мѣстнаго населенія. Соотвѣтственно этой линіи поведенія, намѣченной правительствомъ, А. Ф. Керенскій телеграфно запретилъ всеукраинскій войсковой съѣздъ, который Центральная Рада созвала на 4 іюня. Рада не только не подчинилась этимъ рѣшеніямъ правительства, но сдѣлала ихъ исходной точкой новой агитаціи. Послѣ двухдневнаго обсужденія отвѣта правительства украинской делегаціи, ѣздившей въ Петроградъ, Рада, накануне открытія съѣзда, вечеромъ 3 іюня, вынесла постановленіе, которымъ объявлялось, что временное правительство сознательно пошло противъ интересовъ трудового народа Украины и противъ принципа самоопредѣленія національностей. Въ силу этого Рада признавала необходимымъ: 1) обратиться ко всему украинскому народу съ призывомъ—организоваться и приступить къ немедленному заложенію фундамента автономнаго строя на Украинѣ, 2) немедленно составить обращеніе къ украинскому народу съ объясненіемъ, въ чемъ заключается сущность требованій украинской демократіи и задачи автономнаго строя, и 3) заявить, что, использовавъ всѣ способы войти въ сношеніе съ правительствомъ, Рада приметъ всѣ мѣры противъ анархіи и уничтоженія завоеваній революціи, имѣя въ виду, что украинское движеніе имѣетъ стихійный характеръ. 4 іюня открылся въ Кіевѣ войсковой съѣздъ, въ составѣ болѣе 1000 делегатовъ. Слѣдуя своей обычной тактикѣ, А. Ф. Керенскій легализировалъ его post factum, приславъ телеграмму, что не встрѣчаетъ препятствій къ существованію и къ дальнѣйшей дѣятельности украинскаго войскового комитета. Съѣздъ встрѣтилъ смѣхомъ чтеніе этой телеграммы. Руководители съѣзда, однако, считали необходимымъ подчеркнуть, что они не стремятся къ „самостійности". Кандидаты въ президіумъ отъ самостійниковъ были забаллотированы; выбраны лишь сторонники федеративной автономіи. Большое раздраженіе съѣзда вызвало опубликованіе приказа ген. Оберучева, что самостійники рѣшили занять государственный банкъ и губернское

казначейство (слухи ходили также о занятіи почты, телеграфа и телефона). Съѣздъ еще разъ рѣзко отгородился отъ „самостійниковъ“ и помѣстилъ въ газетахъ печатное опроверженіе упомянутыхъ слуховъ о „секретной резолюціи“ группы „самостійниковъ“. Въ ближайшіе дни съѣздъ призналъ украинскій войсковой комитетъ высшей инстанціей въ сношеніяхъ украинскихъ войсковыхъ частей и организацій съ русской военной властью. По отношенію къ правительству съѣздъ принялъ резолюцію, что онъ вообще не будетъ больше обращаться къ центральной власти съ какими либо просьбами, Центральная Рада сама будетъ проводить въ жизнь автономію Украины; не-украинская демократія, живущая на территоріи Украины и не желающая сознательно или безсознательно понять истинныхъ требованій украинцевъ, приглашалась къ сотрудничеству съ украинской демократіей.

Постановленія съѣзда на первыхъ же порахъ создали среди мѣстныхъ противниковъ украинскаго сепаратизма энергичное противодѣйствіе, особенно сказавшееся въ тѣхъ изъ 12 губерній, гдѣ не-украинское населеніе было особенно сильно. Но эти постановленія вызвали также и энергичную поддержку со стороны сторонниковъ автономіи. Кіевскій губернскій исполнительный комитетъ обратился къ кн. Львову съ заявленіемъ, что, въ виду возбужденія, вызваннаго отрицательной позиціей правительства, дальнѣйшее игнорированіе украинскаго вопроса недопустимо; необходимъ немедленный созывъ въ Кіевѣ особаго совѣщанія національныхъ партій и организацій съ представителями правительства. Совѣщаніе это должно разработать къ Учредительному Собранію основы автономіи Украины.

Украинская Рада не хотѣла ждать результатовъ подобныхъ совѣщаній и спѣшила создать „совершившіеся факты“. Опираясь на рѣшеніе войскового съѣзда, она собрала 10 іюня делегатовъ съѣзда на Софійскую площадь и въ торжественной обстановкѣ, передъ памятникомъ Богдана Хмѣльницкаго, огласила составленный ею „Универсалъ“, долженствовавшій явиться первымъ шагомъ къ самочинному осуществленію автономіи. Содержаніе „Универсала“ чрезвычайно характерно для всей политики М. С. Грушевскаго. Съ одной стороны, онъ ничѣмъ не порываетъ формальной связи съ центральнымъ правительствомъ, съ другой стороны, фактически, онъ вступаетъ съ правительствомъ въ открытую борьбу, пытаясь на терпимости и на пассивности центральной власти построить расширенный и углубленный фундаментъ для украинскаго движенія, ограниченный и интеллигентскій характеръ котораго невольно обрисовывается въ самомъ „Универсалѣ“. Украинскій народъ „не отдѣляется отъ всей Россіи, не разрываетъ съ россійскимъ государствомъ“. „Тѣ законы, которыми будетъ устанавливаться порядокъ на протяженіи всего россійскаго государства, должны издаваться всероссійскимъ парламентомъ“. Законы для Украины также „должно будетъ **утвердить** своимъ закономъ всероссійское Учредительное Собраніе“. Но въ то же время „Универсалъ“ заявляетъ, что, по существу, „весь строй“ этихъ законовъ будетъ „созданъ представителями всѣхъ народовъ земли украинской“ послѣ того, какъ будетъ закончена „подготовительная организаціонная работа“. Работа эта, долженствующая совершиться явочнымъ порядкомъ, состоитъ въ томъ, чтобы „каждое село, каждая волость и каждая управа, уѣздная или земская, **которая отстаиваетъ интересы украинскаго народа**“, вступила „въ самыя тѣсныя сношенія съ Центральной Радой“. А „тамъ, гдѣ, по какимъ либо причинамъ, административная власть **осталась въ рукахъ, враждебныхъ украин-**

ству", „Универсалъ" предписываетъ нашимъ гражданамъ начать широкую могучую организацію и освѣдомленіе населенія и тогда переизбрать администрацію въ городахъ и тѣхъ мѣстахъ, гдѣ украинское населеніе живетъ вмѣстѣ съ другими національностями". Рядомъ съ явочной администраціей будущаго края Рада хочетъ создать и явочные финансы. „До сихъ поръ украинскій народъ всѣ свои средства отдавалъ въ россійскую центральную казну, но самъ не имѣлъ, да не имѣетъ и теперь отъ нея того, что долженъ былъ бы имѣть за это. Поэтому мы, Украинская Рада, предписываемъ всѣмъ организованнымъ гражданамъ селъ и городовъ и всѣмъ украинскимъ общественнымъ управамъ установить съ 1 сего іюля обложеніе населенія податью на народное дѣло". Если тонъ предписанія, названіе новаго обложенія „податью" и противоположеніе его прежнимъ налогамъ, вносившимся въ россійскую центральную казну, придавали распоряженію „Универсала" характеръ настоящаго правительственнаго распоряженія, то обращеніе къ однимъ только „организованнымъ" украинцамъ и обозначеніе цѣли новой „подати"—„на народное дѣло"—превращали подать въ національный сборъ съ сочленовъ частнаго общества и открывали Радѣ лазейку на случай обвиненія ея въ выступленіи на путь открытой политической борьбы противъ центральной власти въ самыхъ ея основныхъ функціяхъ управленія и обложенія. Проф. Грушевскій и пользовался этой двусмысленностью въ своихъ объясненіяхъ съ представителями кіевскихъ общественныхъ организацій, которые рѣшительно возражали противъ сепаратизма Украины и противъ предрѣшенія воли Учредительнаго Собранія. Во время политической прогулки украинцевъ по Днѣпру съ этими представителями 20 іюня М. С. Грушевскій подчеркивалъ, что Рада никогда и не помышляла о захватѣ административныхъ правъ, что это исключительно „національная организація". Эти заявленія вызвали реплику Балабанова, представителя с.-д. меньшевиковъ. „Когда слушаешь здѣсь ваши рѣчи," говорилъ Балабановъ, „получается одно, а когда отъ бесѣдъ дѣло переходитъ къ жизни, получается другое. Проф. Грушевскій и Винниченко признаютъ за Радой лишь моральный авторитетъ. Но часть населенія считаетъ Раду правительственной властью на Украинѣ, причемъ противопоставляетъ Раду другой власти. То, что говорятъ намъ представители Рады, пусть они скажутъ населенію." Послѣ этого Винниченко произнесъ рѣчь, въ которой, съ одной стороны, заявлялъ, что украинцы „добиваются не власти, а организаціи народныхъ массъ", а съ другой, при сильномъ движеніи и возгласахъ „ого" своей аудиторіи, сообщилъ: „быть можетъ, мы издадимъ декретъ, въ которомъ укажемъ населенію, что всякое постановленіе центральнаго правительства, прежде чѣмъ оно будетъ осуществлено, должно быть разсмотрѣно Центральной Радой" („Рус. Слово" 23-го іюня). Эти разговоры на пароходѣ лучше всего характеризуютъ шаткость первоначальной позиціи Рады и уклончивую тактику ея вождей.

Чтобы мотивировать свой шагъ, Рада, въ противорѣчивыхъ выраженіяхъ, пытавшихся извратить факты, излагала въ „Универсалѣ" исторію своихъ переговоровъ съ правительствомъ. „Временное россійское правительство отвергло наши требованія, оттолкнуло протянутую руку украинскаго народа.... оно уклонилось отъ отвѣта, отославъ насъ до будущаго Учредительнаго Собранія. ... Не пожелало вмѣстѣ съ нами творить новый порядокъ"..... Нѣсколько искреннѣе была Рада, когда мотивировала свое выступленіе тѣмъ, что „мы не можемъ бросить нашъ край на про

изволъ анархіи и разоренія", ибо „правительство не въ силахъ создать для насъ правопорядокъ". Другой искренній мотивъ касался судьбы аграрнаго вопроса: „никто лучше нашихъ селянъ не можетъ знать, какъ хозяйничать на своей землѣ; потому то мы хотимъ, чтобы, послѣ того, какъ во всей Россіи отобраны будутъ помѣщичьи казенныя, царскія, монастырскія и иныя земли въ собственность народовъ, послѣ того, какъ объ этомъ будетъ изданъ законъ всероссійскимъ Учредительнымъ Собраніемъ,— право и порядокъ въ нашихъ украинскимъ земляхъ, право распоряженія ими принадлежало бы только намъ самимъ."

Этотъ страхъ и опасеніе подвергнуться въ прогрессировавшемъ всероссійскомъ распадѣ общей судьбѣ и пережить ужасы всероссійскихъ соціалистическихъ экспериментовъ, несомнѣнно, представлялъ здоровое и живое начало самосохраненія въ искусственно раздутомъ націоналистическомъ движеніи на Украинѣ. Въ этихъ, а не въ идеалистически-сепаратистскихъ мотивахъ украинскаго движенія заключался залогъ его будущаго успѣха.

Что могло противопоставить этому успѣху центральное правительство? Только ту „тактику твердой власти"—и, на почвѣ этой тактики, устраненіе реальныхъ мотивовъ украинскаго обособленія,—которую совѣтовала партія народной свободы. Правительство и тутъ, вмѣсто того, чтобы реагировать быстро и рѣшительно, пока движеніе оставалось чисто идейнымъ и наноснымъ, пошло путемъ колебаній и словесныхъ увѣщаній 16-го іюня оно выпустило воззваніе къ „Гражданамъ Украины", въ которомъ убѣждало украинцевъ, въ интересахъ „всей освобожденной Россіи", въ интересахъ защиты завоеваній революціи отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, довѣрить свои національные интересы „народамъ", которые „сумѣютъ черезъ своихъ представителей въ Учредительномъ Собраніи выковать тѣ формы государственнаго и хозяйственнаго устройства, которыя полностью отвѣтили бы ихъ національнымъ стремленіямъ". Съ своей стороны, временное правительство „вмѣняло себѣ въ обязанность придти къ соглашенію съ общественно-демократическими организаціями Украины относительно переходныхъ мѣръ для обезпеченія „правъ украинскаго народа въ мѣстномъ управленіи, самоуправленіи и судѣ". Воззваніе упрашивало украинцевъ „въ нетерпѣливомъ стремленіи теперь же закрѣпить формы государственнаго устройства Украины, не наносить смертельнаго удара всему государству и самимъ себѣ".

Конечно, воззваніе прозвучало безсильно и отклика со стороны кіевскихъ искушенныхъ политиковъ не встрѣтило. Въ своемъ „нетерпѣливомъ стремленіи закрѣпить" свои, пока еще психологическія завоеванія, они спѣшно возбуждали въ намѣченныхъ губерніяхъ вопросъ о формальномъ присоединеніи къ „Универсалу" Рады, о посылкѣ въ Раду мѣстныхъ делегатовъ, о пополненіи Рады не-украинскими элементами, наконецъ, о созданіи украинскаго министерства, „генеральнаго секретаріата" Рады. Въ самый день опубликованія правительственнаго воззванія этотъ секретаріатъ уже былъ намѣченъ въ составѣ предсѣдателя и генеральн.-секретаря внутр. дѣлъ, писателя Винниченко, генер. секретаря финансовъ—Туганъ-Барановскаго, иностранныхъ дѣлъ (или „междунаціональныхъ")—Ефремова, продовольственныхъ—Стасюка, земледѣлія—Мартоса, военнаго—Петлюры, юстиціи—Садовскаго. За нѣсколько дней до этого Винниченко въ политической бесѣдѣ съ представителемъ демократическихъ организацій подчеркнулъ снова, что дѣйствія вождей вынуждены необходимостью считаться съ стихійнымъ движеніемъ народныхъ массъ

и направить его въ нормальное русло. „Самостійное движеніе“, выставляющее лозунгъ „открытіе фронта врагу, настолько выросло за полтора мѣсяца, что съ нимъ приходится вести серьезную борьбу, а для этого необходимо не порывать связи съ организованной массой, которая, оставшись безъ руководства, можетъ натворить много нежелательнаго“. До соглашенія съ центральнымъ правительствомъ, по заявленію Винниченко, Рада не издастъ никакого акта; но правительство должно считаться съ желаніемъ народа. Однако, уже 27 іюня тотъ же Винниченко, въ роли предсѣдателя генеральнаго секретаріата, огласилъ въ засѣданіи Центральной Рады обширную декларацію секретаріата. Въ декларацiи заявлялось, что, хотя власть Рады родилась и выросла изъ одного довѣрія народа, но въ настоящее время „наступилъ моментъ, когда стерлись границы двухъ властей: нравственной и публично-правовой. Размѣры силъ нашей моральной власти настолько разрослись, что они сами собой, подъ натискомъ логическаго хода событій, безъ боли и безпорядковъ, претворяются въ настоящее народоправство“. Къ Петрограду „украинская демократія не питаетъ враждебности, но проявляетъ полное безразличіе, ибо... имѣетъ собственную власть“. Для ускоренія процесса пересозданія моральной власти въ общественно-правовую и созданъ генеральный секретаріатъ, въ качествѣ исполнительнаго органа Центральной Рады (вожди движенія подчеркивали, съ обычной уклончивостью, что это не есть еще „министерство“). Такъ какъ Рада теперь „не можетъ уже ограничиться одними національно-политическими требованіями“, а, расширяя свою платформу, „должна стать національнымъ сеймомъ“, то и ея исполнительный органъ „долженъ охватывать всѣ нужды украинскаго народа“. Далѣе декларація подробно перечисляла задачи каждаго „секретаря“, въ особенности, по внутреннимъ, финансовымъ, юридическимъ, междунаціональнымъ, просвѣтительнымъ, земельнымъ, продовольственнымъ дѣламъ, и функціи „генеральнаго секретаря“, вѣдающаго канцеляріи и служащаго связью между остальными. Въ заключеніе декларація заявляла, что секретаріатъ будетъ „бороться неуклонно“ противъ всѣхъ „дезорганизующихъ силъ“, будь то „темныя силы контръ-революціи, анархическіе элементы украинства или ошибки и враждебность временнаго центральнаго правительства“.

Какъ реагировало это правительство на новый „совершившійся фактъ“? Мы видѣли, что уже въ своемъ воззваніи временное правительство стало на точку зрѣнія возможныхъ переговоровъ съ украинскими организаціями. Въ 20-хъ числахъ іюня оно уже намѣчало посылку правительственной делегаціи на Украину, сперва въ цѣляхъ информаціи, а потомъ и съ прямой задачей—достиженія соглашенія, котораго требовали украинцы. Мы увидимъ, что осуществленіе этой точки зрѣнія сдѣлалось поводомъ къ министерскому кризису, который совпалъ съ общимъ кризисомъ первой коалиціи.

Другія національности.

Въ это же время, 27-го іюня, Центральная Украинская Рада вынесла постановленіе, которое какъ бы суммируетъ всю работу по созданію національныхъ сепаратизмовъ внутри Россіи. Рада постановила созвать въ Кіевѣ не позже іюля съѣздъ всѣхъ національностей Россіи, добивающихся автономіи и федераціи. Предполагалось, что на этомъ съѣздѣ примутъ участіе финляндцы, поляки, эстонцы, латыши, литовцы, бѣлоруссы, грузины, евреи, татары, армяне, калмыки, башкиры, сарты, горные народы, турки, а

также донцы, сибиряки и т. д. Каждой народности, независимо отъ размѣровъ территоріи, количества населенія, культурнаго развитія, предполагалось дать 10 мѣстъ. Въ програму съѣзда внесены были слѣдующіе вопросы: будущее устройство федеративнаго государства, государственный языкъ отдѣльныхъ федеративныхъ частей, принципы размежеванія автономныхъ единицъ, права національныхъ меньшинствъ, и организація союза городовъ. Попутно отмѣтимъ, что въ засѣданіи мусульманскаго комитета 3-го іюня обсуждался вопросъ о созданіи въ Россіи „инородческаго политическаго блока", причемъ рѣшено было образовать комиссію изъ двухъ членовъ комитета и двухъ отъ комитета бурятъ и якутовъ „для выработки культурно-экономическихъ и политическихъ основъ созданія инородческаго политическаго блока народностей монголо-тюркскихъ племенъ Россіи". 2-го іюня литовскій сеймъ, большинствомъ народныхъ прогрессистовъ и клерикаловъ противъ соціалистическихъ и прогрессивныхъ партій высказался за немедленное рѣшеніе сеймомъ вопроса о будущемъ устройствѣ Литвы и принялъ незначительнымъ большинствомъ рѣшеніе, что Литва должна быть независимою. Въ маѣ въ Берлинѣ открыто общество нѣмецко-балтійской культуры; при открытіи герцогъ Мекленбургскій произнесъ рѣчь о выгодахъ колонизаціи Литвы и прибалтійскаго края: „22% земель Курляндіи принадлежитъ казнѣ, треть помѣщичьихъ земель будетъ намъ предоставлена добровольно для колонизаціи, треть крестьянскихъ можетъ быть пріобрѣтена за плату".

---

4. Циммервальдъ и фіаско внѣшней политики коалиціи.

Внѣшняя политика коаліціоннаго правительства.—Отклики враговъ и союзниковъ на циммервальдскую формулу.—Фіаско внѣшней политики совѣта.—Новыя уступки М. И. Терещенко совѣту.

Внѣшняя политика коаліціоннаго правительства.

Элементы кризиса, собственно, существовали съ самаго начала коалиціи, ибо они вытекали изъ двойственности ея состава и ея стремленій. Мы уже знаемъ, въ чемъ видѣли raison d'être своего существованія министры стараго кабинета, перешедшіе въ новый. Ихъ цѣлью было пріобрѣсти поддержку „революціонной демократіи" для политики, основной задачей которой они ставили поднятіе боеспособности арміи путемъ ея „демократизаціи" и доведеніе войны до „демократическаго" мира, но въ согласіи съ союзниками. Внутреннее противорѣчіе первой половины этой задачи вскрылось передъ нами въ изложенномъ только что процессѣ подготовки русскаго наступленія на фронтѣ и въ процессѣ фактическаго распада Россіи, тѣсно связаннаго съ такимъ же распадомъ ея вооруженной силы. Мы увидимъ теперь, какъ вскрылось то же внутреннее противорѣчіе навязанныхъ извнѣ, по существу разрушительныхъ, „квази-демократическихъ" задачъ нашей внѣшней политики съ сохраненіемъ прежнихъ нормальныхъ методовъ этой политики и ея нормальныхъ отношеній къ союзникамъ.

„Извѣстія Совѣта р. и с. д.", комментируя декларацію новаго коаліціоннаго правительства по внѣшней политикѣ, усматривали главную разницу между поведеніемъ новаго и прежняго правительства въ томъ, что „временное правительство перваго состава ни-

когда не решилось бы опираться въ своей внѣшней политикѣ на союзныя демократіи. Милюковъ считался лишь съ оффиціальной демократіей, съ господствующими классами, съ правительствами союзныхъ странъ... Отнынѣ россійская демократія, не порывая съ правительствами союзныхъ странъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ головы этихъ правительствъ, обращается къ народамъ. И силу въ своей борьбѣ за миръ дипломатія будетъ черпать отнынѣ въ сочувствіи и поддержкѣ народныхъ массъ. Такимъ образомъ, внѣшняя политика новаго временнаго правительства является точнымъ выраженіемъ требованій революціонной демократіи" (№ 61, отъ 9-го мая).

Въ своихъ воззваніяхъ „къ соціалистамъ всѣхъ странъ" и „къ арміи" („Извѣстія" № 55, отъ 2-го мая), изданныхъ во время министерскаго кризиса, совѣтъ гораздо опредѣленнѣе формулировалъ свою циммервальдскую позицію. Возражая лишь противъ „сепаратнаго мира" и признавая, что „иной разъ" бываетъ нужно и наступленіе, совѣтъ во всемъ остальномъ совершенно уравнивалъ въ своей оцѣнкѣ „имперіалистовъ" всѣхъ странъ, признавая русскую революцію лишь „первымъ крикомъ возмущенія одного изъ отрядовъ международной арміи труда противъ преступленій международнаго имперіализма". Такъ говорить, „черезъ головы правительствъ", русская дипломатія, конечно, не могла, почему и не имѣла возможности служить „точнымъ выраженіемъ" воли „революціонной демократіи". Иначе понадобилось бы разрушить весь техническій аппаратъ дипломатіи, какъ разрушался уже въ процессѣ „демократизаціи" техническій аппаратъ арміи. Надо отдать справедливость М. И. Терещенко: такъ далеко онъ не пошелъ, сохранивъ не только дипломатическій аппаратъ, но его болѣе или менѣе правильное функціонированіе по существу. При его управленіи союзные дипломаты знали, что „демократическая" терминологія его депешъ является невольной уступкой требованіямъ момента— и относились къ ней снисходительно, пока расчитывали, что уступками по формѣ они выиграютъ по существу. Но наступали, наконецъ, такіе моменты, когда это молчаливое согласіе правительства съ совѣтомъ р. и с. д., съ одной стороны, а съ другой стороны, съ союзной дипломатіей упирался въ границы, перейти которыя было нельзя. И тогда должно было вскрыться для совѣтовъ, что политика М. И. Терещенко была, въ сущности, лишь „продолженіемъ политики П. Н. Милюкова", а для союзниковъ, что всѣ принесенныя ими жертвы не увеличили способности русской революціи къ реальной поддержкѣ союзнаго дѣла. Нужно прибавить, что разочарованіе совѣта и союзниковъ наступило одновременно, ибо именно напоръ циммервальдцевъ въ совѣтѣ сдѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшее молчаніе союзниковъ.

Собственно, отвѣты союзниковъ на декларацію правительства о внѣшней политикѣ 28 марта и на ноту П. Н. Милюкова 18 апрѣля, препровождавшую эту декларацію, были получены уже въ послѣдніе дни министерства Милюкова. Какъ и можно было ожидать, эти отвѣты держались въ предѣлахъ послѣдней ноты, а по отношенію къ принципіальнымъ заявленіямъ 28 марта были вѣжливо-уклончивы. Въ ожиданіи своего ухода и по спеціальной просьбѣ Некрасова и Терещенко П. Н. Милюковъ задержалъ опубликованіе этихъ отвѣтовъ. А для новаго правительства ихъ опубликованіе явилось бы тяжелымъ ударомъ съ самаго начала. Поэтому М. И. Терещенко попытался войти въ переговоры съ союзниками, чтобы получить другіе, болѣе для него удовлетворительные отвѣты. Правительственная декларація 6 мая сдѣлала необходимымъ, во всякомъ случаѣ, болѣе точный и опредѣленный отвѣтъ на основную формулу „безъ аннексій и контри-

буцій и т. д.", теперь уже оффиціально принятую вторымъ правительствомъ, а также и отвѣтъ на предложеніе, хотя и выраженное въ осторожной формѣ, о пересмотрѣ договоровъ и о созывѣ для этого особой союзной конференціи.

Министры-соціалисты, добившись отъ новаго министра иностр. дѣлъ немедленнаго оффиціальнаго увѣдомленія союзниковъ о новыхъ цѣляхъ войны, пожелали немедленно же переговорить лично съ англійскимъ и итальянскимъ послами (съ Тома они говорили и до вступленія въ министерство). По докладу Церетели на общемъ собраніи совѣта 13 мая, англійскій посолъ отвѣтилъ на заданные ему вопросы, какъ онъ относится къ новымъ принципамъ внѣшней политики и считаетъ ли возможнымъ приступить къ пересмотру договоровъ, довольно уклончиво: „общіе принципы разногласій не встрѣтятъ, а вопросъ о конкретныхъ рѣшеніяхъ рѣшитъ жизнь". Въ сущности, и изъ числа „конкретныхъ рѣшеній",—того типа, который у насъ считался „имперіалистическимъ",—Англіи приходилось измѣнять, по преимуществу, лишь то, что прямо ея не касалось. Уже 4 мая корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" сообщилъ изъ Англіи, что „имперіалистическія цѣли" извѣстнаго отвѣта Вильсону въ концѣ 1915 г., собственно, были, въ части, касавшейся Турціи и Австро-Венгріи, „лишь уступкой военной программѣ Россіи". „Ни расчлененіе Турціи, ни, тѣмъ паче, раздѣлъ Австро-Венгріи отнюдь не является краеугольнымъ камнемъ англійской военной политики",—и она охотно выброситъ ихъ за бортъ, если на нихъ не настаиваетъ болѣе Россія. Точно такъ же и вопросы о судьбѣ Эльзасъ-Лотарингіи и Тріента, объ автономіи Чехіи и Польши интересуютъ Англію лишь съ точки зрѣнія интересовъ ея союзниковъ". Если союзники отказываются отъ своихъ „интересовъ", то Англія противъ этого рѣшительно ничего имѣть не можетъ. Франція, въ лицѣ Альбера Тома, также не имѣла ничего противъ того, чтобы отказаться отъ „имперіалистическихъ" стремленій... Россіи, разумѣя подъ ними проливы и Константинополь. Теперь уже не секретъ, что въ числѣ нашихъ соглашеній было одно, въ которомъ весьма ярко проявлялись и французскія „имперіалистическія" цѣли: это—соглашеніе, подписанное въ февралѣ 1917 г. Н. Н. Покровскимъ о созданіи автономнаго государства-буфера на лѣвомъ берегу Рейна (обмѣнъ нотами 30 января и 1 февраля 1917 г., опубликованный большевиками). На несоотвѣтствующій демократическимъ принципамъ характеръ этого соглашенія указалъ Альберу Тома еще П. Н. Милюковъ. А Тома поставилъ отмѣну этого соглашенія условіемъ своего дальнѣйшаго пребыванія въ министерствѣ. По возвращеніи соціалистовъ Кашена и Муте изъ Россіи, въ закрытомъ засѣданіи французской палаты, это соглашеніе было оглашено и вызвало къ себѣ рѣзко-отрицательное отношеніе. Рибо согласился, повидимому, считать его недѣйствительнымъ; еще ранѣе онъ сдѣлалъ въ палатѣ заявленіе, что не имѣетъ вообще противъ опубликованія секретныхъ договоровъ, состоявшихся до войны. Такъ какъ, до войны единственнымъ секретнымъ договоромъ былъ франко-русскій союзъ, то заявленіе Рибо имѣло, конечно, исключительно демонстративное значеніе. Ни союзные договоры съ Италіей и Румыніей, заключенные передъ выступленіемъ, ни наши соглашенія съ союзниками относительно Турціи и Малой Азіи сюда не входили. Между тѣмъ, Рибо поставилъ свой отказъ отъ соглашенія относительно лѣваго берега Рейна въ связь съ (предполагаемымъ) русскимъ отказомъ отъ проливовъ и Константинополя. Все это очень походило на желаніе союзниковъ воспользоваться труднымъ положеніемъ Россіи, чтобы освободиться отъ той доли обязательствъ, которая возлагалась на нихъ ихъ соглашеніемъ съ Россіей. П. Н. Милюковъ

въ своей отвѣтной рѣчи Альберу Тома по поводу его прощальной рѣчи въ засѣданіи академическаго союза прямо указалъ на опасность такого исхода при предполагаемомъ пересмотрѣ договоровъ для всѣхъ будущихъ отношеній Россіи къ ея союзникамъ. И надо опять таки отдать справедливость М. И. Терещенко: онъ не допустилъ нашихъ союзниковъ воспользоваться неблагопріятнымъ положеніемъ Россіи для отказа отъ обязательствъ. Въ напечатанныхъ большевиками секретныхъ документахъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ имѣется одинъ, который снимаетъ съ М. И. Терещенко всякое обвиненіе въ этомъ. 11 сентября онъ категорически заявилъ нашему повѣренному въ Парижѣ, что „ни въ обмѣнѣ нотъ съ Палеологомъ (т. е. за время управленія П. Н. Милюкова), ни въ словесныхъ объясненіяхъ моихъ съ Нуленсомъ не возбуждался вопросъ о связи между февральскимъ соглашеніемъ по поводу восточныхъ границъ Франціи и соглашеніемъ о Константинополѣ и проливахъ. Нуленсъ предложилъ мнѣ опубликовать одновременно съ соглашеніемъ о французскихъ границахъ договоры, заключенные до войны, т. е., собственно, русско-французскую военную конвенцію. На это я замѣтилъ, что подобное опубликованіе общеизвѣстнаго договора вызоветъ въ общественномъ мнѣніи полное недоумѣніе и новыя настоянія на приданіи гласности соглашеній, заключенныхъ уже во время войны. Между тѣмъ, оглашеніе оныхъ, и въ частности итальянскаго и румынскаго, признается, повидимому, нашими союзниками недопустимымъ.“ Еще опредѣленнѣе выражается телеграмма отъ 12 сентября. „Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ малоазійское соглашеніе не можетъ считаться стоящимъ особо. Выполненіе его зависитъ отъ выполненія соглашенія о проливахъ..... Малоазіатское соглашеніе не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ соглашенія о проливахъ и о Константинополѣ..... Такой точки зрѣнія благоволите держаться въ случаѣ дальнѣйшаго обмѣна мнѣній съ французскимъ правительствомъ“.

Такимъ образомъ, по существу, М. И. Терещенко продолжалъ политику П. Н. Милюкова, совершенно отказавшись отъ той точки зрѣнія на „аннексіи“, которой онъ держался при вступленіи въ министерство. Но это не мѣшало ему въ своихъ нотахъ союзникамъ дѣлать широкія словесныя уступки требованіямъ совѣта, когда эти требованія становились особенно настоятельными.

Въ первыя недѣли управленія коалиціоннаго правительства въ такихъ выступленіяхъ еще не было надобности, такъ какъ политика М. И. Терещенко считалась тожественной съ политикой совѣта, а союзники дали новому министру нѣкоторый кредитъ и выжидали, какъ выяснится положеніе. Изъ главы VI, посвященной вопросу о мирѣ, читатель узнаетъ, что къ концу мая положеніе выяснилось въ смыслѣ открытаго занятія совѣтомъ циммервальдской позиціи. Тогда дальнѣйшее молчаніе стало для союзниковъ невозможнымъ: заговорили ихъ министры въ палатахъ, и опубликованы были давно заготовленные отвѣты. Это побудило и наше министерство сдѣлать новые авансы совѣту.

Отклики враговъ и союзниковъ на циммервальдскую формулу.

Первымъ оффиціальнымъ откликомъ на формулу мира „безъ аннексій и контрибуцій“ была рѣчь Бетмана-Гольвега 2-го мая. Вопреки распространявшимся слухамъ, что германскій канцлеръ, наконецъ, объявитъ на Пасху условія мира, Бетманъ-Гольвегъ остался на своей прежней точкѣ зрѣнія: говорить объ условіяхъ мира преждевременно, впредь

до исхода военной борьбы, и онъ, канцлеръ, не зависитъ въ своей программѣ мира ни отъ правыхъ, ни отъ лѣвыхъ. Но на этотъ разъ нѣсколько рѣзче канцлеръ отгородился именно отъ лѣвыхъ, отъ Шейдемана. „Я не дамъ сбить себя съ пути", говорилъ канцлеръ, „тѣми словами, которыя Шейдеманъ счелъ себя въ правѣ бросить въ народъ... о возможности революціи. Германскій народъ, вмѣстѣ со мной, не послушаетъ этого слова". Что касается формулы, Бетманъ-Гольвегъ заявилъ: „неужели мнѣ слѣдуетъ односторонне втиснуть всѣ многообразныя потребности германской имперіи въ одну формулу, которая охватываетъ лишь часть всей совокупности условій мира, жертвуетъ успѣхами, достигнутыми кровью нашихъ сыновъ и братьевъ и оставляетъ невыясненными всѣ прочіе счеты? Отъ такой политики я отказываюсь... Она привела бы къ длительному ущербу для всѣхъ жизненныхъ интересовъ нашего народа, вплоть до послѣдняго рабочаго; она означала бы отказъ отъ всей будущности нашего отечества". Отказался Бетманъ-Гольвегъ выставить и программу „завоевательную". „Завоевательная программа, такъ же, какъ и программа отказа отъ военныхъ пріобрѣтеній, не поможетъ намъ достигнуть побѣды и окончить войну". Что касается отказа Россіи отъ завоевательныхъ намѣреній, канцлеръ высказывалъ сомнѣніе, удастся ли ей повліять въ этомъ отношеніи на союзниковъ. Заявляя, что Англія постарается „заставить Россію и впредь везти англійскую колесницу", Бетманъ-Гольвегъ предлагалъ Россіи, въ сущности, сепаратный миръ: „мы не уничтожимъ возможности въ будущемъ прочныхъ добрососѣдскихъ отношеній и не выставимъ требованій, могущихъ препятствовать ихъ развитію и несовмѣстимыхъ со стремленіями народовъ къ свободѣ".

Разумѣется, и союзники не захотѣли стать на отвлеченную позицію совѣта и постарались истолковать совѣтскую формулу, ставшую оффиціальной, въ смыслѣ полнаго соотвѣтствія ихъ собственнымъ стремленіямъ. 9-го мая Рибо произнесъ во французской палатѣ рѣчь, въ которой воспользовался собственными заявленіями Терещенко, чтобы спасти отъ совѣтской формулы Эльзасъ-Лотарингію и „возмѣщеніе причиненнаго ущерба". Ссылаясь на свою декларацію при вступленіи въ министерство вмѣсто Бріана, Рибо заявилъ, что можетъ дать удовлетворительный отвѣтъ Терещенкѣ, „ни отъ чего не отказываясь". „Я сказалъ тогда, что мы будемъ продолжать борьбу не въ цѣляхъ завоеванія и порабощенія народовъ, а одушевленные твердой рѣшимостью вернуть то, что и намъ принадлежитъ". И онъ ссылался на Вильсона въ подтвержденіе мысли, что достигнуть мира „можно лишь при условіи сокрушенія аггрессивнаго военнаго деспотизма, таящаго въ себѣ вѣчную угрозу". А это можно сдѣлать только продолженіемъ войны,—„и пусть реорганизованная русская армія докажетъ мощнымъ наступленіемъ, что она понимаетъ обращенный къ ней призывъ".

Еще ранѣе, чѣмъ Рибо, Асквитъ попытался истолковать русскую формулу въ смыслѣ, пріемлемомъ для союзниковъ (нужно прибавить: и для самой Россіи). Онъ указалъ, что терминъ „аннексія" двусмысленъ и что, по крайней мѣрѣ, въ трехъ смыслахъ „аннексія" вполнѣ допустима и не должна быть подводима подъ это одіозное понятіе. Это, во первыхъ, когда рѣчь идетъ объ освобожденіи угнетенныхъ народностей, во вторыхъ, когда имѣется въ виду ихъ объединеніе изъ разрозненныхъ частей, принадлежащихъ разнымъ государствамъ, и, въ третьихъ, „аннексія" можетъ быть желательна для передачи суверенныхъ правъ на территорію, необходимую для обладанія стратегическими позиціями, которыя нужны не для нападенія, а для самообороны и для защиты отъ на-

паденій въ будущемъ. „Такая аннексія“, прибавлялъ Асквитъ, „вполнѣ оправдывается, если вы можете доказать на основаніи опыта этой войны, что до тѣхъ поръ, пока вы не будете обладать этими позиціями, вы будете подвергаться постоянной опасности нападенія“. Толкованіе это, несомнѣнно, вполнѣ подходило не только къ задачамъ Англіи, Франціи и Италіи, но и къ нашему требованію проливовъ. Оффиціальныя заявленія британскаго правительства не могли быть такъ опредѣленны, но они клонились въ ту же сторону. Когда въ засѣданіи палаты общинъ 4 мая, извѣстный enfant terrible англійскаго пацифизма, Филиппъ Сноуденъ, потребовалъ, чтобы британское правительство присоединилось къ точкѣ зрѣнія русскаго совѣта, то Робертъ Сесиль отвѣтилъ обстоятельной рѣчью, въ которой воспользовался нѣкоторыми возраженіями Рамсея Макдональда, чтобы доказать, что формула „миръ безъ аннексій и контрибуцій“ неясна и неправильна. Какъ быть съ Аравіей, съ Арменіей, съ Эльзасъ-Лотарингіей, съ итальянской ирредентой, спрашивалъ министръ блокады, если принять „миръ безъ аннексій“? „Мнѣ хотѣлось бы указать тѣмъ, кому подобныя формулы кажутся привлекательными, что, хотя и вѣрно, что совершеніе такихъ актовъ справедливости—недостаточная причина для начала войны, но разъ война открываетъ возможность ихъ осуществленія, то требованіе отказаться отъ нихъ и пожертвовать достигнутыми, весьма желательными результатами принимаетъ другой характеръ“. Точно такъ же и требованіе „безъ контрибуцій“ несовмѣстимо съ возмѣщеніемъ убытковъ Бельгіи, Сербіи, сѣверныхъ провинцій Франціи. Однако же, сдѣлавъ эти оговорки, лордъ Сесиль присоединился къ формулѣ русскаго правительства и категорически заявилъ: „мы начали эту войну, не имѣя въ виду никакихъ имперіалистическихъ завоеваній или увеличеній территоріи. Ни одному англичанину не приходило это въ голову, когда мы вступили въ эту войну. Никто изъ насъ не желаетъ ничего подобнаго завоеванію или увеличенію территоріи“. Онъ повторилъ это заявленіе 10 мая, когда пацифисты возобновили атаку въ лицѣ Оутвейта и Тревеліана, утверждавшихъ, что пренія 3 и 4 мая въ палатѣ произвели въ Россіи „неблагопріятное впечатлѣніе“. „Я охотно вновь подтверждаю“, заявилъ онъ, „что послѣднее заявленіе обновленнаго русскаго правительства соотвѣтствуетъ этой политикѣ“ („прочнаго мира, основаннаго на національной свободѣ и международной дружбѣ“, съ устраненіемъ „всякихъ имперіалистическихъ цѣлей, основанныхъ на завоеваніи“).

Истолкованіемъ русской формулы въ пріемлемомъ для союзниковъ смыслѣ дѣло и ограничилось бы, если бы не было дальнѣйшаго требованія совѣта о пересмотрѣ договоровъ и о созывѣ, кромѣ конференцій союзниковъ, еще и общей международной соціалистической конференціи, съ участіемъ представителей всѣхъ интернаціональныхъ партій. Переговоры объ этомъ между совѣтомъ и соціалистами изложены въ другомъ мѣстѣ (см. VI главу). Для правительства дѣло усложнялось тѣмъ, что, съ одной стороны, въ составѣ союзныхъ правительствъ были министры-соціалисты, упорно игнорировавшіе полную невозможность свести совѣтъ съ циммервальдской позиціи и пытавшіеся найти „общій языкъ“ съ нимъ; съ другой стороны, крайнія лѣвыя меньшинства въ союзныхъ странахъ также поддерживали предполагаемыхъ единомышленниковъ въ русскомъ совѣтѣ. Союзныя правительства старались пойти навстрѣчу радикальнымъ требованіямъ этихъ группъ такъ далеко, какъ было только возможно. Но, въ концѣ концовъ, пренія въ палатахъ союзныхъ странъ вполнѣ установили, что примирить требованія совѣта съ союзническими интересами, вопреки утвержденіямъ Тома и Гендерсона, было совершенно невозможно.

Наиболѣе склоннымъ къ уступкамъ и наиболѣе терпимымъ оказалось британское правительство. Предметомъ пререканій были здѣсь обвиненія въ нежеланіи пропустить въ Россію русскихъ эмигрантовъ интернаціоналистскаго оттѣнка и дать паспорта британскимъ соціалистамъ, раздѣлявшимъ тѣ же крайнія мнѣнія. Въ засѣданіи палаты общинъ 30 мая Бонаръ Лоу подробно объяснилъ, почему британское правительство въ этомъ послѣднемъ вопросѣ измѣнило свое первоначальное мнѣніе, клонившееся къ тому, чтобы не допускать пріѣзда въ Россію лицъ, не представлявшихъ мнѣнія британскаго народа. Бонаръ Лоу привелъ телеграммы Бьюкенена отъ 8 и 14 мая, въ которыхъ британскій посолъ въ Петроградѣ передавалъ желаніе М. И. Терещенко, чтобы, помимо уже отправившагося въ Россію Гендерсона, была допущена и поѣздка соціалистовъ группы Макдональда. Вандервельде, и О'Греди убѣдили Бьюкенена, что поѣздка Макдональда будетъ не вредна, а полезна; и самъ Макдональдъ заявлялъ, что въ Петроградѣ будетъ бороться противъ стремленій къ сепаратному миру и будетъ доказывать русскимъ соціалистамъ, что ихъ свобода зависитъ отъ успѣшнаго исхода войны. На новый запросъ британскаго военнаго кабинета („такъ какъ здѣсь возникло сильное теченіе противъ выдачи разрѣшенія, ибо взгляды Макдональда не соотвѣтствуютъ мнѣніямъ британскаго рабочаго класса"), Бьюкененъ и Гендерсонъ еще разъ отвѣтили, что отказъ былъ бы большой ошибкой. „Не слѣдуетъ опасаться слишкомъ большого вреда отъ этой поѣздки," доказывали они; „серьезнѣе была бы опасность раздражить совѣтъ р. и с. д. въ тотъ моментъ, когда проявляются признаки улучшенія въ его отношеніяхъ къ правительству. Эта опасность больше, чѣмъ опасность распространенія, при настоящихъ условіяхъ, пацифистскихъ мнѣній." И Бонаръ Лоу выбралъ „меньшее зло", имѣя въ виду „облегчить русскому правительству задачу" создать такое настроеніе въ Россіи, при которомъ „новая Россія можетъ оказать намъ помощь въ ведущейся нами борьбѣ за свободу".

„Сильное движеніе противъ выдачи паспортовъ" не было, однако, остановлено этимъ рѣшеніемъ правительства. Британскіе рабочіе считали, что послѣ отказа британской рабочей партіи послать делегатовъ въ Петроградъ и въ Стокгольмъ, сравнительно малочисленная „независимая" рабочая партія не имѣетъ права фальсифицировать мнѣніе британскихъ рабочихъ. Это настроеніе особенно усилилось послѣ того, какъ рабочій конгрессъ въ Лидсѣ сталъ на точку зрѣнія русскаго совѣта и постановилъ организовать совѣты рабочихъ депутатовъ въ Англіи. Лига британскихъ рабочихъ требовала отъ правительства отобранія паспортовъ у Макдональда и Джоэтта, делегатовъ „независимой рабочей партіи." 23-го мая конференція союза матросовъ и кочегаровъ предложила своимъ членамъ „отказаться отъ плаванія на судахъ, перевозящихъ пацифистовъ", если они не дадутъ подписки добиваться отъ германцевъ и въ Петроградѣ, и въ Стокгольмѣ, самыхъ широкихъ компенсацій родственниковъ моряковъ, погибшихъ отъ подводныхъ лодокъ. Дѣйствительно, 28-го мая мистрисъ Панкхэрстъ, давшая такое обѣщаніе, была допущена сѣсть на пароходъ, но шедшій вслѣдъ за ней Рамсей Макдональдъ былъ задержанъ и принужденъ былъ вернуться въ Лондонъ. 29-го мая на Трафальгарскомъ скверѣ состоялась грандіозная манифестація, протестовавшая противъ выдачи паспортовъ и выражавшая сочувствіе рѣшенію матросовъ. Хэвлокъ Вильсонъ, представитель матросовъ, сдѣлалъ Макдональду на этомъ митингѣ „честное предложеніе": пусть онъ соберетъ за себя изъ трехъ съ половиной милліоновъ организованныхъ рабочихъ хотя бы полмилліона и пусть тогда ѣдетъ. Если же онъ не сможетъ собрать даже такого меньшин-

ства, то пусть откажется отъ поѣздки. Нечего и говорить, что пятьсотъ тысячъ голосовъ для „независимой" рабочей партіи были недосягаемой цифрой. На собравшейся 15-го іюня конференціи союза матросовъ поведеніе союза было одобрено 474,700 голосами, и только 52,994 голосовали противъ.

Во Франціи правительство дѣйствовало рѣшительнѣе. Въ своихъ выступленіяхъ передъ палатами 19-го и 24 мая по вопросу объ отношеніи правительства къ Стокгольмской конференціи Рибо рѣшительно заявилъ, что вопросъ о мирѣ не можетъ быть дѣломъ партійнымъ, а долженъ быть дѣломъ правительства, олицетворяющаго волю народа; что вредно и опасно „внушать странѣ мысль, что миръ уже близокъ,—мысль, которая можетъ быть вызвана этого рода совѣщаніями" и что „миръ можетъ быть достигнутъ только путемъ побѣды". „Правительство выдастъ паспорта для поѣздки въ Петроградъ только въ томъ случаѣ, если, при проѣздѣ черезъ Стокгольмъ, французскіе представители не подвергнутся, помимо своей воли, опасности встрѣтиться съ агентами непріятельскихъ странъ." Какъ Бонаръ Лоу, такъ и Рибо опредѣленно намекали на то, что „соблазнительныя формулы", „всеобъемлющія и двусмысленныя", являющіяся „ловушкой" и отвергнутыя палатой, „возникли не въ Петроградѣ, а ввезены извнѣ, и происхожденіе ихъ слишкомъ ясно."

Фіаско внѣшней политики совѣта.

При такомъ настроеніи, выяснившемся къ концу мая, союзныя правительства рѣшили настоять на опубликованіи своихъ оффиціальныхъ отвѣтовъ на ноту Терещенко отъ 3-го мая, возвѣщавшую новый курсъ русской внѣшней политики. Отвѣты эти лежали въ министерствѣ уже давно—англійскій съ 11 мая, американскій съ 12-го мая и французскій съ 13-го мая. Попытки М. И. Терещенко внести въ нихъ измѣненія, которыя бы сдѣлали ихъ пріемлемыми для совѣта р. и с. д. увѣнчались лишь очень слабымъ успѣхомъ для англійской и французской ноты, и не имѣли никакого успѣха съ американской нотой, отсрочивъ лишь на день ея опубликованіе. 27-го мая были опубликованы первыя двѣ, 28-го мая—послѣдняя. Англійская нота заявляла, что британское правительство „сердечно раздѣляетъ чувство" русской ноты; „оно вступило въ эту войну, не какъ въ завоевательную", а для того, чтобы „побудить къ уваженію международныхъ обязательствъ", къ чему „прибавлено нынѣ освобожденіе народностей, угнетенныхъ чужой тираніей." Но нота осторожно напоминала, что вѣдь „свободная Россія объявила намѣреніе освободить Польшу", не только русскую, но и германскую. Она напоминала и то, что „мы должны искать установленія такого порядка, который... откинетъ всякіе законные поводы къ будущей войнѣ." „Объединяясь съ русскимъ союзникомъ въ принятіи и одобреніи" принциповъ посланія Вильсона къ конгрессу, британское правительство заявляло, что въ „общихъ чертахъ соглашенія, заключавшіяся отъ времени до времени союзниками, сообразуются съ указанными рамками." Однако же, „если русское правительство того желаетъ, британское правительство совершенно готово изслѣдовать со своими союзниками и, если нужно, пересмотрѣть эти соглашенія". Французская нота была еще опредѣленнѣе. Сославшись на декларацію 27-го марта, которую правительство республики „приняло съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія", и умолчавъ о новой нотѣ 3-го мая, французская нота и въ дальнѣйшемъ отвѣчала, собственно, на ноту П. Н. Милюкова отъ 18-го апрѣля. „Правительство республики раздѣляетъ вѣру времен-

наго правительства въ возстановленіе политической, экономической и военной мощи страны. Оно не сомнѣвается, что провозглашенныя мѣры, имѣющія цѣлью улучшить условія, при которыхъ русскій народъ намѣренъ продолжать войну до побѣды надъ врагомъ, болѣе чѣмъ когда либо угрожающимъ его національному достоянію, позволятъ ему прогнать врага изъ своей земли... и тѣмъ принять дѣятельное участіе въ совмѣстной борьбѣ союзниковъ. Такимъ образомъ, будутъ сведены на-нѣтъ усилія, постоянно возобновляемыя нашими противниками съ цѣлью посѣять раздоръ между союзниками и укрѣпить ложные слухи объ ихъ взаимныхъ рѣшеніяхъ". Далѣе дѣлался рядъ оговорокъ по поводу русской формулы. „Франція не помышляетъ притѣснять ни одного народа, ни одной національности—даже находящейся нынѣ въ числѣ ея враговъ. Но она желаетъ, чтобы гнетъ, тяготѣвшій надъ міромъ, былъ, наконецъ, уничтоженъ и чтобы были наказаны тѣ, кто содѣялъ поступки, покрывшіе позоромъ нашихъ враговъ въ этой войнѣ". Франція „предоставляетъ своимъ врагамъ захватные и корыстные помыслы," сама она „вступила въ войну только для защиты своей свободы и національнаго достоянія и для обезпеченія въ будущемъ всему міру уваженія къ независимости народовъ". Къ упоминанію о „независимости Польши, провозглашенной Россіей", нота присоединяла восторженное привѣтствіе „усиліямъ народовъ, дѣлаемымъ въ разныхъ частяхъ міра,—народовъ, еще находящихся въ оковахъ зависимости, осужденной исторіей". Прямо и опредѣленно нота заявляла, что ко всѣмъ этимъ задачамъ, преслѣдующимъ „побѣду права и справедливости", Франція „сама" присоединяетъ одну: „она желаетъ возвращенія вѣрныхъ и преданныхъ ей областей—Эльзаса и Лотарингіи" и „возмѣщеніе убытковъ за столь безчеловѣчныя опустошенія, а также необходимыхъ гарантій для предупрежденія въ будущемъ несчастій, причиняемыхъ непростительной провокаціей нашего врага". Высказавъ увѣренность, что „только проникнутая этимъ принципомъ русская внѣшняя политика достигнетъ цѣли" и что „только послѣ побѣдной борьбы союзники могутъ создать прочный и длительный миръ на основѣ права", нота кончала очень осторожнымъ „увѣреніемъ", что французское правительство „преисполнено желанія придти къ соглашенію не только по вопросу о способѣ продолженія войны (это составляло обычную задачу союзныхъ конференцій).... но также и объ ея окончаніи" путемъ изученія и установленія съ общаго согласія условій, при которыхъ союзники могутъ расчитывать на достиженіе окончательнаго рѣшенія, согласно съ тѣми идеями, которыми они руководились при веденіи настоящей войны.

Всего непріятнѣе для М. И. Терещенко оказался текстъ американской ноты, въ которой Френсисъ не согласился измѣнить ни одного слова. Имя Вильсона у нашихъ радикаловъ внѣшней политики пользовалось особымъ почетомъ. Развѣ не заявилъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, что онъ желаетъ „мира безъ побѣды" и что перевѣсъ одной изъ сторонъ неизбѣжно сдѣлаетъ миръ несправедливымъ и непрочнымъ. Поклонники Вильсона закрывали глаза на тотъ несомнѣнный фактъ, что своимъ вступленіемъ въ войну Америка окончательно признала справедливымъ дѣло одной изъ борющихся сторонъ и тѣмъ самымъ покинула позицію „мира безъ побѣды". Американскій отвѣтъ на русскія отвлеченныя формулы долженъ былъ выяснить это до конца, и, разрушивъ послѣднія иллюзіи, окончательно отнять почву у новаго курса внѣшней русской поли-

тики. Вильсонъ былъ въ этомъ отношеніи безжалостенъ и сразу, въ самомъ началѣ своей ноты, ударилъ въ самое больное мѣсто этого новаго курса. „Приближается къ Россіи американская делегація, чтобы.... обсудить наилучшіе способы сотрудничества",— такъ начиналась эта нота; а между тѣмъ „въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ недѣль" самыя задачи этого сотрудничества „значительно затуманивались ошибочными и неправильными утвержденіями". Вильсонъ тутъ же указалъ съ обычной своей прямотой источникъ этихъ „неправильныхъ утвержденій". „Война стала складываться противъ Германіи. Германскіе правящіе круги проявляютъ отчаянное желаніе спастись отъ неизбѣжнаго пораженія. Для этого они примѣняютъ всѣ рѣшительно средства, какія находятся въ ихъ распоряженіи". Въ частности, „они прибѣгаютъ даже къ пользованію вліяніемъ тѣхъ группъ и партій нѣмецкихъ подданныхъ, къ которымъ сами они никогда не относились справедливо, прилично или хотя бы терпимо. Черезъ ихъ посредство они налаживаютъ пропаганду по обѣимъ сторонамъ океана, съ цѣлью сохранить за собой вліяніе дома и власть за границей, на пагубу тѣхъ самыхъ людей, которыми они пользуются".

Чего добивается Германія? Американская нота отвѣчаетъ точно и правильно: она „ищетъ залога, чтобы война кончилась возстановленіемъ status quo ante". „Можемъ ли мы допустить возстановленіе status quo ante bellum?" Нѣтъ. Вѣдь „именно изъ status quo ante возникла настоящая неправедная война,—именно изъ мощи германскаго правительства внутри имперіи и изъ широко распространеннаго господства и вліянія его внѣ этой имперіи". „Правящіе классы въ Германіи... несправедливо пріобрѣли для себя и для своихъ частныхъ властолюбивыхъ плановъ своекорыстныя преимущества по всему пути отъ Берлина до Багдада и далѣе. Иностранныя правительства, одно за другимъ, оказались, благодаря этому вліянію, хотя и безъ открытаго завоеванія ихъ территорій, запутанными въ сѣть интригъ, направленныхъ не противъ чего-либо меньшаго, какъ миръ и свобода міра". Вотъ тотъ status quo, который „долженъ быть измѣненъ такимъ способомъ, который помѣшалъ бы когда-либо снова произойти такой чудовищной вещи"; и для этого „петли интриги должны быть разорваны... путемъ исправленія уже причиненныхъ золъ, и мѣры должны быть приняты для предотвращенія возможности когда-либо снова сплести или починить эту сѣть".

Чего хочетъ Америка? „Ея положеніе въ настоящей войнѣ", говоритъ нота, „такъ ясно и гласно, что никто не можетъ отговариваться непониманіемъ". Эта ясность положенія Америки и была рѣшительнымъ камнемъ преткновенія для идеологіи русскаго совѣта. „Америка не ищетъ ни матеріальной пользы, ни какого бы то ни было приращенія. Она сражается не за выгоду или своекорыстную задачу". И, однако, она сражается: мало того, она н а ч а л а сражаться, со всѣмъ свѣжимъ пыломъ неистраченныхъ силъ и нетронутаго энтузіазма, когда въ Россіи заговорили о „разбойнической" войнѣ „имперіалистическихъ правительствъ". Въ приведенныхъ цитатахъ уже указана отрицательная задача участія Америки въ войнѣ: мы знаемъ, чего больше н е х о ч е т ъ Америка. Чего же она добивается въ положительномъ смыслѣ? Вильсонъ отвѣчаетъ однимъ изъ своихъ удивительныхъ опредѣленій, въ которыхъ сложность и глубина мысли борятся съ ясностью и точностью выраженія. „Братство человѣчества не должно быть долѣе красивою, но пустою фразой. Ему надо дать строеніе силы и реальности. Націи должны осуществить общую свою жизнь и учредить дѣйственное сотрудничество для обезпеченія

этой жизни противъ нападеній самодержавной и себялюбивой власти. Для этихъ цѣлей мы можемъ расточать свою кровь и достояніе, ибо мы всегда этихъ цѣлей желали. Если мы теперь не будемъ расточать на нихъ крови и благосостоянія и не получимъ успѣха, то, быть можетъ, мы никогда не будемъ способны снова объединиться и составить силу для великаго дѣла человѣческой свободы. Насталъ день одержать верхъ или покориться. Если силы автократіи смогутъ насъ подавить, то онѣ подавятъ. Если мы останемся объединены, то побѣда обезпечена, и она дастъ намъ свободу. Тогда мы сможемъ быть великодушны: но ни тогда, ни теперь, мы не должны быть слабы; не должны упустить ни одного средства обезпечить справедливость и безопасность".

Новый курсъ внѣшней политики потерпѣлъ, такимъ образомъ, очевидное для всѣхъ фіаско. „Можно по этому поводу негодовать, можно наговорить множество жалкихъ словъ", писала газета „День", „можно громить буржуазію, можно попытаться замолчать или заговорить правду—это дѣло вкуса, но шила въ мѣшкѣ не утаишь... Съ демократической Россіей заговорили такъ, какъ не осмѣливались говорить съ царской Россіей... Первоначально насъ испугались..., но дни шли за днями, и трезвые политики за границей присмотрѣлись къ тому, что у насъ происходитъ, и сдѣлали свои выводы".

Новыя уступки М. И. Терещенко совѣту.

Все негодованіе теперь, послѣ всѣхъ прежнихъ выходокъ противъ Англіи и Франціи, обрушивалось на Вудро Вильсона. „Слово за народами", писали теперь „Извѣстія Совѣта р. и с. д.". „Президентъ Вильсонъ ошибается, если думаетъ, что такія мысли могутъ найти доступъ къ сердцу революціоннаго народа. Россійская революціонная демократія слишкомъ хорошо и твердо знаетъ, что путь къ страстно ожидаемому всеобщему миру лежитъ только черезъ объединенную борьбу трудящихся всего міра съ міровымъ имперіализмомъ. Ее не могутъ, поэтому, сбить никакія туманныя высокопарныя фразы. И само собой понятно, какія чувства вызоветъ въ ней странная претензія изобразить все болѣе и болѣе возрождающійся въ международномъ соціализмѣ духъ братства и мира какъ... результатъ нѣмецкой интриги". Однако же, оффиціозъ коалиціоннаго правительства счелъ за лучшее подавить въ себѣ эти „чувства" и признать въ отвѣтахъ союзниковъ два шага впередъ по пути, намѣченномъ „революціонной демократіей": во-первыхъ, „признаніе принципа" и, во-вторыхъ, „согласіе на пересмотръ договоровъ". „Наше правительство", заявляли „Извѣстія" отъ 13-го мая, „сумѣетъ сдѣлать изъ этого согласія надлежащіе выводы, а именно, превратить пересмотръ договоровъ въ коренное измѣненіе ихъ въ томъ направленіи, котораго требуетъ революціонная Россія", вытравивши изъ договоровъ, при помощи „народовъ Англіи и Франціи", „все, въ чемъ могъ найти прибѣжище имперіализмъ". Къ этому требованію присоединился и органъ меньшевиковъ с.-д. („Рабочая Газета"). „Англійская и французская буржуазія", говорила газета 28 мая, „готова перемѣнить флагъ, но подъ новымъ флагомъ они желаютъ провезти старый грузъ... На такой почвѣ никакого соглашенія между нами и ими быть не можетъ... Но, въ такомъ случаѣ, послать ультимативную ноту и, въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта, рвать съ союзниками? Нѣтъ, конечно нѣтъ... Должна быть сдѣлана попытка пересмотра (прежняго соглашенія между союзниками) путемъ специально созванной конференціи представителей союзныхъ правительствъ".

Ближайшій шагъ М. И. Терещенко, въ отвѣтъ на полученныя ноты союзниковъ, былъ, такимъ образомъ, предуказанъ. 31 мая М. И. Терещенко передалъ Альберу Тома, при его прощальномъ визитѣ, слѣдующую ноту, опубликованную затѣмъ 3-го іюня. „Русская революція является не только переворотомъ во внутреннемъ строѣ Россіи, но и могучимъ идейнымъ движеніемъ, выявившимъ волю русскаго народа въ стремленіи къ равенству, свободѣ и справедливости какъ во внутренней жизни государства, такъ и въ области международныхъ отношеній. Въ волѣ этой члены русскаго революціоннаго правительства почерпаютъ свои силы; въ служеніи ей — ихъ долгъ и задача". Послѣ этого введенія нота повторяла сакраментальныя фразы совѣтскаго пацифизма о „стремленіи къ достиженію всеобщаго мира на основаніяхъ, исключающихъ всякое насиліе, откуда бы оно ни исходило, равно какъ и всякіе имперіалистическіе замыслы, въ какой бы формѣ они ни проявлялись", и о томъ, что „вѣрный этимъ принципамъ русскій народъ твердо рѣшилъ бороться съ явными или скрытыми имперіалистическими замыслами нашихъ противниковъ какъ въ политической, такъ и въ финансовой или экономической области". Подчеркнувъ этимъ свое разногласіе съ формулами союзниковъ, М. И. Терещенко указывалъ далѣе и на тотъ способъ устраненія этого разногласія, который былъ уже предрѣшенъ. „Если въ отношеніи цѣлей, преслѣдуемыхъ на войнѣ, и могутъ проявляться различія во взглядахъ между нашимъ и союзными правительствами, мы не сомнѣваемся, однако, что такое единеніе между Россіей и ея союзниками обезпечитъ въ полной мѣрѣ общее соглашеніе по всѣмъ вопросамъ на основаніи выставленныхъ русской революціей принциповъ". „Привѣтствуя рѣшенія тѣхъ союзныхъ державъ, которыя изъявили готовность идти навстрѣчу желанію русскаго правительства подвергнуть пересмотру соглашенія, касающіяся конечныхъ задачъ войны", нота предлагала „созвать для этой цѣли конференцію представителей союзныхъ державъ, которая могла бы состояться въ ближайшее время, когда создадутся для этого благопріятныя условія." Внѣ пересмотра объявлялось лишь одно соглашеніе (5 сент. 1914 г. въ Лондонѣ) о незаключеніи однимъ изъ союзниковъ сепаратнаго мира.

Заранѣе условленная съ вождями совѣта, русская нота была, конечно, встрѣчена совѣтской печатью съ полнымъ сочувствіемъ: это уже не „лживый дипломатическій языкъ Милюкова" („Раб. Газета" 4 іюня). Подчеркнутыя слова о „насиліи" и „имперіалистическихъ задачахъ" были истолкованы, какъ относящіяся также и къ союзникамъ: Россія этимъ „разрывала заколдованный кругъ всемірнаго имперіализма" и давала „борьбѣ русской революціи съ системой всемірнаго имперіализма" о „широкую международную постановку". Уклончивую фразу о „благопріятныхъ условіяхъ" оффиціозъ совѣта также толковалъ въ своемъ смыслѣ: такія условія создадутся, когда „международная борьба демократіи" „побудитъ правительства Англіи и Франціи пойти навстрѣчу требованіямъ россійской революціи." „Рѣшающую роль въ развитіи этой борьбы должна сыграть международная конференція, созываемая въ Стокгольмѣ по инициатпвѣ исполнительнаго комитета совѣта р. и с. д. Къ концу работъ этой конференціи вр. правительство и пріурочиваетъ постановку на практическую почву вопроса о пересмотрѣ договоровъ" („Извѣстія Совѣта р. и с. д." 4-го іюня). А такъ какъ къ этому времени уже начала выясняться проблематичность созыва Стокгольмской конференціи, то непримиримая идеологія совѣта и оппортунизмъ М. И. Терещенко легко

нашли примиреніе въ уклончивой фразѣ, отлагавшей пересмотръ договоровъ ad calendas graecas. Совѣтскій оффиціозъ могъ заявлять, что нота Терещенко „знаменуетъ собой рѣшительный поворотъ въ методахъ международной политики Европы“ (тамъ же), а европейская дипломатія могла безъ особаго труда примириться съ новой русской фразеологіей, тѣмъ болѣе, что тутъ же М. И. Терещенко давалъ союзникамъ и дружественной къ нимъ части русскаго общественнаго мнѣнія яркій реваншъ. Въ одинъ день со своей нотой министръ иностранныхъ дѣлъ опубликовалъ перехваченную переписку Роберта Гримма съ федеральнымъ совѣтникомъ Гофманомъ объ условіяхъ германскаго мира (см. VI главу); къ этому документу были приложены спутанныя объясненія Гримма, данныя Церетели и Скобелеву, двумъ министрамъ, гарантировавшимъ Терещенко благонадежность Гримма при его въѣздѣ въ Россію. Объясненія Гримма, по сообщенію правительства, были признаны Скобелевымъ и Церетели „неудовлетворительными“, и заявленіе кончалось сообщеніемъ: „временное правительство постановило предложить Роберту Гримму покинуть предѣлы Россіи. Р. Гриммъ выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи“. Нужно прибавить, что М. И. Терещенко сдѣлалъ этотъ шагъ въ тотъ моментъ, когда въ частномъ совѣщаніи членовъ Г. Думы было намѣчено обсужденіе вопроса внѣшней политики и долженъ былъ подвергнуться публичной критикѣ первый мѣсяцъ новаго курса. Давъ знать частнымъ образомъ, что, „для поддержанія равновѣсія,“ онъ не явится съ объясненіемъ къ членамъ Г. Думы, чтобы не быть вынужденнымъ явиться также и передъ совѣтомъ, М. И. Терещенко старался установить нѣкоторое равновѣсіе и въ своемъ активѣ и пассивѣ передъ болѣе широкимъ фронтомъ русской общественности.

По отношенію къ общей задачѣ коалиціоннаго кабинета эти частные шаги и мѣры, разумѣется, имѣли лишь второстепенное значеніе. Оправдаетъ или нѣтъ коалиціонный кабинетъ ту поддержку, которую онъ получилъ отъ союзниковъ и отъ извѣстной части общественнаго мнѣнія, поддерживавшей правительство перваго состава,—это зависѣло теперь исключительно отъ того, удастся или не удастся русское наступленіе. Оно готовилось, какъ мы видѣли, въ полномъ противорѣчіи со всей остальной обстановкой, созданной условіями „демократической“ поддержки правительства. За поддержку эту приходилось платить,—и цѣна уплаты далеко превышала стоимость получившейся „поддержки“. Чтобы отдать себѣ отчетъ, чѣмъ именно приходилось жертвовать, еще недостаточно ознакомиться съ жертвами, принесенными „революціонной демократіи“ въ области военнаго дѣла и внѣшней политики. Нужно остановиться еще на тѣхъ положительныхъ требованіяхъ, которыя ставили **своимъ** министрамъ-соціалистамъ „демократическія“ организаціи въ области, ближе всего ихъ касавшейся: въ области соціальныхъ реформъ, въ рабочемъ и земельномъ вопросахъ.

---

5. Уступки демагогамъ „пролетаріата“.

Уступки рабочему классу.—Разрушеніе народнаго хозяйства.—Отставка А. И. Коновалова.—Роль Гендерсона.—Торжество большевистской тенденціи („рабочій контроль“).—Податное обложеніе „буржуазіи.“

Уступки рабочему классу.

„Пролетарій“, вмѣстѣ съ солдатомъ, одинъ изъ главныхъ героевъ революціи, долженъ былъ и по господствующей теоріи соціализма, и по практическимъ соображеніямъ,

извлечь изъ классовой побѣды, преимущественную и осязательную выгоду. Но, по условіямъ существованія русской промышленности, въ особенности въ военное время, и при полной неподготовленности и неорганизованности рабочаго класса, эта выгода вводилась жизнью въ очень тѣсныя рамки. Мѣры охраны труда уже были поставлены на очередь и отчасти проведены еще законодательствомъ царскаго правительства и двухъ Государственныхъ Думъ. Можно было, конечно, говорить о дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи этихъ мѣръ, но это уже были детали, не соотвѣтствовавшія широкому размаху момента. Выйти изъ этихъ рамокъ охраны труда, намѣченныхъ міровымъ законодательствомъ, можно было только въ область утопіи,—въ область немедленнаго осуществленія соціалистическаго производства, при которомъ уже ни въ какой охранѣ труда не было надобности. Русская жизнь, здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, сразу пошла обоими путями, реальности и утопіи, постоянно сбиваясь съ одного на другой—и не подвигаясь впередъ ни по тому, ни по другому.

О созданіи министерства труда думало уже первое временное правительство, предполагавшее отдать этотъ портфель соціалисту. Получивъ отказъ, это правительство рѣшило пойти путемъ европейскихъ прецедентовъ и, въ видѣ подготовительной мѣры, создать „отдѣлъ труда“ при министерствѣ торговли и промышленности. Глава этого министерства, А. И. Коноваловъ, являясь однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей промышленнаго класса, въ то же время пользовался симпатіями соціалистическихъ круговъ. „Отдѣлъ труда“ былъ организованъ, и за полтора мѣсяца своего существованія развернулъ широкую дѣятельность. Вотъ характеристика его дѣятельности, сдѣланная компетентнымъ лицомъ, проф. М. Бернацкимъ („Русское Слово“, 9-го мая 1917 г.).

„Центръ тяжести работы отдѣла лежалъ въ созданіи новыхъ законодательныхъ нормъ, обезпечивающихъ свободу рабочихъ организацій. Вслѣдствіе того, что каждому законопроекту приходилось подвергаться длительнымъ обсужденіямъ въ коллегіальномъ органѣ,—комитетѣ, состоявшемъ изъ представителей промышленниковъ и рабочихъ,—за истекшее время удалось издать только одинъ законъ—о рабочихъ комитетахъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, объ этой основной ячейкѣ рабочаго представительства. Были подготовлены законодательныя предположенія о профессіональныхъ рабочихъ союзахъ, о примирительныхъ камерахъ, о биржахъ труда. Начато было выясненіе труднаго вопроса о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, для чего отдѣлъ представилъ рядъ матеріаловъ. Законопроектъ, обезпечивающій т. наз. „забастовочное право“, находился въ стадіи обсужденія. Рѣшено было также предпринять посильное статистическое обслѣдованіе рабочаго рынка, и особая комиссія установила принципы первой „трудовой переписи“. Намѣчена была программа первоначальныхъ измѣненій нашихъ страховыхъ законовъ, и часть работы исполнена. Кромѣ того, впредь до учрежденія особой комиссіи по установленію здравыхъ началъ трудового договора, въ отдѣлѣ велась энергичная дѣятельность по предварительному пересмотру устава о промышленномъ трудѣ и по вопросу объ учрежденіи особой трудовой инспекціи“.

Въ коалиціонномъ кабинетѣ, министерство труда во главѣ котораго сталъ М. И. Скобелевъ, получило, однако, не одно только это наслѣдство болѣе или менѣе подготовленнаго матеріала. Оно стояло лицомъ къ лицу съ недовольнымъ и волнующимся рабочимъ классомъ, еще болѣе требовательнымъ къ *своему* министру-соціалисту, чѣмъ къ министрамъ „буржуямъ“..... Не желая ждать плодовъ правительственнаго законодательства,

рабочій классъ требовалъ немедленныхъ выгодъ для себя и немедленныхъ же мѣръ воздѣйствія на предпринимателей, получившихъ, по его убѣжденію, „сказочные барыши" отъ войны. Съ первыхъ же дней революціи „пролетаріатъ" пошелъ явочнымъ путемъ. Онъ требовалъ немедленнаго введенія 8-ми часового рабочаго дня, немедленнаго же увеличенія рабочей платы, не признавалъ надъ собой власти представителей заводской администраціи, отрицалъ пользу и значеніе техническаго надзора, смотря на него, какъ на лишнее и несправедливое стѣсненіе, отъ котораго необходимо какъ можно скорѣе избавиться, хотя-бы пріемами непосредственнаго насилія. Нужно прибавить, что вся эта требовательность рабочаго класса совпала съ періодомъ крайняго стѣсненія промышленности, все болѣе вынуждавшейся продолжать свое существованіе за счетъ казны и уже стоявшей подъ знакомъ приближавшагося кризиса, вслѣдствіе быстро прогрессировавшаго разстройства транспорта, крайне затруднявшаго доставку фабрикамъ топлива и сырого матеріала. Безконечные споры о томъ, кто виноватъ въ пониженіи производительности фабрикъ, вызвалъ ли его упадокъ производительности труда, при его дорогой оплатѣ, или невозможность работать вслѣдствіе недостатка сырья и топлива, новыя ли претензіи рабочихъ или унаслѣдованная отъ стараго режима хозяйственная разруха, явились типичнымъ выраженіемъ наростающаго конфликта между трудомъ и капиталомъ.

Вначалѣ представители промышленности пытались наладить соглашеніе съ рабочими, идя при этомъ на самыя широкія уступки, лишь бы сохранить предпріятія на ходу. Вотъ, въ видѣ примѣра, одно изъ такихъ соглашеній, состоявшееся 11-го марта между петроградскимъ совѣтомъ р. и с. д. и петроградскимъ обществомъ фабрикантовъ и заводчиковъ о введеніи 8-ми ч. рабочаго дня, учрежденіи фабрично-заводскихъ комитетовъ и примирительныхъ камеръ. „1) Впредь до изданія закона о нормировкѣ рабочаго дня вводится на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ восьмичасовой рабочій день (8 часовъ дѣйствительнаго труда) во всѣхъ смѣнахъ, причемъ наканунѣ воскресенья работы производятся 7 часовъ, сокращеніе часовъ работы не измѣняетъ размѣра заработка, и сверхурочныя роботы допускаются лишь съ согласія фабрично-заводскихъ комитетовъ. 2) Фабрично-заводскіе комитеты (совѣты старостъ) избираются на основѣ всеобщаго и т. д. избирательнаго права изъ числа рабочихъ даннаго предпріятія и служатъ для сношеній рабочихъ съ правительственными и общественными учрежденіями, для формулировки мнѣній рабочихъ по вопросамъ общественно-экономической жизни, для разрѣшенія внутреннихъ взаимоотношеній между рабочими и для представительства рабочихъ передъ администраціей предпріятій. 3) Для разрѣшенія недоразумѣній между администраціей предпріятій и рабочими учреждаются примирительныя камеры изъ равнаго числа представителей обѣихъ сторонъ; въ случаѣ, если соглашеніе не достигнуто, споръ переносится въ центральную примирительную камеру, составленную въ равномъ числѣ изъ представителей совѣта р. и с. д. и общества фабрикантовъ и заводчиковъ. Удаленіе мастеровъ или лицъ администраціи, и тѣмъ болѣе насильственный самосудъ, недопустимы безъ разбора дѣла примирительной камерой". Идеаломъ при составленіи такихъ соглашеній являлась формула, принятая всероссійскимъ торгово-промышленнымъ съѣздомъ, 21-го марта: „Великія соціальныя проблемы, стоящія передъ Россіей, въ частности, аграрная и рабочая, должны быть разрѣшаемы путемъ постепеннаго и планомѣрнаго законодательства, основаннаго на согласованіи спрдведливыхъ интересовъ различныхъ классовъ и подчиненіи этихъ интересовъ государственному и общественному благу".

Разрушеніе народнаго хозяйства.

Дѣйствительность оставила далеко въ сторонѣ и этотъ идеалъ, и эти соглашенія. Уже 22 марта извѣстный экономистъ, соціалъ-демократъ П. П. Масловъ, въ „открытомъ письмѣ совѣтамъ рабочихъ депутатовъ“ „хотѣлъ крикнуть на всю Россію“, что „отечество въ опасности... не отъ внѣшняго врага,... не отъ реакціонеровъ“.... Она „тамъ, гдѣ ее всего менѣе ожидаютъ“ и о чемъ „слишкомъ мало думаютъ“: она „въ возможности разстройства народнаго хозяйства“, какъ результатѣ несогласованности „классовыхъ интересовъ рабочаго класса съ общегосударственными интересами“. „Чего стоитъ „завоеванный восьмичасовой день“, спрашивалъ Масловъ, „если совсѣмъ нѣтъ работы? Чего стоитъ повышеніе заработной платы, если нѣтъ насущнаго хлѣба?... Нужна усиленная добыча каменнаго угля, чтобы не остановить фабрикъ, работающихъ въ промышленныхъ центрахъ. Нужна усиленная добыча рудъ и выработка металла для металлургическихъ заводовъ, нуженъ хлопокъ для текстильныхъ фабрикъ и т. д. И прежде всего нужно усиленіе провозоспособности желѣзныхъ дорогъ для доставки этихъ матеріаловъ, усиленный ремонтъ паровозовъ и вагоновъ. Эту огромную работу не могутъ рѣшить самостоятельно ни временное правительство, изъ кого бы оно ни состояло, ни промышленники, безъ активнаго участія совѣта рабочихъ депутатовъ“.

Этотъ горячій призывъ, какъ и слѣдовало ожидать, остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. 10 мая въ засѣданіе коалиціоннаго правительства явились представители металлургической и металлообрабатывающей промышленности, во главѣ съ Н. Н. Кутлеромъ, предсѣдателемъ совѣта съѣздовъ торговли и промышленности, и нарисовали яркую картину той хозяйственной разрухи, отъ которой предостерегалъ рабочихъ П. П. Масловъ. При сложившихся условіяхъ, заявляли промышленники, заводы дальше работать не могутъ. Промышленникамъ приходится оплачивать трудъ не за счетъ доходовъ, а за счетъ основныхъ капиталовъ, которые будутъ израсходованы въ короткій срокъ, и тогда предпріятія придется ликвидировать. Такъ напр. въ Донецкомъ районѣ 18 металлургическихъ предпріятій владѣютъ основнымъ капиталомъ въ 195 милліоновъ рублей, имѣютъ валовую прибыль за послѣдній годъ 75 милліоновъ и дивидендъ 18 милліоновъ. А рабочіе требуютъ увеличенія заработной платы на 240 мил. р. въ годъ болѣе существовавшей до сихъ поръ расцѣнки. Промышленники соглашаются увеличить плату на 64 милліона. Но рабочіе не хотятъ и слышать объ этомъ. Они не соглашаются и на предлагаемую владѣльцами уступку всей прибыли. Они говорятъ: пусть предпріятіе перейдетъ къ государству. Но вѣдь и государство не можетъ оплачивать рабочихъ въ ущербъ дальнѣйшему существованію предпріятія. Промышленники заявили коалиціонному правительству, что, сознавая серьезность положенія, они готовы на всякія жертвы. Они готовы на пересмотръ всѣхъ налоговыхъ тяготъ, вопроса о военной прибыли, имущественнаго, наслѣдственнаго, и др. налоговъ; они готовы даже на полный отказъ отъ военной прибыли, лишь бы сохранить предпріятія до урегулированія общаго положенія.

Любопытны пренія въ правительствѣ, вызванныя докладомъ Н. Н. Кутлера. Министръ труда М. И. Скобелевъ находилъ, что стремленіе рабочихъ увеличить свой заработокъ—вполнѣ естественно и законно, ибо ихъ заработная плата была до сихъ поръ чрезмѣрно низка, а за годы войны они были свидѣтелями необычайнаго обогащенія предпринимателей, принимавшаго иногда совершенно невѣроятные размѣры. Имущіе классы

должны отказаться отъ претензій классового эгоизма въ пользу государства; промышленники должны отказаться отъ прибылей и дивидендовъ не только текущаго, но и прошлыхъ годовъ. Къ этому присоединились и развили тѣ же мысли В. М. Черновъ и И. Г. Церетели. Заявленіе Кутлера, что всѣ эти мѣры пріемлемы, но онѣ осуществимы лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, тогда какъ рѣчь идетъ о немедленномъ крахѣ промышленности, который неизбѣжно поведетъ къ ухудшенію положенія рабочихъ и дастъ имъ „предметный урокъ“, вызвало протесты не только министровъ-соціалистовъ, но и А. И. Коновалова. Сами они противопоставили пессимистическому прогнозу Кутлера, принятому ими за предложеніе произвести надъ рабочими недостойные „эксперименты“, только два предложенія: во-первыхъ, прекратить войну, а для этого побудить промышленниковъ стать па точку зрѣнія „демократическаго мира“, и во-вторыхъ, немедленно ввести органы правительственнаго контроля въ особенно угрожаемыя предпріятія. Кн. Львовъ сдѣлалъ послѣ этого обычное для него оптимистическое резюме о „возможности надѣяться на успѣхъ рѣшительныхъ мѣропріятій“, намѣчаемыхъ правительствомъ въ области обложенія; а для детальной разработки плана мѣропріятій для урегулированія отношеній между трудомъ и капиталомъ рѣшено было устроить совѣщаніе трехъ министровъ: труда, торговли и промышленности и финансовъ. На слѣдующій же день, 11 мая, три министра: Скобелевъ, Коноваловъ, и Терещенко, собрались и пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ. Во-первыхъ, необходимо, для устраненія подозрѣній „революціонной демократіи“ относительно необычайныхъ прибылей „имущихъ классовъ“, въ ускоренномъ порядкѣ провести новыя нормы для всѣхъ видовъ прямого обложенія: военной прибыли, подоходнаго и поимущественнаго налога. Военную прибыль („сверхъприбыль“) рѣшено обложить такъ, чтобы, по возможности, вся она перешла въ казну. Вернуть этимъ путемъ доходы предыдущихъ двухъ лѣтъ войны, уже разошедшіеся по рукамъ акціонеровъ и получившіе то или другое, производительное или непроизводительное употребленіе, было, очевидно, невозможно. Но, по крайней мѣрѣ, часть ея рѣшено вернуть усиленіемъ ставокъ подоходнаго и поимущественнаго обложенія. По мнѣнію трехъ министровъ, такія рѣшительныя мѣры должны были увеличить авторитетность правительства при его вмѣшательствѣ въ конфликтъ между трудомъ и капиталомъ. Самое это вмѣшательство предположено было министрами въ формѣ посылки особыхъ правительственныхъ комиссаровъ въ административные органы предпріятій, гдѣ возникаютъ недоразумѣнія. Въ основныя отрасли промышленности, какъ горную, металлическую, текстильную и т. д., предположено еще болѣе рѣшительное вмѣшательство государства, а въ остальныхъ случаяхъ даже и „огосударствленіе“ предпріятій. Относительно урегулированія рабочей платы министръ труда высказалъ пожеланіе, чтобы рабочіе обращались со своими требованіями не прямо къ отдѣльнымъ предпринимателямъ, своимъ хозяевамъ, а къ посредничеству государственной власти, которая, соотвѣтственно выработаннымъ нормамъ оплаты труда въ цѣлой данной отрасли его или профессіи, уже опредѣляла бы конкретные размѣры, сообразуясь съ условіями труда въ томъ или другомъ отдѣльномъ предпріятіи. Это было громоздко и мало опредѣленно, но, все же, было принято. Каждое изъ трехъ министерствъ должно было затѣмъ выработать проекты отдѣльныхъ мѣропріятій, намѣченныхъ въ совѣщаніи 11 мая.

При разработкѣ въ вѣдомствахъ въ ближайшіе дни, намѣченная программа обогатилась новыми чертами,—въ направленіи чего-то средняго между государственнымъ и

военнымъ соціализмомъ. Для урегулированія рабочаго вопроса намѣчалось распредѣленіе труда по отдѣльнымъ мѣстностямъ и отдѣльнымъ отраслямъ промышленности; затѣмъ, организація широкой сѣти примирительныхъ камеръ, обращеніе къ которымъ должно было быть обязательно для обѣихъ сторонъ, окончательное же рѣшеніе по вопросамъ о заработной платѣ должно было выполняться особыми органами, учрежденными правительствомъ во всѣхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ. Упорядоченіе производства и распредѣленія продуктовъ также предполагалось достигнуть мѣрами широкаго правительственнаго вмѣшательства. Для правильнаго распредѣленія угля и нефти проектировалось введеніе товарной монополіи на минеральное топливо. Производство другихъ нужныхъ для народнаго хозяйства и для обороны предметовъ должно было обезпечиваться синдицированіемъ частныхъ предпріятій въ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности подъ контролемъ государства по примѣру Германіи. Въ качествѣ регулирующихъ органовъ предполагалось созданіе въ центрѣ и на мѣстахъ различныхъ профессіональныхъ комитетовъ, по типу существующихъ (кожевеннаго и др.), но подлежащихъ демократическому переустройству. Въ перспективѣ рисовалось учрежденіе центральнаго комитета по урегулированію народнаго хозяйства и введеніе всеобщей трудовой повинности. Намѣченный планъ долженъ былъ быть оффиціально объявленъ правительствомъ въ особой деклараціи, два проекта которой (Скобелева и Степанова) были представлены министерствомъ труда и министерствомъ торговли и промышленности. Оба проекта исходили изъ подтвержденія твердой рѣшимости правительства „теперь же властно вмѣшаться въ хозяйственную жизнь страны и подчинить ее государственному контролю и регулированію“. Но въ средствахъ достигнуть этой цѣли они существенно расходились.

Отставка А. И. Коновалова.

Раньше, чѣмъ работа по составленію деклараціи была доведена до конца, она послужила поводомъ къ частичному министерскому кризису. Вечеромъ 18 мая А. И. Коноваловъ, одинъ изъ трехъ совѣщавшихся министровъ, отправилъ министру предсѣдателю заявленіе, что „при создавшихся условіяхъ онъ пришелъ къ мысли о полной невозможности лично для себя продолжать руководить министерствомъ торговли“. Несмотря на всѣ убѣжденія товарищей, что уходъ его будетъ истолкованъ, „какъ несогласіе либеральной буржуазіи съ взглядами временнаго правительства“, А. И. Коноваловъ не взялъ назадъ своей отставки. Но,—очевидно, для избѣжанія только что указанной опасности,—онъ изложилъ мотивы своего ухода очень уклончиво. „Принципіально“ онъ не расходился съ министромъ труда, хотя „не отрицалъ, что положеніе его, какъ министра торговли, не могло упрочиться послѣ недавнихъ выступленій М. И. Скобелева“ (разумѣется, повидимому, заявленіе министра труда передъ совѣтомъ р. и с. д. 13 мая о необходимости „забрать прибыль изъ кассъ предпріятій и банковъ“ „безпощаднымъ обложеніемъ (до 100%) имущаго класса“, „заставить акціонеровъ подчиниться государству“ въ формѣ „трудовой повинности“ и т. д.. М. И. Скобелевъ объявлялъ выдумкой акціонеровъ заявленіе, что „рабочіе предъявляютъ чрезмѣрныя экономическія требованія“). А. И. Коноваловъ „стоялъ всецѣло за повсемѣстныя организаціи примирительныхъ камеръ, за выработку коллективныхъ тарифовъ, за созданіе въ большихъ промышленныхъ центрахъ арбитражныхъ комиссій“, но онъ скептически относился къ той формѣ общественнаго контроля и къ тому способу регулированія промышленнаго производства, которое намѣ-

чало въ своей деклараціи правительство". По мнѣнію А. И. Коновалова, „насажденіе демократическихъ органовъ, при нынѣшнихъ условіяхъ русской дѣйствительности, сведется къ тому, что въ большинствѣ промышленныхъ предпріятій окажутся люди экономически неопытные, и вмѣсто улучшенія получится дезорганизація." Эту частную причину, побудившую А. И. Коновалова сложить съ себя отвѣтственность за катастрофу, которой онъ не могъ предупредить, онъ сводилъ къ болѣе общей причинѣ—той же самой, которая побудила уйти А. И. Гучкова, когда разрушалось военное дѣло, и П. Н. Милюкова, когда разрушалась наша внѣшняя политика. „Надежда на предупрежденіе кризиса", говорилъ А. И. Коноваловъ, „могла бы быть лишь тогда, если бы правительство, наконецъ, проявило дѣйствительную полноту власти: если бы, послѣ трехмѣсячнаго опыта, оно стало на путь нарушенной и попранной дисциплины". Но онъ „не видѣлъ даже и признаковъ проявленія правительствомъ этой полноты власти". Гораздо откровеннѣе высказался А. И. Коноваловъ о связи между предстоящей экономической катастрофой и кризисами въ другихъ областяхъ государственной жизни въ своей рѣчи на съѣздѣ военно-промышленныхъ комитетовъ въ Москвѣ, накануне своей отставки, 17-го мая. „Россію ведетъ къ катастрофѣ антигосударственная тенденція, прикрывающая свою истинную сущность демагогическими лозунгами", говорилъ онъ здѣсь: тенденція къ „безцеремонному попранію правъ однихъ и созданію привилегій для другихъ". Указавъ на катастрофическое положеніе на фронтѣ, на торжество враговъ, на тревогу союзниковъ, А. И. Коноваловъ останавливался затѣмъ подробнѣе на причинахъ „этой катастрофы, которая готова потрясти до основанія и разрушить весь строй нашей экономической жизни". „Бросаемые въ рабочую среду лозунги, возбуждая темные инстинкты толпы, несутъ за собой разрушеніе, анархію и разгромъ общественной и государственной жизни. Подъ вліяніемъ этой агитаціи безотвѣтственныхъ лицъ, рабочая масса выдвигаетъ требованія, осуществленіе которыхъ связано съ полнымъ крушеніемъ предпріятій. Сознательное разжиганіе страстей ведется планомѣрно и настойчиво; одни требованія безпрерывно смѣняются другими. Формы предъявленія этихъ требованій принимаютъ все болѣе нетерпимый и недопустимый характеръ. И, если въ ближайшее время не произойдетъ отрезвленія отуманенныхъ головъ, если люди не поймутъ, что они рубятъ тотъ сукъ, на которомъ сидятъ, если руководящимъ элементамъ совѣта р. и с. д. не удастся овладѣть движеніемъ и направлять его въ русло закономѣрной классовой борьбы, то мы будемъ свидѣтелями пріостановки десятковъ и сотенъ предпріятій. Государство не можетъ взять на себя обязательства предоставить рабочему классу исключительно-привилегированное положеніе за счетъ всего населенія". Вотъ для чего, слѣдовательно, была нужна, по мнѣнію А. И. Коновалова, та полнота правительственной власти, на проявленіе которой онъ не расчитывалъ, и вотъ почему онъ скептически относился къ „насажденію" односторонняго „демократизма" въ русской промышленности. Надо думать, что невозможность того и другого, правильнаго правительственнаго метода и правильнаго содержанія правительственной программы, стала ему понятна давно. Но именно его личныя связи съ демократіей и опасеніе перетолкованія его мотивовъ классовыми и „буржуазными" побужденіями заставили его терпѣть до тѣхъ поръ, пока не наступилъ моментъ дать свою подпись подъ завѣдомо для него неосуществимой и опасной правительственной деклараціей.

Роль Гендерсона.

Въ самый моментъ отставки А. И. Коновалова, ночью 18-го мая, пріѣхалъ въ Петроградъ великобританскій министръ труда Артуръ Гендерсонъ. Повліять на отставку русскаго министра торговли и промышленности онъ уже не могъ. Но по отношенію къ программѣ новаго курса въ рабочемъ вопросѣ онъ сыгралъ у насъ роль, отчасти напоминающую роль Альбера Тома въ утвержденіи новаго курса нашей внѣшней политики. „Я пріѣхалъ", заявилъ Гендерсонъ, „чтобы помочь правительству своимъ опытомъ въ разрѣшеніи очередныхъ промышленныхъ и экономическихъ вопросовъ". И, принимая очередной лозунгъ „государственнаго контроля" за то, что понималось подъ этимъ лозунгомъ въ Англіи, онъ всецѣло положилъ вѣсъ своего мнѣнія на сторону „бросаемыхъ въ рабочую среду лозунговъ, возбуждающихъ темные инстинкты толпы". Онъ объяснялъ правительству, объяснялъ совѣту р. и с. д., объяснялъ въ Петроградѣ, объяснялъ въ Москвѣ всѣ огромныя преимущества „вмѣшательства государства въ дѣло регулированія промышленности, во взаимоотношенія труда и капитала". „Вы должны знать", говорилъ Гендерсонъ московскому биржевому комитету (14-го іюня), „что вся промышленность, вся работа по снабженію арміи взята англійскимъ правительствомъ подъ строгій контроль. И у насъ, въ Англіи, при контролѣ надъ промышленниками, нѣтъ почти конфликтовъ съ рабочими. Всѣ требованія рабочихъ у насъ разсматриваются государствомъ, и оно, если находитъ возможнымъ удовлетворить ихъ,—удовлетворяетъ.... Когда началась война, мы предложили рабочимъ временно отказаться отъ борьбы за свои права, и они во имя интересовъ государства отказались. Было время, когда рабочіе работали семь дней въ недѣлю, не зная ни праздниковъ, ни отдыха.... Интересы государства должны быть на первомъ мѣстѣ. Не думайте, что это—соціализмъ. Я понимаю соціализмъ, какъ альтруистическое примѣненіе коллективнаго труда въ жизни государства. Это есть временная необходимость, ибо государство ведетъ сейчасъ войну за собственную цѣлость". И русскій министръ труда, уже опираясь на англійскаго, говорилъ московскимъ журналистамъ (16-го іюня): „Когда мы говоримъ о рѣшительномъ вмѣшательствѣ государства въ промышленность, въ цѣляхъ урегулированія ея и введенія контроля, то рѣчь идетъ здѣсь, конечно, не о соціалистическомъ производствѣ и не о государственномъ соціализмѣ, а о томъ минимумѣ предпріятій, въ которомъ нуждается народно-хозяйственная жизнь страны и которыя проведены уже въ Англіи". Онъ прибавлялъ къ этому: „французскій, бельгійскій и англійскій капиталъ, занятый въ русскихъ предпріятіяхъ, уже учелъ неизбѣжность подчиненія себя контролю, и оффиціальные представители этого союзнаго капитала заявляли временному правительству, что они идутъ навстрѣчу желаніямъ правительства ввести регулированіе и контроль въ ихъ предпріятіяхъ и установить минимумъ доходности".

Торжество большевистской тенденціи.

(„Рабочій контроль").

Увы, въ этихъ шагахъ союзнаго капитала—„навстрѣчу желаніямъ правительства"—была такая же двусмысленность, какъ и въ готовности Альбера Тома признать лозунгъ „безъ аннексій и контрибуцій." Дѣйствительно, опасаясь за окончательное разрушеніе своихъ предпріятій при сложившейся въ Россіи обстановкѣ промышленнаго производства, иностранцы весьма охотно прибѣгали къ правительственному „контролю," ви-

дя въ немъ гарантію противъ чрезмѣрныхъ требованій рабочихъ. Заявленіе объ этомъ было оффиціально передано черезъ Гендерсона русскому правительству, въ поученіе русскимъ промышленникамъ*).

Но русскіе рабочіе и ихъ руководители хотѣли совсѣмъ другого. Подъ „контролемъ" они понимали, дѣйствительно, переходъ къ „соціализаціи" фабрики, а потому вовсе не удовлетворились тѣмъ „минимумомъ", о которомъ говорилъ Скобелевъ, и не думали о тѣхъ жертвахъ, о которыхъ упоминалъ Гендерсонъ. По ихъ мнѣнію, контроль долженъ былъ быть не „государственнымъ", а „общественнымъ", подъ чѣмъ они подразумѣвали контроль рабочій. Эта позиція всего ярче обрисована на конференціи фабрично-заводскихъ комитетовъ и совѣтовъ старостъ Петрограда, открывшейся 30 мая. Въ отвѣтъ на убѣжденія М. И. Скобелева, что „мы находимся въ буржуазной стадіи революціи", что „самое безпощадное обложеніе не можетъ разрѣшить финансовой проблемы", что „русскій капитализмъ слишкомъ молодъ" для того, чтобы даже конфискація всѣхъ капиталовъ устранила финансовую разруху, что „захватъ фабрикъ и заводовъ не измѣнитъ условій труда рабочаго класса" и не подвинетъ впередъ революцію,—въ отвѣтъ на все это организаціонный комитетъ конференціи (въ которой преобладали большевики) предложилъ такую резолюцію. „Путь къ спасенію отъ катастрофы всей хозяйственной жизни лежитъ только въ установленіи дѣйствительнаго рабочаго контроля за производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ. Для такого контроля необходимо, чтобы во всѣхъ рѣшающихъ учрежденіяхъ было обезпечено за рабочими большинство (не менѣе двухъ третей голосовъ) и чтобы фабрично-заводскіе комитеты, а равно профессіональные союзы

---

*) Директоръ общества франко-русскаго завода въ началѣ іюня просилъ правительство не позже 15-го іюня принять весь заводъ въ свое распоряженіе, слагая съ себя всякую отвѣтственность за дальнѣйшую оплату труда, въ виду экономическихъ требованій рабочихъ, превышающихъ доходность предпріятія, производительность котораго, къ тому же, упала на 50%. Онъ сообщилъ объ этомъ французскому послу и совѣту р. и с. д. 12-го іюня Гендерсонъ получилъ и передалъ Терещенко обращеніе фирмъ съ „преобладающимъ англійскимъ капиталомъ" (Невская прядильная мануфактура, Невская стеариновая, Невская хлопчатобумажная фабрики, Воронина, Лютшъ и Чешеръ, Спасская хлопчатобумажная, Калинкинскій пивоваренный заводъ, русская нефтяная фабрика, акц. о-во Уильямъ Хартлей) о „принятіи контроля надъ предпріятіями, на основаніи существующаго въ Англіи правительственнаго контроля", русскимъ правительствомъ, съ тѣмъ, чтобы послѣднее приняло на себя отвѣтственность за опредѣленіе правъ рабочихъ, „разрѣшеніе вопроса о заработной платѣ", „обезпечило защиту отъ насилія надъ личностью и имуществомъ". Мотивы просьбы: „серьезное положеніе промышленности", „возможность, что много предпріятій закроется", „остановка угрожающаго разоренія," „обезопасеніе личности и имущества". Срокъ контроля: „пока не наладится общее положеніе и, во всякомъ случаѣ, до окончанія войны". Вотъ тотъ документъ, который въ соціалистической печати („Дѣло Народа") былъ объявленъ урокомъ отечественнымъ промышленникамъ. Впрочемъ, „Дѣло Народа" тутъ же дало урокъ и англійскимъ предпринимателямъ. „Если они думаютъ", заявила газета, „что правительственный контроль въ революціонной Россіи означаетъ то же самое что..... въ Англіи, то они жестоко ошибаются. Государственный контроль за британскими фабриками и заводами, ограничивъ прибыли и хозяйскія права капиталистовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне сильно урѣзалъ права рабочихъ, запретивъ имъ стачки, подвергая ихъ перспективѣ административной ссылки за агитацію, сведя на-нѣтъ дѣйствія фабричнаго законодательства.... Этого врем. правительство, считающееся съ нашей трудовой демократіей, допустить не можетъ". А въ „этомъ" и была вся сущность англійской регламентаціи производительности фабрикъ, работающихъ на оборону.

получили право участвовать въ контролѣ, съ откытіемъ для нихъ всѣхъ торговыхъ и банковыхъ книгъ и съ обязательствомъ сообщать имъ всѣ данныя. Рабочій контроль долженъ быть немедленно развитъ въ полное урегулированіе производства и распредѣленія продуктовъ рабочими. Рабочій контроль долженъ быть продолженъ (распространенъ) на всѣ финансовыя и банковыя предпріятія. Спасеніе страны отъ катастрофы требуетъ, чтобы рабочему и крестьянскому населенію было внушено самое полное и безусловное довѣріе (увѣренность), что руководящія и полновластныя учрежденія какъ на мѣстахъ, такъ и въ центрѣ государства, не останавливаются передъ переходомъ въ руки народа большей части прибыли, доходовъ и имуществъ крупнѣйшихъ банковыхъ, финансовыхъ, торговыхъ и промышленныхъ магнатовъ капиталистическаго хозяйства". Далѣе развертывался планъ,— „пока длится война",—введенія „въ общемъ государственномъ масштабѣ обмѣна сельскохозяйственныхъ орудій, одежды и обуви на хлѣбъ и другіе сельскохозяйственные продукты", а „послѣ осуществленія указанныхъ мѣръ"—„осуществленіе всеобщей трудовой повинности", для чего необходимо „введеніе рабочей милиціи (красной гвардіи), съ постепеннымъ переходомъ къ обще-народной поголовной милиціи, съ оплатой труда рабочихъ и служащихъ капиталистами" и, наконецъ,—не послѣ всего, а прежде всего, какъ основное условіе „успѣшнаго проведенія.... перевода рабочихъ силъ на производства угля, сырья и транспорта, а также перевода рабочихъ изъ производства военныхъ снарядовъ на производство необходимыхъ продуктовъ"— „переходъ всей государственной власти въ руки совѣтовъ р. и с. д.". Конечно, здѣсь видна рука Ленина, который, вмѣстѣ съ Зиновьевымъ, и защищалъ приведенную резолюцію не только противъ меньшевика Далина, но даже и противъ большевика Авилова. Однако, если не весь Ленинскій планъ перехода къ полусоціализму, то требованія резолюціи объ установленіи рабочаго контроля надъ предпріятіями были распространены широко за предѣлы чистаго большевизма. Объ этомъ свидѣтельствуетъ лучше всего изданный въ тѣ же дни министромъ путей сообщенія Н. В. Некрасовымъ знаменитый циркуляръ 27 мая, прозванный „приказомъ № 1" путейнаго вѣдомства. Желѣзнодорожные рабочіе петроградскаго узла, недовольные прибавками „комиссіи Плеханова", предъявили требованія, за неисполненіе которыхъ грозили общей желѣзнодорожной забастовкой. Правительство, въ согласіи съ исп. комитетомъ совѣта с. и р. д., рѣшило „самыми рѣшительными мѣрами, противодѣйствовать надвигающейся разрухѣ"; но подъ „самыми рѣшительными мѣрами", кромѣ противодѣйствія „отдѣльнымъ выступленіямъ", Н. В. Некрасовъ разумѣлъ... полную передачу контроля и наблюденія за всѣми отраслями желѣзнодорожнаго хозяйства, съ правомъ отвода въ двухмѣсячный срокъ любого начальствующаго лица, желѣзнодорожному союзу служащихъ. Въ совѣщаніи по перевозкамъ министру сказали, что въ лучшемъ случаѣ только недоразумѣніемъ можно объяснить пониманіе подобной мѣры, какъ мѣры „твердой власти", и что иного названія, какъ „демагогической", она не заслуживаетъ. Трудно было повѣрить, дѣйствительно, въ серьезность эвфемистическихъ объясненій министра, что „привлеченіе организацій къ общегосударственной работѣ... заставитъ ихъ отрѣшиться отъ узко-профессіональныхъ рѣшеній и сдѣлаетъ ихъ органами государственности". Всякій понималъ, что насаждаемое такимъ образомъ начало ничего общаго не имѣетъ съ военнымъ соціализмомъ Гендерсона. Мини-

стерство просто плыло по теченію, а теченіе вело въ большевистское русло. Циркуляръ 27 мая дезорганизовалъ желѣзнодорожное хозяйство; а въ то же время министерство торговли изъ всѣхъ городовъ Россіи получало извѣстія, что исполнительные комитеты мѣстныхъ революціонныхъ организацій налагаютъ таксы на товары, запрещаютъ вывозъ и производство издѣлій, закрываютъ торговыя предпріятія, опечатываютъ товары, устраняютъ законныхъ владѣльцевъ отъ распоряженій предпріятіями и т. д.. Вотъ чего боялся и не могъ остановить А. И. Коноваловъ, вотъ чего не понималъ Гендерсонъ, вотъ что... прекрасно понималъ и чему отнюдь не по „государственнымъ" соображеніямъ подчинялся Некрасовъ. Этимъ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла объясняется и то, почему никто изъ сколько-нибудь компетентныхъ знатоковъ промышленности не согласился занять мѣсто А. И. Коновалова и почему та декларація, которая его испугала, совсѣмъ не была опубликована правительствомъ. Вмѣсто нея, 28-го іюня появилось „обращеніе министра труда ко всѣмъ рабочимъ Россіи". М. И. Скобелевъ былъ вынужденъ, наконецъ, сказать „товарищамъ рабочимъ", чтобы они „помнили не только о своихъ правахъ, но и о своихъ обязанностяхъ, не только о своихъ желаніяхъ, но и о возможности ихъ удовлетворенія, не только о своемъ благѣ, но и о жертвахъ, необходимыхъ во имя закрѣпленія революціи и торжества нашихъ конечныхъ идеаловъ". Картина злоупотребленій, нарисованная воззваніемъ, совершенно подтвердила тотъ докладъ Н. Н. Кутлера правительству полтора мѣсяца тому назадъ, противъ котораго тогда спорили министры-соціалисты. „Въ настоящее время", говорило воззваніе, „часто стихійныя выступленія берутъ верхъ надъ организованностью, и вопреки всѣмъ государственнымъ возможностямъ, не считаясь съ состояніемъ предпріятія, въ которомъ вы работаете, и во вредъ классовому движенію пролетаріата, вы иногда добиваетесь такого увеличенія заработной платы, которое дезорганизуетъ промышленность и истощаетъ казну, ибо изъ казенныхъ средствъ сейчасъ оплачивается большая часть производительныхъ предметовъ. Нерѣдко рабочіе, вопреки указаніямъ профессіональныхъ союзовъ, отказываются отъ всякихъ переговоровъ съ владѣльцами предпріятій и настаиваютъ, подъ угрозой насилій, на удовлетвореніи выставленныхъ требованій. При полной свободѣ организацій, такой пріемъ отстаиванія своихъ интересовъ является недопустимымъ для сознательныхъ рабочихъ. Когда же онъ примѣняется въ предпріятіяхъ, изготовляющихъ предметы первѣйшей государственной необходимости—и въ особенности на желѣзныхъ дорогахъ,—онъ превращается въ прямую угрозу завоеваніямъ революціи... Но еще болѣе недостойными революціонной демократіи являются поступки тѣхъ рабочихъ, которые, не сознавая всей сложности и отвѣтственности техническаго и хозяйственнаго управленія предпріятіями и бѣдности Россіи опытнымъ техническимъ и административнымъ персоналомъ, чинятъ насилія надъ служащими и директорами, удаляютъ ихъ по своему усмотрѣнію, вмѣшиваются самочинно въ техническое управленіе предпріятіями или даже пытаются захватить всецѣло въ свои руки промышленныя заведенія... Враги революціи втихомолку злорадствуютъ, видя, какъ, вслѣдствіе изгнанія вами техническаго персонала, разрушается вашимъ трудомъ налаженное производство и какъ затрудняется сношеніе съ другими странами, когда рабочими преслѣдуются служащіе на нашихъ заводахъ иностранные граждане... Захватъ же фабрикъ и заводовъ дѣлаетъ рабочихъ, не имѣющихъ ни опыта управленія, ни необходимыхъ оборотныхъ средствъ, на короткій срокъ хозяевами, но вскорѣ приводитъ ихъ къ закрытію захваченнаго предпріятія или къ подчиненію рабочихъ еще худшему предпри-

нимательскому произволу. Товарищи рабочіе, не захваты отдѣльныхъ фабрикъ, а высокая организація хозяйства, сознательность народныхъ массъ и широкое развитіе производительныхъ силъ страны ведутъ къ нашему соціалистическому идеалу".

Что же предпринимало правительство, чтобы противодѣйствовать всѣмъ описаннымъ имъ разрушительнымъ явленіямъ? А. И. Коноваловъ былъ правъ, когда говорилъ, что онъ не видитъ ни малѣйшихъ признаковъ желанія правительства прибѣгнуть къ дѣйствіямъ, къ проявленію твердой власти. Какъ военный министръ уговаривалъ солдатъ, такъ министръ труда увѣщевалъ рабочихъ—бороться планомѣрными средствами классовой борьбы, а не дикими пріемами насилія. Тамъ и здѣсь—это были только слова, которыя тотчасъ же уступали другимъ словамъ, имѣвшимъ больше демагогической силы и привлекательности. Демагоги завтрашняго дня тотчасъ получали перевѣсъ, какъ только вчерашніе демагоги начинали совѣтовать благоразуміе и проповѣдывать правила государственной мудрости.

Къ рабочимъ обращались слова; дѣла примѣнялись по отношенію къ „имущимъ классамъ". Единственнымъ положительнымъ результатомъ всего проектированнаго плана мѣропріятій противъ „экономической разрухи" осталось „суровое обложеніе" „буржуазіи".

Податное обложеніе „буржуазіи".

Вопросъ объ изысканіи новыхъ финансовыхъ средствъ, конечно, самъ собой ставился на очередь при громадномъ ростѣ нашей задолженности, заставлявшей предвидѣть послѣ войны расходъ до двухъ съ половиной милліардовъ на уплату процентовъ по государственному долгу, вмѣсто 400 милліоновъ плативщихся до войны. Ростъ военныхъ расходовъ и отпаденіе такого первостепеннаго дохода, какъ доходъ съ винной монополіи, ставили уже передъ царскимъ правительствомъ задачу найти новые источники обложенія. Было объективно безспорно, что увеличеніе одного только прямого обложенія, какъ бы оно ни было значительно, покрыть всѣ потребности не можетъ, и что единственнымъ крупнымъ источникомъ государственнаго дохода, кромѣ займовъ, могутъ явиться только нововведенія въ области косвеннаго обложенія (вродѣ, напр., государственныхъ монополій). Но этотъ неизбѣжный практическій выводъ, неоднократно подчеркивающійся новымъ министромъ финансовъ, А. И. Шингаревымъ, вступившимъ въ эту должность по условію, поставленному при образованіи коалиціоннаго кабинета, съ 1-го іюня, рѣшительно отметался классовымъ сознаніемъ „революціонной демократіи". Мы уже видѣли, что сами представители торговли и промышленности, идя навстрѣчу требованіямъ объ отнятіи полученныхъ ими „сказочныхъ" военныхъ прибылей, соглашались на высокое обложеніе своихъ доходовъ, не только настоящихъ, но и прошедшихъ. Проекты такого обложенія, начатые разработкой при М. И. Терещенко, были закончены при А. И. Шингаревѣ и приняты врем. правительствомъ 13-го іюня. По новому закону, прежде всего, сильно увеличивались ставки подоходнаго налога. Только бѣднѣйшіе плательщики были облегчены тѣмъ, что отъ платежа налога были освобождены всѣ, получавшіе доходы меньше 1000 руб. (прежде освобождались только получавшіе меньше 850 руб.). Зато всѣ остальные облагались гораздо тяжелѣе, чѣмъ прежде, и эта тяжесть обложенія возра-

стала быстрѣе, чѣмъ ростъ доходовъ. *) Вотъ что платили съ доходовъ разныхъ размѣровъ прежде и теперь:

Съ	1000	рублей	прежде	8,	теперь	12
„	3000	„	„	45	„	68
„	5000	„	„	100	„	150
„	10000	„	„	300	„	600
„	25000	„	„	1313	„	3000
„	100.000	„	„	8000	„	20000
„	400.000	и выше	„	48000	„	120000

Другими словами, прежде плательщики вносили отъ 0,73% до 12% дохода, теперь же, въ быстрѣе повышающейся прогрессіи, отъ 1,1% до 30%. Но это еще далеко не все. Съ доходовъ, превышавшихъ въ 1917 году 10000 р., нужно было уплатить еще дополнительный единовременный налогъ, въ такомъ же размѣрѣ, какъ ежегодный: другими словами, такіе „капиталисты“ платили двойной подоходный налогъ (1200 р. — 240.000 р. вмѣсто 600—120.000 р.). Исключеніе было сдѣлано только для заработковъ личнымъ трудомъ отъ 10 до 50 тысячъ: съ такихъ личныхъ заработковъ приплачивалась лишь половина, т. е. подоходный налогъ превращался въ полуторный. На высшихъ ступеняхъ отбиралось такимъ образомъ уже 60% дохода. А такъ какъ, кромѣ подоходнаго и единовременнаго, нужно было платить еще и другіе государственные налоги (поземельный, съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, промысловый, подоходный, на приростъ прибылей) и мѣстные (земскіе, городскіе, волостные), то могло случиться, что плательщику пришлось бы отдать не только весь доходъ, но и приплатить изъ капитала. Въ виду этого законъ дѣлалъ снисхожденіе: всѣ налоги вмѣстѣ не должны были превышать 90% дохода, для чего въ соотвѣтственной мѣрѣ уменьшался единовременный налогъ. И это, однако, еще не все. Третья мѣра, опубликованная 13 іюня, удваивала ставки на приростъ прибыли въ военное время (военная сверхъ-прибыль), установленныя закономъ 13 мая 1916 года: прежде при 8% дохода на капиталъ съ прироста уплачивалось 20%; при доходѣ свыше 20% на капиталъ приростъ облагался 40%. Теперь обложеніе прироста прибыли устанавливалось въ 40% уже при доходѣ съ капитала въ 6% (вмѣсто 8%); а при доходѣ въ 20% изъ прироста бралось 80%. Въ предпріятіяхъ, не публикующихъ отчетовъ, прежде взималось круглымъ числомъ 20% съ прироста. Теперь, при приростѣ въ 1000 р. платилось 30%, и эта сумма поднималась до 60% при приростѣ свыше 100.000 р.. Такъ же облагался и приростъ дохода съ личнаго труда. Взятыя въ совокупности, всѣ эти мѣры далеко превосходили все то, что было сдѣлано въ области повышенія прямого обложенія въ Англіи, которую справедливо ставилъ въ этомъ отношеніи въ примѣръ Гендерсонъ. Новое русское обложеніе составляло уникумъ, невиданный нигдѣ въ мірѣ. Это, конечно, нисколько не помѣшало „революціонной демократіи“ попрежнему вопить о чрезмѣрномъ обогащеніи „буржуевъ“ и причислять къ нимъ самого министра финансовъ А. И. Шингарева.

---

*) Иногда даже такъ, что невыгодно становилось получать высшій доходъ.

6. Демагогія въ аграрномъ вопросѣ.

Постановка аграрнаго вопроса.—Первыя уступки демагогіи.—Броженіе въ деревнѣ.—Черновъ и земельные захваты.—Роль крестьянскаго съѣзда.—Пути вліянія на провинцію и на правительство.

Постановка аграрнаго вопроса.

Первостепеннымъ соціальнымъ вопросомъ, выдвинутымъ русской революціей, былъ, собственно, не столько вопросъ рабочій, нормальное разрѣшеніе котораго должно было протекать въ рамкахъ, прочно установленныхъ европейской теоріей и практикой, сколько специфически русскій вопросъ—земельный. Какъ тамъ партія соціалъ-демократовъ, такъ здѣсь партія соціалистовъ-революціонеровъ считала рѣшеніе этого вопроса своей главной и основной задачей. Но здѣсь это рѣшеніе нужно было еще создать. Если рабочій классъ, хотя и плохо, но все же до нѣкоторой степени организованный, могъ считать выразителями своихъ классовыхъ мнѣній совѣты рабочихъ депутатовъ, то вовсе неорганизованное крестьянство не могло сколько-нибудь быстро создать органъ своей коллективной воли. Въ параллель совѣтамъ р. и с. д., вожди „революціонной демократіи" попытались, правда, создать „совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ" и для этого собрали въ началѣ мая „всероссійскій съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ". Но было совершенно ясно, что правильнаго представительства отъ подлинной народной толщи нельзя ожидать на этомъ съѣздѣ. Въ громадномъ оперномъ залѣ Народнаго дома, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ отсрочекъ, собралось, наконецъ, около четырехъ сотъ делегатовъ, вмѣсто ожидавшихся полутора тысячъ, преобладали солдатскія шинели и пиджаки, а выступали обычные партійные и митинговые ораторы. Подлинное крестьянство себя не узнавало на этомъ съѣздѣ. Этимъ хотѣлъ было воспользоваться одинъ изъ организаторовъ крестьянскаго союза 1905 года, Семенъ Мазуренко, и задумалъ возстановить этотъ союзъ, устроить выборы съ самаго низу, по волостямъ, и собрать настоящій крестьянскій съѣздъ. Ему удалось сдѣлать это только для немногихъ мѣстностей Россіи. Такъ, подлинное волостное крестьянство не могло составить „всероссійскаго" съѣзда, а „всероссійскій" съѣздъ собрался не отъ волостей, а въ лучшемъ случаѣ, отъ уѣздныхъ городовъ, пославшихъ тѣхъ лицъ, которыя имѣли, по своей профессіи, связь съ деревней, или же лицъ, ими рекомендованныхъ. Естественно, что отъ безпартійной и темной крестьянской массы явились партійные и интеллигентные—или полуинтеллигентные—представители, которые, въ свою очередь, наложили свою партійную печать на русскую деревню и невольно, неизбѣжно фальсифицировали ея волю. Партійной печатью крестьянства сдѣлалась, конечно, печать соціалистовъ-революціонеровъ,—той партіи, которая была извѣстна, какъ профессіональная защитница интересовъ крестьянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ и во главу крестьянскаго движенія выдвинуты были не привычные вожди совѣта р. и с. д., какъ Либеръ, Данъ, Церетели, Чхеидзе и т. д., а лидеры партіи с.-р., какъ Черновъ, Авксентьевъ, Гоцъ. Они принесли съ собой партійный долгъ—проводить въ жизнь эсъ-эровскую программу.

Именно, вслѣдствіе своей большей глубины и меньшей опредѣленности, аграрный вопросъ не успѣлъ выдвинуться впередъ при первомъ составѣ временнаго правительства. Это правительство понимало, конечно, необходимость самой широкой постановки аграрнаго вопроса. Даже правые элементы этого правительства мирились съ рѣшеніемъ, пред-

ложеннымъ партіей народной свободы, (которая вновь пересмотрѣла на майскомъ съѣздѣ свою аграрную программу, пополнивъ ее существенными деталями изъ законопроекта, внесеннаго ею во вторую Гос. Думу). Но это правительство полагало, что рѣшить аграрный вопросъ по существу можетъ и должно только Учредительное Собраніе; на обязанности же временнаго правительства лежитъ, во-первыхъ, донести этотъ вопросъ до Учредительнаго Собранія въ неиспорченномъ видѣ и, во-вторыхъ, собрать и разработать сложныя фактическія данныя, безъ которыхъ рѣшеніе вопроса было бы невозможно. Однако же, по условіямъ военнаго времени, всякое правительство, революціонное, какъ и царское, должно было по необходимости имѣть дѣло съ крестьяниномъ, какъ съ производителемъ и держателемъ хлѣбныхъ запасовъ. Правда, въ нормальное время главнымъ продавцомъ хлѣба былъ помѣщикъ. Но ко времени революціи запасы помѣщичьяго хлѣба были уже въ значительной степени использованы для нуждъ арміи. Правительство, вышедшее изъ Государственной Думы, должно было преслѣдовать въ вопросѣ о главномъ предметѣ народнаго продовольствія ту же самую политику, которую въ качествѣ оппозиціи оно проводило при царскомъ правительствѣ. Эта политика извѣстна: она клонилась къ признанію необходимости сосредоточить закупку хлѣба въ рукахъ государственнаго аппарата, хотя и при содѣйствіи общественныхъ организацій и свободной торговли. Государство съ каждымъ годомъ войны все равно расширяло размѣры своихъ закупокъ; становилось уже естественнымъ—подумать о закупкѣ всей свободной части урожая, съ тѣмъ, чтобы взять на обязанность государства не только содержаніе арміи, но и потребленіе тѣхъ классовъ и той части страны, которые обыкновенно являлись не продавцами, а покупателями хлѣба. Стать на эту точку зрѣнія—уже, въ сущности, значило обратить хлѣбъ въ предметъ государственной торговой монополіи, съ тѣмъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, что вся государственная закупка этого предмета должна была производиться по закрѣпленнымъ („твердымъ") цѣнамъ, обезпечивающимъ производителямъ стоимость производства и доставки хлѣба къ мѣсту продажи („франко—станція"), но передающимъ въ руки государства всю торговую прибыль, часть которой затѣмъ должна была идти на содержаніе правительственныхъ продовольственныхъ органовъ и на уплату опредѣленнаго (небольшого) процента частнымъ коммиссіонерамъ казны. Весь этотъ планъ былъ уже разработанъ при участіи дѣятелей Гос. Думы—будущихъ министровъ и членовъ „временнаго комитета",—въ дореволюціонное время. Онъ подвергался многимъ и серьезнымъ возраженіямъ, но впослѣдствіи былъ признанъ и подтвержденъ, въ существенныхъ своихъ чертахъ, и органами „революціонной демократіи". Какъ бы то ни было, медлить съ государственной хлѣбной монополіей было нельзя, и монополія была установлена, съ повышеніемъ прежнихъ твердыхъ цѣнъ (Риттиха) на 40—60% въ среднемъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой мѣры явилась и слѣдовавшая за ней: въ виду приближенія весны нужно было обезпечить будущій урожай, а для этого гарантировать владѣльцамъ земли плоды ихъ новаго посѣва и дать имъ необходимыя для посѣва рабочія руки (военноплѣнныхъ). Въ виду того, что аграрныя смуты въ это время уже начинались, охрана посѣвовъ становилась совершенно необходимой, и 13 апрѣля правительство издало соотвѣтствующее распоряженіе. Охрана посѣвовъ, „какъ общаго достоянія государства", возлагалась „на всѣхъ свободныхъ и сознательныхъ гражданъ и, тѣмъ болѣе, на организаціи". „Но если бы общественная охрана посѣвовъ и инвентаря отдѣльныхъ посѣвщиковъ все же оказалась безсильной предупредить насиль-

ственныя дѣйствія", правительство признавало „обязанностью государства возмѣстить владѣльцамъ причиненные имъ этими дѣйствіями убытки". Соотвѣтственно этому, правительство предупреждало, что „всякое насиліе противъ хозяйствъ частныхъ владѣльцевъ и крестьянъ будетъ ложиться тяжелымъ бременемъ на денежныя средства государства, а, слѣдовательно, на само населеніе". При этомъ „возмѣщеніе убытковъ государству... не освободитъ виновныхъ въ насильственныхъ дѣйствіяхъ отъ уголовной и гражданской отвѣтственности въ законномъ порядкѣ".

Первыя уступки демагогіи.

Все это было въ порядкѣ вещей, но далѣе въ то же распоряженіе, впервые, послѣ довольно продолжительной борьбы и колебаній, просочилась мутная струя аграрной демагогіи. Дѣло въ томъ, что за министромъ земледѣлія уже стояло одно изъ тѣхъ „демократическихъ" совѣщаній, громоздко и пестро составленныхъ—далеко не изъ однихъ знатоковъ дѣла,—которыми „революціонная демократія" старалась, по мѣрѣ возможности, надѣлить всѣ министерства. Совѣщанія эти должны были не только „контролировать" „буржуазныхъ" министровъ, но и „толкать" ихъ въ направленіи воли „революціонной демократіи". И вотъ въ какомъ направленіи продовольственное совѣщаніе толкнуло временное правительство. „Если окажется, что часть земли, по тѣмъ или инымъ причинамъ, грозитъ остаться незасѣянной, то правительство предоставляетъ мѣстнымъ правительственнымъ органамъ право принудительной передачи пустующихъ земель въ арендное пользованіе другимъ земледѣльцамъ или право собственными силами этихъ органовъ обрабатывать такія земли". Такимъ образомъ, создавалась первая законная опора для того, что потомъ получило названіе „правотворчества снизу". Было совершенно ясно—на это указывалось и при обсужденіи мѣры во временномъ правительствѣ,—что создать „тѣ или иныя причины" для предупрежденія самой возможности посѣва (напр., согнать съ поля военноплѣнныхъ рабочихъ, разрушить орудія и т. д.) было не такъ трудно, а передача правъ только однимъ „мѣстнымъ продовольственнымъ органамъ" была иллюзорна потому, что органы эти не могли скоро создаться, и на ихъ мѣстѣ неизбѣжно должны были оказаться тѣ же самочинныя „общественныя организаціи". Эти соображенія заставили правительство осторожнѣе редактировать резолютивную часть постановленія: лишь въ случаѣ отказа владѣльца засѣять землю разрѣшалось мѣстнымъ продовольственнымъ комитетамъ „передать ее въ аренду для даннаго посѣва по справедливой цѣнѣ мѣстнымъ земледѣльцамъ или организовать самимъ производство посѣва". Но и добиться „отказа" можно было тоже „тѣми или иными причинами".

Въ постановленіи 13 апрѣля указана и другая уступка „демократическимъ" требованіямъ въ аграрномъ вопросѣ,—уступка, положившая пока еще незамѣтное начало будущимъ крупнымъ разногласіямъ и тоже таившая въ себѣ зерно аграрной смуты. „Признавая необходимымъ дать немедленно законный способъ къ разрѣшенію всѣхъ возникающихъ недоразумѣній на почвѣ земельнаго вопроса, правительство въ ближайшее же время опубликуетъ положеніе объ особыхъ мѣстныхъ земельныхъ комитетахъ, на которые будетъ возложенъ разборъ споровъ объ арендныхъ отношеніяхъ и другихъ дѣлъ по земельному вопросу, до тѣхъ поръ, пока

послѣдній не будетъ разрѣшенъ окончательно Учредительнымъ Собраніемъ". Здѣсь уже намѣчался не только объектъ, но и методъ „правотворчества снизу".

Однако, правительство попыталось придать требовавшейся отъ него мѣрѣ серьезный характеръ и ввести ее въ русло своихъ собственныхъ предположеній. 21 апрѣля появилось постановленіе, которымъ создавались мѣстные земельные комитеты (губернскій, уѣздные, волостные), во главѣ съ „главнымъ", на обязанность которыхъ была возложена не только разработка „неотложныхъ временныхъ мѣръ" и „улаженіе мѣстныхъ аграрныхъ отношеній и столкновеній" на основаніи самочинныхъ принциповъ, но и собираніе научнаго матеріала, на основаніи котораго „главный комитетъ" долженъ былъ выработать проектъ земельной реформы для Учредительнаго Собранія. Для этой цѣли предполагалось совершить громадную подготовительную работу: привести въ извѣстность количество и запасъ земель на мѣстахъ, а также определить размѣры земельной нужды, выработать, примѣнительно къ мѣстнымъ особенностямъ земельнаго уклада и хозяйства, „предположительные отвѣты" на рядъ вопросовъ (главный комитетъ поставилъ 28 вопросовъ на обсужденіе мѣстныхъ), составить цифровые расчеты для перераспредѣленія земли. По составу комитеты были, конечно, связаны съ общественными организаціями. Но въ главный комитетъ правительство назначило цѣлый рядъ спеціалистовъ по аграрному вопросу. На мѣстахъ „образованіе комитетовъ возлагалось на особыхъ уполномоченныхъ", которые должны были „объединить и организовать всѣ мѣстныя интеллигентныя и спеціальныя силы", „установить связи и сотрудничество съ тѣми организаціями и учрежденіями, правительственными, общественными и частными, которыя могутъ быть полезны въ работахъ комитета" и, вообще,—содѣйствовать организаціи волостныхъ, уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ, независимо отъ „продовольственныхъ". На содержаніе членовъ комитетовъ была составлена смѣта въ 300.000 р. въ годъ на губернію.

Изъ двухъ задачъ, поставленныхъ новой сѣти комитетовъ, первая и главная въ глазахъ правительства, собираніе матеріаловъ—была совершенно оставлена въ сторонѣ. Какъ исполнилась вторая? Она была понята, какъ полная свобода для народнаго „творчества снизу" при содѣйствіи всевозможныхъ самочинныхъ органовъ, которые министерствомъ земледѣлія коалиціоннаго періода признавались и санкціонировались какъ „земельные комитеты". Тутъ именно надо различать два разныхъ момента: 1) самочинное возникновеніе и 2) утилизація для цѣлей, поставленныхъ преемникомъ А. И. Шингарева, министромъ земледѣлія В. М. Черновымъ.

Броженіе въ деревнѣ.

О характерѣ перваго періода можетъ дать понятіе сводная статья объ исполненіи на мѣстѣ постановленія объ охранѣ посѣвовъ, напечатанная въ „Извѣстіяхъ с. р. и с. д." отъ 31 мая. Мы нарочно выбираемъ, въ интересахъ объективности, именно этотъ источникъ. „Всѣ деревни находятся въ броженіи", говорится тутъ: „однообразныхъ установившихся отношеній не существуетъ. Въ однихъ мѣстахъ крестьяне самочинно захватили землю частныхъ владѣльцевъ, снимаютъ военноплѣнныхъ и рабочихъ, забираютъ инвентарь, въ другихъ мѣстахъ частные владѣльцы по старому берутъ съ крестьянъ бѣшеныя арендныя цѣны за пашню и покосы и тѣмъ обостряютъ еще болѣе отношенія крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ... Деревня почти повсюду неорганизована, почти повсюду не имѣетъ опредѣленныхъ указаній изъ центра, и каждая волость, а зачастую и каждое

село дѣйствуетъ по своему. Въ одномъ мѣстѣ „организуетъ“ крестьянъ пріѣхавшій солдатъ, въ другомъ—наѣзжій студентъ, въ третьемъ—просто какой-нибудь случайный человѣкъ; и очень рѣдко организаторами комитетовъ являются люди, ясно понимающіе ближайшія задачи революціи въ земельномъ вопросѣ. Образованные случайными способами, крестьянскіе комитеты чаще всего отражаютъ въ своей дѣятельности политическіе взгляды своихъ создателей. Если комитетъ находится подъ вліяніемъ людей, знающихъ о постановленіяхъ крестьянскаго совѣта въ Петроградѣ, или о постановленіяхъ всероссійскаго совѣщанія совѣтовъ р. и с. д., то они дѣйствительно организуютъ крестьянъ: тамъ создаются примирительныя камеры для установленія высоты арендныхъ цѣнъ, для установленія размѣра заработной платы, тамъ принимаются мѣры, чтобы поля не остались незасѣянными и чтобы не было пустующей земли. И въ то же время тамъ крестьяне прекрасно знаютъ, что Учредительное Собраніе будетъ рѣшать вопросъ о землѣ въ полномъ объемѣ, и что земля перейдетъ въ руки трудящихся на ней гражданъ. Но такихъ комитетовъ пока у насъ очень мало. Въ большинствѣ случаевъ, комитеты не имѣютъ сколько-нибудь сознательныхъ руководителей. Нерѣдки случаи, когда комитеты находятся въ рукахъ анархически-настроенныхъ элементовъ, подстрекающихъ крестьянъ захватывать помѣщичью землю, не дожидаясь Учредительнаго Собранія, призывающихъ ихъ къ тому, чтобы снимать у помѣщиковъ рабочихъ, отбирать у нихъ скотъ, машины, орудія, рубить лѣсъ, травить хлѣбъ и т. д. Бываютъ случаи, что анархическіе элементы запрещаютъ подписываться на „Заемъ Свободы“, призываютъ солдатъ къ дезертирству“.

Такимъ образомъ, картина, рисуемая авторомъ, изображаетъ океанъ волнующейся стихіи, среди котораго появляются островки движенія, организуемаго партійно изъ центра. На этихъ островкахъ „аренды на земли сильно понижены, увеличена заработная плата сельскихъ рабочихъ, улучшились условія пастьбы крестьянскаго скота, и почти не было никакого обостренія борьбы между богатыми и бѣдными крестьянами (о помѣщикахъ авторъ даже и не упоминаетъ: само собой разумѣется, что они подчинились условіямъ переходного состоянія къ окончательной „передачѣ земли въ руки трудящихся“). Но тамъ, гдѣ бушуетъ стихія, „гдѣ были самочинные (не „комитетскіе“) захваты и раздѣлы частновладѣльческихъ земель“, тамъ эти захваты пользы крестьянамъ не принесли. „Казалось бы, чего лучше? Земли стало вдоволь, паши, гдѣ хочешь, засѣвай, сколько можешь—вѣдь вся земля перешла въ руки крестьянъ“. Но въ дѣйствительности, крестьяне со всей землей не справились: посѣяли плохо и забрасывали или часть своей надѣльной земли, или часть захваченной помѣщичьей. „Бывали случаи сдачи бѣдными дворами своихъ долей захваченной земли богатымъ дворамъ... Безлошадные крестьяне, послѣ снятія ихъ самихъ и членовъ ихъ семей съ „помѣщичьихъ“ работъ—попали въ работники на „помѣщицкой“ же землѣ къ сильнымъ крестьянамъ, которые, по словамъ этихъ бѣдняковъ, высасываютъ изъ нихъ послѣдніе соки. При такихъ условіяхъ взаимная вражда богатыхъ и бѣдныхъ крестьянъ послѣ „захвата“ земель не уменьшилась, а увеличилась“, а площадь распаханной земли въ общемъ „сохранилась, а не выросла“. Эпическое спокойствіе этого разсказа о земельной неурядицѣ само по себѣ останется краснорѣчивымъ памятникомъ того уровня правосознанія, при которомъ „регулировался“ „сознательными элементами“ стихійный и повсемѣстный захватъ помѣщичьихъ земель, не встрѣчая никакого классового сопротивленія.

Черновъ и земельные захваты.

Систематическіе захваты земли, не дожидаясь Учредительнаго Собранія,—такова основная задача, поставленная вторымъ періодомъ земельнаго кризиса, при вступленіи въ управленіе министерствомъ земледѣлія В. М. Чернова. Конечно, эту задачу онъ не могъ осуществить прямо, при посредствѣ „полубуржуазнаго“ правительства, не могъ даже и при посредствѣ громоздкаго органа „главнаго совѣта“. Онъ рѣшился вступить съ крестьянскими низами въ сношенія непосредственно, минуя центральныя инстанціи. Первоначально онъ даже изъявилъ намѣреніе тотчасъ по вступленіи въ министерство уѣхать въ деревню, чтобы лично прикоснуться къ низамъ, къ подлинной русской жизни, отъ которой онъ, по его словамъ, отвыкъ во время своего пребыванія за-границей. Но большая политика задержала его въ Петроградѣ: скоро онъ долженъ былъ и самъ убѣдиться, что легче и выгоднѣе давать направленіе мѣстной партійной дѣятельности изъ центра,—хотя и помимо стѣсняющихъ коллегій. Съ своими коллегами В. М Черновъ вообще мало стѣснялся: какъ А. Ф. Керенскій въ первомъ правительствѣ игралъ роль „защитника демократіи“, такъ В. М. Черновъ въ коалиціонномъ кабинетѣ усвоилъ себѣ привилегированную роль „селянскаго министра“. Противъ Керенскаго онъ началъ открытую борьбу и въ своемъ печатномъ органѣ „Дѣло Народа“, гдѣ появлялись его многочисленныя и длинныя статьи, и въ партійныхъ организаціяхъ соціалистовъ-революціонеровъ. По поводу его публичнаго выступленія 18-го мая на крестьянскомъ съѣздѣ противъ наступленія арміи ему пришлось даже объясняться въ правительствѣ, которому онъ принужденъ былъ сообщить автентическій текстъ своей рѣчи, - тотъ, за который онъ согласенъ былъ отвѣчать. Онъ сдѣлалъ это со свойственной ему ловкостью и гибкостью. Онъ, „какъ штатскій“, „воздержится отъ вмѣшательства въ автономную область стратегіи“ и „вообще очень боится чрезмѣрнаго вмѣшательства политики, а тѣмъ болѣе безотвѣтственнаго политиканства въ стратегію“... „Сколько неудачъ, сколько авантюръ не произошло бы, если бы меньше было этого вмѣшательства“.

Сепаратно выступилъ В. М. Черновъ и по аграрному вопросу при самомъ открытіи „главнаго земельнаго комитета“, занятія котораго начались 19-го мая. Въ то время, какъ проф. А. С. Постниковъ, предсѣдатель комитета, въ своей вступительной рѣчи счелъ нужнымъ опровергнуть „заблужденіе, будто передъ предстоящей земельной реформой вся земля будетъ отнята у владѣльцевъ безвозмездно“, и сочувственно отмѣтилъ совпаденіе по существу рѣшеній съѣзда партіи народной свободы по аграрному вопросу съ лозунгами другихъ демократическихъ и крестьянскихъ партій *); въ то время, какъ онъ указывалъ, что „наиболѣе настоятельнымъ является изысканіе мѣръ къ устраненію тѣхъ эксцессовъ и самосудовъ, которые наблюдаются на мѣстахъ въ аграрной области (и о которыхъ затѣмъ подробно свидѣтельствовалъ, на основаніи наблюденій съ мѣстъ, товарищъ министра земледѣлія, к.-д. А. Г. Хрущевъ),—В. М. Черновъ прямо заявилъ, что „происходящее нынѣ аграрное движеніе есть вексель на будущее,—вступленіе на тотъ

*) Работавшіе въ комитетѣ члены партіи народной свободы, Н. Н. Черненковъ и А. А. Кауфманъ, дѣйствительно, не расходились съ комитетомъ въ общихъ принципахъ, или, точнѣе, въ комитетѣ при обсужденіи общихъ принциповъ обыкновенно находилось большинство, согласное формулировать ихъ почти такъ, какъ они были приняты въ программѣ партіи народной свободы.

путь, по которому вѣковое стремленіе крестьянства къ землѣ выльется въ законныя формы, вступленіе стихійныхъ силъ на путь правотворчества". Черновъ, правда, отмежевался при этомъ отъ захватныхъ стремленій большевиковъ. Направить стихійное аграрное движеніе на путь созданія „правовыхъ юридическихъ нормъ" должны были, въ его глазахъ, мѣстные земельные комитеты, „главной задачей" которыхъ онъ признавалъ „организацію народныхъ силъ". Но, по существу, все это было лишь упорядоченіемъ и систематизацией захвата, а вовсе не его отрицаніемъ.

Главный земельный комитетъ не шелъ по линіи В. М. Чернова. Въ своей декларацiи, которую онъ опубликовалъ 21 мая, главный комитетъ выставлялъ лишь одно общее положеніе будущей реформы, соотвѣтствующее „провозглашеннымъ всѣми демократическими партіями страны программамъ", а именно: „всѣ земли сельско-хозяйственнаго назначенія должны перейти въ пользованіе трудового земледѣльческаго населенія". Съ словомъ „всѣ" произошелъ эпизодъ, характеризующій настроеніе главнаго комитета. Большинство 12 противъ 8 высказалось за исключеніе этого слова. Тогда В. М. Черновъ потребовалъ поименнаго голосованія. Комитетъ постановилъ произвести простую баллотировку, при которой 14 членовъ высказались за слово „всѣ", 7 воздержались и только 4 высказались противъ. Въ остальной части деклараціи комитетъ признавалъ, что „окончательнаго" рѣшенія земельнаго вопроса не можетъ быть принято и, тѣмъ болѣе, осуществляемо до созыва Учредительнаго Собранія". Онъ рѣзко осудилъ „попытки самочиннаго удовлетворенія населеніемъ своихъ земельныхъ нуждъ путемъ захвата чужихъ земель", признавъ, что такія попытки „представляютъ огромную опасность для государства и вмѣсто ожидаемаго рѣшенія земельнаго вопроса создадутъ множество новыхъ вопросовъ въ области земельныхъ отношеній,—вопросовъ, которые нельзя уже будетъ потомъ разрѣшить безъ сильнѣйшаго потрясенія всей народной жизни". „Правильное рѣшеніе земельнаго вопроса", по мнѣнію комитета, „можетъ быть только при томъ условіи, если въ основу его будетъ положенъ общегосударственный планъ поземельнаго устройства, а не интересы и желанія отдѣльныхъ группъ населенія или отдѣльныхъ мѣстностей". Компетенція мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ, на которые Черновъ возлагалъ всю надежду для осуществленія своего „пути" разрѣшенія аграрной реформы посредствомъ созданія faits accomplis до Учредительнаго Собранія, ограничивалась въ деклараціи главнаго комитета „подготовкой всей земельной реформы, а также поддержаніемъ порядка и спокойствія въ области земельныхъ отношеній".

Нѣтъ, это былъ не „путь" В. М. Чернова. Министръ земледѣлія принялся усиленно искать другихъ путей и способовъ дѣйствія.

Роль крестьянскаго съѣзда.

Естественнѣе всего было обратиться къ крестьянскому съѣзду. Во второй день засѣданія съѣзда, 5 мая, В. М. Черновъ и выступилъ передъ нимъ, но съ рѣчью общаго политическаго содержанія. Онъ провелъ здѣсь основную мысль о связи между организаціей крестьянскихъ массъ и господствующимъ вліяніемъ въ правительствѣ крестьянскихъ министровъ. „Вы неорганизованы, говорилъ онъ, и я, поэтому, выступилъ, быть можетъ, слишкомъ рано; организуйтесь въ деревнѣ, посылайте нашихъ депутатовъ въ Учредительное Собраніе, и тогда мы добьемся всего, чего хотимъ". Такова была, освобожденная отъ ораторскихъ словоизвитій и черновскаго лукаваго многословія, руко-

водящая идея министра. Собственно къ аграрному вопросу крестьянскій съѣздъ перешелъ только вечеромъ 16-го мая и днемъ 17-го, когда были прочитаны доклады товарища министра П. А. Вихляева „объ упраздненіи частной собственности на землю" и С. С. Маслова объ условіяхъ временнаго пользованія землей до Учредительнаго Собранія". Какъ показываютъ заглавія, докладчики стали на точку зрѣнія не большинства главнаго комитета, а В. М. Чернова и его партійныхъ единомышленниковъ. П. А. Вихляевъ признавалъ необходимымъ для „развитія сельско-хозяйственныхъ силъ" — „распространеніе на всю землю одинаковаго земельнаго закона и равномѣрное распредѣленіе земельной территоріи между отдѣльными земледѣльческими семьями, соотвѣтственно потребительной нуждѣ". Земельный кредитъ отмѣнялся, производство сельско-хозяйственныхъ орудій и удобреній передавалось органамъ мѣстнаго самоуправленія. С. С. Масловъ (будущій министръ) требовалъ, для „облегченія" работы Учредительнаго Собранія, немедленнаго прекращенія всякаго перехода земель и выхода изъ общины на отруба, пріостановки всѣхъ землеустроительныхъ межевыхъ работъ и передачи всѣхъ земель въ распоряженіе земельныхъ комитетовъ. Въ томъ же засѣданіи и Ленинъ внесъ проектъ резолюціи большевиковъ, предлагавшій немедленно захватить земли безъ всякаго выкупа и организовать для этого на мѣстахъ спеціальные исполнительные комитеты, организовать прямой обмѣнъ хлѣба на предметы фабричнаго производства, устранивъ при этомъ владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ, конфисковать помѣщичій скотъ и орудія въ комитеты, создать особые „совѣты батрацкихъ депутатовъ" для борьбы противъ зажиточныхъ крестьянъ, и, наконецъ, взять всю государственную власть въ руки совѣтовъ р. и с. д. Послѣ возраженій Чернова противъ „грубыхъ механическихъ мѣръ" захвата, крестьянскій съѣздъ 25-го мая принялъ всѣми голосами противъ двухъ, при одномъ воздержавшемся, проектъ резолюціи эсъ-эровскаго типа, „окончательно обработанный комиссіей при участіи В. М. Чернова" (объясненіе г. Шрейдера). Резолюція прямо и открыто вступила въ полемику съ декларацiей главнаго комитета—или лучше сказать, разъяснила ее въ своемъ смыслѣ. „Всероссійскій совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ заявляетъ всему россійскому крестьянству", торжественно провозглашала резолюція, „что отнынѣ не только окончательное рѣшеніе земельнаго вопроса въ Учредительномъ Собраніи, но и все дѣло подготовки этого рѣшенія въ центрѣ и на мѣстахъ переходитъ въ руки самого трудового населенія. Поэтому, очередной и самой отвѣтственной задачей передовой части крестьянства является организація выборовъ въ волостныя и уѣздныя земства и организація при нихъ земельныхъ комитетовъ, съ тѣмъ, чтобы въ основу ихъ работъ по подготовкѣ земельной реформы легли (очевидно, вмѣсто общаго положенія главнаго комитета) слѣдующія начала: переходъ всѣхъ земель (т.-е. не только одного „сельско-хозяйственнаго" пользованія) — государственныхъ, монастырскихъ, церковныхъ и частновладѣльческихъ — въ общенародное достояніе для уравнительнаго трудового пользованія безъ всякаго выкупа". Такимъ образомъ, не только передавались въ „общенародное достояніе" уже состоявшія въ немъ „государственныя земли", но и крестьянское землевладѣніе (въ рубрикѣ „частновладѣльческихъ земель") переходило изъ крестьянской собственности въ „уравнительное трудовое пользованіе". По объясненію г. Шрейдера, это значило, въ демагогическомъ толкованіи авторовъ, что каждый крестьянинъ „будетъ пахать земли на полоску обмежеванную столько, сколько хватитъ силъ,"—вопреки всѣмъ даннымъ статистики, по которымъ при „уравнительности" пришлось бы на каждаго крестьянина

всего по одной-двѣ десятины. Резолюція выражала „глубокое убѣжденіе, что частная собственность, съ ея лѣсами, водами и нѣдрами, будетъ отмѣнена въ Народномъ Учредительномъ Собраніи“, и основывала эту увѣренность на „непоколебимой вѣрѣ въ растущую силу, организованность и сознательность трудящагося крестьянства“. Отъ временнаго правительства декларація ждала лишь того, чтобы оно „оказало всемѣрное содѣйствіе свободному проявленію воли трудового народа“ во всѣхъ земельныхъ комитетахъ, „отъ волостныхъ до главнаго“, которые, „пользуясь выборнымъ началомъ, утвердятъ свою волю, требующую, чтобы подготовка земельной реформы производилась въ направленіи раскрѣпощенія земли отъ узды частной собственности без ъ выкупа“. Резолютивная часть въ восьми пунктахъ перечисляла тѣ „условія“, при которыхъ „осуществимо безболѣзненное подготовленіе и осуществленіе земельной реформы безъ явочныхъ и захватныхъ дѣйствій“. Главнымъ изъ этихъ условій было, что „всѣ земли безъ исключенія должны перейти въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ, съ предоставленіемъ опредѣленія права обработки, обсѣмененія, уборки полей, покоса травъ и т. д.“. Въ ихъ же распоряженіе должны были поступить всѣ „способныя рабочія руки (вольныя дружины, артели военноплѣнныхъ и т. д.)“; ими должны были быть приняты „самыя рѣшительныя мѣры по реквизиціи и всестороннему использованію сельско-хозяйственныхъ машинъ..., а также... живого инвентаря“; они же должны были контролировать „сборъ сѣна, зерна, уловъ рыбы, заготовленіе строевого лѣса и дровъ“, „съ цѣлью недопущенія ни скрыванія... запасовъ..., ни хищническаго обращенія съ естественными запасами земли“. Установленіе арендныхъ цѣнъ и стоимости сельско-хозяйственнаго труда также „всецѣло“ предоставлялось мѣстнымъ земельнымъ комитетамъ, для чего „должна быть устранена всякая стѣснительная опека губернскихъ и уѣздныхъ комиссаровъ и односторонній подборъ ихъ личнаго состава изъ помѣщичьяго класса“. Наконецъ, требовалось „строгое и неуклонное, подъ контролемъ земельныхъ комитетовъ, проведеніе въ жизнь запрета купли, продажи, залога и перехода по завѣщанію земли до Учредительнаго Собранія“ — „въ цѣляхъ сохраненія неприкосновенности земельнаго запаса“.

Въ заключеніе этихъ „постановленій“ резолюція приглашала крестьянство „къ спокойному, но твердому и неуклонному проведенію въ жизнь, въ правовыхъ нормахъ, тѣхъ завѣтныхъ думъ и чаяній трудового крестьянства, которыя издавна выражены въ дорогомъ для каждаго крестьянина лозунгѣ: „земля и воля“. Чтобы еще яснѣе подчеркнуть политическое значеніе партійнаго штемпеля, положеннаго здѣсь на резолюцію, собранію предложили принять еще отдѣльно слѣдующее „воззваніе къ населенію“: „всероссійскій совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ призываетъ крестьянство и все трудовое населеніе Россіи голосовать при выборахъ въ Учредительное Собраніе только за тѣхъ, кто обѣщается защищать передачу земли въ общенародное достояніе безъ выкупа и на уравнительныхъ началахъ“.

Пути вліянія на провинцію и на правительство.

Очевидно, такую программу нельзя было провести черезъ главный комитетъ, изъ 60 членовъ котораго только шесть были соціалистами-революціонерами, а кромѣ нихъ и 14-ти народныхъ соціалистовъ и трудовиковъ было еще и 17 членовъ партіи народной свободы, 5 соціалъ-демократовъ, 4 прогрессиста и 14 октябристовъ, и правѣе. Вотъ по-

чему для действительной работы рѣшено было создать непредусмотрѣнный уставомъ главнаго комитета „совѣтъ" изъ 13 выборныхъ и 6 членовъ по должности. Его составъ рѣзко передвинутъ былъ въ сторону соціалистовъ-революціонеровъ: изъ 19 членовъ 12 принадлежали къ народническимъ теченіямъ, остальные дробились между с.-д. (2), к-д. (2) и правыми (3). Черезъ этотъ „совѣтъ" В. М. Черновъ собственно и проводилъ всѣ свои законопроекты, представлявшіеся потомъ во временное правительство мимо главнаго комитета. Но этого мало. Циркулярная дѣятельность министра земледѣлія, давая директивы на мѣстѣ и направлявшая, такимъ образомъ, работу земельныхъ комитетовъ, не проходила и черезъ этотъ совѣтъ. В. М. Черновъ установилъ непосредственныя сношенія съ мѣстными земельными комитетами, и чиновники министерства земледѣлія являлись пропагандистами партійной резолюціи „всероссійскаго съѣзда". Слѣдующій примѣръ покажетъ, какъ это дѣлалось („Русское Слово" 24-го іюня) На второмъ губернскомъ крестьянскомъ съѣздѣ въ Пензѣ вынесена была резолюція о передачѣ всей земли трудящемуся народу. Въ связи съ этимъ постановленіемъ, въ Пензу командированъ былъ Черновымъ представитель отъ министерства земледѣлія, Я. М. Аксель. Онъ собралъ общее собраніе губернскихъ исполнительнаго (р. и с. д.) и земельнаго комитетовъ, которые послѣ его доклада о томъ, что резолюція Пензенскаго крестьянскаго съѣзда можетъ „подать поводъ къ самочиннымъ захватамъ земель и повести къ несоціалистическому пользованію землей", послѣ двухдневныхъ горячихъ преній, постановили новую резолюцію, въ разъясненіе резолюціи крестьянскаго съѣзда. Комитеты признали „единственнымъ способомъ ликвидировать въ духѣ правовой аграрной политики создавшееся тяжелое положеніе"—„расширеніе функцій земельныхъ комитетовъ по учету, завѣдыванію и распредѣленію земли". Въ виду этого, пензенская резолюція повторяла всѣ основныя требованія „всероссійскаго съѣзда" о передачѣ земельнымъ комитетамъ въ „завѣдываніе" всѣхъ земель, всего владѣльческаго инвентаря,—въ томъ числѣ и „перешедшихъ во временное пользованіе крестьянъ", о „предоставленіи всецѣло" имъ же всѣхъ распоряженій объ арендной платѣ и т. д. „Министерство земледѣлія", прибавляетъ корреспондентъ „Р. С.", „одобрило эту резолюцію и рѣшило провести ее въ жизнь черезъ особыхъ уполномоченныхъ—разъѣздныхъ. Министерствомъ земледѣлія уже отправлены телеграммы объ использованіи для этихъ цѣлей землеустроительныхъ комиссій".

Изъ провинціи аграрныя резолюціи, внушенныя министерскими чиновниками, снова возвращались въ центръ, и здѣсь, уже опираясь на „волю трудового народа, недвусмысленно выраженную совѣтомъ крестьянскихъ депутатовъ и всероссійскимъ съѣздомъ этихъ совѣтовъ", В. М. Черновъ съ еще большей рѣшительностью продиктовалъ съѣзду рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ резолюцію, развернувшую послѣднія цѣли соціалистовъ-революціонеровъ, единственные въ мірѣ принципы „уравнительнаго землепользованія". Въ засѣданіи съѣзда 22 іюня Черновъ огласилъ проектъ этой резолюціи, уже проведенный черезъ аграрную секцію съѣзда: вмѣстѣ съ резолюціей о земельныхъ комитетахъ, она была принята съѣздомъ съ незначительными поправками. Вотъ эти принципы: 1) земля съ ея нѣдрами, водами, и лѣсами должна быть изъята изъ товарнаго обращенія, 2) верховное право распоряженія ею принадлежитъ всему народу, завѣдующему ею черезъ демократическіе органы самоуправленія, начиная отъ волостного земства и кончая центральной властью, 3) пользованіе землей должно быть обезпечено за тру-

довымъ земледѣльческимъ населеніемъ подъ условіями, гарантирующими ростъ производительныхъ силъ и развитіе кооперативнаго и общественнаго хозяйства, 4) право пользователя, какъ индивидуальнаго, такъ и коллективнаго, должно быть гарантировано спеціальными юридическими нормами, на началахъ общаго гражданскаго равенства, 5) мѣстныя нормы, срокъ и условія пользованія вырабатываются и періодически пересматриваются ближайшими къ народу органами самоуправленія, подъ контролемъ высшихъ, 6) передача участка одного пользователя другимъ, равно какъ и порядокъ вознагражденія за неиспользованныя улучшенія и т. д., регулируются спеціально выбранными органами, 7) характеръ переходныхъ мѣръ, необходимыхъ въ мѣстностяхъ съ наиболѣе запутанными поземельными отношеніями, равно какъ срокъ дѣйствія этихъ переходныхъ мѣръ опредѣляются спеціальными распоряженіями, предварительно выработанными на мѣстахъ".

Слѣдующимъ шагомъ, послѣ использованія для партійныхъ цѣлей с.-р. всѣхъ этихъ мѣстныхъ и центральныхъ „съѣздовъ" и „совѣтовъ", было—подчинить ихъ постановленіямъ главный земельный комитетъ и черезъ него и само временное правительство. Первое далось безъ особаго труда. Главный комитетъ поручилъ своему совѣту проредактировать и представить на утвержденіе правительства слѣдующую поправку къ уставу комитета, заключавшую въ себѣ признаніе основного принципа черновскихъ резолюцій. „Въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ, впредь до разрѣшенія земельнаго вопроса Учредительнымъ Собраніемъ, поступаютъ всѣ земли сельско-хозяйственнаго пользованія, лѣса и воды мѣстнаго хозяйственнаго значенія. Комитетамъ предоставляется право устанавливать и регулировать порядокъ хозяйственнаго пользованія названными угодьями". Далѣе, 3-го іюня, уже передъ самымъ кризисомъ министерства, главный комитетъ принялъ слѣдующее постановленіе, датирующее его полную капитуляцію передъ эсъ-эровскимъ толкованіемъ аграрнаго движенія. „Общее собраніе... выяснило, что въ рядѣ мѣстностей происходитъ серьезная ломка въ земельномъ укладѣ, которая выявляетъ стремленіе населенія къ новымъ земельнымъ правоотношеніямъ... На основаніи этого представляется совершенно необходимымъ, чтобы земельнымъ комитетамъ были предоставлены широкія права по урегулированію земельныхъ отношеній. Необходимо, чтобы временное правительство издало распоряженіе, чтобы в с ѣ земли находились въ вѣдѣніи земельныхъ комитетовъ съ предоставленіемъ имъ... права принимать мѣры къ охранѣ земель и хозяйствъ, къ болѣе правильному использованію ихъ въ интересахъ какъ трудового населенія, такъ и общегосударственныхъ".

Но заставить к о а л и ц і о н н о е правительство осуществить партійныя рѣшенія въ аграрномъ вопросѣ было не такъ легко, ибо это противорѣчило самому принципу коалиціи. Какъ въ національныхъ вопросахъ, такъ и въ соціальныхъ, единственно возможной точкой зрѣнія коалиціоннаго компромисса было— предоставить всѣ п р и н ц и п і а л ь н ы я рѣшенія Учредительному Собранію, не предваряя этихъ рѣшеній совершившимися фактами, передъ которыми хотѣлъ поставить его въ аграрномъ вопросѣ Черновъ. Естественно, что возбужденные министромъ земледѣлія вопросы должны были явиться конфликтными вопросами. Какъ смотрѣлъ на „правотворчество снизу" министръ-предсѣдатель, кн. Г. Е. Львовъ, видно изъ слѣдующаго сообщенія, появившагося въ печати 11 іюня. „Въ виду распространяющихся въ странѣ захватовъ частновладѣльческихъ земель, порубокъ лѣса и иныхъ правонарушеній, с о в е р ш а е м ы х ъ ч а с т о

подъ видомъ исполненія постановленій волостныхъ и другихъ комитетовъ, министръ внутр. дѣлъ кн. Львовъ вошелъ во временное правительство съ представленіемъ о необходимости принятія безотлагательныхъ мѣръ къ прекращенію всякаго рода аграрныхъ правонарушеній. Находя всѣ самовольные захваты земель и всякаго рода вмѣшательства въ управленіе хозяйствомъ дѣйствіями, нарушающими интересы государства, министръ внутреннихъ дѣлъ считаетъ необходимымъ признать незаконными и не подлежащими исполненію всѣ постановленія мѣстныхъ общественныхъ организацій, направленныя къ нарушенію правъ землевладѣльцевъ, и возложить на мѣстныя власти обязанности привлекать лицъ, виновныхъ въ нарушеніи правъ частной собственности, а также въ составленіи и изданіи подобныхъ постановленій, къ судебной отвѣтственности".

Столкновеніе между двумя непримиримыми политическими міровоззрѣніями, отразившимися въ приведенныхъ документахъ, становилось неизбѣжнымъ, какъ только поступили на разсмотрѣніе правительства законопроекты Чернова, изготовленные въ совѣтѣ главнаго комитета. Въ засѣданіи 24-го іюня министръ земледѣлія представилъ 10 такихъ проектовъ, изданія которыхъ онъ требовалъ въ срочномъ порядкѣ. Среди нихъ былъ залежавшійся еще съ начала мая законопроектъ о воспрещеніи земельныхъ сдѣлокъ, принявшій со времени своего возбужденія болѣе пріемлемую форму, но проведенный лишь слѣдующимъ правительствомъ въ серединѣ іюля. Рядъ другихъ проектовъ открывалъ путь земельнымъ комитетамъ къ непосредственному распоряженію хлѣбомъ, сѣномъ, лѣсомъ, инвентаремъ, арендными цѣнами и т. д., въ цѣляхъ устраненія „явочныхъ" распоряженій всѣмъ этимъ—отдѣльными лицами или группами. Мотивировка была прежняя: „быстрое проведеніе этихъ законовъ направитъ живую энергію крестьянства, разбуженнаго революціей, въ нормальное русло, вмѣсто эксцессовъ мѣстнаго характера". Отсрочивать положительное аграрное законодательство до Учредительнаго Собранія значило, по мнѣнію министра земледѣлія, „искушать долготерпѣніе деревни и расшатывать эту базу политической устойчивости новаго строя". Никакихъ постановленій въ этомъ засѣданіи вынесено не было, а въ ближайшіе дни вопросъ объ аграрныхъ проектахъ Чернова сплелся съ министерскимъ кризисомъ.

---

7. Политическіе зигзаги и фіаско политики Церетели.

Внутреннія противорѣчія коалиціи.—Роль Церетели.—Роль съѣзда совѣтовъ р. и с. д.—Организація демонстраціи 10-го іюня.—Поворотъ тактики Церетели.—Манифестація 18-го іюня.—Наступленіе 18-го іюня и его неудача.

Внутреннія противорѣчія коалиціи.

Мы теперь прослѣдили всѣ главныя струи, изъ которыхъ слагалась дѣятельность перваго коалиціоннаго правительства. Мы видѣли въ этой дѣятельности два рѣзко различныхъ теченія, которыя принципіально не могли слиться, и, не будучи въ состояніи уступить другъ другу, должны были, рано или поздно, вступить въ открытую борьбу.

Съ одной стороны стоялъ военный министръ, пытавшійся вдохнуть революціонный энтузіазмъ въ разлагавшуюся армію и добровольно повести противъ непріятеля жаждущихъ мира солдатъ: попытка, въ которой, по ядовитому, но вѣрному заключенію Чернова, было гораздо больше политики, чѣмъ стратегіи. Въ союзѣ съ нимъ, министръ иностранныхъ дѣлъ пытался, путемъ словесныхъ уступокъ „революціонной демократіи", спасти отъ ея непониманія сущность нашихъ интересовъ и нашихъ отношеній къ союзникамъ. Оба эти министра, Керенскій и Терещенко, представляли въ министерствѣ, такъ сказать, идейную традицію революціонной власти, внѣшнимъ символомъ которой оставался кн. Львовъ, все болѣе сводившій свою личную роль къ регистраціи окружавшихъ и обходившихъ его съ разныхъ сторонъ политическихъ теченій. На другой сторонѣ стояли министры-соціалисты, двое изъ которыхъ являлись оффиціальными представителями приливавшаго извнѣ соціальнаго прибоя въ сферѣ рабочей и земельной. Одинъ изъ нихъ, Скобелевъ, былъ совершенно безсиленъ противостоять росту соціальной опасности со стороны непомѣрныхъ претензій „пролетаріата", иллюзіи котораго вначалѣ онъ наивно раздѣлялъ самъ. Другой, Черновъ, самъ раздувалъ соціальный пожаръ въ деревнѣ, сознательно пользуясь демагогіей, какъ орудіемъ партійнаго успѣха въ низахъ, и прикрывая ее на верхахъ, довольно прозрачно, теоріей о „введеніи въ нормальное русло" „народной воли", призванной перелить „вѣковыя чаянія" въ идеальное разрѣшеніе, во всероссійскомъ масштабѣ, всего аграрнаго вопроса всѣми органами этой воли, отъ волостныхъ комитетовъ до Учредительнаго Собранія.

Роль Церетели.

Истиннымъ посредникомъ между двумя теченіями, пытавшимися удержать ихъ въ состояніи нѣкотораго равновѣсія, былъ теперь уже не кн. Львовъ, выпустившій изъ рукъ всякое вліяніе на ходъ событій, а И. Г. Церетели, взявшій на себя спеціальную задачу мирить совѣтскую идеологію съ конкретной министерской работой. Но, именно, Церетели лучше другихъ долженъ былъ понимать и невозможность этого примиренія, которую онъ предвидѣлъ. Едва удавалось ему вырвать у господствующаго большинства „рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ" нужную ему резолюцію, какъ тотчасъ же, за стѣнами засѣданій, большевистская оппозиція пріобрѣтала въ этой резолюціи новую мишень для нападеній, которыми и подкапывала довѣріе къ совѣтскому большинству въ петроградскихъ казармахъ и въ рабочихъ кварталахъ столицы. Тогда Церетели спѣшилъ повернуть фронтъ отъ коалиціоннаго правительства къ „революціонной демократіи" и разражался критикой правительственныхъ „ошибокъ", стараясь перехватить при этомъ демагогическіе лозунги своихъ конкурентовъ и представляя ихъ, въ возможно пріемлемомъ видѣ, въ видѣ очередныхъ требованій „демократіи" отъ правительства. Не успѣвалъ онъ повернуть вновь въ правительственное русло благосклонность „демократіи", какъ новая волна демагогическихъ лозунговъ, все болѣе непріемлемыхъ, опять сбивала его съ ногъ и заставляла искать новаго компромисса на ближайшую недѣлю. Въ этихъ мотаніяхъ вправо и влѣво и власть, и ея ходатаи передъ совѣтомъ въ теченіе іюня растеряли окончательно весь запасъ своего вліянія, а своимъ противникамъ, большевикамъ, предоставили вполнѣ достаточный срокъ, чтобы организовать рабочихъ, солдатъ и матросовъ для перваго вооруженнаго нападенія на временное правительство. И. Г. Церетели

въ памятномъ юбилейномъ засѣданіи 27-го апрѣля принялъ Ленина подъ свою защиту, какъ „идейнаго" противника,—и этой точкѣ зрѣнія онъ остался вѣренъ до конца. Онъ даже условно соглашался съ правотой точки зрѣнія Ленина, если его собственная исходная точка, возможность соглашенія съ буржуазіей, оказалась бы ошибочной. „Никогда Ленинъ не призывалъ къ выступленіямъ, нарушающимъ ходъ революціи", заявлялъ Церетели... „Платформа Ленина заключается въ томъ, что..., разъ буржуазія неспособна понять общегосударственныхъ задачъ момента, то (тогда) надо ее устранить, и пусть совѣтъ р. и с. д. завладѣетъ всей властью. Можно не соглашаться съ Ленинымъ—я съ нимъ не согласенъ, потому что я глубоко убѣжденъ, что идеи депутата Шульгина*) не могутъ быть идеями русской буржуазіи. Но если бы я хоть на минуту повѣрилъ, что эти ваши идеи—идеи всей цензовой буржуазіи, то я бы сказалъ: въ Россіи не осталось никакого пути спасенія, кромѣ отчаянной попытки теперь же объявить диктатуру пролетаріата и крестьянства". Эта цитата очень хорошо объясняетъ практическую безпочвенность примиренческой позиціи Церетели и ея идейное безсиліе передъ большевистской тактикой. Какъ въ области внѣшней политики Церетели обнаружилъ глубокое непониманіе точки зрѣнія Циммервальда, считая себя ея сторонникомъ, такъ и въ области внутренней политики онъ совершенно не понялъ идеи „диктатуры пролетаріата", въ томъ спеціально—синдикалистскомъ смыслѣ, въ какомъ эта идея уже въ 1905 году легла въ основу стремленій Ленина, Парвуса и Троцкаго. „Идейное и принципіальное" обоснованіе „диктатуры пролетаріата" было еще тогда дано Ленинымъ въ брошюрѣ „Побѣда кадетовъ и задача рабочей партіи", вышедшей во время первой Думы. Событія конца 1917-го года показали, что обоснованіе это не измѣнилось. „Научное понятіе диктатуры" говорилъ уже тогда Ленинъ, „означаетъ не что иное, какъ ничѣмъ не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стѣсненную, непосредственно на насиліе опирающуюся власть... Народъ, масса населенія, неоформленная, „случайно" собравшаяся въ данномъ мѣстѣ, сама и непосредственно выступаетъ на сцену, сама чинитъ судъ и расправу, примѣняетъ власть, творитъ новое революціонное право... Это есть именно диктатура революціоннаго народа. Почему только революціоннаго, а не всего народа?" Отвѣтъ Ленина въ точности воспроизводитъ аргументацію Жоржа Сореля и французскихъ синдикалистовъ, объясняющую, почему такіе принципы, какъ всеобщее избирательное право или Учредительное Собраніе, считаются ими только хитрыми выдумками для того, чтобы держать на уздѣ пролетаріатъ. „Потому", отвѣчаетъ Ленинъ, „что во всемъ народѣ, страдающемъ постоянно и самымъ жестокимъ образомъ, есть люди, забитые физически, замученные, люди запуганные нравственно, напримѣръ, теоріей о непротивленіи злу насиліемъ, или просто забитые не теоріей, а предразсудкомъ, обычаемъ, рутиной, люди равнодушные, то что называется обыватели, мѣщане, которые болѣе способны отстраняться отъ острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (какъ бы тутъ въ дракѣ

---

*) В. В. Шульгинъ говорилъ о большевистской агитаціи на петроградской сторонѣ подъ „фирмой Ленина",—о натравливаніи солдатъ на офицеровъ, крестьянъ на помѣщиковъ, Россіи на союзниковъ, о требованіи заключенія мира „во что бы то ни стало", о томъ, что правительство „сидитъ подъ домашнимъ арестомъ", подъ наблюденіемъ „часового", приставленнаго къ „буржуямъ" соціалистическими партіями.

не влетѣло). Вотъ почему диктатуру осуществляетъ не весь народъ, а только революціонный народъ". Съ такимъ же правомъ и кучка людей, представленная „совѣтомъ", назвала себя „революціонной" демократіей. Ошибка—а потомъ и нравственная отвѣтственность Церетели—заключалась въ томъ, что онъ принципіально не умѣлъ и не могъ отмежеваться отъ этой синдикалистской, а не соціалистической доктрины, примѣненіе которой на практикѣ началось съ первыхъ же публичныхъ выступленій большевиковъ, въ союзѣ съ анархистами. Когда 5-го мая, судъ разбиралъ искъ Кшесинской о выселеніи большевиковъ, захватившихъ ея особнякъ „съ разрѣшенія революціонной власти", и судья въ недоумѣніи спросилъ обвиняемаго Богдатьева, „какъ можетъ улица создавать законы", Богдатьевъ отвѣчалъ въ духѣ синдикалистской теоріи: „въ революціи, когда идетъ процессъ строительства новой жизни, и улица имѣетъ значеніе: въ революціонномъ правотворчествѣ участвуетъ весь народъ, создавая норму обычнаго права".

Роль съѣзда совѣтовъ р. и с. д.

Всѣ перипетіи колебаній совѣтскаго примиренчества между защитой коалиціоннаго правительства и уступками большевистскому анархо-синдикализму легко прослѣдить на ходѣ занятій высшаго органа „революціонной демократіи", съѣзда совѣтовъ р. и с. д., собравшагося въ началѣ іюня и закончившаго свои засѣданія въ концѣ этого мѣсяца. Съѣздъ собрался, собственно, для обсужденія программныхъ вопросовъ. Но событія политической жизни столицы постоянно отвлекали его къ вмѣшательству въ очередныя злобы дня, и въ преніяхъ, обыкновенно завершавшихся виртуозной эквилибристикой Церетели, проходитъ передъ глазами читателя все основное политическое содержаніе борьбы, положившей конецъ двухмѣсячному существованію первой коалиціонной власти.

Съѣздъ совѣтовъ р. и с. д., по мысли его организаторовъ, долженъ былъ быть „парламентомъ революціонной демократіи", его „полномочнымъ органомъ", передъ которымъ министры-соціалисты были отвѣтственны и должны были дать отчетъ за первый мѣсяцъ своей дѣятельности. Правда, на съѣздѣ раздавались требованія, чтобы все правительство, въ цѣломъ, признало надъ собой его верховную власть. Но Церетели категорически заявилъ, что буржуазные министры участвуютъ въ правительствѣ на коалиціонномъ началѣ и опираются на другіе классы и организаціи, что коалиція отвѣчаетъ соотношенію силъ данной минуты и что соотношеніе это можетъ и должно быть измѣнено лишь дальнѣйшимъ развертываніемъ революціи. Въ процессѣ этого развертыванія „буржуазія" будетъ постепенно отпадать отъ революціи, но отбросить ее теперь же — значило бы преждевременно ослабить революцію. В. М. Черновъ высказался еще опредѣленнѣе: онъ указалъ на то, что пока — организованы лишь поверхностные слои демократіи, что „буржуазія" организована гораздо лучше и что отбрасывать ее — значитъ „сужать соціальный базисъ революціи" и открывать дверь „контръ-революціи". А. Ф. Керенскій напоминалъ съѣзду, какая участь постигла великую французскую революцію и русскую революцію 1905 года, вслѣдствіе переоцѣнки демократіей своихъ силъ и преждевременнаго ея изолированія. Словомъ, министры-соціалисты разсматривали свое сотрудничество съ „буржуазіей", не только какъ неизбѣжную дань моменту, но и какъ необходимое условіе дальнѣйшаго „углубленія" революціи. Неоднократно они напоминали съѣзду, что русская революція — буржуазная, что

она иной быть и не можетъ по самому строгому смыслу теоріи Маркса и всего „научнаго соціализма". Либеръ видѣлъ особый „трагизмъ положенія" въ томъ, что „буржуазія заставила с.-д. взять власть и отвѣтственность"... „Буржуазія отъ нея отказывалась, и больше некому было взять, кромѣ насъ. Вѣдь какая-нибудь власть должна существовать въ странѣ; безъ власти жить нельзя. Передъ нами стоялъ выборъ: или наша власть, или власти никакой". Трагично было здѣсь то, что умѣренные соціалисты на глазахъ у соціалистовъ-утопистовъ и демагоговъ должны были дѣлать дѣло „буржуазіи".

Въ пятидневныхъ преніяхъ (3—9 іюня) большевики подвергли эту двусмысленную позицію соціалистовъ въ буржуазномъ министерствѣ жестокой критикѣ. Ленинъ спрашивалъ: „Чѣмъ нынѣшніе министры-соціалисты отличаются отъ ушедшихъ, Милюкова и Коновалова?" и отвѣчалъ: „Ничѣмъ, или только революціонной фразеологіей". Пославъ своихъ представителей въ правительство, совѣтъ р. и с. д. „пересталъ быть революціоннымъ и сталъ реформистскимъ: чтобы революція продолжалась, крестьянство, пролетаріатъ и солдаты должны пройти мимо этого страннаго съѣзда, затушевывающаго свой классовой характеръ (съѣзда, большинство котораго представляетъ мелкобуржуазные и кадетствующіе элементы, прибавляла газета „Впередъ")—и мимо министровъ-соціалистовъ". Троцкій сравнивалъ коалиціонную власть съ „примирительной камерой". Это—„власть, расколотая надвое". „Такая власть не можетъ управлять страной въ революціонную эпоху". „Правительство безсильно, оно не можетъ осуществить своихъ заданій, потому что парализовало себя союзомъ съ буржуазіей", развивалъ ту же мысль Каменевъ. „Министры-соціалисты—живые мертвецы", заявлялъ Зиновьевъ. И сразу же, съ перваго засѣданія съѣзда, большевики поставили министровъ-соціалистовъ въ положеніе подсудимыхъ, потребовавъ у нихъ отвѣта, почему они, сторонники интернаціональнаго взгляда въ вопросѣ о мирѣ, выгнали изъ Россіи вождя европейскаго интернаціонализма, Гримма. Мѣсяцъ прошелъ, и ничего не сдѣлано ни въ области внѣшней политики, ни въ соціальныхъ вопросахъ, ни въ сферѣ политической борьбы съ противниками,—возмущались ораторы оппозиціи.

Отвѣты Керенскаго, Церетели, Скобелева, Пѣшехонова, даже Чернова показали, что мѣсяцъ пребыванія у власти, дѣйствительно, не прошелъ для нихъ даромъ. Но онъ повліялъ на нихъ въ направленіи обратномъ тому, котораго желали нетерпѣливые послѣдователи русскаго утопическаго соціализма. И министры терпѣливо и многословно, въ цѣломъ рядѣ лекцій на основныя темы государственной жизни, пытались разъяснить съѣзду, гдѣ начинается вредная утопія и темное невѣдѣніе въ большевистскихъ требованіяхъ: ставить „ультиматумы" союзникамъ, дѣйствовать „явочно-сепаратно-розничнымъ путемъ" (Черновъ) вводить соціализмъ посредствомъ ареста капиталистовъ („насъ спрашиваютъ, что мы будемъ дѣлать, если станемъ властью", говорилъ Ленинъ въ засѣданіи 4 марта; — „отвѣчаемъ: арестуемъ всѣхъ капиталистовъ; это будетъ нашъ первый шагъ") и вести, такимъ образомъ, Россію къ сепаратному миру и къ гражданской войнѣ, въ которой погибнетъ революція (Церетели). Скобелевъ и Пѣшехоновъ дали вполнѣ реальную постановку вопросовъ рабочаго и продовольственнаго. На съѣздѣ эти государственныя рѣчи нашли себѣ поддержку и одобреніе среди значительнаго большинства. Объясненіе Церетели по вопросу о высылкѣ Роберта Гримма въ первомъ засѣданіи было одобрено 640 голосами противъ 121, при 14 воздержавшихся. А формула одобренія, которою завершились въ первый день пренія объ отношеніи съѣзда къ коалиціонной власти, была принята 543 голосами противъ то-

го же меньшинства 126 (52 воздержались, 65, утомленные безконечными преніями, не присутствовали въ залѣ)*).

Въ резолюціи высказывалось „полное довѣріе"; но министры-соціалисты приглашались, однако, рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе проводить въ жизнь принятую временнымъ правительствомъ демократическую платформу, какъ въ области „демократическаго мира" и „демократизаціи арміи", такъ и въ области рабочаго и земельнаго вопросовъ. Проектъ резолюціи меньшевиковъ-интернаціоналистовъ предлагалъ еще, „чтобы съѣздъ потребовалъ отъ временнаго правительства изданія особаго закона объ упраздненіи Государственной Думы и Государственнаго Совѣта (на эту тему было сказано много рѣзкихъ словъ о „контръ-революціи" въ Г. Думѣ) и чтобы правительство не позже перваго сентября назначило созывъ Учредительнаго Собранія". На первое пожеланіе съѣздъ, послѣ рѣчей министровъ, признавшихъ заслугу Г. Думы передъ революціей, отвѣтилъ уклончивой формулой, которою Г. Дума признавалась фактически упраздненной революціей, а ея собраніе—частными совѣщаніями ея „бывшихъ" членовъ. Второе пожеланіе было принято въ общей формѣ: „Въ особенности съѣздъ требуетъ скорѣйшаго созыва Учредительнаго Собранія".

Организація демонстраціи 10-го іюня.

Въ то время, какъ въ залѣ засѣданій съѣзда министры-соціалисты одерживали моральную побѣду, за ея стѣнами, въ казармахъ и рабочихъ кварталахъ Петрограда, эта недѣля (3-10 іюня) была использована для того, чтобы дискредитировать ихъ въ глазахъ массъ и организовать то движеніе „мимо съѣзда и мимо министровъ-соціалистовъ", которое возвѣстилъ Ленинъ. На Выборгской сторонѣ рабочихъ убѣждали, что съѣздъ „продался буржуазіи", что онъ держитъ равненіе по министрамъ, „бывшимъ" соціалистамъ, министры—по кн. Львову, а кн. Львовъ—по Бьюкенену. Рабочимъ внушили, что Церетели получилъ отъ Терещенко 10 милліоновъ, которые тотъ взялъ у банкировъ. Прапорщикъ Сѣмашко, недавно освобожденный солдатами изъ гауптвахты и выбранный командиромъ перваго пулеметнаго полка, убѣждалъ солдатъ, что министры-соціалисты „сидятъ въ мягкихъ креслахъ, во дворцахъ, и не заботятся о рабочихъ и солдатахъ. Съѣздъ поддерживаетъ правительство „кровопійцевъ и измѣнниковъ". Солдаты заявляли, что черезъ нѣсколько дней они выйдутъ на улицу и разгромятъ буржуазію. На Васильевскомъ островѣ неизвѣстныя лица приглашали рабочихъ вооружаться и выходить на улицу; въ толпу были брошены слухи, что послѣ демон-

*) По точному подсчету, доложенному 12 іюня, партійный составъ съѣзда опредѣлился слѣдующимъ образомъ:

Соціалистовъ-революціонеровъ	285
Меньшевиковъ с.-д.	248
Большевиковъ	105
Интернаціоналистовъ	32
Соціалистовъ внѣ фракцій	73
Объединенныхъ с.-д.	10
Народныхъ соціалистовъ	3
Трудовиковъ	5
Анархистовъ-коммунистовъ	1
Всего	1090 чел.

Всѣ эти депутаты были присланы отъ 305 совѣтовъ р. и с. д., въ томъ числѣ и крестьянскихъ организацій, 53 районныхъ и областныхъ совѣтовъ, 21 представитель явился отъ дѣйствующей арміи, 8 отъ тыловыхъ учрежденій, 5 отъ фронта.

страціи тотчасъ появится хлѣбъ, а солдатамъ увеличатъ паекъ. Народъ пугали „контръ-
революціей". По заявленію Луначарскаго, на дачѣ Дурново образовался самочинно ре-
волюціонный комитетъ изъ представителей 90 заводовъ. По признанію другого большевика,
Ногина, центральный комитетъ, видя невозможность удержать массы, рѣшилъ дать вы-
ходъ революціонной энергіи и постановилъ организовать демонстрацію. Дѣйствительно,
газета „Правда" напечатала отъ имени (большевистскаго) ц. к. с.-д. партіи, петроградскаго
комитета той же партіи, военной комиссіи при этомъ комитетѣ и центральнаго бюро
профессіональныхъ союзовъ, воззваніе съ приглашеніемъ рабочихъ и солдатъ выйти на
улицу для „мирной демонстраціи" (но было извѣстно, что часть демонстрантовъ выйдетъ
съ оружіемъ). Воззванія заключали въ себѣ большевистскіе лозунги: „долой царскую думу
и гос. совѣтъ", „долой д е с я т ь министровъ капиталистовъ (десятымъ оказывался А. Ф.
Керенскій)", „вся власть всероссійскому совѣту р. с. и крест. д.", „пересмотрѣть де-
кларацію правъ солдата", „да здравствуетъ контроль и организація промышленности",
„пора кончить войну", „пусть совѣтъ р. д. объявляетъ справедливыя условія мира",
„ни сепаратнаго мира съ Вильгельмомъ, ни тайныхъ договоровъ съ французскими и ан-
глійскими капиталистами" и т. д. Подъ воззваніями находимъ, между именами другихъ
большевистскихъ организацій, также и названія войсковыхъ частей петроградскаго гар-
низона (первый пулеметный полкъ, броневой дивизіонъ, Павловскій полкъ, Московскій
гренадерскій, первый запасный, 6-й саперный, Петроградскій, Измайловскій, Семеновскій,
Егерскій, команда морского корпуса, Финляндскій, 2-й балтійскій экипажъ, команды „Ав-
роры" и „Штандарта").

9 іюня свѣдѣнія о томъ, что готовится, дошли, наконецъ, и до съѣзда совѣтовъ р.
и с. д. Въ этотъ день съѣздъ перешелъ къ вопросу о войнѣ. Докладчикъ Данъ защи-
щалъ среднюю позицію между „національной" и крайней интернаціональной, рекомен-
довалъ послать делегацію отъ совѣта за границу для побужденія союзныхъ демократій
перейти на точку зрѣнія русской революціи, защищалъ боеспособность арміи,—какъ самое
дѣйствительное средство заключенія общаго демократическаго мира—и въ вопросѣ о на-
ступленіи высказывался за ограниченіе наступленія „стратегическими" задачами, а не
„политическими", которыя выдвигаетъ „буржуазная печать". Послѣ Дана Ленинъ сказалъ
рѣчь, въ которой уличалъ министровъ-соціалистовъ и совѣтъ въ противорѣчіи съ на-
строеніемъ массъ, доказывалъ, что единственный дѣйствительный способъ кончить войну
и заставить повѣрить себѣ въ Европѣ—это вести классовую борьбу противъ своихъ
капиталистовъ и банкировъ. „Искренній союзъ на дѣлѣ съ угнетенными классами" или,
словами крестьянскаго письма, „побольше напирайте на буржуазію, чтобы она лопалась
по всѣмъ швамъ; тогда война кончится": такова основная мысль Ленинской рѣчи, упро-
щенной до уровня большевистскихъ лозунговъ дня. Длинный отвѣтъ на нее далъ А. Ф.
Керенскій, прочитавшій радіотелеграмму Леопольда Баварскаго и доказывавшій, что боль-
шевики своей борьбой противъ союзныхъ капиталистовъ „безсознательно" ведутъ Россію
по линіи „нѣмецкаго принца", что, „выйдя слабыми изъ своего международнаго поло-
женія, мы окажемся въ распоряженіи той ближайшей капиталистической державы, ко-
торая особливо нуждается въ рынкѣ и въ территоріяхъ для эксплуатацій. Этотъ совер-
шенно вѣрный отрицательный аргументъ въ пользу продолженія войны онъ дополнилъ
затѣмъ очень сомнительнымъ положительнымъ аргументомъ въ пользу „демократической
политики мира". „Мы заставляемъ, какъ наше правительство, такъ и правительства де-

мократическихъ странъ Европы, постепенно переходить на наши позиціи", и отъ рѣчи Рибо до заявленія германскихъ с.-д. въ Стокгольмѣ „дистанція вовсе небольшого размѣра". „Наша международная политика даетъ огромные и положительные результаты... она единственная, которая ведетъ къ торжеству задачъ, которыя мы себѣ ставимъ". О военныхъ вопросахъ Керенскій не говорилъ, потому что сдѣлалъ сообщеніе о нихъ раньше, въ закрытомъ засѣданіи съѣзда.

Въ одиннадцать часовъ вечера пренія объ отношеніи къ войнѣ были прерваны заявленіемъ предсѣдателя Н. С. Чхеидзе, который взволнованнымъ голосомъ заявилъ, что „завтрашній день можетъ оказаться роковымъ для русской революціи", въ виду ожидаемыхъ демонстрацій и неизбѣжныхъ контръ-демонстрацій. Послѣ двухчасового перерыва, въ часъ ночи, Гегечкори отъ имени президіума огласилъ готовый текстъ номера „Правды" и проектъ контръ-воззванія отъ съѣзда, который былъ принятъ единогласно, также, какъ и „постановленіе" о запрещеніи всякихъ уличныхъ выступленій на три дня, подъ угрозой быть объявленными „врагомъ революціи". Затѣмъ засѣданіе съѣзда было перенесено въ Таврическій дворецъ, какъ лучше защищенный, и оттуда рядъ членовъ былъ командированъ въ рабочіе кварталы и во всѣ воинскія части для предупрежденія демонстраціи. Въ три часа ночи въ Таврическомъ дворцѣ было получено извѣстіе, что Ц. К. большевиковъ рѣшилъ подчиниться съѣзду и призываетъ рабочихъ и солдатъ къ отказу отъ устройства демонстраціи. Дѣйствительно, изъ „Правды" были выброшены призывы къ вооруженной демонстраціи и замѣнены резолюціей Ц. К., „отмѣнявшей назначенную имъ на два часа дня демонстрацію", „въ виду" рѣшеній съѣзда. Однако же, часть номеровъ „Правды" вышла въ первоначальномъ видѣ. Сохранился призывъ къ вооруженной демонстраціи и въ „Солдатской Правдѣ".

Ночной объѣздъ делегатовъ выяснилъ, что,—главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ формальной отмѣны демонстраціи большевистскимъ Ц. К.,—выступленій не будетъ. Но рядомъ съ этимъ делегаты привезли рядъ свѣдѣній о враждебномъ отношеніи рабочихъ и гарнизона къ съѣзду и къ нимъ лично. Ихъ общее впечатлѣніе было, что демонстрація т о л ь к о о т л о ж е н а. Отложивъ открытое столкновеніе, большевистскій Ц. К. тѣмъ самымъ призналъ свои силы еще недостаточными. Это подтвердилось и исходомъ выборовъ въ районныя думы столицы, и тѣмъ фактомъ, что въ рабочей секціи петроградскаго совѣта р. и с. д. большевики составляли меньшинство и, наконецъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что главная ихъ сила была не въ рабочемъ классѣ, а въ двухъ-трехъ полкахъ, особенно распропагандированныхъ. Однако, нельзя было отрицать, что пропаганда большевиковъ, льстившая уровню пониманія массъ и ихъ главнѣйшимъ желаніямъ, уже пустила глубокіе корни въ рабочей и солдатской массѣ и въ будущемъ достигнетъ еще болѣе значительныхъ результатовъ. „Переживаемые тревожные дни", писалъ органъ совѣта, („Извѣстія" отъ 11-го іюня), „настойчиво зовутъ добросовѣстно вдуматься въ ходъ событій. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ снова и снова повторять все тѣ-же ошибки, которыя разъ и два кончились благополучно, но въ третій или въ четвертый разъ могутъ свалить революцію въ бездну". Въ чемъ же органъ совѣта усматривалъ ошибки, которыхъ надо избѣжать, и причины, вызвавшія тревожные дни, которые не должны повторяться? Эти причины „не въ тактикѣ той или другой партіи, не въ дѣйствіяхъ злонамѣренныхъ агитаторовъ, не въ провокаторской игрѣ темныхъ силъ...; подлинный источникъ всѣхъ опасностей—глубокій народно-хозяйственный кризисъ, порожденный

трехлѣтней войной и обостряемый политикой имущихъ классовъ, не желающихъ принести въ жертву революціи свои привилегіи и свои матеріальные интересы". Такъ легко отвѣтственность слагалась съ сознательныхъ факторовъ, на которыхъ она дѣйствительно лежала, на стихійныя условія и, на ихъ фонѣ, на классовые интересы „капиталистовъ". Этимъ путемъ публицистъ совѣтскаго большинства благополучно выбирался на торную дорогу совѣтской тактики: „само собой ясно, что коренной способъ борьбы съ анархіей заключается" не въ пересмотрѣ партійныхъ программъ, не въ арестахъ агитаторовъ и не въ розыскахъ темныхъ силъ, а „не въ чемъ иномъ, какъ въ борьбѣ за скорѣйшую ликвидацію войны всеобщимъ миромъ на демократическихъ началахъ и скорѣйшее проведеніе въ жизнь необходимыхъ финансово-экономическихъ реформъ, и преодолѣніе грубаго своекорыстія имущихъ классовъ".

Статья „Извѣстій" проходила мимо событій 10-го іюня, чтобы еще разъ подчеркнуть основные тезисы резолюціи съѣзда. Но этимъ не ограничилось психологическое дѣйствіе съ трудомъ предупрежденной демонстраціи. Черезъ нѣсколько дней „Правда" могла торжествовать „переломъ въ настроеніи" съѣзда. „Делегатамъ надоѣло слушать безконечныя рѣчи вождей меньшевиковъ и народниковъ, на всѣ лады излагающихъ мысли г. Милюкова противъ большевиковъ. Несостоявшаяся демонстрація 10-го іюня, тѣмъ не менѣе, стала большой демонстраціей. Делегаты съѣзда, поѣхавшіе въ рабочіе кварталы, въ полки „успокаивать" рабочихъ и крестьянъ, соприкоснулись съ землей. Они собрали тамъ рядъ впечатлѣній, которыя должны будутъ подѣйствовать на нихъ освѣжающе послѣ кадетскихъ рѣчей, услышанныхъ ими на съѣздѣ отъ Либеровъ, Дановъ и К°. И съѣздъ, какъ будто, готовъ на минуту качнуться влѣво". Въ доказательство газета приводила тотъ фактъ, что И. Г. Церетели въ 24 часа долженъ былъ совершенно измѣнить свои планы.

Поворотъ тактики Церетели.

Въ этомъ изображеніи дѣла почти нѣтъ никакого преувеличенія. Дѣйствительно, крутой поворотъ настроенія съѣзда обнаружился уже на другой день, 11 іюня. Скомкавъ окончаніе преній о войнѣ, съѣздъ принялъ резолюцію, хотя не столь откровенно пораженческую, какъ отвергнутая имъ резолюція большевиковъ, но по существу гораздо болѣе близкую къ позиціи Ленина, чѣмъ къ позиціи Керенскаго. Подчеркнувъ происхожденіе войны изъ имперіалистическихъ стремленій господствующихъ классовъ в с ѣ х ъ странъ, резолюція вполнѣ откровенно высказывается противъ „окончанія войны путемъ разгрома одной изъ группъ воюющихъ сторонъ". Сообразно съ этимъ и „усиленіе боевой мощи нашей арміи изображается не какъ способъ достигнуть побѣды, а какъ временное средство, нужное лишь „до тѣхъ поръ, пока войнѣ не будетъ положенъ конецъ международными усиліями демократіи". Разумѣется, и „вопросъ о наступленіи долженъ быть рѣшаемъ исключительно съ точки зрѣнія чисто военныхъ и стратегическихъ соображеній". Мы уже знаемъ эту формулу скрытыхъ противниковъ наступленія. Для заключенія мира гораздо болѣе „необходима немедленная посылка делегацій въ союзныя и нейтральныя страны", чтобы „обратить вниманіе демократіи всѣхъ воюющихъ странъ на то, что ихъ недостаточно энергичное противодѣйствіе послѣднимъ заявленіямъ ихъ правительствъ о захватническихъ цѣляхъ войны с т а в и т ъ в ъ к р а й н е т я ж е л о е п о л о ж е н і е русскую революцію и затрудняетъ международное единеніе трудящихся". Отъ врем. пра-

вительства резолюція требуетъ „принятія въ кратчайшій срокъ всѣхъ зависящихъ мѣръ“ для присоединенія союзныхъ державъ къ русской формулѣ мира, которую они приняли только условно, и „теперь же принятія мѣръ для ускоренія пересмотра договоровъ... въ направленіи... отказа отъ захватной политики“. Для большей „успѣшности“ своихъ дѣйствій министерству рекомендуется „скорѣйшее обновленіе личнаго состава министерства и дипломатическаго корпуса путемъ его демократизаціи“. Конечно, отъ всѣхъ правительствъ вообще требуется „содѣйствіе скорѣйшему возсозданію революціоннаго интернаціонала и созыву международнаго соціалистическаго съѣзда для возстановленія международной солидарности трудящихся въ выработкѣ окончательныхъ условій мира и мѣръ проведенія ихъ въ жизнь“.

Покончивъ такимъ примирительнымъ аккордомъ пренія о войнѣ и мирѣ, съѣздъ въ томъ же засѣданіи попытался ликвидировать и свой конфликтъ съ большевистскими настроеніями столицы. Предупредивъ демонстрацію 10-го іюня, онъ рѣшилъ вознаградить своихъ противниковъ назначеніемъ общей „манифестаціи революціонной Россіи“ въ ближайшее воскресенье, 18-го іюня. Свое отношеніе къ демонстраціи 10-го іюня, иниціаторовъ которой ораторы большинства только что называли „измѣнниками и предателями революціи“, съѣздъ выразилъ въ резолюціи, „настолько мягкой“, по выраженію докладчика Либера, „что она осуждаетъ не иниціаторовъ предполагавшейся демонстраціи, а лишь самую попытку демонстраціи.“ „Съѣздъ могъ бы,“ по словамъ Либера, „болѣе опредѣленно назвать то, что предполагалось 10-го іюня, но президіумъ предлагаетъ съѣзду ограничить себя, для сохраненія единенія между демократіей“. И дѣйствительно, центръ тяжести резолюціи былъ перенесенъ на „враговъ революціи, пытающихся разъединить ея силы“ и на „сопротивленіе контръ-революціонныхъ слоевъ имущихъ классовъ“, растущее съ появленіемъ на очереди „все болѣе коренныхъ вопросовъ глубокихъ экономическихъ преобразованій.“ Какъ по сигналу, вся соціалистическая печать принялась, вмѣсто большевиковъ, за обличеніе „контръ-революціи“. И большевики, послѣ смущенія первыхъ дней, когда они старались свалить съ себя вину за возможность вооруженнаго выступленія, быстро перешли изъ обороны въ наступленіе. Изгнанные изъ дачи Дурново и изъ особняка Кшесинской, большевики снова пытались туда вернуться. Отъ министра юстиціи Переверзева усиленно начали требовать освобожденія арестованныхъ большевиковъ и анархистовъ. Опубликованіе имъ дѣла провокатора и шпіона Малиновскаго, въ которомъ оказались замѣшанными вожди большевиковъ, Ленинъ и Зиновьевъ, только усилило раздраженіе противъ министра юстиціи.

И. Г. Церетели, въ своихъ усиліяхъ задобрить большевиковъ, рѣшилъ сдѣлать имъ, кромѣ назначенія манифестаціи 18 іюня, еще двѣ уступки. Онъ потребовалъ отъ временнаго правительства немедленнаго упраздненія Гос. Думы и немедленнаго же назначенія срока созыва Учредительнаго Собранія. Первое предложеніе встрѣтило сопротивленіе со стороны кн. Львова и другихъ министровъ. Резолюція съѣзда, собственно, признала Г. Думу и Г. Совѣтъ фактически упраздненными, и дѣло сводилось тутъ къ непризнанію за членами Г. Думы права получать жалованье, какъ единственнаго формальнаго проявленія того факта, что мандаты ихъ еще не кончились. Совѣтъ старѣйшинъ Г. Думы по этому поводу вынесъ 15 іюня резолюцію, въ которой было указано, что независимо отъ положенія Г. Думы, какъ законодательнаго собранія при старомъ строѣ, она получила новое значеніе и признаніе, вслѣдствіе оказанныхъ ею революціи услугъ;

что члены Думы „принуждены сохранять свое значеніе народныхъ представителей“ до Учредительнаго Собранія, что именно въ качествѣ таковыхъ они признавались и временнымъ правительствомъ въ цѣломъ рядѣ актовъ, въ которыхъ власть обращалась къ нимъ за содѣйствіемъ и получала его; что Г. Дума „не могла перестать существовать, какъ органъ народнаго представительства“, хотя она и „отказалась отъ непосредственной государственной дѣятельности“, и что „частное совѣщаніе членовъ Г. Думы считаетъ своимъ патріотическимъ долгомъ попрежнему громко возвышать свой голосъ въ тяжелую для родины годину, предупреждать ее о грозящихъ опасностяхъ и указывать на правильный путь“. Права Гос. Думы формулированы здѣсь такъ осторожно и сдержанно, а ея члены дѣлали изъ этихъ правъ такое скромное употребленіе, и государственная ихъ заслуга передъ революціей была такъ очевидна и безспорна для всѣхъ, что созданному Думой правительству было морально невозможно поднять на нее руку. И вопросъ о формальномъ закрытіи Гос. Думы затихъ самъ собой, не попавъ на повѣстку общаго совѣщанія министровъ.

Иначе рѣшился вопросъ о скорѣйшемъ созывѣ Учредительнаго Собранія. Съ требованіемъ объ этомъ и о назначеніи дня созыва депутація съѣзда обратилась къ кн. Львову еще 8 іюня, т.-е. за два дня до несостоявшейся демонстраціи, указавши, что вопросъ этотъ чрезвычайно волнуетъ народныя массы. Послѣ 10 іюня И. Г. Церетели вновь возбудилъ этотъ вопросъ, потребовавъ рѣшенія его въ смыслѣ резолюціи съѣзда, т.-е. созыва Учредительнаго Собранія къ началу сентября. Напрасно особое совѣщаніе по составленію законопроекта о выборахъ въ Учредительное Собраніе,—начавшее работать, вслѣдствіе различныхъ промедленій самихъ же демократическихъ и національныхъ организацій, лишь 25 мая—заявляло, что ранѣе 2-хъ мѣсяцевъ со времени образованія волостныхъ и городскихъ органовъ самоуправленія на демократическихъ началахъ, при самомъ строгомъ расчетѣ и при самыхъ энергичныхъ усиліяхъ всѣхъ прикосновенныхъ учрежденій, приступить къ выборамъ будетъ невозможно. Напрасно то же самое утверждало и юридическое совѣщаніе при временномъ правительствѣ, останавливавшееся на серединѣ ноября, какъ срокѣ созыва. Церетели настаивалъ на томъ, что, по политическимъ соображеніямъ, долженъ быть назначенъ болѣе близкій срокъ, *хотя бы* впослѣдствіи и пришлось его отмѣнить. Въ концѣ концовъ, временное правительство подчинилось настояніямъ лидера „революціонной демократіи“. 14 іюня, т.-е. до предположенной демонстраціи 18 іюня, было опубликовано постановленіе: произвести выборы въ Учредительное Собраніе 17 сентября и назначить срокомъ созыва 30 сентября 1917 г. Между тѣмъ, только между 1 — 20 сентября, самое раннее, могли начать повсемѣстно функціонировать вновь вводимыя демократическія волостныя и земскія управы, безъ которыхъ некому было руководить выборами. Такъ какъ правительство не хотѣло передавать выборы въ руки партійныхъ общественныхъ организацій, то, закрывая глаза на фактическую невозможность своего распоряженія, оно все-таки постановило: „возложить составленіе избирательныхъ списковъ на органы волостного и городского мѣстныхъ самоуправленій, избранные на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія“. Въ этотъ день священной до тѣхъ поръ для всѣхъ идеѣ Учредительнаго Собранія нанесенъ былъ первый тяжелый ударъ.

Манифестація 18-го іюня.

Такъ готовились руководители совѣтскаго большинства къ общественной манифестаціи, долженствовавшей возстановить ихъ популярность и силу. Увы, въ самомъ

процессѣ подготовки они еще разъ обнаружили свое безсиліе. Центральная комиссія совѣтовъ р. и с. д. по организаціи манифестаціи 18 іюня предлагала „подсчитать силы" революціонной демократіи все противъ того же гипотетическаго общаго врага, „контръ-революціи". А для сохраненія единства она рекомендовала очень оригинальное средство: „каждая партія пойдетъ со своими лозунгами". Къ этому времени „Правда" уже перепечатала то воззваніе, которое была принуждена снять въ ночь на 10 іюня, и большевики громко объявляли, что они пойдутъ со всѣми своими лозунгами, уже намѣченными раньше, ибо демонстрація 10 іюня была не отмѣнена, а только отложена— и притомъ не постановленіемъ съѣзда, а постановленіемъ большевистскаго Ц. К. Тщетно старался организаціонный комитетъ с.-д. партіи въ своемъ воззваніи направить единую мысль демократіи въ подготовленное Церетели русло: „О времени созыва Учр. Собранія уже объявлено... Пусть же Учред. Собраніе будетъ нашей путеводной звѣздой... „Да здравствуетъ Учредительное Собраніе" должно красоваться на всѣхъ знаменахъ 18 іюня". Увы, тутъ же воззваніе должно было провозгласить и иные интернаціоналистическіе лозунги: „непримиримая борьба имперіалистамъ всѣхъ странъ"; „да здравствуетъ всеобщій миръ" по русской формулѣ; „да здравствуетъ интернаціоналъ". „Къ возстановленію интернаціонала, къ возстановленію его на почвѣ борьбы съ войной, разорвавшей интернаціоналъ на части, должна (въ этотъ день) звать революціонная соціалистическая Россія пролетаріатъ всѣхъ странъ". Капитулируя, такимъ образомъ, передъ Циммервальдомъ, воззваніе, въ сущности, капитулировало и передъ лозунгомъ большевиковъ: вся власть совѣтамъ. „Совѣты р. и с.-д.", говорило воззваніе, „съ самаго начала революціи ставили эти задачи; добиваясь ихъ разрѣшенія, они подчинили теперь своей волѣ временное правительство. Они заставили его заговорить болѣе яснымъ и рѣшительнымъ языкомъ съ союзной дипломатіей. Подъ ихъ давленіемъ врем. правительство разрываетъ съ своекорыстными интересами акулъ капитализма, начинаетъ переходить къ рѣшительному вмѣшательству въ экономическую жизнь въ интересахъ неимущей массы населенія..., вступило на путь усиленнаго обложенія имущихъ классовъ..., спѣшно обсуждаетъ... систему органовъ въ центрѣ и на мѣстахъ для ослабленія экономической разрухи, для устраненія недостатка продуктовъ, для равномѣрнаго распредѣленія предметовъ потребленія, для контроля надъ производствомъ, транспортомъ, торговлей, банками. Это—совѣты р. и с. д. проводятъ въ жизнь свою волю: это ихъ волю начинаетъ творить теперь временное правительство. И будетъ творить ее или исчезнетъ, будетъ замѣнено другимъ волей и рѣшеніемъ совѣтовъ. Пусть же вокругъ объединенныхъ совѣтовъ сплотится вся революціонная демократія... Идите и пишите на вашихъ знаменахъ:... Полное довѣріе и полная поддержка объединеннымъ во всероссійскую организацію совѣтамъ р. с. и кр. д.".

Итакъ, вотъ къ чему приводила измѣненная „въ 24 часа" тактика И. Г. Церетели. Своими уступками онъ хотѣлъ снискать благосклонность къ временному правительству тѣхъ, кто кричали, что имъ „все равно, что Вильгельмъ, что временное правительство", и что Церетели купленъ буржуазіей за 10 милліоновъ. Но на языкѣ демагогическихъ лозунговъ съ Ленинымъ соперничать было трудно. Манифестація, задуманная для побѣды временнаго правительства, должна была закончиться новымъ и болѣе яркимъ пораженіемъ его, ибо оно добивалось побѣды—цѣной отказа отъ самого себя. Эту слабую сторону

только что приведеннаго воззванія и всей затѣи Церетели съ наглымъ цинизмомъ и издѣвательствомъ выставила напоказъ и на потѣху своей публики та же „Правда“. „Въ воскресенье 18 іюня,“ заявляла она, „предстоитъ большая политическая демонстрація, назначенная съѣздомъ въ видѣ уступки настроеніямъ питерскихъ рабочихъ и солдатъ. Наша партія идетъ на эту демонстрацію, съ открытымъ забраломъ. Наши лозунги: долой десять министровъ капиталистовъ, вся власть совѣтамъ р. и с. д. Это говоримъ мы; это скажетъ съ нами, мы увѣрены, громадное большинство петроградскихъ рабочихъ и петроградскаго гарнизона. Ну, а вы, господа? Что скажете вы по этому важнѣйшему изъ всѣхъ вопросовъ? Вы выдвигаете лозунги: „полное довѣріе“, но... только полное довѣріе совѣтамъ, а не временному правительству. А куда же дѣвалось „полное довѣріе врем. правительству“, господа? Этого лозунга не найти ни въ „Рабочей Газетѣ“, ни въ „Извѣстіяхъ“, ни въ „Дѣлѣ Народа“... Почему прилипаетъ у васъ (меньшевиковъ и с.-р.) языкъ къ гортани, когда надо сказать прямо и отчетливо: довѣріе коалиціонному правительству? Тутъ есть политическая причина... Въ широчайшихъ кругахъ петербургскихъ рабочихъ и солдатъ коалиціонное министерство въ мѣсяцъ-полтора скомпрометировало себя безнадежно. Несостоявшаяся демонстрація 10 іюня продемонстрировала вамъ это съ полной очевидностью. Наиболѣе чуткіе изъ васъ не могутъ не замѣтить того, что идти теперь къ петроградскимъ рабочимъ и солдатамъ съ лозунгомъ: „довѣріе врем. правительству“—значитъ вызвать недовѣріе къ себѣ самимъ. Пусть Н. С. Чхеидзе разскажетъ публично о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ съ послѣдняго митинга на Путиловскомъ заводѣ, и тогда сразу всѣ поймутъ, почему меньшевики и народники слизнули свой коренной лозунгъ: довѣріе коалиціонному министерству“.

Исходъ „мирной манифистаціи 18 іюня у могилъ жертвъ революціи на Марсовомъ полѣ“ вполнѣ подтвердилъ, что у врем. правительства нѣтъ сторонниковъ, которые хотѣли бы защищать его открыто. Два-три робкихъ плаката съ надписью „довѣріе временному правительству“ (одинъ изъ нихъ былъ выставленъ казаками) вызвали столкновеніе на улицахъ и были растерзаны большевиками. Но не оказалось налицо и сторонниковъ съѣзда совѣтовъ. Большевистскіе лозунги и знамена въ процессіи, большевистскіе агитаторы на импровизированныхъ митингахъ преобладали. Организованная совѣтами манифестація превратилась въ ту самую большевистскую демонстрацію, которой удалось избѣжать 10 іюня. Правда, эту демонстрацію удалось сдѣлать „мирной“, согласно принятымъ наканунѣ постановленіямъ съѣзда (съ участіемъ фракціи большевиковъ) и петроградскаго гарнизона. Вооруженной явилась лишь кучка анархистовъ, большей частью подростковъ, человѣкъ до 80-ти.

Но и большевики не одержали въ этотъ день побѣды. Улицы столицы не представляли 18 іюня ничего подобнаго тому, что онѣ представляли 23-го марта, въ день похоронъ жертвъ революціи, когда все населеніе, безъ различія классовъ и партій, слилось въ единодушномъ порывѣ радости по поводу перваго торжества революціонной побѣды. Не было даже и того одушевленія, которое проявилось въ день первомайскаго пролетарскаго праздника (18 апрѣля). Заготовленныхъ знаменъ оказалось слишкомъ много для наличнаго числа манифестантовъ. Жидкія группы проходили съ большими промежутками, нервно настроенныя, разбѣгавшіяся при первомъ рѣзкомъ звукѣ, при первомъ тревожномъ крикѣ. Обыватель или сидѣлъ дома, или стоялъ въ сторонѣ, на тротуарахъ, выражая своимъ угрюмымъ молчаніемъ неодобреніе манифестантамъ. Своей манифестаціей

большевики показали не только безсиліе правительства и совѣта, но и свою собственную изолированность. Въ ихъ собственныхъ рядахъ не замѣчалось одушевленія: демонстранты точно выполняли казенную повинность. Къ четыремъ часамъ дня в е кончилось, и день прошелъ бы безъ приключеній, если-бы толпы анархистовъ-коммунистовъ съ вооруженными солдатами не явились къ одиночной тюрьмѣ („Крестамъ") и не освободили оттуда семерыхъ арестантовъ (въ томъ числѣ извѣстнаго поручика Хаустова, обвиняемаго въ германскомъ шпіонствѣ Мюллера, Микеладзе, провокатора Стрѣльченко и нѣсколькихъ уголовныхъ).

Правительство приняло вызовъ. Ночью, съ вѣдома съѣзда совѣтовъ и по распоряженію главнокомандующаго Половцева, казаки и солдаты окружили главный штабъ анархистовъ, дачу Дурново, и послѣ отказа выдать освобожденныхъ арестантовъ, заняли помѣщеніе, арестовавъ при этомъ 60 человѣкъ. Во время ихъ ареста застрѣлился анархистъ съ уголовнымъ прошлымъ Аснинъ, и его смерть вызвала рой слуховъ о произведенныхъ казаками насиліяхъ и „погромѣ". Въ тотъ же день изъ пересыльной тюрьмы бѣжали 468 уголовныхъ арестантовъ и изъ арестнаго дома при тюрьмѣ 60 арестантовъ: тутъ, видимо, была какая-то связь съ замыслами анархистовъ. Съѣздъ, подавляющимъ большинствомъ голосовъ, „призналъ вполнѣ правильными рѣшительныя дѣйствія правительства въ этомъ случаѣ" и „впредь считалъ его обязанностью, обезпечивая полную свободу идейной пропагандѣ, всѣми мѣрами государственной власти охранять революціонный порядокъ отъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ и группъ".

Наступленіе 18 іюня и его неудача.

Этотъ маленькій реваншъ не мѣнялъ общаго положенія дѣла. Этотъ моментъ можно было бы считать началомъ агоніи перваго коалиціоннаго правительства, если бы на его долю не выпалъ крупный успѣхъ, какъ бы оправдывавшій его существованіе въ глазахъ всѣхъ тѣхъ круговъ, которые воздержались отъ участія въ демонстраціи 18 іюня, не рѣшаясь или не желая болѣе поддерживать правительство активно. Въ тотъ самый день, когда красныя знамена съ большевистскими лозунгами, вродѣ „война до полной побѣды—надъ буржуазіей", развѣвались на улицахъ столицы, на далекомъ фронтѣ русскія войска перешли, наконецъ, въ давно ожидавшееся наступленіе. Военный министръ и временное правительство торжественно извѣщали объ этомъ населеніе, призывая его „отрѣшиться отъ всего разъединяющаго" и общимъ усиліемъ „спасти революцію и отечество отъ смертельной опасности". „Великія задачи переустройства жизни на новыхъ началахъ свободы, равенства и братства", объявлялъ Керенскій,... „могутъ быть выполнены лишь въ томъ случаѣ, если борьбой на фронтѣ будетъ обезпечено существованіе и свобода Россіи". И, предлагая „вручить отъ имени свободнаго народа полкамъ, участвовавшимъ въ бою 18 іюня, красныя знамена революціи", военный министръ спѣшилъ засвидѣтельствовать: „что бы ни было дальше, сегодняшній день положилъ предѣлъ злостнымъ и клеветническимъ нападкамъ на организацію русской арміи, построенную на демократическихъ началахъ... Пренебрегая небольшими группами малодушныхъ въ немногихъ полкахъ и оставляя ихъ съ презрѣніемъ въ тылу, свободные русскіе воины утверждаютъ своимъ наступленіемъ новую, основанную на чувствѣ гражданскаго долга дисциплину".

Русское общество хотѣло вѣрить этому и радостно ухватилось за первый признакъ того, что въ русской революціи наступаетъ, наконецъ, переломъ къ лучшему. Безъ всякихъ приглашеній, улицы столицы наполнились съ утра 19 іюня новыми толпами манифестантовъ, и по настроенію, и по составу мало похожими на манифестантовъ 18 іюня. Радостный подъемъ толпы, портреты Керенскаго, рѣчи Плеханова, дружественная демонстрація передъ союзными посольствами, зеленыя знамена партіи народной свободы рядомъ съ красными—и даже національный трехцвѣтный флагъ, плакаты съ надписями „довѣріе временному правительству", „за наступленіе" „не измѣнимъ союзникамъ",—все это сливалось въ импровизированную картину неподдѣльнаго національнаго торжества. На минуту казалось, что возвращаются первые дни революціи, съ ихъ единодушнымъ всенароднымъ порывомъ. Слова о революціонномъ энтузіазмѣ, способномъ удесятерить народную мощь, казалось, оправдываются; хотѣлось вѣрить...

Люди, ближе посвященные въ состояніе нашего военнаго дѣла, знали, что возможность наступленія подготовляется не „уговариваніями" Керенскаго и армейскихъ комитетовъ, а подготовкой и новымъ формированіемъ ударныхъ частей, еще не проникшихся началами новой „демократизаціи". Въ ударныхъ частяхъ, какъ показала вскорѣ статистика жертвъ наступленія, громадную роль сыграло офицерство, шедшее впереди солдатъ и исполнявшее обязанности рядовыхъ. Весь расчетъ былъ основанъ на томъ, что первые успѣхи этихъ ударныхъ частей, которые представлялись несомнѣнными, увлекутъ за собой и солдатскую массу. Но это былъ только расчетъ,—и весьма проблематическій. А. Ф. Керенскій замѣтилъ, отдавая 23 мая совѣту р. и с. д. отчетъ о своей поѣздкѣ по фронту, что какъ разъ въ мѣстахъ, гдѣ онъ имѣлъ наибольшій видимый успѣхъ, тотчасъ же „чья-то невидимая рука" немедленно разрушала впечатлѣніе его выступленій. Въ невидимыхъ рукахъ недостатка, конечно, не было; но Керенскій ошибался, объясняя дѣйствіе этой причины—комплотомъ противъ себя лично. Просто, дѣйствіе его рѣчей не могло перемѣнить общей психологіи солдатской массы, явно неблагопріятной всякому усилію воли, необходимому для выполненія задачи, прямой смыслъ которой усердно затемнялся въ глазахъ этой массы проповѣдниками „демократическаго мира",—въ томъ числѣ и самимъ Керенскимъ. Не могли пройти безслѣдно увѣренія по адресу этой массы, „что на очереди не наступленіе, а созданіе возможности наступленія"—для лучшаго хода мирныхъ переговоровъ, которымъ мѣшаютъ союзные капиталисты („Извѣстія" 17 мая). Когда наступленіе, все-таки, началось дѣйствительно, то та же печать принялась утверждать, что оно вовсе не имѣетъ въ виду „шовинистическихъ" цѣлей побѣды, и что „необходимо связать фактъ наступленія съ дальнѣйшимъ развитіемъ кампаніи борьбы за миръ". („Рабочая Газета" 29 іюня). При этихъ условіяхъ, вопросъ о превращеніи первоначальныхъ тактическихъ успѣховъ ударныхъ частей въ стратегическій успѣхъ всего наступленія, дѣйствительно, являлся самымъ кореннымъ и труднымъ вопросомъ. Военные авторитеты хорошо понимали, что тутъ нельзя ограничиться однимъ „презрѣніемъ" къ „трусамъ", которые слишкомъ высоко цѣнятъ свою „драгоцѣнную жизнь" (рѣчь Керенскаго 28 іюня на западномъ фронтѣ), и что необходимы болѣе дѣйствительныя, карательныя и понудительныя мѣры. Къ такимъ мѣрамъ и принужденъ былъ перейти военный министръ подъ давленіемъ очевидной военной необходимости. Еще 26 мая пришлось отдать распоряженіе о расформированіи четырехъ полковъ, отказавшихся выступить и арестовавшихъ

своихъ офицеровъ. 31 мая изданъ приказъ о дезертирахъ, не явившихся до 15 мая; временное правительство лишало ихъ избирательныхъ правъ, а также и „права на полученіе земли при земельной реформѣ“, а семьи ихъ—права на полученіе пайка. То же грозило и лицамъ, „кои самовольно оставили свои части послѣ 15 мая или оставятъ ихъ впредь“. Приказомъ 19 іюня прекращены были отпуски военнослужащихъ—даже и на полевыя работы,—ибо злоупотребленіе ими приводило къ тому, что во многихъ полкахъ оставался чуть не половинный составъ. 1 іюня опубликовано было общее распоряженіе правительства о „немедленномъ расформированіи частей войскъ, опозорившихъ себя забвеніемъ долга передъ свободной родиной и революціей“ и о „неуклонномъ привлеченіи къ суду всѣхъ виновныхъ“ въ „тягчайшихъ воинскихъ преступленіяхъ: неповиновеніи, доходящемъ до сопротивленія и явнаго возстанія, самовольномъ оставленіи позицій или мѣстъ расположенія, отказѣ отъ исполненія боевыхъ приказовъ и отъ иного участія въ бою, а также и подстрекательствѣ къ этимъ преступленіямъ“. Приказъ напоминалъ, что виновные во всемъ этомъ караются каторгой, съ тѣми же послѣдствіями, что и для дезертировъ. Несмотря на эту мѣру, случаи неповиновенія не прекращались. Передъ самымъ наступленіемъ была опубликована сводка данныхъ о явленіяхъ развала въ арміи за 28 мая—3 іюня. На ю.-з фронтѣ двѣ сибирскихъ дивизіи (12 и 13) отказались исполнить боевой приказъ и не хотѣли расформироваться: пришлось начать противъ нихъ форменныя военныя дѣйствія конницей и артиллеріей, и только послѣ того, какъ стрѣлки были окружены и обстрѣляны изъ пушекъ, они согласились сдаться и разоружиться. На румынскомъ фронтѣ одна рота отказалась укрѣплять вторую линію окоповъ. Тамъ же полки 103 дивизіи отказались идти въ резервъ, опасаясь, что ихъ ведутъ на новую позицію, и телеграфировали Керенскому просьбу оставить ихъ на мѣстѣ. Тамъ же шесть ротъ седьмого стрѣлковаго полка не подчинились приказу министра и отказались произвести выборы въ дисциплинарные суды. Шесть ротъ 10 туркестанскаго полка отказались отъ работъ на тыловыхъ дорогахъ.

Можно было при такомъ положеніи поставить вопросъ: возможно-ли и своевременно-ли, вообще, начинать наступленіе и не лучше ли ограничиться удержаніемъ существующаго фронта? Увы, этотъ вопросъ пришлось рѣшать не на основаніи военныхъ, а на основаніи политическихъ соображеній,—и въ этомъ отношеніи правъ былъ В. М. Черновъ, что тутъ политика вмѣшалась въ стратегію. Мы уже говорили, что для руководящей группы министровъ, перешедшихъ изъ перваго состава правительства во второй, наступленіе являлось моральнымъ обязательствомъ передъ союзниками и оправданіемъ произведенной ими перемѣны. Не даромъ Альберъ Тома, по возвращеніи въ Парижъ, указывалъ на предстоящее наступленіе русской арміи, какъ на главное основаніе и доказательство необходимости созданія коалиціоннаго кабинета. Исполнителемъ этой, по существу политической, задачи былъ назначенъ уже 24 мая генералъ Брусиловъ, смѣнившій ген. Алексѣева на посту верховнаго главнокомандующаго. Это былъ какъ разъ подходящій человѣкъ для исполненія порученной ему роли. Не даромъ А. Ф. Керенскій, вступивъ въ должность военнаго министра, опубликовалъ приказъ, которымъ запрещался уходъ въ отставку командного состава. И не даромъ онъ же передъ совѣтомъ р. и с. д. ставилъ себѣ въ заслугу, что, послѣ произведенныхъ имъ перемѣнъ, командный составъ находится въ полномъ распоряженіи „революціонной демократіи“. Приказъ о невыходѣ въ отставку имѣлъ цѣлью закрыть двери тѣмъ генераламъ, кото-

рые громко заявляли о своемъ намѣреніи уйти, если Керенскій опубликуетъ „права солдата". Ген. Гурко поплатился разжалованіемъ въ низшую должность за нежеланіе нести отвѣтственность за роковой шагъ, завершившій собою распадъ арміи. Другіе были уступчивѣе. Ген. Брусиловъ по собственной иниціативѣ сталъ проводить „демократическія" начала во ввѣренныхъ ему арміяхъ; онъ быстро усвоилъ фразеологію „революціонной демократіи", и для военно-техническаго осуществленія политическихъ задачъ былъ несравненно удобнѣе прямого и честнаго, не скрывавшаго своего отрицательнаго отношенія къ новымъ лозунгамъ, ген. Алексѣева. Вмѣсто широкой научной подготовки, широкаго ума, чрезвычайной осторожности и бережливости Алексѣева по отношенію къ ввѣренной ему арміи, Брусиловъ принесъ на свой новый постъ качества отважнаго кавалерійскаго генерала, не стѣсненнаго высшимъ военнымъ образованіемъ, но зато чрезвычайно рѣшительнаго. Выполненіе ближайшей задачи на фронтѣ, на которомъ должно было начаться наступленіе, въ Галиціи, взялъ на себя ген. Корниловъ, умѣвшій, какъ никто, внушать вѣру въ себя своимъ подчиненнымъ и неуклонно проводить разъ установленный планъ. При значительномъ опустѣніи всего вообще фронта нашихъ противниковъ, при особой слабости австрійской арміи, при возможности прикрыть, во время наступленія, свой лѣвый флангъ мало-приступными горами, выборъ сравнительно ограниченнаго Галиційскаго фронта для произведенія съ наименьшими силами наибольшаго политическаго впечатлѣнія былъ вполнѣ понятенъ и удаченъ. Рядъ блестящихъ успѣховъ въ самомъ же началѣ задуманной операціи оправдалъ этотъ выборъ. Сразу были прорваны три ряда вооруженныхъ укрѣпленій противника. Послѣ короткой остановки, 23 іюня, наступленіе возобновилось. Начался знаменитый Корниловскій обходъ въ тѣхъ же предгоріяхъ Карпатъ, гдѣ ген. Корниловъ былъ взятъ въ 1916 г. въ плѣнъ. 27 іюня взятъ былъ городъ Галичъ. 28 іюня противникъ былъ выбитъ изъ города Калуша, съ 18 по 30 іюня взято въ плѣнъ до 36.000 солдатъ и 834 офицера.

Однако, попытки заставить армію поддержать наступленіе въ Галиціи наступленіемъ на другихъ частяхъ фронта оказались безсильными.

Тщетно А. Ф. Керенскій заговорилъ теперь новымъ языкомъ, приглашая западный фронтъ послѣдовать примѣру юго-западнаго. „Въ моихъ рукахъ достаточно власти", заявлялъ министръ, „чтобы прекратить въ корнѣ предательскія явленія". „Командующій фронтомъ и я приказываемъ вамъ, чтобы въ моментъ активныхъ операцій все безчестное, трусливое и все позорящее было выброшено вонъ". „Я приказываю къ моему пріѣзду убрать тѣхъ, которые желаютъ идти назадъ. Я опубликую ихъ имена, чтобы каждый гражданинъ зналъ измѣнниковъ и предателей народа". „Позоръ есть наказаніе, худшее смерти". „Не для словъ и убѣжденій пріѣхалъ я сюда. Убѣждать—поздно".

Ничто не дѣйствовало; менѣе всего сентенціи, вродѣ: „никогда нація трусовъ не возбуждала уваженія". Керенскаго еще слушали и даже хлопали ему. Н. Д. Соколова, на томъ же фронтѣ и въ тѣ же дни (21 іюня) жестоко избили. Отъ имени петроградскаго совѣта р. и с. д. онъ убѣждалъ солдатъ „исполнить свой долгъ".—„Какой долгъ? идти въ наступленіе", прервали оратора.—„Да, выступить противъ врага". Внѣ себя отъ ярости, подбѣжалъ къ нему солдатъ съ крикомъ: „хорошо же: пойдемъ вмѣстѣ. А чтобы пуля не промахнулась, вотъ тебѣ каска". И, снявъ съ себя каску, онъ ударилъ ею Соколова по головѣ съ такой силой, что делегатъ совѣта упалъ, какъ подкошенный. Это послужило сигналомъ къ дикой сценѣ, въ которой были избиты и спутники Н. Д. Со-

колова. „Смерть имъ, повѣсить ихъ", продолжали кричать солдаты, когда полковой комитетъ, подъ видомъ ареста, отнялъ у толпы ея жертвы. Въ другомъ полку подвергся истязаніямъ ген. Л., приказавшій выступить на позицію. Агитаторы распространяли въ арміи слухи, что свѣдѣнія объ успѣхахъ русскаго наступленія въ Галиціи есть простая „провокація". Этого не думали въ Германіи. Тамъ въ русское наступленіе повѣрили,— и это немедленно же отразилось на настроеніи рейхстага, на канцлерскомъ кризисѣ и на обѣщаніи имп. Вильгельма дать послѣ войны всеобщее избирательное право въ Пруссіи. Но опасенія нашихъ непріятелей, что они не дооцѣнили значенія русской революціи, были непродолжительны. 3-го іюля русскія войска принуждены были оставить гор. Калушъ и отойти съ лѣваго берега р. Ломницы на правый. Въ тотъ же день въ Петроградѣ произошли событія, положившія конецъ существованію коалиціоннаго правительства.

8. Агонія первой коалиціи.

Затрудненія коалиціоннаго правительства.—Конфликтъ по украинскому вопросу.—Выходъ министровъ к.-д.—Борьба противъ А. А. Мануйлова.—Подготовка вооруженнаго возстанія.—Возстаніе 3—5 іюля.—Возстаніе изолировано и побѣждено.

Затрудненія коалиціоннаго правительства.

Значеніе дня 18 іюня въ этомъ отношеніи было правильно оцѣнено лѣвой печатью. Меньшевики с.-д., устами „Рабочей Газеты", признавали „ошибку своего расчета— демонстрировать единство революціонной демократіи", выставивъ лозунгъ: „противъ контръ-революціи" и умолчавъ о лозунгѣ: „за правительство". Они соглашались, что, въ итогѣ, демонстрировалось лишь „видимое единство революціоннаго Петрограда", въ смыслѣ объединенія съ большевиками, а по отношенію къ правительству „манифестація 18 іюня превратилась въ манифестацію недовѣрія". „Новая Жизнь" еще опредѣленнѣе утверждала, что демонстраціей 18 іюня вновь поставлена на очередь „проблема власти". „Столичная демократія дала свой отрицательный вотумъ существующему правительству. Къ такому вотуму присоединяться не обязательно. Тѣхъ выводовъ, которые мы видимъ на знаменахъ большевиковъ, можно и не дѣлать. Но нельзя не сдѣлать иного вывода: данная политическая комбинація окончательно потеряла свою устойчивость, и положеніе должно быть разрѣшено въ томъ или иномъ направленіи".

Наступленіе арміи, при очевидной проблематичности его исхода, измѣнило въ этомъ отношеніи очень мало и очень не надолго. Признаки возрастающей слабости временнаго правительства быстро увеличиваются въ числѣ и силѣ въ послѣднія двѣ недѣли іюня. Въ Петроградѣ надъ судебной властью открыто издѣваются арестованные на дачѣ Дурново анархисты. Назвавъ свои имена самозванной комиссіи, избранной петроградскими заводами и утвержденной исполнительнымъ комитетомъ совѣтовъ, они отказываются сдѣлать то же самое для слѣдователя, а комиссія заявляетъ, что не можетъ передать списка именъ прокурору безъ согласія обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ. Въ числѣ арестованныхъ оказывается популярный въ Кронштадтѣ матросъ Желѣзняковъ, и этого достаточно, чтобы вызвать новыя бури въ Кронштадтѣ. „Товарищъ" Рошаль съ коллегами является делегатомъ отъ Кронштадта и ведетъ небезуспѣшные переговоры съ министромъ юстиціи о выдачѣ матросовъ. Тѣмъ временемъ является новая группа анар-

хистовъ до 200 человѣкъ, связанныхъ съ шведскими и американскими анархистами и поставившихъ задачей объединить всѣ бунтарскіе элементы Петрограда для организованныхъ выступленій. Она вновь занимаетъ дачу Дурново, собираетъ оружіе, взрывчатыя вещества, съѣстные припасы и разсылаетъ агитаторовъ по заводамъ и казармамъ. Министерство юстиціи болѣе не реагируетъ. Правительство занято болѣе важными вопросами. Съ небывалой остротой выступаютъ на очередь національные вопросы, и самое радикальное ихъ рѣшеніе находитъ поддержку у съѣзда совѣтовъ,—правда, въ спеціальной секціи съѣзда, гдѣ заинтересованныя группы сами же являются и судьями въ собственномъ дѣлѣ. Общая резолюція секціи по національному вопросу, принятая 17 іюня, требуетъ... „въ интересахъ... сплоченія трудовой демократіи всѣхъ національностей революціонной Россіи“ „немедленнаго вступленія на путь децентрализаціи управленія“ и „немедленнаго“ же признанія правительствомъ „за всѣми народами Россіи права на самоопредѣленіе—вплоть до отдѣленія,—осуществляемаго путемъ соглашенія во всенародномъ Учредительномъ Собраніи“. Правда, резолюція высказывается въ то же время „противъ попытокъ разрѣшенія національнаго вопроса до Учредительнаго Собранія, явочнымъ порядкомъ, путемъ обособленія отъ Россіи отдѣльныхъ ея частей“. Но стоило черезъ нѣсколько дней пріѣхать въ Петроградъ финляндскимъ соціалъ-демократамъ, и съѣздъ, въ нарушеніе только-что приведеннаго правила, требуетъ отъ правительства „немедленнаго“ признанія за сеймомъ всѣхъ тѣхъ правъ,—„за исключеніемъ внѣшней политики и военнаго законодательства и управленія“,—которыя признаетъ за сеймомъ и внесенный комиссіей сейма экспромптомъ законопроектъ, замѣнившій прежній правительственный проектъ о правахъ сената (см. выше). Переговориться съ „братскими соціалистическими партіями“ Финляндіи о валютномъ займѣ въ 350.000 марокъ ѣдетъ спеціальная комиссія отъ съѣзда совѣтовъ (Гегечкори, Авксентьевъ и Завадье)—и возвращается безъ всякихъ результатовъ, послѣ частныхъ переговоровъ, которые производятъ на русскую делегацію „тягостное впечатлѣніе“. Усложняется положеніе и на Украинѣ. Проектъ послать туда делегацію съ информаціонными цѣлями падаетъ, въ виду отказа всѣхъ кандидатовъ въ делегаты: Мякотина, Водовозова, Ольденбурга, Вернадскаго. Тогда отправляются въ Кіевъ министры: Церетели, Терещенко, Некрасовъ, къ которымъ присоединяется по пути самъ Керенскій (28 мая). Послѣ новыхъ „частныхъ“ переговоровъ съ частными же національными организаціями они передаютъ оставшимся въ Петроградѣ товарищамъ по кабинету (30 іюня) по прямому проводу сообщеніе о состоявшемся соглашеніи относительно крупнаго государственнаго акта, имѣющаго быть опубликованнымъ немедленно. Министры-делегаты разсматриваютъ при этомъ свое соглашеніе, какъ своего рода тріумфъ дипломатическаго искусства, и именно поэтому настаиваютъ на скорѣйшемъ оформленіи оффиціальнаго документа, ими обѣщаннаго. Но на этотъ разъ министры—члены партіи народной свободы—не соглашаются примириться съ новымъ fait accompli. Они требуютъ обсужденія вопроса въ общемъ собраніи министровъ, по возвращеніи министерской делегаціи изъ Кіева.

Конфликтъ по украинскому вопросу.

Въ теченіе всего дня 30 іюня соглашеніе обсуждалось въ Кіевѣ въ нѣсколькихъ закрытыхъ засѣданіяхъ Центральной Рады и, несмотря на противодѣйствіе украинскихъ с.-р. и генеральнаго войскового комитета, не соглашавшагося на ограниченія въ дѣлѣ

созданія національнаго войска, было принято большинствомъ 100 человѣкъ противъ 70, при значительномъ числѣ воздержавшихся. Было условлено, что на правительственный актъ Рада отвѣтитъ своимъ актомъ, текстъ котораго былъ тутъ же выработанъ. Въ этомъ актѣ генеральный секретаріатъ признавался отвѣтственнымъ не передъ центральной властью, а передъ Радой, и по этому пункту украинскіе дѣятели не пошли ни на какія уступки, такъ какъ эта черта была равносильна признанію самой Рады носительницей высшей власти на Украинѣ. Когда, послѣ переговоровъ по прямому проводу съ Петроградомъ, выяснилось, что предположенные акты не могутъ быть опубликованы немедленно, а должны быть еще санкціонированы полнымъ составомъ кабинета, то противники соглашенія заговорили о полной неудачѣ соглашенія. Однако, въ ночномъ засѣданіи исполнительныхъ комитетовъ общественныхъ организацій (совѣта р. и с. д., коалиціоннаго совѣта студенчества и представителей политическихъ партій) Церетели, Керенскій и Терещенко въ рядѣ рѣчей поспѣшили закрѣпить основныя начала состоявшагося соглашенія, не дожидаясь результатовъ петроградскаго обсужденія. Той же ночью на первое іюля они вызвали Винниченко изъ засѣданія Рады и уговорились съ нимъ окончательно относительно деталей соглашенія.

Такимъ образомъ, когда министры вернулись черезъ ставку, послѣ полудня 2-го іюля, въ Петроградъ, „совершившійся фактъ" былъ уже созданъ. На засѣданіи у князя Львова выработанное въ Кіевѣ постановленіе правительства было оглашено, причемъ было заявлено, что оно не подлежитъ никакому обсужденію и должно быть принято безъ всякихъ измѣненій. Такая постановка вопроса не оставила никакого выхода для министровъ партіи народной свободы. Они имѣли противъ изготовленнаго текста рядъ принципіальныхъ возраженій. Несмотря на свою дипломатичность и внутреннюю противорѣчивость, предположенный актъ впервые санкціонировалъ всю сущность претензій, заявленныхъ Радой въ ея „универсалѣ" и въ „деклараціи" главнаго секретаріата. Создавался краевой органъ съ совершенно неопредѣленной территоріей и компетенціей, причемъ неопредѣленность эта явно шла на пользу дальнѣйшаго развитія и укрѣпленія украинской особности, вовсе не встрѣчавшей первоначально безусловной поддержки въ краѣ. Какъ и въ случаѣ съ Финляндіей, этимъ несомнѣнно предрѣшалась воля Учредительнаго Собранія относительно будущаго устройства Россіи, вопреки всѣмъ формальнымъ увѣреніямъ въ обратномъ. Наконецъ, уступкой Украинѣ создавался прецедентъ, которымъ не могли не воспользоваться другія народности Россіи для созданія, явочнымъ порядкомъ, областныхъ автономій внѣ всякаго общегосударственнаго плана и съ такой компетенціей, которая могла идти вразрѣзъ съ интересами государственнаго единства. Взять на себя отвѣтственность за все это, при томъ условіи, что руководящая группа въ правительствѣ уже открыто игнорировала мнѣнія одной изъ составныхъ частей министерской коалиціи, значило согласиться на полное самоуничтоженіе.

На голосованіе былъ поставленъ именно предварительный вопросъ: принимать ли текстъ соглашенія, выработанный Церетели и Терещенко въ Кіевѣ, безъ всякихъ измѣненій. За это голосовали всѣ министры-соціалисты, къ которымъ присоединились предсѣдатель кн. Львовъ и оберъ-прокуроръ В. Н. Львовъ. Противъ голосовали министры партіи народной свободы (А. И. Шингаревъ, А. А. Мануйловъ, кн. Д. И. Шаховской и управляющій министерствомъ торговли и промышленности В. А. Степановъ), къ которымъ присоединился государственный контролеръ И. В. Годневъ. Н. В. Некрасовъ за-

явилъ, что принимаетъ на себя моральную отвѣтственность за участіе въ кіевскихъ рѣшеніяхъ, но воздерживается отъ голосованія, считая для себя обязательной солидарность съ партіей. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ, однако, предпочелъ отдѣлить свою дальнѣйшую судьбу отъ судьбы министровъ к.-д., пославъ въ ц. к. партіи народной свободы заявленіе о своемъ выходѣ изъ партіи. Выходъ этотъ явился, въ сущности, неизбѣжнымъ логическимъ послѣдствіемъ всего поведенія Н. В. Некрасова за время революціи,—поведенія, которое уже вызвало осужденіе многихъ членовъ майскаго партійнаго съѣзда, лишь по настоянію ц. к. перевыбравшихъ его въ члены центральнаго органа.

Выходъ министровъ к.-д.

Отъ имени остальныхъ министровъ к.-д. А. И. Шингаревъ объявилъ въ первомъ часу ночи на 3-ье іюля о ихъ выходѣ изъ состава правительства. Онъ мотивировалъ это рѣшеніе не однимъ только голосованіемъ по украинскому вопросу, но и тѣмъ общимъ соображеніемъ, что министры к.-д., оставаясь постоянно въ меньшинствѣ, вынуждены нести отвѣтственность за цѣлый рядъ актовъ правительства, для нихъ непріемлемыхъ. Въ этомъ же смыслѣ высказался и ц. к. партіи народной свободы въ своемъ заявленіи о мотивахъ „отозванія своихъ представителей изъ состава временнаго правительства". Партія „видѣла единственный способъ спасти завоеванную свободу и отразить внѣшняго врага", говорилось здѣсь, „въ созданіи объединеннаго національнаго правительства, опирающагося на широкіе слои населенія". Она соглашалась оставить своихъ представителей въ коалиціонномъ правительствѣ „въ надеждѣ, что этимъ путемъ создается власть, одухотворенная желаніемъ найти равнодѣйствующую всѣхъ представленныхъ въ странѣ теченій и осуществить единую національную волю". Ц. к. признавалъ теперь, что „эта цѣль не была достигнута: основная идея коалиціи не была осуществлена" и не дала странѣ „единой авторитетной власти". Такая власть могла бы быть достигнута лишь „путемъ взаимныхъ соглашеній, направленныхъ къ осуществленію обще-національныхъ задачъ". Ц. к. констатируетъ, что коалиціонное правительство пошло инымъ путемъ: „путемъ перевѣса большинства надъ меньшинствомъ". „По цѣлому ряду вопросовъ внѣшней и внутренней политики, существенно затрагивавшихъ начала единства и силы власти (см. мандатъ партіи, данный ея представителямъ 5 мая), члены партіи к.-д. оставались въ меньшинствѣ." Украинскій вопросъ являлся лишь „послѣднимъ и особенно яркимъ" случаемъ такого майоризированія министровъ к.-д. руководящей группой правительства. Ц. к. излагалъ далѣе свои возраженія по существу соглашенія съ Радой. Вполнѣ признавая „необходимость разработки областной автономіи Украины для внесенія въ Учредит. Собраніе", онъ считалъ недопустимымъ „немедленное созданіе мѣстной власти, отвѣтственной передъ мѣстной же общественной организаціей и призванной функціонировать съ неопредѣленными полномочіями и на неопредѣленной территоріи", а также и заблаговременное выраженіе правительствомъ сочувствія проекту областной автономіи, содержаніе котораго остается правительству неизвѣстнымъ. То и другое является „въ высшей степени опаснымъ прецедентомъ, предрѣшающимъ, вопреки данной правительствомъ присягѣ, волеизъявленіе Учредительнаго Собранія и основныя черты будущаго государственнаго устройства Россіи." По отношенію къ будущему правительству партія „желаетъ вѣрить", что оно окажетъ содѣйствіе начавшемуся

на фронтѣ наступленію и будетъ стремиться найти путь къ нормальному устроенію внутренней жизни". На этихъ условіяхъ, т. е. въ „заботахъ о благѣ Россіи и въ борьбѣ съ врагомъ внѣшнимъ", партія обѣщала „всецѣло поддержать новое временное правительство".

Борьба противъ А. А. Мануйлова.

Что украинское соглашеніе было лишь послѣдней каплей, переполнившей чашу долготерпѣнія министровъ к.-д. и ц. к. партіи, видно изъ того, что внѣшній поводъ для кризиса къ тому же времени созрѣлъ еще и въ другомъ мѣстѣ. Противъ министровъ к.-д., вообще, велась ихъ противниками кампанія въ одиночку. На очереди въ данный моментъ стоялъ А. А. Мануйловъ. За нимъ намѣчался, какъ объектъ для открытаго нападенія, А. И. Шингаревъ. Лѣвая печать даже упрекала к.-д. въ „политиканствѣ" за то, что они будто бы не захотѣли принимать борьбы въ вопросѣ объ уходѣ А. А. Мануйлова и потому поспѣшили поставить кабинетный вопросъ на украинскомъ соглашеніи. Дѣйствительно, борьба противъ министра просвѣщенія была доведена до послѣдняго фазиса: до объявленія ему „демократическаго" недовѣрія и разрыва дипломатическихъ сношеній. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія имѣлся свой органъ „демократическаго" представительства и контроля, который игралъ ту же роль, какую играли соотвѣтственные органы, созданные „революціонной демократіей" при другихъ вѣдомствахъ: роль фактора разрушенія вѣдомства изнутри и радикальной перестройки всего дѣла народнаго просвѣщенія на новыхъ началахъ и новыми методами. „Государственный комитетъ"—такъ называлъ себя этотъ органъ—состоялъ изъ представителей отъ всероссійскаго учительскаго союза, совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, временнаго комитета Г. Думы, совѣта всероссійскихъ кооперативныхъ съѣздовъ, земскаго союза, академическаго союза и всероссійскаго совѣта крестьянскихъ депутатовъ. Обвиненіе противъ А. А. Мануйлова, формулированное членомъ этого комитета г. Пинкевичемъ въ „Новой Жизни", заключалось въ томъ, что министръ игнорируетъ работу комитета, предпочитая ей работу вѣдомства. Съ начала іюня комитетомъ переданы въ министерство „въ совершенно законченномъ видѣ" семь законопроектовъ, а между тѣмъ министръ „не провелъ черезъ временное правительство ни одного изъ нихъ, усиленнымъ темпомъ проводя законопроекты и циркуляры, выработанные въ нѣдрахъ министерства". Конечно, это произошло вовсе не вслѣдствіе злой воли министра и не вслѣдствіе его отрицательнаго отношенія къ демократическимъ началамъ. Въ засѣданіи государственнаго комитета 1 іюля А. А. Мануйловъ объявилъ, что, формально, задержка не за нимъ, а за временнымъ правительствомъ, по горло занятымъ другими дѣлами, а, принципіально, комитетъ не прибавилъ ничего новаго къ принципамъ 1905 г. въ учебномъ дѣлѣ, которые раздѣляетъ и министръ. „Законопроекты", упомянутые г. Пинкевичемъ, носили обычныя характерныя черты скорѣе литературнаго, чѣмъ законодательнаго творчества В. И. Чарнолусскаго, наиболѣе вліятельнаго члена комитета. Это были стройныя, но отвлеченныя теоретическія схемы, безъ всякой технической разработки и безъ возможности непосредственнаго практическаго примѣненія. Основной идеей законопроектовъ комитета была передача всего дѣла народнаго просвѣщенія въ руки демократическихъ мѣстныхъ органовъ губернскихъ, уѣздныхъ, волостныхъ и городскихъ комитетовъ, построен-

ныхъ по образцу „государственнаго комитета". Все это было намѣчено лишь въ очень общихъ чертахъ,—и все это предполагалось провести уже къ началу 1917—18 учебнаго года, что было, очевидно, дѣломъ невозможнымъ и грозило полнымъ хаосомъ и разстройствомъ учебнаго дѣла. Министерство должно было приложить свой штемпель къ законопроектамъ комитета, а затѣмъ предполагалось созвать 10—20 августа „особое государственное совѣщаніе", въ составѣ свыше 1000 человѣкъ, своего рода парламентъ, для обсужденія способовъ практическаго осуществленія новыхъ формъ организаціи народнаго образованія, въ условіяхъ временныхъ законодательныхъ нормъ, установленныхъ работой гос. комитета и министерства. Это была опять попытка предварить и сдѣлать излишней работу Учред. Собранія.

Естественно, что министръ народнаго просвѣщенія не могъ превратить свое вѣдомство въ „исполнительный органъ комитета", не могъ допустить непосредственнаго представительства, помимо себя, при временномъ правительствѣ, не могъ разгонять состава служащихъ въ угоду комитету и не могъ согласиться на созывъ парламента народнаго просвѣщенія, долженствовавшаго взять въ свои руки законодательную работу и пополнить пробѣлы комитетскихъ законопроектовъ. Все это А. А. Мануйловъ объяснилъ въ засѣданіи комитета и кончилъ свои объясненія заявленіемъ, что „совмѣстная работа министерства и комитета возможна лишь тогда, когда комитетъ станетъ на правильную точку зрѣнія, что министръ и министерство тоже имѣютъ право принимать участіе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія". На это государственный комитетъ отвѣтилъ резолюціей, что „дальнѣйшая совѣтская работа комитета съ министерствомъ не можетъ быть плодотворна при настоящихъ условіяхъ", и прервалъ свои занятія на двѣ недѣли. Товарищъ министра, трудовикъ Преображенскій, немедленно подалъ въ отставку въ виду этого „вотума недовѣрія", и министру предоставлялось сдѣлать то же самое. Поводъ для министерскаго кризиса былъ, такимъ образомъ, дѣйствительно, налицо и помимо украинскаго соглашенія,—и онъ былъ, въ сущности, тотъ же самый: желаніе использовать коалицію для того, чтобы подъ ея фирмой вести партійно-соціалистическую работу.

Подготовка вооруженнаго возстанія.

Совершенно въ сторонѣ отъ министерскихъ преній, приведшихъ къ кризису въ ночномъ засѣданіи 2—3 іюля, происходила подпольная работа большевиковъ и анархистовъ, результаты которой обнаружились для большой публики въ одно время съ министерскимъ кризисомъ. Естественно, что въ представленіи общественнаго мнѣнія уходъ к.-д. и большевистское возстаніе въ Петроградѣ оказались находящимися въ какой-то связи, а политическіе противники к.-д., въ томъ числѣ и бунтовщики, воспользовались этимъ представленіемъ, чтобы представить самое возстаніе 3—5 іюля, какъ вызванное, будто бы, кризисомъ „министровъ-капиталистовъ".

На самомъ дѣлѣ, возстаніе, на этотъ разъ вооруженное, готовилось заблаговременно. И внѣшнимъ поводомъ для него долженъ былъ служить не министерскій кризисъ, а мотивъ, гораздо болѣе удобный для демагогической агитаціи среди солдатъ: расформированіе полковъ, отказавшихся идти въ наступленіе. Заблаговременно намѣченъ былъ и руководящій органъ вооруженной демонстраціи, долженствовавшей перейти въ возстаніе: рабочая секція совѣта р. и с. д. „Правда" и „Солдатская Правда" еще въ концѣ іюня

напечатали проектъ борьбы съ „контръ-революціей“, на принятіи котораго предполагалось настаивать въ нарочно созванномъ для этого экстренномъ засѣданіи рабочей секціи. 30 іюня появилось въ „Правдѣ“ объявленіе о назначеніи этого засѣданія на 1-ое іюля, причемъ всѣ большевики и „объединенцы“ приглашались явиться въ это засѣданіе обязательно, подъ угрозой замѣны ихъ другими большевиками. 2-го іюля, однако, „Правда“ объявляла, что засѣданіе рабочей секціи перенесено на 3 іюля. Въ этотъ вечеръ, дѣйствительно, совершено было завоеваніе рабочей секціи большевиками. Всѣ лидеры, Зиновьевъ, Каменевъ, Троцкій, были налицо. Голосами большевиковъ измѣненъ былъ порядокъ повѣстки, и на первое мѣсто былъ поставленъ вопросъ о „контръ-революціи“. Когда, такимъ образомъ, декораціи были разставлены, поднялся занавѣсъ и начался спектакль. Въ нарочно устроенномъ перерывѣ передъ началомъ пьесы стало извѣстно, что, вопреки запрещенію вооруженныхъ выступленій, къ Таврическому дворцу идутъ первый пулеметный и гренадерскій полки. „Разъ выступила масса“, заявилъ торжествующій Каменевъ, „намъ остается только придать выступленію организованный характеръ“. И онъ внесъ предложеніе избрать комиссію 25-ти, которая бы взяла въ свои руки руководство выступленіемъ. Анархистъ Блейхманъ заявилъ: „мѣсто временному правительству въ Петропавловской крѣпости“. Тщетно возражали застигнутые врасплохъ меньшевики; тщетно подоспѣвшій Чхеидзе возражалъ противъ избранія комиссіи, ссылаясь на то, что избранный съѣздомъ центральный комитетъ совѣтовъ какъ разъ обсуждаетъ вопросъ о правительственномъ кризисѣ. Тщетно, наконецъ, меньшевики и с.-р. прибѣгаютъ къ послѣднему средству и покидаютъ залъ передъ голосованіемъ предложенной большевиками резолюціи, желая сорвать кворумъ. Большевиками принимается резолюція: „въ виду кризиса власти, рабочая секція настаиваетъ на томъ, чтобы всероссійскій совѣтъ р. с. и крестьянскихъ д. взялъ въ свои руки всю власть. ..... Надѣясь найти... полную поддержку со стороны солдатской секціи, рабочая секція выбираетъ бюро изъ 25 человѣкъ, которому поручаетъ дѣйствовать отъ имени рабочей секціи въ контактѣ съ петроградскимъ и всероссійскимъ исполнительными комитетами; всѣ же остальные члены уходятъ въ районы, извѣщаютъ рабочихъ и солдатъ объ этомъ рѣшеніи и, оставаясь въ постоянной связи съ комиссіей, стремятся придать движенію мирный и организованный характеръ“. Такимъ образомъ, въ моментъ появленія первой вооруженной силы, очевидно, по заранѣе условленному соглашенію, создавался главный штабъ возстанія и проводились нити къ периферіи. На слѣдующій день, 4 іюля, солдатская секція и 5 іюля совѣтъ въ цѣломъ должны были санкціонировать рѣшеніе рабочей секціи.

Внѣ Таврическаго дворца, на улицахъ, митинговые ораторы развивали планъ большевиковъ совершенно открыто. Они обѣщали слушателямъ, что придутъ вооруженные кронштадтцы, которые, вмѣстѣ съ первымъ пулеметнымъ полкомъ и гвардейскими: Московскимъ, Гренадерскимъ и Павловскимъ, должны захватить власть и передать ее въ руки совѣтовъ р. и с. д. Еще днемъ 3-го іюля исполнительный комитетъ получилъ извѣстіе, что первый пулеметный полкъ разослалъ агитаторовъ къ частямъ гарнизона, чтобы склонить ихъ къ вооруженному выступленію, и что нѣкоторые полки дали на это свое согласіе. Бюро центральнаго комитета с.-р. и с.-д. и бюро исполнительнаго комитета крестьянскихъ депутатовъ немедленно разослали въ полки по телеграфу воззваніе, въ которомъ напоминалось, что вооруженныя выступленія безъ призыва главнокомандующаго

запрещены, что нарушители будутъ объявлены измѣнниками и врагами революціи и что расформированіе полковъ—поводъ для выступленія—произведено по требованію армейскихъ и фронтовыхъ организацій и согласно приказу „избраннаго нами военнаго министра, товарища А. Ф. Керенскаго". Правительству стало извѣстно о готовящемся вооруженномъ возстаніи еще 2-го іюля вечеромъ: тогда же было сообщено объ этомъ штабу петроградскаго военнаго округа и министру юстиціи Переверзеву, который сдѣлалъ срочный докладъ правительству.

Возстаніе 3—5 іюля.

Это не помѣшало, какъ мы видѣли, большевикамъ начать съ вечера 3-го іюля осуществленіе задуманнаго плана. Намѣченныя войсковыя части, первый пулеметный и гренадерскій полки (послѣдній въ составѣ всего 800 чел.), выступили изъ казармъ ровно безъ четверти девять. Ровно въ девять вооруженный автомобиль требовалъ выступленія Семеновскаго полка, но тотъ заявилъ, что выступитъ только по приказанію своего комитета. За часъ—два до этого двинулись въ центральныя части города рабочіе забастовавшихъ заводовъ—Леснера, Нобеля, Парвіайнена, Путиловскаго. Въ началѣ десятаго всѣ эти толпы пришли къ Таврическому дворцу и запрудили прилегающія улицы. Попытки Чхеидзе убѣдить ихъ разойтись остались безплодны: они знали, зачѣмъ пришли, и встрѣтили шумными аплодисментами призывы Троцкаго о передачѣ всей власти совѣтамъ. Была попытка арестовать Керенскаго. Въ 8 часовъ вечера шесть автомобилей съ пулеметами пріѣхали для этого на варшавскій вокзалъ. Но военный министръ ихъ предупредилъ: въ 7 ч. 40 мин. онъ уѣхалъ въ дѣйствующую армію. Около 10 ч. появился автомобиль у квартиры кн. Львова и потребовалъ выдачи всѣхъ засѣдавшихъ тамъ министровъ. Дѣло ограничилось, однако, захватомъ автомобиля Церетели.

Въ Таврическомъ дворцѣ упорно носился слухъ, что арестованы всѣ министры. Только пріѣздъ Церетели и Чернова разувѣрилъ публику. Министры приняли участіе въ соединенномъ засѣданіи ц. к. совѣтовъ и исп. к. совѣта крест. д., которое началось въ полночь на 4 іюля. За подписью Чхеидзе послана была телефонограмма во всѣ полки съ предложеніемъ прислать делегатовъ отъ каждой части. Делегаты начали прибывать. Но снаружи къ дворцу продолжали приходить новыя толпы рабочихъ, настроенныхъ болѣе революціонно. Предложеніе Чхеидзе всѣмъ присутствующимъ—взять на себя моральную отвѣтственность за проведеніе до конца всѣхъ постановленій собранія и уйти изъ засѣданія тѣмъ, кто не хочетъ дать такого обязательства—было принято всѣми, кромѣ 21 большевика и с.-р. интернаціоналиста. Выйдя изъ зала, эта группа скоро вернулась съ протестомъ противъ нарушенія правъ меньшинства и продолжала участвовать въ преніяхъ. Большинство ораторовъ рѣшительно высказывалось противъ выступленія. Нѣкоторые требовали объявленія военнаго положенія. Требованіе нѣкоего Склярова, одѣтаго въ форму солдата пулеметнаго полка, о передачѣ власти петроградскому совѣту р. и с. д. кончилось обнаруженіемъ самозванства его и арестомъ оратора. Кругомъ дворца, въ саду, подъ охраной вооруженныхъ солдатъ, всю ночь шли митинги и развѣвались знамена и плакаты съ требованіемъ: „вся власть совѣтамъ". Члены агитаціонной комиссіи петроградскаго совѣта освѣдомлялись на мѣстахъ, на заводахъ и въ казармахъ о настроеніи.

Наступило 4-е іюля. Правительство, теперь уже вполнѣ освѣдомленное, имѣло достаточно времени, чтобы приготовиться къ защитѣ и пресѣчь дальнѣйшіе безпорядки.

Въ дѣйствительности, правительство проявило то же бездѣйствіе и обнаружило такое же безсиліе, какія, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, привели къ побѣдѣ большевиковъ. Лица, явившіяся въ полдень въ штабъ петроградскаго военнаго округа, гдѣ предполагалось засѣданіе министровъ, не состоявшееся вечеромъ, „имѣли случай наблюдать явленія, не могущія быть названными иначе, какъ „кризисъ власти"... Нѣкоторые члены временнаго правительства и исполнительный комитетъ находились фактически въ плѣну, въ Таврическомъ дворцѣ, окруженномъ вооруженными демонстрантами, причемъ изъ исполнительнаго комитета просили по телефону прислать выручку и справлялись, послана ли артиллерія. Члены врем. правительства, М. И. Терещенко и Н. В. Некрасовъ, ушли изъ штаба, ни съ кѣмъ не простившись, еще до прихода вызваннаго главнокомандующаго войсками (они вернулись въ штабъ послѣ полуночи, когда Таврическій дворецъ былъ уже освобожденъ). Составителямъ протокола стало извѣстно, что нѣтъ точныхъ свѣдѣній о настроеніи воинскихъ частей, и не могло правительство учесть соотношенія силъ. *)

Не въ лучшемъ положеніи было и соціалистическое большинство совѣтовъ. Въ пять часовъ утра соединенное засѣданіе въ Таврич. дворцѣ приняло резолюцію, въ которой исполнительные органы совѣта „съ негодованіемъ отвергали всякую попытку давить на ихъ волю" и приравнивали къ „предательству" дѣянія вооруженныхъ людей, проливших кровь на улицахъ столицы, и ихъ вдохновителей. Резолюція „протестовала противъ этихъ зловѣщихъ признаковъ разложенія, подкапывающихся подъ всякую народную власть, не исключая и власти будущаго Учредительнаго Собранія", и „требовала, разъ навсегда, прекращенія подобныхъ, позорящихъ революціонный Петроградъ, выступленій". Дальше резолюціи представители совѣтовъ пойти не могли. Когда среди дня подошли къ Таврическому дворцу кронштадтскіе матросы и пытались силой проникнуть внутрь дворца, и когда навстрѣчу имъ вышелъ Черновъ, его съ трудомъ выслушали, прерывали рѣзкими вопросами и возгласами, хотѣли обыскать, затѣмъ схватили, посадили въ автомобиль и объявили заложникомъ. Въ залѣ засѣданія при вѣсти объ арестѣ Чернова началась паника. Раньше, чѣмъ избранная тутъ же делегація для освобожденія Чернова исполнила порученіе, министра освободилъ большевикъ Троцкій и при дружныхъ аплодисментахъ провелъ его въ залъ засѣданій. Быть можетъ, участники засѣданія смутно чувствовали, чей тріумфъ означаетъ эта унизительная сцена. Послѣ нея въ засѣданіе были допущены 90 представителей 64 фабрикъ и заводовъ, которые выражали свое возмущеніе воззваніями исполнительныхъ органовъ совѣтовъ, обличали министровъ-соціалистовъ, которые „вошли съ соглашеніе съ буржуазіей", требовали контроля надъ промышленностью и передачи всей власти совѣтамъ. Послѣ того, какъ Чхеидзе удалилъ, наконецъ, изъ засѣданія постороннихъ, Церетели выступилъ съ предложеніемъ собрать въ теченіе двухъ недѣль новый всероссійскій съѣздъ совѣтовъ—притомъ въ Москвѣ, „чтобы безотвѣтственныя лица не мѣшали работать",—а до съѣзда оставить власть въ рукахъ министровъ-соціалистовъ, чтобы показать, что уходъ к.-д. не испугалъ буржуазію. Данъ отъ имени своихъ единомышленниковъ заявилъ, что они несогласны на передачу власти соціалистамъ. „Пусть возьмутъ власть тѣ, кто вызвалъ событія 3-го іюля". Эти испуган-

*) Протоколъ этотъ, объясняющій появленіе письма Алексинскаго и Панкратова (см. ниже), появился въ газетахъ 9-го іюля.

ныя рѣчи свидѣтельствуютъ о паническомъ настроеніи собранія, питавшемся тревожными слухами извнѣ. То въ залъ вбѣгаетъ солдатъ и, прерывая оратора (Стеклова), кричитъ, что на Марсовомъ полѣ казаки разстрѣливаютъ народъ. То съ хоръ кричатъ, что у Таврическаго дворца казаки разстрѣливаютъ солдатъ (въ дѣйствительности происходило обратное). То въ залъ является солдатъ съ винтовкой и отъ „имени революціонной арміи“ требуетъ Церетели: иначе придутъ вооруженные солдаты и выведутъ его силой. То доносятся слухи, что передъ дворцомъ кричатъ: „надо убить министровъ-соціалистовъ“, „уничтожить буржуазію, какъ насѣкомыхъ“ и т. д.

Весь день, до вечера, городъ былъ въ рукахъ возставшихъ, и если бы возставшіе серьезно расчитывали на побѣду, если бы они составили соотвѣтственный тактическій планъ дѣйствій, если бы они имѣли наготовѣ политическую программу, день 4-го іюля могъ бы закончиться ихъ торжествомъ. Но они лишь дѣлали первую пробу и еще не знали, до какой степени слабо и беззащитно правительство. Оказавшись, неожиданно для себя, господами положенія, они бестолково метались по улицамъ и не знали что дѣлать дальше. Въ этотъ день имъ больше нечего было сказать. Пришедшіе въ Петроградъ кронштадтцы заявляли, что не знаютъ, зачѣмъ ихъ вызвали и почему заставляютъ голодными скитаться по улицамъ. Въ разныхъ частяхъ Петрограда, особенно на людныхъ перекресткахъ, собиралась безпорядочная толпа, затѣмъ раздавался шальной выстрѣлъ, за нимъ слѣдовала пулеметная и ружейная перестрѣлка, и толпа въ паникѣ шарахалась въ сторону, оставляя на мѣстѣ случайныя жертвы любопытства.

Возстаніе изолировано и побѣждено.

Наконецъ, растерявшаяся власть начала приходить въ себя. Кн. Львовъ съ нѣкоторыми членами врем. правительства находились въ штабѣ главнокомандующаго войсками округа, откуда и дѣлались распоряженія. Днемъ 4-го іюля, „исполняя приказъ временнаго правительства“, ген. Половцевъ, предложилъ воинскимъ частямъ приступить немедленно къ возстановленію порядка на улицахъ. Не дожидаясь этого приказа, первые явились на выручку беззащитнаго тогда штаба и правительства—инвалиды. Вмѣстѣ съ юнкерами и добровольцами изъ публики они овладѣли нѣсколькими броневыми автомобилями. Въ 7 ч. вечера на Дворцовой площади собрались юнкера Владимірскаго военнаго училища, 9-й кавалерійскій полкъ и первый казачій полкъ. Правительство вызвало еще изъ Павловска конную гвардейскую артиллерію и двѣ сотни (1-я и 4-я) донскихъ казачьихъ полковъ, четыре роты измайловцевъ и двѣ роты семеновцевъ. „Немедленно по прибытіи войскъ и по полученіи крайне тревожныхъ извѣстій отъ членовъ врем. правительства, находившихся въ Таврическомъ дворцѣ, часть войскъ была направлена для освобожденія исполнительнаго комитета, окруженнаго въ Таврическомъ дворцѣ. По пути прикрывавшіе артиллерію казаки подверглись около Троицкаго моста перекрестному и пулеметному огню; среди нихъ были довольно значительныя потери. Артиллерія, давъ залпъ, разомъ очистила себѣ дорогу, и толпы у Таврическаго дворца разбѣжались“. (Правительственное сообщеніе). Для разоруженія автомобилей и вооруженныхъ людей, прибывшія на Дворцовую площадь войска были распредѣлены по районамъ. Въ каждый районъ были направлены сотня казаковъ, взводъ 9-го кавалерійскаго полка и взводъ преображенцевъ. Всѣ захваченные автомобили и арестованныя лица направлялись въ

главный штабъ, гдѣ уже засѣдала слѣдственная комиссія и допрашивала задержанныхъ. По центральнымъ улицамъ съ вечера ходили военные патрули.

„До прибытія войскъ", говорится въ оффиціальномъ сообщеніи, „вооруженной толпой подъ руководствомъ неизвѣстныхъ лицъ была сдѣлана неудачная попытка захватить контръ-развѣдочное бюро на Воскресенской набережной". Очевидно, „неизвѣстныя лица" хорошо знали, какого рода свѣдѣнія хранятся въ контръ-развѣдкѣ по поводу большевистскихъ вождей. И ихъ опасенія, что этотъ матеріалъ станетъ извѣстенъ, были не напрасны. Въ теченіе того же 4 іюля членъ второй Гос. Думы Алексинскій и шлиссельбуржецъ Панкратовъ сообщили правительству, что у нихъ имѣются документы, „изъ которыхъ русскіе граждане увидятъ, откуда и какая опасность грозитъ русской свободѣ". Документы эти немедленно были сообщены Преображенскому полку, ближайшему къ штабу,—и круто измѣнили его настроеніе въ сторону защиты правительства. Министръ юстиціи Переверзевъ согласился не препятствовать напечатанію писемъ. Въ виду трудности немедленнаго напечатанія всѣхъ документовъ, было сдѣлано короткое изложеніе главнѣйшихъ фактовъ и передано въ бюро журналистовъ. Слухи о содержавшихся тамъ разоблаченіяхъ сильно повліяли на переломъ настроенія воинскихъ частей. Вотъ эти разоблаченія—въ томъ видѣ, какъ они появились въ газетахъ на слѣдующій день, 5 іюля.

„Протоколъ отъ 16 мая 1917 года, № 3719. Начальникъ штаба верховнаго главнокомандующаго препроводилъ военному министру протоколъ допроса отъ 28 апрѣля с. г. прапорщика 16 Сибирскаго стрѣлковаго полка Ермоленко. Изъ показаній, данныхъ имъ начальнику развѣдывательнаго отдѣленія штаба верховнаго главнокомандующаго, устанавливается слѣдующее. Онъ переброшенъ 25 апрѣля с. г. къ намъ на фронтъ 6-ой арміи для агитаціи въ пользу скорѣйшаго заключенія сепаратнаго мира съ Германіей. Порученіе это Ермоленко принялъ по настоянію товарищей. Офицеры германскаго генеральнаго штаба, Шидицкій и Люберсъ, ему сообщили, что такого же рода агитацію ведутъ въ Россіи агентъ германскаго генеральнаго штаба и предсѣдатель украинской секціи „союза освобожденія Украины", А. Скоропись-Іолтуховскій и Ленинъ. Ленину поручено стремиться всѣми силами къ подорванію довѣрія русскаго народа къ временному правительству. Деньги на агитацію получаются через Свенсона, служащаго въ Стокгольмѣ при германскомъ посольствѣ. Деньги и инструкціи посылаются черезъ довѣренныхъ лицъ. Согласно только что поступившимъ свѣдѣніямъ, таковыми довѣренными лицами являются въ Стокгольмѣ большевикъ Яковъ Фюрстенбергъ, извѣстный болѣе подъ фамиліей Ганецкій, и Парвусъ, д-ръ Гельбаръ, большевикъ прис. пов. Мих. Юр. Козловскій, родственница Ганецкаго Суменсонъ, занимающаяся совмѣстно съ Ганецкимъ спекуляціей, и другіе. Козловскій является главнымъ получателемъ нѣмецкихъ денегъ, переводимыхъ изъ Берлина черезъ „Дисконто-Гезельшафтъ", на Стокгольмъ „Нюа-банкъ", откуда на Сибирскій банкъ въ Петроградѣ. Военной цензурой установленъ непрерывный обмѣнъ телеграммами политическаго и денежнаго характера между германскими агентами и большевистскими лидерами (Стокгольмъ—Петроградъ)".

Опубликованіе этихъ данныхъ, очевидно, отнимало у контръ-развѣдки возможность идти дальше по раскрытымъ слѣдамъ и дѣлало необходимымъ немедленный арестъ Суменсонъ, Козловскаго и другихъ, а также обыскъ въ домѣ Кшесинской. Но до напечатанія разоблаченій произвести эти дѣйствія было невозможно, а по напечатаніи

заграничные сообщники Ленина получили полную возможность замести слѣды. Вотъ почему Некрасовъ и Терещенко, вернувшись въ штабъ и узнавъ о готовящемся разоблаченіи, „подняли бурю негодованія“. Некрасовъ даже „сталъ кричать“ на чиновъ министерства юстиціи, „говоря, что онъ ихъ арестуетъ и считаетъ такое опубликованіе— предательствомъ“ (цитированный выше протоколъ). Кн. Львовъ послѣ того немедленно остановилъ печатаніе сообщенія, уже набраннаго нѣкоторыми газетами. Но оно все таки появилось въ одной уличной петроградской газеткѣ, очень распространенной среди народа, и, какъ мы видѣли, сдѣлало свое дѣло.

Въ Таврическомъ дворцѣ разоблаченіе было передано исполнительному комитету и произвело громадное впечатлѣніе. Зиновьевъ и Козловскій, очевидно, уже узнавши о разоблаченіи, ходили блѣдные и взволнованные. Въ ночномъ засѣданіи комитетовъ большевики сидѣли чрезвычайно смущенные и безмолвствовали. Нерѣшительнымъ голосомъ Луначарскій прочелъ ихъ проектъ резолюціи о передачѣ власти совѣтамъ, и за нее высказалось только 40 человѣкъ противъ 400, голосовавшихъ за резолюцію с.-р. и меньшевиковъ. Этотъ результатъ, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ измѣнившейся картинѣ въ кулуарахъ и кругомъ дворца. Передъ появившимися около 9-ти ч. вечера правительственными войсками, многотысячная вооруженная толпа, плотно окружавшая дворецъ, немедленно разбѣжалась. Ночью пришли измайловцы, семеновцы, литовцы, и, обращаясь къ послѣднимъ, Скобелевъ закончилъ свою рѣчь словами: „когда мы видимъ здѣсь ваши штыки, готовые поддерживать революціонную демократію, мы спокойны за будущее русской революціи.“

Резолюція исполнительныхъ комитетовъ признавала, что уходъ к.-д. „ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться поводомъ для лишенія правительства поддержки революціонной демократіи“ и что онъ „даетъ демократіи основаніе для пересмотра своего отношенія къ организаціи правительственной власти“. Но для такого пересмотра необходимо „собраніе полнаго состава исполнительныхъ комитетовъ... съ представительствомъ съ мѣстъ“, особенно теперь, послѣ „попытки навязать волю меньшинства вооруженнымъ выступленіемъ.“ „Въ виду этого собраніе постановляетъ собрать черезъ двѣ недѣли такое полное собраніе и передать ему „рѣшеніе вопроса объ организаціи новой власти.“ До этого момента „вся полнота власти должна оставаться въ рукахъ теперешняго правительства.“ Только полное собраніе исполнительныхъ комитетовъ можетъ рѣшить и передачу „всей власти въ руки совѣтовъ“, если того захочетъ „революціонная демократія“.

Уладивъ главный вопросъ, собраніе перешло къ обсужденію обвиненій противъ Ленина и др. Тутъ побѣдившее большинство оказалось по прежнему нерѣшительнымъ. Оно, видимо, все еще стояло принципіально на точкѣ зрѣнія „идейной пропаганды“ большевиковъ и, „впредь до окончанія работъ комиссіи (назначенной „по просьбѣ представителей большевистской фракціи“), предлагало воздержаться отъ распространенія позорящихъ обвиненій и выраженія своего отношенія къ нимъ“, „считая всякаго рода выступленія по этому поводу недопустимыми.“ Подъ эту категорію совѣщаніе подвело, очевидно, и „выступленіе министра юстиціи, ибо въ томъ же ночномъ засѣданіи оно разрѣшило правительству принять отставку П. Н. Переверзева, поданную еще недѣлей раньше. Съ своей стороны, большевики усердно принялись обѣлять себя и сводить свою роль въ возстаніи 3—5 іюля къ провозглашенію лозунга „мирной и организованной“ демонстра-

ціи. По молчаливому согласію, вина за провоцированіе возстанія была возложена, какъ за это намекала уже приведенная резолюція, на выходъ к.-д. изъ министерства *).

Даже „День“ утверждалъ, что „кадеты могутъ быть довольны“, ибо „ихъ планъ провоцированія максималистской стихіи Петрограда удался на славу“, и что черезъ „большевистскую диктатуру“ „кадетскіе политики“ расчитываютъ „проложить путь къ конечному торжеству идей партіи народной свободы.“ Конечно, только въ полемическомъ задорѣ могли быть выставлены подобныя обвиненія. Изъ двухъ путей развитія революціи, стихійнаго и сознательнаго, партія народной свободы всегда стояла и боролась за послѣдній. Путь къ „большевистской диктатурѣ“ лежалъ именно черезъ тѣ ошибки и заблужденія утопическаго соціализма, которыя эта партія тщетно пыталась предупредить и разсѣять, выдвигая противъ тактики „углубленія“ революціи свою тактику сохраненія добытыхъ революціей результатовъ путемъ созданія твердой власти.

5-го іюля порядокъ въ Петроградѣ былъ окончательно возстановленъ. Большая часть полковъ, участвовавшая въ наступленіи, принесла штабу повинную и обѣщала впредь выступать на улицу лишь по законнымъ приказамъ. Кронштадтскіе матросы, во главѣ съ Рошалемъ и Раскольниковымъ, захватившіе Петропавловскую крѣпость, освободили ее ночью съ 5-го на 6-ое іюля, послѣ долгихъ переговоровъ съ делегатами совѣтовъ, Каменевымъ, Зиновьевымъ и Либеромъ. Около 10-ти часовъ вечера 5-го іюля пришли изъ Кронштадта три миноносца и, остановившись у Николаевскаго моста, послали въ Таврическій дворецъ требованіе передать всю власть совѣтамъ. Делегаты могли лишь констатировать, что они опоздали и что возстаніе проиграно. То же самое констатировали и анархистскія прокламаціи, разбрасывавшіяся съ автомобилей 5-го іюля: въ нихъ говорилось, что выступленіе солдатъ и рабочихъ 4-го іюля показало силу революціи, но не дало никакихъ практическихъ результатовъ. Для окончательнаго завоеванія власти анархисты предлагали новое выступленіе. Но это предложеніе уже не дѣйствовало. Новыя вѣрныя правительству части войскъ, входили въ теченіе дня и слѣдующей ночи въ столицу. Кое-гдѣ появлявшіеся автомобили съ вооруженными солдатами и штатскими захватывались правительственными патрулями. Петроградъ мало по малу принималъ обычный видъ. Къ вечеру на Невскомъ появились толпы гуляющихъ, заработали кинематографы.

Конецъ возстанія закрѣпилъ крушеніе коалиціоннаго правительства. Но онъ не покончилъ съ кризисомъ власти. Напротивъ, онъ только открылъ этотъ кризисъ съ небывалой до того времени глубиной и серьезностью.

---

*) Къ даннымъ, приведеннымъ въ текстѣ и доказывающимъ совершенно независящую отъ выхода к.-д. подготовку возстанія большевиками, прибавимъ еще любопытный документъ, найденный у солдата, явившагося для захвата типографіи „Новаго Времени.“ „Мандатъ. Симъ уполномачиваются товарищи Гурьевъ, Пахомовъ и Никоновъ отправиться въ Ораніенбаумъ для объявленія постановленія о вооруженномъ выступленіи трехъ баталіоновъ перваго пулеметнаго полка завтра, 3-го іюля, для сверженія временнаго правительства и возстановленія власти совѣта р. и с. д., и чтобы просить товарищей поддержать наши выступленія.“ Такъ формулировалась задача возстанія 2-го іюля; его внѣшнимъ поводомъ было выбрано расформированіе гренадерскаго полка. И на знаменахъ демонстрантовъ 3-го іюля значилось еще традиціонное „Долой десять министровъ—капиталистовъ.“ Только уже 4-го іюля Луначарскій приспособилъ этотъ лозунгъ къ министерскому кризису, провозгласивъ съ балкона дворца Кшесинской низверженіе „шести министровъ-буржуа.“

Цѣна выпуска 15 ру.

ЦѢНА ПО ПОДПИСКѢ

за 4 выпуска 30 руб.

